Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

материалистическая ДИАЛЕКТИКА

часть I

партиздат 1932

Оцифровано: КРД "Рабочий путь"
Сайт: https://work-way.com

пролетарии всех стран, соединяйтесь!

материалистическая ДИАЛЕКТИКА

бригада института философии лока:

А. Айзенберг, К. Егорова, М. Жив, А. Звонов, П. Кучеров, И. Серебров, К. Седиков, Г. Тымянский, В. Ульрих, Б. Чагин, И. Широков, Р. Янковский

Часть I

пособие для комвузов и социально-экономических вузов

под редакцией
И. ШИРОКОВА
и
Р. ЯНКОВСКОГО

1—50 тыс.

партийное издательство
москва 1932 ленинград

Отв. редактор П. Кучеров.
Тех. редактор Е. Женин.

Сдана в набор 8/IX 1932 г.
Формат 109 с/м.
Ленгорлит № 54898.

Партиздат № 957/л.
Тираж 50.000 – 23½ л.

Подписана к печати 26/IX 1932 г.
Тип. зн. в 1 п. л. 40.480.
Заказ № 3488.

2-я типография ОНТИ им. Евгении Соколовой. Ленинград, пр. Кр. Командиров, 29.

ОТ РЕДАКЦИИ

Год тому назад бригадой Института философии ЛОКА был написан учебник по диалектическому материализму для совпартшкол и комвузов. Написанный по горячим следам дискуссии, разоблачившей группу меньшевиствующих идеалистов и их установки, учебник, существляя борьбу на два фронта и считая механистический фронт главным, естественно сделал упор на более развернутую критику извращения материалистической диалектики деборинской группой. Авторы учебника стремились оттенить в изложении всех проблем то новое, что дал Ленин в дальнейшей разработке марксовой диалектики, и таким образом подвести к пониманию ленинского этапа в философии марксизма.

Год работы слушателей совпартшкол, комвузов и даже аспирантуры с этим учебником обнаружил в нем наряду с положительными сторонами много существенных недочетов. Наряду с отдельными неправильными формулировками ряд проблем развернут в учебнике далеко не достаточно, особенно это относится к диалектике количества и качества, теории познания, случайности и необходимости. Попытка дать такое учебное пособие, которое одновременно удовлетворяло бы слушателей и совпартшкол и комвузов, при различной их общеобразовательной и социально-политической подготовке, оказалась обреченной на неудачу: учебник получился слишком трудный для первых и недостаточно высокий по своему теоретическому уровню в отдельных главах — для вторых.

Учитывая все эти недочеты, отмеченные как самим авторским коллективом, так и некоторыми читателями, но к сожалению до сих пор не отмеченные в печати, Институт философии предложил бригаде, в несколько расширенном составе, написать новое учебное пособие для комвузов и социально-экономических вузов, использовав прошлогодний учебник в качестве материала.

Основные установки «Материалистической диалектики» остались те же, что и в «Диалектическом материализме». Однако в разработке этих установок авторы попытались поднять изложение ряда проблем на большую теоретическую высоту, в частности опираясь на коллективный опыт научно-педагогической работы в семинарах и в секциях Института философии ЛОКА за истекший учебный год.

Проводя и в новом пособии борьбу на два фронта, за чистоту материалистической диалектики, за ленинский этап в ее развитии, авторы уделили больше внимания, чем в «Диалектическом материализме», неотъемлемой части этой борьбы — разоблачению вульгаризации материалистической диалектики, «диалектизаторству», механистическому наложению квазидиалектических схем на проблемы частных наук и практической деятельности.

Бригада подходила ко всей своей работе с отчетливым сознанием огромной партийной ответственности, которую налагает на авторов пособия по материалистической диалектике то обстоятельство, что этим пособием будут пользоваться для ее изучения как «руководства к действию» квалифицированные кадры строителей второй пятилетки, подготовляемые в наших комвузах и вузах. Насколько авторам удалось приблизиться к созданию такого пособия — покажут работа с ним в текущем учебном году и отзывы читателей.

Устремив основное внимание на принципиально-правильную разработку проблем, на привлечение к рассмотрению конкретного материала социалистической практики и рабочего движения, авторы недостаточно справились и в «Материалистической диалектике» с решением ряда методических вопросов и прежде всего — с равномерным распределением материала по главам и параграфам. Это — задача, которая должна быть решена во втором издании.

«Материалистическая диалектика» выходит в двух частях.

Работа авторов по первой части распределялась следующим образом: Материализм и идеализм — *Г. Тымянский;* Диалектика как теория познания; практика как основа познания, практика как критерий познания, буржуазная практика и познание, практика пролетариата как основа и критерий материалистической диалектики — *П. Кучеров;* Моменты познания действительности, относительная и абсолютная истина — *К. Егорова;* Единство и борьба противоположностей — *М. Жив;* Диалектика качества и количества — *В. Ульрих;* Отрицание отрицания — *А. Айзенберг.*

Во второй части будут даны следующие главы: Сущность и явление, форма и содержание — *А. Айзенберг;* Взаимодействие и причинность, необходимость и случайность, возможность и действительность — *К. Седиков;* Формальная логика и диалектика — *Р. Янковский;* Борьба на два фронта — *И. Серебров* и *Б. Чагин;* Ленинский этап в материалистической диалектике — *И. Широков;* параграф о партийности философии — *Л. Звонов.*

И. Широков, Р. Янковский.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МАТЕРИАЛИЗМ И ИДЕАЛИЗМ

СУЩНОСТЬ МАТЕРИАЛИЗМА И ИДЕАЛИЗМА

Философия на всем протяжении своей истории является оружием в классовой борьбе. Пролетариат имеет свое мировоззрение, свою марксистско-ленинскую философию, которая является его теоретическим оружием в борьбе за социализм.

В чем же содержание философии пролетариата — диалектического материализма?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим предварительно, в чем заключается основная проблема всякой философии.

Энгельс видит основную проблему философии в отношении мышления и бытия, отношении между нашим сознанием и окружающим нас миром. В самом деле, когда перед нами возникает какой-нибудь практический вопрос, когда мы предпринимаем какое-либо действие, например постройку завода, готовимся к докладу о классовой борьбе на Западе, мы естественно исходим из того положения, что нашим представлениям о материалах, из которых будет построен завод, о массах пролетариев, организующих отпор фашистам, соответствует объективная реальность, существовавшая независимо от этих представлений. Из молчаливого признания этого положения исходит в процессе своего исследования явлений природы большинство естествоиспытателей. Перед естествоиспытателем — ряд явлений: физических, химических, биологических и т. д. Он ставит своей задачей объяснить эти явления, найти их причины, вскрыть их закономерность. Но, осуществляя ряд экспериментов, ученый пользуется своим сознанием, своими чувствами, своим мышлением. Правда, он не

задумывается обычно над вопросом об отношении своего сознания к внешнему миру, но фактически пользуется им как инструментом познания окружающих его явлений. Физик исследует явления электричества, изучает законы движения световых лучей, исследует природу атомного строения вещества и т. п. Химик, биолог, социолог исследуют законы движения ряда областей природы, общества, также обычно не задумываясь над вопросами о сущности сознания, об отношении его к внешнему миру. Их уверенность в том, что сознание отражает внешнюю природу, что последняя существует и может быть познана нашим сознанием, есть выражение их стихийного материализма.

Но такой подход к познанию явлений может быть легко поколеблен идеалистом, который внушит такому ученому сомнение в ценности его научной работы и попытается разрушить его стихийно-материалистическую установку.

В самом деле, скажет идеалист, например современный неокантианец: «А что если основной аппарат, посредством которого ты работаешь, — твое сознание, — принципиально не может дать ответа на поставленные ему вопросы о соответствии твоим представлениям реальных предметов. Ведь недаром крупнейшие мыслители XVII в. начинали философствовать о человеке в мире с выражения сомнения в том, могут ли наши представления являться надежным судьей в вопросе о существовании независимого от сознания мира».

«Ведь ни один исследователь, ни один рабочий, — продолжит он, — не приступит к работе, не проверив своего инструмента, не изучив его, не исследовав его устройства и его пригодности для выполнения определенных операций. А ты рассматриваешь основной инструмент, которым мы все пользуемся в нашей исследовательской работе, да и во всей нашей практике, без которого мы вообще беспомощны, — наше сознание — как нечто простое, само собой понятное и не заслуживающее исследования. Не смеяться презрительно над философией ты должен, а стать самому философом и изучить границы и природу своего сознания. Тогда ты убедишься, что никуда не уйдешь за границы сознания, что и так называемый «реальный объективный предмет» есть не что иное, как твое собственное представление. И тогда твое прежнее убеждение в реальности предметов твоих представлений, в том, что ты познаешь вещи, вне тебя существующие, покажется тебе самому наивной и непродуманной претензией, которая сродни фетишизму дикаря, наделяющего самостоятельным существованием свои собственные фантазии. Будь скромен и точен — вот чему тебя научит настоящая критическая философия. Не выходи за гра-

ницы сознания. Не сотвори себе фетишей в виде внешнего мира».

Мы в дальнейшем увидим, что оценка философии, как критики знания, вне процесса общественного знания и общественной практики, которая якобы и может дать единственно правильный ответ на основную проблему философии — об отношении мышления к бытию, не случайна, что она — результат классовой борьбы, результат заинтересованности в ней господствующих классов общества.

Приведенное рассуждение идеалиста-неокантианца показывает, что для защиты положения о реальности, независимости от сознания внешнего мира и его познаваемости недостаточно убеждения, стихийно порождаемого материальной общественной практикой и практикой научного эксперимента. Основная проблема философии — об отношении мышления к бытию — есть серьезнейшая научная проблема. И решается она не на основе «внутреннего убеждения», а также, как говорил Энгельс, «не парой ловких фраз», а общественной практикой и «путем долгого и медленного развития философии и естествознания».

Господствующие классы почти всегда были заинтересованы в том, чтобы этот вопрос запутать. Особенно ярко это выступает в те периоды, когда на сцену общественной борьбы вступали новые классы, боровшиеся за новый социальный строй. Новые классы и до пролетариата зачастую становились на правильный путь, но недостаточное развитие производительных сил, сам характер развития общественной практики лишал представителей этих классов возможности решить эту основную проблему философии достаточно полно и глубоко.

Когда в XVII и XVIII вв. буржуазия вступила в борьбу с феодалами за власть, представители ее аргументировали неразумностью феодальных учреждений. В своей критике феодализма буржуазные теоретики ссылались на «разум», на науку, на чувства, как на неопровержимое средство познания окружающего мира, в том числе и общества. В противоположность им феодалы заявляли: не верьте разуму, не доверяйтесь своему сознанию, оно вас обманывает. Сознание — продукт дьявола. Все в мире устроено по воле бога. Восставая против феодализма, ты восстаешь против божьего установления».

Но когда буржуазия сама добивалась победы или когда победу приходилось делить с феодалами, философы буржуазии начинали сами урезывать права сознания и устанавливать неизменные границы сознания. Одни приходили к пол-

ному отрицанию материального мира и превращали мир в содержание нашего сознания. Другие философы «ограничивались» признанием непознаваемости внешнего мира для нашего сознания.

Так или иначе, между сознанием и природой воздвигался высокий непроходимый барьер. Буржуазия, когда это ей стало выгодно, стала брать у религии ее аргументы, объявляя, что противоположность сознания и природы на самом деле не имеет принципиального характера. Существует лишь одно сознание, а то, что нам кажется его противоположностью, — мир материальных процессов, протекающих во времени и пространстве, — является продуктом того же сознания.

Уже эти беглые замечания показывают, что сама эта проблема — об отношении мышления и бытия — по-разному ставилась на разных ступенях общественной практики, и решения ее определялись в конечном счете развитием производительных сил общества и соотношением борющихся классов.

Только XIX в., с его мощным развитием техники, бурным ростом классовой борьбы, ярким развитием общественных противоречий, подготовил условия, при которых идеологи нового революционного класса — пролетариата — Маркс и Энгельс смогли вскрыть суть этой проблемы и решить ее. Это решение лежит в основе всего мировоззрения пролетариата. Пролетариату, перестраивающему мир, осуществляющему уже сейчас на одной шестой части земного шара построение социалистического общества, необходима ясность в понимании природы нашего сознания и его отношения к объективному миру. Он рассматривает поэтому как абсолютно чуждую и классово-враждебную всякую попытку обойти или затушевать четкую постановку этой основной проблемы своего революционного мировоззрения. Марксизм — пролетарская идеология — видит в сознании исторический процесс, возникший из общественной практики и развивающийся на ее основе. Сознание — продукт природы на определенной, общественной, ступени ее развития, свойство высокоорганизованной материи.

Решение основного вопроса философии — отношения сознания к внешнему миру — разделяет всех философов на два противоположных лагеря: материалистов и идеалистов. Борьба этих двух лагерей составляет содержание всей истории философии вплоть до наших дней.

Философия прежде всего решает вопрос о том, существует ли сам по себе внешний мир, определяющий наше сознание, или, наоборот, все существующие вещи так или иначе порождаются сознанием.

Первое решение лежит в основании материалистической философии, второе — идеалистической.

«Взять ли за первичную природу, материю, физическое, внешний мир и считать за вторичное — сознание, дух, ощущение (опыт, по распространенной в наше время терминологии), психическое и т. п.—вот тот коренной вопрос, который на деле продолжает разделять философов на два больших лагеря. Источник тысяч и тысяч ошибок и путаницы в этой области состоит именно в том, что за внешностью терминов, дефиниций, схоластических вывертов, словесных ухищрений просматривают эти две основные тенденции» (Ленин).

Современная буржуазная философия всячески пытается запутать этот основной вопрос, пытается доказать, что это деление философии устарело. Делается это буржуазией с целью скрыть свой идеализм и опорочить материализм. Пролетариат поэтому в этом вопросе должен быть особо бдительным.

То и другое решение основной философской проблемы имеет глубокие социальные корни. Люди, живя в обществе, вступают в отношения с окружающей их природой, изменяя последнюю, приспособляя ее к удовлетворению своих интересов.

Делают они это, вступая в отношения с другими людьми, участвуя в общественном процессе производства, обмена, ведя классовую борьбу и т. п. В этой своей общественной практике люди вырабатывают свое сознание. «Способ производства материальной жизни обусловливает собой процесс социальной, политической и духовной жизни вообще. Не сознание определяет их (людей. *Авторы*) бытие, а наоборот — их общественное бытие определяет их сознание» — говорит Маркс в знаменитом предисловии к «Критике политической экономии».

Так общественная практика русской интеллигенции в 60—90-х годах прошлого столетия определяла ее народническую в основном идеологию.

«Падение крепостного права вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля освободительного движения вообще и демократической бесцензурной буржуазной печати в частности. Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество» (Ленин).

Народники утверждали, что история общества зависит от «критически мыслящих личностей». Следовательно народники были идеалистами, так как общественный процесс казался им продуктом сознания и воли отдельных людей.

Этот их взгляд не был произвольной точкой зрения, а определялся всей их социально-классовой практикой. Одиночки,

интеллигенты, они не были связаны с широкими массами, они не видели, что на борьбу с царизмом их толкает не сконструированный ими общественный идеал, а материальные общественные процессы, определившие и само их мировоззрение.

Такими же идеалистами были и западноевропейские утопические социалисты. Суть утопического социализма заключается в том, что он создает произвольную идею общественного строя, в котором нет угнетения, показывает «соответствие этого строя с человеческой природой», с понятием разумно-нравственной жизни и т. д. и этому неизменному идеалу пытается подчинить практическую деятельность людей, не обращая внимания на ее объективную закономерность. «Маркс считал невозможным удовлетвориться таким социализмом» (Ленин). Маркс не ограничивался одной критикой буржуазного общества, а вскрыл закономерность капиталистической общественной формации и «необходимость» эксплоатации при этом строе. Он доказывал «необходимость» его превращения в социалистический. Точно также Маркс в «Немецкой идеологии» порвал с левыми гегельянцами и высмеял их за то, что они считали достаточным для изменения существующего строя совершить революцию в головах, в сознании.

История человеческой практики, история классовой борьбы, история науки все более доказывает правильность материалистической философии. Чем выше развитие общественного производства, чем более развиты формы классовой борьбы, чем глубже научная мысль вскрывает «тайны» природы, тем обоснованнее становится материализм.

Первобытный человек, пользовавшийся простейшими орудиями труда, беспомощный в борьбе с природой, целиком зависимый от сил стихий, в своих попытках мыслить и осознать окружающее вынужден был прибегать к созданным его воображением «духам». Разделение труда, классовое деление общества превратили эти наивные беспомощные попытки объяснения явлений природы и общества в религиозно-идеалистическое мировоззрение. Религия и ее философская основа — идеализм — оказались подходящими орудиями господствующих классов общества, подчиняющими угнетаемые классы не только определенной форме эксплоатации, но и своей идеологии.

Однако в развитии общества, всякий раз когда угнетенным классом или классом, носителем нового способа эксплоатации и потому систематически ущемляемым в своих правах, оказывались классы, заинтересованные в развитии производительных сил и науки, они выдвигали своих идеологов, создававших стройные материалистические системы философии.

Рост производительных сил и накопление научного опыта давали им возможность подвергнуть критике религиозно-идеалистические взгляды, господствовавшие в обществе, и находить научно-материалистическое объяснение действительности. Конечно эти материалистические системы оказывались ограниченными, односторонними, часто наивными, не способными решить, а то и правильно поставить ряд важнейших проблем общественного познания, и потому зачастую открывали дорогу различным идеалистическим системам философии, оniравшимся на всю мощь реакционных классов.

Тем не менее в прогрессивном развитии общества господствовавшим классам никогда не удавалось до конца «убить» материализм. Неоднократно «уничтоженный», повергнутый в прах, преданный анафеме, осмеянный всем «образованным обществом» и «дипломированными лакеями поповщины», он всякий раз снова возрождался и поднимался на высшую ступень. Материализм почти всегда появлялся там, где вставал класс, кровно заинтересованный в развитии производства и науки и в дальнейшем развитии общества.

В свое время, как мы видели выше, материалистически мыслила в лице своих передовых идеологов и буржуазия.

В наше время последовательно материалистичен только революционный пролетариат — могильщик капитализма. В отличие однако от материализма буржуазии, материализм пролетариата является несравненно более последовательным и глубоким. Он носит не метафизический, не механистический, а диалектический характер.

Диалектический материализм утверждает не только объективное существование природы независимо от нашего сознания, но и то, что все явления природы находятся во взаимной связи и развитии. Диалектический материализм учит, что нет вечных явлений, что все вещи изменяются, становятся другими. Каждая вещь развивается через противоречия, постепенно изменяет свои свойства, принимает различные виды, пока не наступает такого момента, когда она скачкообразно превращается в другую вещь.

Каждая вещь диалектическим материализмом рассматривается в движении, в развитии. Диалектический материализм не удовлетворяется поверхностным познанием вещей, их описанием. Он проникает в глубь вещей и стремится познать причины их изменения, те внутренние процессы, которые происходят в вещах и обусловливают все их развитие. Капитализм, например, рассматривается диалектическим материализмом не только как объективно существующий общественный строй, но и как строй преходящий, имеющий определенное

историческое происхождение, развитие и неизбежную гибель в революции, в которой рабочий класс уничтожает капиталистическое общество и строит новый общественный строй — коммунизм.

То, что движет капитализм вперед, что обусловливает его развитие, есть внутреннее противоречие капиталистического общества, противоречие между его производительными силами и производственными отношениями, противоречие между пролетариатом и буржуазией. Чем больше развивается капитализм, тем резче, тем острее, тем непримиримее становится его противоречие, которое в конце концов приводит к скачкообразному, революционному изменению общества, к гибели капитализма и построению социализма.

Диалектический материализм таким образом находит основную причину развития всякой вещи, всякого процесса, в том числе и капитализма, во внутренних противоречиях самого процесса. Среди многочисленных противоречий он ищет то, которое является основным, существенным противоречием, от которого зависят все остальные.

Диалектический материализм есть мировоззрение пролетариата. Он же является и его методологией, его теоретическим оружием в познании мира в его революционном изменении.

Развитие рабочего движения, революция в России, успешное строительство социализма в СССР — все это неопровержимо доказывает истинность марксистско-ленинской философии, являющейся теорией пролетарских масс, все более овладевающих ею. Диалектический материализм все в большей мере становится революционной силой, оружием пролетариата в его борьбе, в его строительстве.

Поэтому против него направляют свои атаки господствующие классы капиталистического общества, пытаясь его сокрушить либо путем непосредственного лобового удара, как это в настоящее время например делают идеологи фашизма, либо посредством более гибких обходных маневров.

В противовес материализму буржуазия проповедует идеализм. Существуют, как мы в дальнейшим увидим, разные виды идеализма, но суть их заключается в том, что все они так или иначе внешний мир считают продуктом духа, сознания.

Идеалист Гегель например считал, что вся история человечества есть выражение развития абсолютного духа. Идеалисты говорят, что все существующее создано идеями, мыслями, что человеческая история тоже результат изменения идей. Идеалисты считают, что если в обществе что-либо изменяется, то это происходит потому, что изменяется сознание. Одним сло-

вом, не бытие определяет сознание, — говорят идеалисты, — а наоборот — сознание определяет бытие.

Народники, как мы видели, были идеалистами, так как считали, что история общества определяется сознанием и волей «критически мыслящих людей». Идеалистами являются например австро-марксисты, искажающие Маркса и приписывающие ему утверждение, будто общество развивается вследствие стремления к нравственному совершенствованию. Идеалистами также являются почти все современные «социологи», видящие суть общества не в производственных отношениях людей, а в их психике, в их чувствах, мыслях, инстинктах и т. п., или утверждающие, что общество есть совокупность психических отношений. Идеалистическими являются например утверждения, что законы природы существуют не объективно, а устанавливаются сознанием людей, или что атом есть только мысленная конструкция людей, или что развитие животного мира определяется заложенным в нем принципом целесообразности и т. д.

Чем же объяснить возникновение идеалистической философии, искажающей действительную картину мира?

Первым условием, которое способствовало возникновению философии идеалистов, было разделение физического и умственного труда. Рост производительных сил общества привел к тому, что в обществе возникло разделение труда, которое в своем дальнейшем развитии привело к выделению людей, занимающихся только умственным трудом. Это в свою очередь вело к тому, что между умственным трудом и трудом физическим постепенно углублялось их противоречие. Но пока производительные силы были слабы, разделение умственного и физического труда не приводило к отрыву одного от другого.

С развитием однако частной собственности и классовой борьбы, с ростом эксплоатации одним классом другого, умственный труд стал привилегией господствующих классов, физический же труд стал уделом классов угнетенных.

Разделение общества на классы, противопоставление интересов отдельных людей и групп интересам общества в целом отразилось в сознании людей в извращенной, фантастической форме.

Отношения между людьми стали сложными, люди почувствовали свою зависимость от общественных отношений, а объяснить эту зависимость, понять ее оказалось невозможным вследствие низкого уровня общественного развития.

Попытки объяснения, осмысливания этого необходимо принимали искаженную фантастическую форму. Причину явле-

ний природы и общественной жизни стали искать в «духе», «высших существах» и т. п.

«Разделение труда, — говорит Маркс, — становится действительным разделением лишь тогда, когда наступает разделение материального и духовного труда. С этого момента сознание может действительно вообразить себе, что оно нечто другое, чем сознание существующей практики. С того момента, как сознание начинает действительно представлять что-нибудь, не представляя чего-нибудь действительного, с этого момента оно оказывается в состоянии освободиться от мира и перейти к образованию «чистой теории», теологии, философии, морали и т. д.».

Идеалистическое мировоззрение, вырастающее из классовых противоречий общества, закрепляется благодаря тому факту, что вся умственная деятельность общества, вся его идеологическая работа находится обычно в руках господствующих классов. Труд умственный и труд физический оказываются разорванными и в общественной практике, притом так, что на поверхности общественных явлений умственный труд представляется господствующим над физическим и определяющим последний.

Корни идеализма лежат в основном в классовой организации общества, в господстве над человеком общественной стихии. Идеализм является, как правило, господствующим мировоззрением антагонистических общественных формаций, так как он выражает интересы господствующих, эксплоататорских классов. Этим объясняется и его живучесть, его проникновение во все области культуры.

Однако идеализм не был бы способен развиваться, углубляться, вести борьбу с материализмом, приобретать псевдонаучную видимость и овладевать умами, если бы он не имел никаких корней в некоторых реальных свойствах нашего познания. «...У поповщины (=философского идеализма) конечно есть гносеологические корни, она не беспочвенна, она есть *пустоцвет*, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного человеческого познания».[1]

Если классовая структура общества является причиной возникновения идеалистической философии, видящей сущность всех процессов природы и общества в духе, сознании, то должно быть нечто в самом нашем сознании, что дает возможность идеологам господствующих классов строить свои идеалистические теории объяснения мира и находить им распро-

[1] «К вопросу о диалектике».

странение и признание и в других слоях общества. Видим же мы многих ученых и философов, которые искренне убеждены в истинности идеализма. Что дает им основание для такого убеждения?

Мы видели, что идеализм приписывает сознанию роль активного начала, роль творческого принципа.

Имеются ли какие-нибудь объективные основания для такого утверждения? Материалистическая философия до Маркса и Энгельса отрицала активную роль сознания. В борьбе с идеализмом материалисты подчеркивали лишь то положение, что сама природа активна и она не нуждается в сознании для своего движения, что сознание, наоборот, является вторичным по отношению к материи и лишь отражает процессы, происходящие в природе. Все эти в основном правильные утверждения материалистов однако не решают проблемы познания в целом, ибо совершенно оставляют в стороне то обстоятельство, что сознание, отражая действительность, отражает ее активно.

В самом деле, сознание — не мертвое зеркало, оно — продукт человеческой практики, оно развивается вместе с практикой, и само является ее моментом. Сознание организует людей, направляет их деятельность. Люди создают планы, по которым работают, их труд целеустремлен. Сознание зависит от практики, но выступает как активный, творческий ее момент. Сознание отдельных людей в классовом обществе ограничено рамками их классовой принадлежности, оно исторически обусловлено, но оно имеет тенденцию выходить за пределы того, что уже полностью развернулось в окружающей их действительности, создавая видимость своего самостоятельного развития. Вот эту-то активность мышления идеалисты подчеркивают в отличие от домарксовского материализма. Но они раздувают эту активность до таких пределов, что мышление оказывается уже не просто активным, хотя и определенным общественной практикой свойством людей, но единственной творческой силой. Сознание часто ими объективируется и выдается за начало всего сущего.

Таким путем идеалисты раздувают определенную сторону, момент нашего познания (в данном случае его активность) до таких пределов, что он превращается в абсолют, в фантастическое средство объяснения всех и всяких явлений.

Наше мышление обладает свойством обобщать, создавать всеобщие понятия. Но если свести к этому свойству все познание в целом, тогда мы неминуемо превратим отражение сторон, черточек действительности во всеобщие принципы и поэтому оторвем познание от действительности.

А тогда открывается путь к идеализму. Если же классовые отношения содействуют движению по этому пути, если господствующие классы заинтересованы в создании таких абсолютных понятий, то идеализм становится неизбежным.

Если мы одну сторону, черточку сознания преувеличим непорпорционально ее объективному значению, то результатом окажется не действительное отражение предмета в нашем сознании, а кривое, фантастическое. Эта одна сторона, черточка вырастет, станет господствующей, заслонит, подчинит другие и превратится в нечто самодовлеющее.

Так, идеализм верно подмечает тот факт, что люди в борьбе с природой пользуются своим свойством мыслить, целесообразно действовать. Однако, не вникая в сущность этого свойства людей, не умея объяснить закономерность сознания и его обусловленность всей общественной практикой, идеализм превращает эту способность людей в самостоятельную силу, независимую от физической организации человека, от всего материального мира, превращает ее в единственно творческий принцип, в бога. Так отражение одной стороны действительности, одной ее черточки, хотя и весьма важной, было раздуто до того, что стало всеобъемлющим, превратилось в фетиш.

Не следует однако думать, что к идеалистическим выводам на основе абсолютизирования отдельных моментов познания может притти только абстрактный философ, размышляющий о «последних основаниях бытия и мышления», и что от него застрахован исследователь конкретной области природы. Такой путь к идеализму возможен и в любой частной науке.

Наука, стремясь установить законы взаимодействия и развития определенной группы явлений, всегда необходимо прибегает к абстракции от ряда деталей единичных явлений, раскрывающихся сознанию в чувственном представлении, чтобы схватить общее, существенное для всей группы. Ряд принципов и законов, полученных в результате такого обогащения прежнего опыта, оказываются отразившими настолько широкие связи действительности, что, основываясь на них, наука, а с ней и практика, овладевает все новыми явлениями. С другой стороны с этими понятиями, принципами, законами так сживаются, что их опытное происхождение забывается буржуазными учеными, оторванными от непосредственной связи с материальной практикой. В результате эти принципы и законы начинают представляться чистым продуктом абстрактного мышления, а их действенность по отношению к явлениям природы — доказательством всесилия и самостоятельности разумного духа и «имманентной разумности», духовности при-

роды, так чудесно соответствующей нашим логическим построениям.

Сидя у себя в кабинете, математик вычислял движение уже известных ранее планет. Не глядя на небо, он доказал, что в определенном месте должна существовать еще одна планета. Астрономы навели свои трубы и подтвердили правильность математического вычисления. Как не удивляться этому соответствию ума и объективных законов природы? Природа разумна, — говорят объективные идеалисты, — мышление и бытие согласованы тем божественным разумом, который создал и природу и человека. А если существует такое «чудесное» соответствие, познание должно исходить не из опыта, а из разума.

Во всей нашей сознательной деятельности мы связываем представления, перерабатываем их согласно законам нашего мышления, проверяя как сами законы, так и наши заключения в общественной практике. Но формы нашего мышления представляют собой итог многих тысяч лет развития общественной практики, а истоки их таятся еще в биологическом приспособлении животных предков человека к объективной действительности.

Поэтому человеческое познание способно не только отражать непосредственное данное в действительности, но, на основе вскрытия внутренних тенденций действительности, при помощи законов познания, отражающих всеобщие связи бытия, познавать еще не освоенные человеческой практикой предметы и их свойства или предвидеть даже еще не существующие явления. Но отражение формами нашего мышления всеобщих законов развития объективного мира неполно и относительно. Действительность всегда богаче общих законов, открываемых в ней познанием, и в ней они находят, через критерий практики, свою абсолютную «модель» и основу своего уточнения и развития. Поэтому всякий отрыв логического мышления и его форм от практики, всякое противопоставление их материальному миру неизбежно ведет в болото идеализма. На таком отрыве теоретического мышления, обладающего якобы независимыми от опыта законами, базируется идеализм в различных областях буржуазной науки — в особенности в математике и теоретической физике.

Математик, сидя у себя в кабинете, делает ряд вычислений, мысль у него движется по законам математических отношений, как бы независимо от практики, а потом оказывается, что результат его вычислений совпадает с действительностью, открывает новые ее стороны, часто объясняет новые явления. Математик поэтому часто склонен рассматривать свои занятия как «самостоятельные», независимые ни от какого опыта и

от внешнего мира. До сего времени среди математиков идет борьба между идеалистами, сторонниками независимости математики от опыта, и теми, кто придерживается правильного мнения, что развитие математики определяется развитием общественной практики. Идеалисты-математики часто в своем обобщении факта некоторой самостоятельности развития математики доходят до того, что они математические отношения вообще считают единственными. Сущностью всей природы для них оказываются числовые отношения. Еще в древней Греции Пифагор обобщил значение числа и видел в мире гармонию чисел, «музыку сфер». В наше время развитие математической мысли привело к созданию геометрий многих измерений. Эти новые математические открытия имеют свое частичное значение для объяснения ряда физических процессов, но идеализм обобщил этот факт и объявил мир таким, как его представляет многомерная геометрия. И здесь одна сторона, одна черточка познания — его способность к абстракции и активность форм мышления — превращается идеализмом в абсолют. Господствующим классам это выгодно, и они охотно поддерживают это становление идеализма из возможности в действительность.

Энгельс следующим образом опровергает эту идеалистическую точку зрения: «Так бывает всегда, когда принимают «сознание», «мышление» совершенно натуралистически за нечто данное, заранее уже противоположное бытию, природе. В этом случае должно конечно казаться удивительным, что сознание и природа, мышление и бытие, законы мышления и законы природы так согласуются между собой. Но если затем спросить, что такое мышление и сознание, откуда они происходят, то оказывается, что они продукты человеческого мозга и что человек сам продукт природы, развивающийся в окружающей среде и вместе с нею; отсюда уже само собой следует, что порождение человеческого мозга, являющегося в последней инстанции тоже продуктом природы, не противоречит, а согласуется со всей остальной природой».[1]

В товарном обществе покупательная способность денег принимает в сознании чудовищные размеры, становится чем-то самодовлеющим, таинственной силой, не связанной с реальными общественными отношениями, породившими деньги, как форму своего выражения. Деньги превращаются в фетиш, в идол, которому поклоняются и приносят жертвы. Они становятся какой-то идеальной силой, дающей одним благополучие, а другим разорение и несчастие.

---

[1] Маркс и Энгельс. Собр. соч., т. XIV, стр. 36.

Юридические законы, правовые нормы, регулирующие важнейшие отношения между людьми в классовом обществе и формально обязательные для всех, идеалистами рассматриваются как самостоятельная сила, стоящая над обществом и определяющая его устройство. Общество изменяется потому, что изменяются его законы — утверждают они.

Из того факта, что в общественной жизни наука играет активную роль, идеалисты делают вывод, что наука является движущей силой общества.

Идеализм таким образом в классовом обществе использует особенность нашего мышления, заключающуюся в том, что мышление не сразу отражает предмет в его полноте, а отвлекается от его целостности, создает абстракции отдельных его сторон. Наше мышление представляет собой живой диалектический процесс познания «с бездной всякого рода подходов, приближения к действительности». Оно содержит в себе *возможность* идеализма. В антагонистическом обществе эта возможность превращается в действительность в идеологии господствующих классов.

Ленин в своем отрывке «К вопросу о диалектике» указывает на все эти корни идеализма, на его связь с религией и в то же время на его особенности, отличающие его от религии. Он протестует против поверхностного рассмотрения идеализма со стороны механистических материалистов, считающих, что незачем изучать его, что достаточно его отбросить «с порога» и тем самым отказывающихся от преодоления идеализма на деле.

Ленин требует изучения идеализма, знания его корней, умения разгромить его в его основании. Он пишет: «Философский идеализм есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического. Наоборот, с точки зрения диалектического материализма философский идеализм есть одностороннее, преувеличенное (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, оторванный от материи, от природы, обожествленный. Идеализм есть поповщина. Но идеализм философский есть (вернее и кроме того) дорога к поповщине через один из оттенков бесконечно-сложного познания (диалектического) человека. Познание человека не есть прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусок этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую прямую линию, которая, если за деревьями не видеть леса, ведет тогда в болото, в поповщину (где ее закрепляет классовый интерес господствующих классов)».

Различным соотношением сил борющихся классов определяются те многочисленные формы и оттенки, которые принимает идеализм в борьбе с материализмом. В некоторых случаях идеализм прямо и непосредственно выступает в виде религии, являясь лишь способом «разумного» ее обоснования. В других случаях идеализм принимает как бы безразличный к религии вид и пытается создать видимость своего обоснования в науке. В классовом обществе идеализм в той или другой форме проникает во все области культуры и в науку, искусство, политику — всюду, ловко, искусно, раздувая, преувеличивая отдельные стороны и черты нашего познания.

Поэтому одним из важнейших участков борьбы рабочего класса за самостоятельность пролетарского движения и его независимость от буржуазных влияний и извращений является борьба диалектического материализма против разных видов идеализма.

А в наши дни, когда классовая борьба на Западе принимает чрезвычайно острые формы, когда в СССР строящий социализм пролетариат уничтожает последний капиталистический класс и самые корни капитализма, эта борьба материализма против идеализма принимает особо резкие и сложные формы во всех областях теории.

Рассмотрим те формы, которые принимает теоретическое оружие буржуазии — идеалистическая философия — в борьбе против марксистско-ленинской философии во всех областях науки.

Прежде всего в наше время бросается в глаза тот тесный союз, который заключили между собой идеалистическая философия и религия. Идеализм, конечно, всегда был связан с религией. Ленин неоднократно говорил о том, что идеализм есть поповщина. Но Ленин же, как мы видели, предупреждал, что не следует полностью отождествлять идеализм с религией. Он показывал, что идеализм есть дорога к религии, есть попытка обосновать религию доводами от разума, стремление найти союз между верой в бога и религиозной организацией с одной стороны и наукой — с другой.

В эпоху расцвета промышленного капитализма идеалистическая философия еще стыдливо скрывала свою общность с религией. В большинстве случаев она утверждала, что естественные науки должны быть свободны от религии, но признавала за религией полную власть в общественных отношениях и в личной жизни людей.

В эпоху загнивания капитализма, обострения всех противоречий его, разрушительных войн и пролетарских революций буржуазия забыла всякие «приличия» и отбросила фиговый

листок, скрывавший союз идеализма с религией. В страхе перед революцией буржуазия громким голосом стала звать на помощь религию. Идеализм и религия выступают в тесном братском союзе.

Дело дошло до того, что во Франции, Германии ряд буржуазных философов прямо говорят, что философии опять следует, как в средние века, стать «служанкой богословия». Философы призывают обратиться к религии, к забытым книгам средневековых монахов. Близость революции, страх перед пролетариатом порождают в сознании буржуазных философов мечты о возврате средневековья, которые на языке философии принимают форму рассуждений о «глубине», «непосредственности», «неиспорченности» средневековой культуры, в отличие от современной. Крупнейшие английские, американские современные буржуазные философы не стыдятся говорить, что их задача не только примирить науку с религией, но полностью подчинить первую второй. Ряд докладов, сделанных на недавнем конгрессе буржуазных философов, свидетельствует о полном закате буржуазной теории. Они обнаруживают неверие в науку, сомнение во всех достижениях человеческой культуры, стремление уйти от мирской суеты под темные своды мистики, в которых не требуется ясности мысли и где можно предаваться мечтам о прошлом. Религиозные таинства католической церкви вновь стали предметом «исследований» философии и привлекают внимание буржуазной интеллигенции. Мистика, спиритизм, столоверченье и тому подобные шарлатанства всерьез исследуются философией. В каталогах по философии западноевропейских библиотек отделы мистики включены в отделы философии.

С религией заключили непосредственный союз ряд философских школ во всех странах капитализма. Религия подчиняет себе в наше время не только буржуазную философию, но и буржуазную науку. Почти вся буржуазная психология, медицина, педагогика, естественные науки пронизаны религиозным духом, не говоря уже о науках общественных, которые религия всегда рассматривала как свою вотчину.

Если буржуазии приходится прибегать к прямой помощи церкви, то и церковь охотно идет в наше время на такой компромисс с наукой и философией, который способен придать основным ее догматам и таинствам импонирующую в наши дни «наукообразность».

Это прекрасно учли руководители религиозных организаций, в особенности папа — глава католической церкви, который стал застрельщиком борьбы с революцией, вдохновителем интервенции против нашего Союза. Католическая церковь

с поразительной ловкостью, гибко приспособляясь к обстановке и условиям, действует на массы. Римский папа несколько лет тому назад в специальной «энциклике» рекомендовал верующим следить за успехами естествознания и в частности физики.

Католическая церковь создала даже свои политические партии не только среди буржуазии, но и среди отсталых слоев пролетариата. Так католическая партия центра в Германии играет в политике страны, как известно, немаловажную роль.

От католицизма не отстают и другие церкви. Во всех буржуазных странах европейского материка мы видим особые социалистические партии, руководители которых ставят своей задачей отвлечь проповедью классового мира и сотрудничества, обоснованной евангельскими текстами, отсталые слои пролетариата от революционной классовой борьбы. Значение религии как идеологического средства, воздействующего на массы крестьянства, мелкой буржуазии, даже отчасти пролетариата в смысле подчинения их идеологии буржуазии, было учтено и современными социал-фашистами. Последние не только признают свободу для членов партии верить в бога, но вступают в официальные отношения с церковью и даже издают свой партийный религиозный орган. Социал-фашисты пошли по стопам буржуазии, полностью отказавшись от материализма Маркса и вступив в открытый союз с церковью для общей борьбы с революцией.

В чем однако заключаются причины такого влияния религии на массы? Где источник того, что религия в наше время все еще способна действовать на сознание масс? Является ли религия только плодом обмана священников и богачей в целях одурманивания масс, как думали просветители XVIII в.? Достаточно ли просто уничтожить церкви, прогнать попов, чтобы тем самым покончить с религией?

Нет. Религия, как и идеализм, имеет глубокие корни в общественных условиях. Чтобы покончить с религией, нужно уничтожить социальные корни религии — классовую структуру общества и порождаемую ею зависимость человека от стихийных сил общественного развития, развернуть на основе социалистической революции быстрое развитие производительных сил общества, которое закончит освобождение человечества от слепой стихии природы.

Одновременно нужно вести антирелигиозную борьбу путем терпеливой, упорной разъяснительной работы среди широких масс, разоблачающей перед ними религиозный обман и социальную роль слуг церкви как агентов капитала.

Корни религии — те же, что и идеалистической философии.

Обе являются идеологическим выражением интересов господствующих эксплоататорских классов.

Корнями религии, создающими условия для «фантастического отражения в головах людей сил, господствующих над ними» (Энгельс), является бессилие, беспомощность перед стихией как природных, так в особенности общественных процессов, неумение победить эти стихии.

В капиталистическом обществе религия продолжает влиять на массы, несмотря на развитие науки и техники, так как сама капиталистическая стихия, подавляющая волю и сознание народных масс, выступает как независящая от людей сила, стоящая и господствующая над ними.

Эта подавленность людей в капиталистическом обществе закрепляется господствующими классами в своих интересах. Богато субсидируемая государством церковь через школу, печать, искусство и литературу превращает это чувство бессилия, вызванное недостаточным развитием производительных сил и стихийным характером экономики, в целое мировоззрение.

В колониях, где трудящиеся подвергаются гнету как со стороны буржуазии империалистических государств, так и со стороны своей собственной буржуазии, агитация церкви особенно сильна, власть миссионеров, церковных слуг капитала, особенно откровенна.

Только пролетариат, разрушая капитализм и стихийность его экономики, борясь за установление коммунистического строя, в котором господствует план, в котором техника и могущество человеческого общества достигнут невиданных размеров, уничтожит религию, ибо исчезнут питающие ее корни— отсталая техника и, главное, классовое угнетение. Прыжок из царства слепой необходимости в царство свободы, осуществляемый в настоящее время пролетариатом СССР, создает все необходимые условия для быстрейшего освобождения масс от «духовного дурмана».

В СССР, стране строящегося социализма, казалось бы не должна была иметь место религия, эта дочь бессилия масс и их эксплоатации господствующими классами. Но социалистический план, осуществляемый массами под руководством коммунистической партии, еще не вошел во все права народного хозяйства, не ликвидирован пока полностью частнохозяйственный сектор и еще некоторое количество крестьянских хозяйств ведут свое хозяйство единолично, индустриализация сельского хозяйства еще не закончена и следовательно не уничтожена еще зависимость его от природной стихии.

Мелкотоварное хозяйство еще является питательной средой,

взращивающей религиозные идеи. Кулачество, уничтожаемое как класс, ведет усиленную религиозную агитацию, всякими способами пытаясь воскресить в массах интерес «к чудесам», к богу и его слугам. Трудности, испытываемые нами в процессе осуществления грандиозного плана реконструкции промышленности и сельского хозяйства, все еще дают возможность враждебным нам классам сеять в неустойчивых группах населения и даже у отдельных малоустойчивых пролетариев прежние чувства бессилия и желания искать утешение в потусторонних, сверхестественных силах.

Однако идущее могучими темпами вперед под руководством партии социалистическое строительство все более лишает религию каких-либо корней в нашей стране. Этому содействует проведение всеобщей грамотности и всеобщего обучения в политехнической школе и широкое развертывание антирелигиозной пропаганды.

Непосредственный союз между идеалистической философией и религией является следствием загнивания капиталистического общества, резкого обострения классовой борьбы во всех областях общественной жизни и на всех участках идеологии. Идеализм ведет борьбу против материализма вообще и в особенности против марксистской философии — диалектического материализма, не стесняясь в выборе средств. Идеализм ведет борьбу против материализма и внутри самой науки. Известно, что каждая наука основывает свои утверждения на каких-то принципах, на общих положениях. Вот к овладению этими-то принципами, этими общими положениями и стремится идеализм, вступая в резкую борьбу как со стихийным материализмом самой науки, так и материалистической философией, дающей единственно научное понимание этих принципов.

На Западе идеализму это весьма часто удается, там идеализм почти полностью господствует в теории науки.

У нас дело обстоит иначе. У нас пролетариат благодаря захвату власти оказался в состоянии создавать свою культуру. Строительство социализма требует от пролетариата напряжения всех его сил для скорейшего овладения достижениями капитализма в области науки и техники. Мало того, пролетариат не удовлетворяется достижениями прошлого, он идет дальше — он стремится научно и технически перегнать Европу и Америку и фактически осуществляет это в ряде областей. Но этими своими достижениями пролетариат обязан, как решающему условию, руководству большевистской партии, основывающемуся на марксистско-ленинской теории. У нас материалистическая философия, овладевающая умами мил-

лионов, ведет непримиримую борьбу против всяких форм идеализма как отечественного, так и импортируемого контрабандой вместе с положительными достижениями буржуазной науки и техники. Поэтому идеализм у нас редко выступает в открытой форме, чаще всего он прикрывается псевдонаучным покровом, часто даже принимает видимость марксизма, скрывая за марксистской фразеологией действительное идеалистическое содержание.

Известно, например, какое огромное значение приобретает исследование электрической энергии в нашей стране, ставящей на повестку дня создание сети высоковольтных передач, охватывающей всю страну, электрификацию всей промышленности, всего транспорта. Изучение электричества есть поэтому одна из важнейших задач в области овладения техникой. Однако основные принципы этого раздела физики порядочно засорены идеалистическими философствованиями. На Западе идеализм, не стесняясь, проповедует духовную, нематериальную сущность электричества. Основываясь на ряде свойств электричества, идеализм там утверждает, что электричество не материально, а представляет собою духовную субстанцию. Эти идеи живы и у нас среди некоторых наших физиков-теоретиков. У нас пытаются ту же мысль выразить не столь резко. Говорят, что сущность электричества непознаваема, что электричество — не материя, а сила, тем самым приписывая силе мистический смысл.

То же относится и к другим областям науки. В биологии например нельзя не обратить внимания на высокую организацию живых тел, на согласованность действий их органов. Это свойство организма есть одна из сторон его, которая требует своего объяснения, своего обоснования. Однако это свойство живых организмов превращается естественниками-идеалистами в основной принцип жизни, в принцип целесообразности, господствующий в биологии, вырастает в целую идеалистическую теорию жизни. Если Дарвин согласованность действий организма объясняет научно, избегая мистики, то у нас находятся биологи, вроде Берга, которые основным свойством организмов считают их целесообразную деятельность. Любому организму приписывается целевая деятельность, а так как ясно, что низшие животные не обладают разумом, чтобы ставить цели для своей деятельности, то вывод остается один, — что организм выполняет цели, поставленные абсолютным духом, богом. Так согласованность строения и функций организма превращается идеалистами в абсолют, и вместо того чтобы быть объясненной, сама вырастает в телеологическую теорию биологии.

Наша непримиримость ко всякому проявлению идеализма, даже казалось бы во второстепенных вопросах, объясняется тем, что в нашей стране, где наука поставлена на непосредственную службу социалистическому строительству, где план, определяющий на годы вперед нашу борьбу и строительство, представляет собою плод гигантской коллективной научной работы под руководством партии, всякое идеалистическое извращение науки означает непосредственную угрозу срыва этого строительства.

Это относится не только к науке, но и в неменьшей мере к литературе и искусству.

Литература и искусство, благодаря своей художественной форме, доступной широким массам, действуют на массы непосредственно и часто убедительнее, чем научная книга.

Л. Н. Толстой в своих произведениях доказывал, что не классовая борьба, а нравственное совершенствование приведет к счастью людей. Он говорил, что людям только стоит захотеть быть добрыми, только отказаться от войны, осознать вред государства, и все общественное зло само собою исчезнет. Мы имеем в его произведениях художественную пропаганду уже известных нам утопических идеалистических теорий.

Тот же призыв к богу, к нравственному совершенству, в другой форме, мы имеем в произведениях Достоевского, в творчестве других идеалистических писателей и поэтов.

Такие поэты, как А. Блок, Андрей Белый и другие, в своем творчестве развивали мистические идеи. Идеалистическая реакционная теория, превращающая патриархальную русскую деревню в идеал общества, высказанная поэтом Есениным в сильной эмоциональной форме, заражала не мало молодежи. Когда Есенин в стихах о советской деревне жалуется: «Вот сдавили за шею деревню каменные руки шоссе», или: «Город, город, ты в схватке жестокой окрестил нас как падаль и мразь» — он говорит языком кулака, враждебного индустриализации. Чуждая пролетариату идеология Есенина, не позволяющая ему понять нашу революцию, заставляет его идеализировать кабацкую, воровскую жизнь. От идеализации кулацкого быта Есенин переходит к теории, отрицающей общество, идеализирующей отдельного индивидуума, признающей смысл существования в разгуле и разврате: «Наша жизнь — простыня да кровать, наша жизнь — поцелуй да в омут».

Связь борьбы материализма с идеализмом с борьбой политической ярко обнаруживается в самом характере политических теорий буржуазии и в политических платформах правых и «левых» уклонистов от генеральной линии нашей партии. Уклон от партийной линии оказывается всегда связан-

ным с уклоном от диалектического материализма либо в идеализм, либо в метафизический материализм.

На идеалистические в основном позиции становится Троцкий, мировоззрение которого носит эклектический характер, представляя собою смесь идеализма с механистическим материализмом. Для Троцкого характерен отрыв теории от практики, признание обусловленности исторического процесса волею людей, т. е. исторический волюнтаризм. Троцкий в объяснении исторических фактов отходит от исторического материализма, впадает в фатализм. Вместо анализа экономики, политических отношений, он, подобно буржуазным «философам», часто говорит о «судьбе», желаемое часто принимает за действительное. Так Троцкий в 1905 г. предлагал перепрыгнуть через этап буржуазно-демократической революции и немедленно волею партии объявить революцию пролетарской. «Без царя, а правительство рабочее» — вот лозунг Троцкого в революцию 1905 г. Тот же идеалистический подход к общественным явлениям мы видим у Троцкого во время заключения Брестского мира, в дискуссии о профсоюзах, где Троцкий точно также исходил не из анализа объективной действительности, а из заранее готовой абстрактной схемы, из субъективной воли форсировать события в определенном направлении.

Его автобиография «Моя жизнь» проникнута идеей собственного величия, революция выступает у него как осуществление его — Троцкого — идей, история часто принимает у него характер борьбы отдельных людей и групп, действующих по личным мотивам.

С другой стороны мы встречаем у Троцкого и пренебрежение теорией, например в военном деле, где он считает марксизм излишним и ненужным. В своих «философских» высказываниях он выступает как механист, обнаруживая непонимание диалектики развития действительности, ее противоречий, приписывая науке механистические принципы.

Материализмом, но не диалектическим, метафизическим, механистическим являются «философские» основы правооппортунистического уклона от генеральной линии партии. Логическими основаниями правого уклона являются схематизм, упрощенчество, проведение аналогии между общественным развитием и движением механических тел, перенесение закономерностей одной общественной формации на другую, отрицание и непонимание диалектики общественной жизни, ее движущих сил, реальных противоречий действительности.

Для объяснения революции например т. Бухарин, теоретик и вождь правого уклона, создал схему, делящую революцию на четыре фазы: идеологическую, политическую, экономиче-

скую и техническую. Эти фазы должны следовать одна за другой и в каждой из них революция принимает различный характер. Бухарин приписал этой схеме значение всеобщего закона всякой революции — и буржуазной и социалистической. Согласно этой теории, этой схеме развития революции эпоха реконструкции нашей промышленности есть конец экономической ее фазы и вступление в техническую. В последней же дело заключается в создании технического базиса нового общества, экономические же противоречия, классовые, в основном должны были быть разрешены в прежних фазах. Нужно ли говорить, что эта схема проходит мимо противоречий действительности классовой борьбы, которая в этот период не только не ослабляется, но даже усиливается.

В основе правооппортунистических выводов т. Бухарина лежит схематизм, попытки навязать жизни и революции законы, не вытекающие из самой действительности, а взятые в конечном счете из «головы».

Ленин в своих заметках по поводу книги т. Бухарина «Экономика переходного периода» подчеркивает методологическую особенность т. Бухарина рассуждать схематически, вообще, удовлетворяться формулой вместо изучения противоречивого содержания процесса, что неизбежно ведет к идеалистическим выводам. Тов. Бухарин является в основном материалистом, но не диалектическим, а механистическим. А механистический материализм, как мы увидим, необходимо ведет к идеалистическим выводам, в особенности в вопросах общественных наук и политики.

МАТЕРИАЛИЗМ XVII И XVIII ВВ.

Борьба между основными классами современного общества находит свое яркое отражение и в философии, в борьбе между материализмом и идеализмом. У нас одна господствующая философия — диалектический материализм, поэтому идеализм в наших условиях приспособляется к ней. Метафизический, механистический материализм является в основном методологией правооппортунистического уклона в партии, представляющего собою на данном этапе развития революции главную опасность для нее.

Механистический материализм в условиях пролетарской революции превратился в теорию стихии, самотека, ставшую обоснованием правого уклона в партии. Отрицанием диалектики, отрицанием развития путем борьбы противоположностей обосновывал лидер правого уклона т. Бухарин отрицание классовой борьбы в деревне, теорию врастания кулака в со-

циализм, ошибочную и вредную теорию «организованного капитализма».

Диалектический материализм — воинствующая философия. В условиях современной классовой борьбы диалектический материализм есть орудие пролетариата, которое необходимо сохранить боеспособным, не испорченным смешением с идеями буржуазно-философских школ. Чистота марксистско-ленинской теории, в том числе диалектического материализма, есть необходимое условие правильной тактики пролетариата, условие его побед и движения вперед по пути к коммунизму. Отсюда — необходимость борьбы не только против религии и откровенного идеализма, не скрывающих своего классового содержания, своей враждебности к делу пролетариата, но и против философских течений, пытающихся выступать от имени марксизма, но на самом деле искажающих марксизм. Необходимо беспощадно бороться против тех философских течений, которые у нас в Союзе представляют собою отступление от марксистско-ленинской философии и своеобразную ревизию последней, т. е. против современного механистического материализма и против той системы ошибок деборинской группы, которая в решении ЦК партии была определена как «скатывающаяся к меньшевиствующему идеализму».

Борьба диалектического материализма с идеализмом и метафизикой принимает в наше время весьма сложные формы. Доводы идеалистов и метафизиков часто основываются якобы на достижениях науки и на истории человеческого познания, доказывающей его правоту. Чтобы ознакомиться с этими доводами, изучить их и вскрыть их несостоятельность, необходимо рассмотреть их истоки в предшествующей философии. Ибо эти доводы не новы и представляют собою обычно лишь пересказ того, что уже было высказано ранее и опровергнуто в истории классовой борьбы и развития науки.

Это относится и к механистическому материализму, основные положения которого были высказаны в блестящей и глубокой форме в XVII и XVIII вв., в том числе французскими материалистами. Современные механисты в основных чертах повторяют эти доводы, только прикрывая их часто диалектической фразой.

Для того чтобы вскрыть теоретические корни современного механицизма, рассмотрим учение механистических материалистов XVII и XVIII вв. и ту борьбу, которую они вели с идеализмом того времени.

XVI и XVII вв. характеризуются тем, что феодальный общественный строй, господствовавший целое тысячелетие в Европе, стал заметно уступать место новому общественному

строю — капитализму. Этот процесс начался уже в XII и XIII вв., но в XVI в. в ряде европейских стран развились значительно города, получила решающее значение международная торговля, стала разлагаться цеховая организация ремесла, появились первые мануфактуры. Класс буржуазии, до того подавленный, почти не игравший никакой роли в политической жизни, почувствовал себя экономически достаточно крепким и делал иногда небезуспешные попытки к овладению политической властью. Феодальные отношения в деревне также подвергались разложению, и среди дворянства появились люди, склонные к критике феодализма, ставшие на сторону буржуазии и новых форм общественной жизни.

Эти крупные сдвиги во всех областях общественной жизни не могли не найти своего отражения и в идеологической сфере, в том числе и в философии. В феодальном обществе идеологически бесконтрольно господствовала церковь. Религиозная идеология была единственной, монопольной царицей человеческих умов. Архитектура, живопись, литература, элементы науки, философия носили религиозный характер. Вся идеология того времени, за редкими исключениями, была полна религиозного содержания. Малейшие отступления от официальной религии, а тем более несогласие с церковью карались жестоко и беспощадно. С началом разложения феодализма, когда стали появляться в более значительном количестве различные «ереси», и светская литература, а также научная мысль стала делать первые свои робкие шаги, церковь создала специальную организацию — инквизицию — для подавления этих первых ростков новой идеологии. Тем не менее рост новых экономических отношений, постепенное усиление буржуазии приводили к тому, что новые идеологические течения пробивались сквозь кордоны инквизиции и получали все большее признание в тогдашнем обществе. Стали развиваться науки, в особенности математика и механика, необходимые для развития ведущих в то время отраслей производства — горного дела, мореплавания, строительного искусства и т. д., а также военного дела. Гелиоцентрическая система Коперника стала постепенно завоевывать признание, вопреки преследованиям церкви. Медицина с открытия Гарвеем кровообращения получила новый базис для развития. Стали подвергаться сомнению и критике учения средневековых авторитетов, основанные на слепом доверии Аристотелю. Появились первые несмелые попытки ревизии церковной идеологии и в философии. Вполне понятно, что эти попытки все еще находились под сильным влиянием религии и, будучи направлены против старых авторитетов, все же носили религиозный

характер. В XVI и XVII вв. новая философия выступала против церкви уже гораздо смелее, появились системы философии, пытавшиеся обобщить новые общественные отношения, новые достижения науки и техники. Однако эти системы носили двойственный характер, ибо в борьбе с официальной религией они часто в той или иной форме опирались на религиозные же предрассудки.

Правда, появились и некоторые смелые мыслители, которые создали материалистические системы и провозгласили атеизм, преподнося его либо открыто, либо большей частью в завуалированной форме различных типов пантеизма. В философии разгорелась борьба между материализмом — наиболее последовательной философией молодой буржуазии — и идеализмом, пытавшимся обосновать истинность религиозного мировоззрения. Материалисты основывали свои воззрения на изучении новых общественных отношений и на достижениях науки, идеалисты же в основном были связаны с феодальными группами и ставили своей задачей либо противопоставление авторитета церкви аргументам от разума и опыта, либо же доказательство согласия между учением церкви и достижениями науки.

Как среди материалистов, так и идеалистов мало было до конца последовательных и бесстрашных мыслителей, так как буржуазия была еще слишком слаба, чтобы выдвинуть значительное число идеологов, способных достаточно последовательно обобщить и выразить ее интересы и стать в открытую оппозицию феодализму и церкви. Но в то же время буржуазия была достаточно сильна, чтобы заставить церковь считаться с собой, а ее достижения в науке были настолько значительны, что философии нельзя было пройти мимо них. Отсюда своеобразные формы борьбы между материализмом и идеализмом, в то время принимавшие иногда характер принципиальных противоречий внутри отдельных философских систем.

Характерной в этом отношении является система философии Декарта (1596—1650), одного из крупнейших мыслителей XVII в., одновременно философа и физика, чьи взгляды продолжают оказывать влияние на научную мысль и в наши дни.

Декарт в одной своей работе — «Рассуждение о методе» — рассказывает, что еще в свои ученические годы, проведенные им в одной из лучших иезуитских школ того времени, где его обучали всем наукам и искусствам, он почувствовал неудовлетворенность схоластическими знаниями своего времени, которые справедливо казались ему недостаточными и неубедительными. Он поставил перед собою задачу найти такие

положения, в истинности которых можно было быть уверенным и исходя из которых можно было бы построить целую систему знаний. Перебрав по очереди все науки и искусства, которые господствовали в то время, он пришел к заключению, что единственной подлинной наукой является математика, так как она исходит из ясных и очевидных идей и из простых положений постепенно идет к все более и более сложным. Декарт сам был математиком и открыл даже новую область в ней — аналитическую геометрию. Исходя из своих идей, он построил свою систему физики, основной идеей которой является тождество материи и протяженности. Он считал, что в природе нет пустоты, что в природе происходят вихревые движения, образующие все тела и определяющие их изменения. В природе все движется; сумма материи и движения неизменны. Движение может различным образом распределяться в природе, но ни одно движение не исчезает совершенно, и ни одно абсолютно новое движение не возникает. Исходя из этой теории, он построил учение об образовании планетных систем, считая, что вихреобразное движение материи вокруг некоторых центров привело к образованию мировых тел. В этой теории он выступил сторонником Коперника и предшественником канто-лапласовской теории образования нашей планетной системы. В своих физических и космогонических учениях он выступал материалистом, так как считал, что законы природы, существующей независимо от человеческого сознания, могут быть познаны человеческим мышлением. Однако характерно, что гнет церкви был тогда еще настолько силен, что Декарт испугался своих теорий и не опубликовал своего произведения «О мире».

Но мировоззрение Декарта было глубоко двойственным. Он вошел в историю познания не только как геометр и физик, но и как философ. Свою в основном материалистическую физику он пытался обосновать идеалистической философией.

Изложение своих философских взглядов он начинает с сомнения во всем и приходит к выводу, что единственно достоверное, в чем наш разум не может сомневаться, — это в существовании мыслящего субъекта.

«Я мыслю, следовательно я существую» — утверждает он. Таким образом единственно достоверное, что он нашел — это мысль. Декарт однако понимал недостаточность такого вывода и благодаря ряду рассуждений приходит к мысли, что совершенно достоверным существом является бог. Исходя из этого положения, а именно из того, что существует бог, который не может быть обманщиком, он пришел к заключению, что существует также внешний мир. Это идеалистическое

обоснование существования внешнего мира привело его философию к внутреннему противоречию. Мир у него оказался разделенным на две принципиально различные, независимые друг от друга, совершенно самостоятельные области — субстанции — мышление и протяженность, которая, как мы уже говорили, отождествлялась им с материей. В мире протяженности — материи господствуют свои законы, механические процессы, вихревые движения, исходя из которых наука должна объяснить все явления. В объяснении их нужно начинать с простого и очевидного, интуивно данного, а потом путем синтеза приходить к открытию более сложных законов природы.

Эти простые и очевидные истины Декарт считал врожденными, полученными не из опыта. Опыт у него играл второстепенную роль. Вследствие этого созданное им направление в философии получило название рационализма (от слова «рацио» — разум, ибо исходным положением знания выступает у него не опыт, а разум).

Этот рационалистический и механистический метод познания Декарт применял не только к неживой природе, но и к органическому миру и к человеку. Животных Декарт считал машинами, и все процессы животной жизни объяснял механистически. Он доказывал это своими исследованиями в области кровообращения и функций нервной системы, где он сделал ряд открытий, в том числе рефлекторного движения. Он был противником витализма, т. е. учения об особых жизненных силах, действующих в организмах. Таким же механистическим материалистом был он в основном и в своей психологии, хотя в последней он все же выделяет область сознания, в которой он становится на идеалистические позиции.

В оценке философии Декарта механисты совершили ряд крупных ошибок. Всех великих механистов в истории философии и естествознания, каким является например Декарт в своих натуралфилософиях и философских учениях, современные механисты превращали в диалектиков, пытаясь опереться на их научный авторитет, для того чтобы упрочить свои позиции в марксистском лагере.

Раннее Декартовское сочинение «О мире», от которого до нас дошли лишь отрывки, и в котором проводится механистическая концепция возникновения вселенной, механисты выдавали за диалектическую теорию развития, так как диалектика для механиста исчерпывается эволюционизмом.

Основные принципы механики, установленные в значительной мере Декартом, принципы, которыми он обосновывает чисто внешнюю *механическую* связь вещей как модусов протя-

женности, механисты выдавали за принципы диалектики только потому, что диалектика также учит о всеобщей связи вещей. Механисты «не приняли во внимание», что диалектическое учение о связи вещей принципиально противоположно механистическому.

Диалектический материализм, полагая единство мира в его материальности, не останавливается на этом, а идет дальше, утверждая всеобщую связь вещей в их противоречивом развитии одной из другой.

Так шаг за шагом механисты превращали Декарта — идеалиста в теории познания и механиста в натурфилософии — в диалектического материалиста.

В системе философии Декарта мы имеем таким образом признание двух независимых друг от друга начал — мышления и протяженности, превращенных им в самостоятельные субстанции. Идеалистическая теория познания — и материалистическая физика, идея бога — и идея материального мира. Вся его философия дуалистична, двойственна. Эта двойственность есть отражение двойственности всей общественной жизни того времени. Благодаря этой двойственности в учении Декарта равно черпали впоследствии идейный материал два противоположных направления рационалистического механицизма — материалистическое и идеалистическое.

Первым наиболее ярким выразителем этого материалистического направления является великий философ XVII в., Бенедикт Спиноза (1632—1677). Спиноза, так же как и Декарт, является рационалистом. Он, так же как Декарт, стремится найти твердое основание для философии. Он ищет этого твердого основания, чтобы, опираясь на него, определить, что является высшим благом для человека.

Спиноза вышел из купеческой среды. Он был более тесно, нежели Декарт, связан с новой буржуазией, более глубоко, чем последний, ощущал все противоречия положения буржуазии в феодальном строе. Но подобно всем идеологам буржуазии XVII и XVIII вв., и перед Спинозой эти противоречия вставали как противоречия личности и общества. Поэтому единственный путь разрешения этих противоречий Спиноза видел в создании новой научной этики, т. е. учения об основах поведения людей, ведущего к счастью.

Другими словами, он ставил перед собой задачу понять общественные, нравственные и политические отношения людей. Свое главное произведение он поэтому назвал «Этикой». Подобно Декарту, он подвергает анализу и критике цели, к которым стремятся люди. Ни в богатствах, ни в почестях, ни в наслаждениях он не видит высшего блага, так как все они

преходящи. Последнее заключается в познании той связи, в которой наш дух находится со всей природой. Ничто не может сравниться с радостью такого познавания. Но для того чтобы достигнуть такого высшего блага, т. е. познания всех явлений, как проявлений, состояний единой и неизменной во всех своих проявлениях субстанции, так сказать, с точки зрения вечности, необходимо изучить пути правильного познания. Спиноза различает познание «смутное», таким он считает опытное познание при посредстве органов чувств; более достоверное — «рассудочное», стремящееся найти путем логического анализа данных опыта общие законы явлений, и наконец — интуитивное, при котором каждое отдельное явление непосредственно выступает в сознании в своей истинной природе, как часть мирового целого.

Последнее — высшее познание, оно дается человеку не сразу, путь к нему труден и длинен, он ведет через ступени опытного и рассудочного познания. Но зато только интуитивное познание непосредственно, ясно и отчетливо. Только на этой высшей ступени открывается человеку мир как целое, как единая субстанция. Понятие субстанции поэтому является для Спинозы интуитивным понятием. Субстанция есть то, что есть в себе, и постигается само через себя, так что ее понятие не нуждается для своего обоснования в понятии какого-либо другого объекта. Субстанция необходимо существует, так как содержит свою причину в себе самой. Эту субстанцию Спиноза называет богом. Однако он имеет в виду не бога религиозных представлений, а природу, под которой он мыслит единство мира, всеобщую связь всего существующего. Его бог — не внешнее миру существо, создавшее природу и человека, а сама природа и ее закономерная связь.

Под природой — субстанцией Спиноза однако имеет в виду не совокупность явлений, процессов и вещей, являющихся предметом нашего чувственного опыта. Последние ограничены, подчинены внешней причинной связи, зависимы от других вещей. Эти явления он называет модусами (состояниями) и их совокупность — произведенной природой (natura naturata), в отличие от субстанции, которая ни от чего не зависит, не имеет ни начала, ни конца, содержит в себе свою причину и называется им «производящей природой» (natura naturans). В отличие от Декарта, Спиноза принимает существование только одной субстанции, так как—говорит он—две субстанции ограничивали бы друг друга, следовательно зависели бы одна от другой, т. е. не были бы самостоятельными, не были бы субстанциями.

Заслуга Спинозы конечно не в этом «доказательстве»,

являющемся по своей форме образцом рационалистической схоластики, какой у Спинозы, сына своего времени, не мало. Историческая заслуга Спинозы заключается в самом факте того, что он преодолел дуализм (двойственность) Декарта и, признав существование одной субстанции, стал на точку зрения монизма, хотя он своего монизма не обосновал, а скорее постулировал. Однако, преодолев картезианский дуализм субстанции своим учением об единой субстанции — природе, Спиноза сам до конца не преодолел противоположности физического мира и мышления, наделив свою субстанцию двумя вечными и всеобщими атрибутами — атрибутом мышления и атрибутом протяженности. Учение Спинозы об атрибутах — трудное. По Спинозе каждый атрибут выражает всю субстанцию, один атрибут не нуждается в выведении из другого атрибута. Сущность субстанции — природы выражается полностью как в атрибуте мышления, так и в атрибуте протяженности; оба они — две стороны природы, правда самостоятельные и независимые. Все «модусы» имеют как бы две стороны и существуют в двух атрибутах. Мышление и протяженность, которую Спиноза, подобно Декарту, отождествляет с физической материей, представляют собою два закономерных ряда, соответствующие один другому. Связь и порядок идей соответствуют связи и порядку вещей—говорит Спиноза. У Спинозы мы не имеем здесь такой принципиальной разорванности мышления и физического мира, как это имело место у Декарта, так как оба ряда — «идей» и «вещей» — у него лишь две стороны единой субстанции — природы.

Спиноза еще более резко, нежели Декарт, защищает механистическое мировоззрение. Весь мир им рассматривается как величайший механизм, в котором все объединено единой связью. Модусы представляют собою лишь раскрытие, развертывание того, что содержится в субстанции. Все причины обусловлены, и нет ничего нового, что не содержалось бы в своей причине. Спиноза распространяет механистический метод и на обоснование этики и политики. В своей «Этике» Спиноза объявляет страсти проявлениями несовершенства человеческого интеллекта. Не плакать и не смеяться, а понимать — таково действительное назначение человека. Путь к высшему благу, к независимости и свободе от страстей Спиноза видит в оценке каждого явления с точки зрения единства связей природы, с точки зрения «вечности». Что содействует этому — то хорошо, а что препятствует — то дурно. Достижение такого идеала возможно конечно при условии, если будут обеспечены внешние средства к существованию. Последнее однако недоступно одному человеку, оно возможно

только в обществе. Общественная жизнь поэтому необходима, и в ней самосохранение, т. е. стремление к достижению личных целей, должно быть соединено с великодушием, т. е. способностью доставлять другим материальную и духовную помощь. Отсюда государство, в котором люди живут, не должно подавлять их индивидуальность, а доставлять условия для развития духовной и материальной деятельности людей. Таким образом Спиноза конструирует свое идеальное общество и государство, исходя из вечной и неизменной природы человеческого индивидуума, как модуса субстанции — природы.

В этой стройной системе философии, выдержанной с точки зрения рационализма и механицизма, буржуазная мысль XVII в. достигла поразительной последовательности. Устами Спинозы передовая мысль буржуазии того времени резко и непримиримо выступила не только против католицизма, но против всякой религии, отрицая самое существование бога. Спиноза формулировал, правда весьма абстрактно и еще под прикрытием религиозной фразеологии, материалистическое мировоззрение; он выразил идеи буржуазной демократии и индивидуализма, которые получили свое полное развитие лишь в XIX в. Этим объясняется то, что спинозизм подвергался в течение почти полутораста лет гонениям, а имя Спинозы стало в устах церковников синонимом материалиста и безбожника.

Материалистическая физика Декарта, владевшая умами тогдашней интеллигенции, материалистическая и атеистическая система Спинозы вызвали реакцию со стороны идеологов, выражавших идеи феодалов и более умеренных кругов буржуазии. Ряд философов поставили своей задачей опровергнуть физическое учение Декарта и философские положения Спинозы. Наиболее яркой и выдающейся фигурой среди них был один из гениальных философов того времени — Лейбниц (1646—1716 гг.). Лейбниц поставил перед собою задачу примерить новые рационалистические и механистические принципы, разработанные Декартом и Спинозой, с учением церковного авторитета — Аристотеля. В отличие от Декарта и Спинозы, Лейбниц всю жизнь провел в придворной обстановке, занимая высшие должности. Наукой и философией он занимался лишь в свободное от службы время. Он, как и Декарт, был великим ученым. В математике ему принадлежит открытие, независимо от Ньютона, диференциального и интегрального исчисления. В физике и психологии он также сделал ряд открытий.

Поставленную перед собою задачу — примирить науку и религию, новую философию с аристотелизмом — он пытался

осуществить вначале путем примирения идеи механической связи явлений мира с идеей телеологии, целеположности явлений.

Как известно, церковь считала, что мир сотворен богом, и следовательно все вещи были созданы «не зря», а имеют какую-то цель. Аристотелевская философия также считала, что вещам присуща внутренняя целесообразность. Философия нового времени, в особенности картезианство (учение Декарта и его последователей), спинозизм, отрицала целеположность вещей, объясняла все с точки зрения причинной связи и видела во всех вещах движущиеся механизмы. Примирить эти две противоположные точки зрения и поставил своей задачей Лейбниц. Для этого он подверг критике учение Декарта о неизменности суммы движения в мире. По Декарту, в заполненном пространстве происходит смена движения и покоя. Что однако вызывает эти движения и их смены? В философии Декарта это не находит своего объяснения. Лейбниц ответил на этот вопрос признанием силы. Сила вызывает движение в одном месте пространства и покой в другом месте. Сила есть то, что делает возможным движение. Сила вызывает изменение одного явления и возникновение другого. Сила предполагает закономерную связь явлений. В отличие от декартовского закона сохранения движения, Лейбниц утверждает закон сохранения силы. Но почему действует сила? На этот вопрос Лейбниц отвечает ссылкой на бога, который направляет движение мира. Если бы не сила, то имел бы место регресс, а это противоречило бы мудрости бога. Итак в основе механического движения тел лежит их целеустремленность в направлении прогресса.

Вторая идея Лейбница заключается в примирении идеи непрерывности природы и ее прерывности. С точки зрения религии мир прерывен и множественен, ибо бог создал множество вещей. Новая философия, в особенности спинозизм, считает мир единым, непрерывным, связанным одной закономерностью. Спиноза признавал существование одной субстанции. Декарт считал материю непрерывной и единой протяженностью. Лейбниц выступает против учения Декарта и Спинозы о непрерывности протяженности, считая их учение о протяженности нереальным. Протяженности, как таковой, нет. Реальны, по Лейбницу, только элементы бытия, обладающие в себе законченным внутренним единством, множество и порядок которых создают феномен протяженности. Беспрерывное пространство не способно к движению, в нем невозможна никакая деятельность. Только элементы бытия, эти внутренние единства, являясь источниками и центрами сил, делают

возможной деятельность. Эти единства Лейбниц считает субстанциями — монадами. Их внешним проявлением и выступает протяженная материя. Каждая монада есть отдельный самостоятельный мирок, имеющий свою закономерность и развивающийся согласно своей внутренней необходимости. Мир же состоит из бесконечного множества таких монад. Все эти монады находятся между собой в соответствии, как бы отражают одна другую, образуют единую гармонию вселенной. Но эта плюралистическая, множественная картина мира однако оказывается до конца невыдержанной, так как все монады в конечном счете объединяются богом, который является их источником. Бог однако по Лейбницу сам является монадой.

Поставленная выше задача представлялась Лейбницу разрешенной тем, что он объединил идею множественности мира в учении о бесчисленности монад с идеей непрерывности состояний внутри каждой монады и непрерывностью переходов от одной монады к другой, примирив таким образом прерывность и непрерывность мира, закономерность явлений мира и их сотворение богом. Это примирение однако, как мы видели, полно внутренних противоречий и не выдержано.

Философия Лейбница пытается опровергнуть материализм. Лейбниц считает, что монады нематериальны. Их сущность может быть определена только по аналогии с нашей душой. Во всех монадах мы должны мыслить нечто, подобное нашим ощущениям, стремлениям, мыслям. Монады таким образом идеальны. Признавая одновременно множественность монад и непрерывность их, Лейбниц приходит к заключению, что между монадами должны быть незаметные маленькие переходы. Природа не делает скачков, в ней существуют бесчисленные ступени душевной жизни, от смутных и потому незаметных, до высших форм самосознания. Сознание таким образом свойственно не только человеку, а всей природе, а если мы не замечаем этого, то только потому, что мы не видим бесконечно-малых величин сознания на низших его ступенях. Лейбниц таким образом является идеалистом, ибо считает абсолютной реальностью психическое, а материальное лишь внешней чувственной формой души. Лейбниц пытался примирить, конечно безуспешно, материализм и идеализм, рассматривая материю как хорошо обоснованную «видимость» психической деятельности. Тем не менее рационалистическая философия Лейбница дала с идеалистических позиций критику ряда противоречий механицизма, хотя и одностороннюю и непоследовательную, так как сам Лейбниц по существу является механистом. Противоречия механицизма были разрешены и преодолены лишь в XIX столетии.

Философия Лейбница получила распространение в Германии, где были еще сильны феодальные отношения и где буржуазия была еще весьма слабой, боялась мечтать о революции и любую вставшую перед ней политическую проблему стремилась решить путем компромисса с господствующими классами. Во Франции, где назревала революция, эта замечательная попытка философского компромисса успеха не имела. Там физика Декарта, философия Спинозы и английский материализм пользовались колоссальным успехом не только у философов, но в широких слоях интеллигенции, у врачей, ученых и даже в салонах передового дворянства.

XVIII век замечателен тем, что в Европе экономически укреплялся и рос капиталистический способ производства. Во Франции капитализм требовал раскрепощения отношений в деревне, требовал политических гарантий для торгово-промышленных городов. Между тем старый феодальный порядок мешал товарообороту, отдавая крестьянина на растерзание помещикам и чиновникам, лишая его способности покупать городские товары. Противоречия между новым классом буржуазии и шедшим за ней полуремесленным пролетариатом и крестьянством и господствующими классами феодализма — аристократами и духовенством — достигли большого напряжения. В воздухе чувствовалась надвигающаяся революционная гроза. В течение нескольких десятков лет, предшествовавших Великой французской революции, буржуазия выделила из себя ряд философов и публицистов, которые с необыкновенным талантом и силой выступили как теоретические борцы за интересы буржуазии. В противоположность идеологам английской буржуазии, успевшей после победоносной революции заключить союз с феодалами и потому склонной и в теории к компромиссам, соглашению с религией, в противоположность также немецкой буржуазии, слабой и трусливой, а потому и в идеологии своей половинчатой, — идеологи французской буржуазии оказались смелыми мыслителями и вели бой с религией и идеалистической философией, не страшась ни властей, ни бога. Наиболее последовательные из французских философов того времени пришли в борьбе с религией к материалистическим выводам и создали замечательные произведения материалистической философии. Последовательность и бесстрашие мысли, политическая заостренность против феодализма и главным образом против церкви, талантливость и часто художественность изложения сделали этих философов популярными не только во Франции, но и за ее пределами.

Французские материалисты XVIII в. в борьбе с религией

основывались на достижениях науки своего времени. Наука же в XVIII в. достигла значительных успехов. Особенное развитие получила наука о движении тел — механика. В математике к этому времени были открыты новые области — аналитическая геометрия, дифференциальное и интегральное исчисления, дававшие орудие для изучения движения тел в пространстве. Большие достижения имелись в физике, в которой при изучении свойств жидкостей, газов, света математика и механика являлись основными орудиями познания. Были достигнуты успехи и в медицине. Многие врачи в это время выступали против полной суеверий и прерассудков старой медицины и старались объяснить все процессы в человеческом организме без помощи «души», управляющей телом, а с помощью той же механики и математики. К этому времени были уже давно открыты телескоп (1609 г.) и микроскоп (1590 г.), чрезвычайно расширившие область явлений природы, доступной непосредственному наблюдению. Был сделан ряд астрономических открытий, укрепивших воззрения гелиоцентризма, рассматривавшего землю не как центр мира, а лишь как одну из планет, вращающихся вокруг солнца; были найдены законы падения тел, законы движения планет, был формулирован Ньютоном всеобщий закон тяготения.

Все эти открытия требовали единства метода, единства мировоззрения, которое можно было бы противопоставить мировоззрению религии. Наиболее последовательное материалистическое мировоззрение для того времени создали французские материалисты XVIII в. Основное положение, которое их всех объединяло, заключалось в том, что природа материальна, что она никем не сотворена и существует вечно. Положению церкви, что материя неподвижна, пассивна и что только при помощи духа она может двигаться, изменяться и принимать формы различных тел, французские материалисты противопоставляли положение, что материя никем не создана и что она всегда движется. Нет материи без движения и нет движения без материи. Они отвергали всякое вмешательство бога в природу, так как бог оказывался для познания природы совершенно лишним и природа могла быть объяснена и без него. В природе господствует строгая причинная закономерность, одно явление необходимо следует из другого. «Вселенная — это обширное соединение всего, что существует; — повсюду представляет нам только материю и движение, — говорит один из них — Гольбах (1723—1789 гг.), — ее целое, выявляет нам лишь бесконечную и непрерывную цепь причин и действий; некоторые из этих причин известны нам, потому что они непосредственно поражают наши чувства; другие нам неиз-

вестны, так как они действуют на нас лишь посредством следствий, весьма удаленных от первых причин».

Отвергая чудеса, вмешательство бога в закономерность природы, признавая, что материальная природа сама в себе содержит источник движения, французские материалисты однако оказались неспособными возвыситься до диалектического понимания материи. Материальная природа у них не развивалась путем внутренних противоречий. Природа мыслилась ими как совокупность бесчисленных материальных элементов, из соединения которых образуются всякие новые вещи. Как действительно возникает новое из противоречий старого, они не знали. Убежденные в том, что механика является единственной точной наукой, они всю природу рассматривали механистически. Но механика изучает движение тел, а не их превращения, она не дает объяснения развития вещей. Вот почему французские материалисты могли возвыситься до понимания необходимой связи материи с движением, но не смогли объяснить сущность самого движения. Движение они рассматривали механистически, не как развитие, а как перемещение тела из одного места в другое.

Это механистическое мировоззрение определило и понимание французскими философами вопроса о происхождении нашего сознания, о роли мышления. Церковь учила, что сознание человека является осколком божественного духа, душой, что благодаря душе человек способен мыслить, и именно этим он отличается от животных. Однако не только у философов, но и у многих ученых, в особенности у врачей, в XVIII в. теория души встречала уже много возражений.

В XVII и XVIII вв. философы-материалисты в Англии признавали, что весь мир подчинен механической причинности и что душа не составляет исключения из этого общего правила. Они объясняли психическую деятельность механической комбинацией ощущений, получаемых органами чувств от материальной природы. Учение английских материалистов легло в основу многих идей французских материалистов XVIII в.

Материалистическое учение Спинозы также проникло во Францию и было усвоено французскими материалистами. Последние, подобно Спинозе, отрицали самостоятельность души и считали, что человек является таким же материальным телом, как и все другие животные и неживые тела. Человек, конечно, отличается от неживых тел, но отличие это, по мнению французских материалистов, сводится к тому, что человек — более сложный и тонкий механизм, нежели другие тела. Ламеттри (1709—1751 гг.) так и назвал свое главное произведение: «Человек — машина». Он писал: «Все функции, ко-

торые я приписал этой машине, естественно происходят от одного расположения ее приемов, не более, не менее того, как движение часов или другого автомата происходит от расположения их винтиков и колес; так что совсем не нужно в этом случае предполагать в ней никакой растительной или чувствительной души, никакой особой причины движения и жизни, кроме крови и ее сил, возбуждаемых теплотой». Дидро, который поднялся до более глубокого рассмотрения отношения души и тела, в некоторых своих работах высказывает ту же мысль, что и Ламеттри. «Мы — инструменты, одаренные чувствительностью и памятью... Разве по-вашему зяблик, соловей, музыкант-человек есть что иное? Видите ли вы это яйцо? Что такое это яйцо? Прежде чем оно оплодотворено — это бесчувственная масса. Каким образом эта масса переходит к другой организации, к чувственности, к жизни? Посредством теплоты. Что производит теплота? Движение. Что такое постепенное действие движения? Вначале есть движущаяся точка, маленькая нить, которая растягивается и сшивается; образующееся мясо, носик, крылья, глаза, появляющиеся когти, желтоватая материя, которая отделяется и производит внутренности, — это животное. Животное движется туда и сюда, кричит, я слышу его крик через скорлупу, оно покрывается пушком, оно видит. Тяжесть его колеблющейся головы беспрестанно наталкивает его носик на стену его темницы; вот стена пробита, оно выползает на свободу, идет, летит, падает, бежит, подходит ближе, жалуется, страдает, любит, стремится и радуется, оно имеет все ваши чувствования, все ваши действия. Между вами и животным разница только в организации».

Однако, отвергая душу как источник сознания, признавая, что человек есть только материальное тело, машина, французские материалисты XVIII в. должны были все же дать объяснение происхождению нашего сознания. Этот вопрос их действительно интересовал, и они на него давали ответ материалистический, но опять-таки механистический и потому в целом неправильный. Им чуждо было представление об истории природы и общества, о том, как в природе один вид изменяется и становится в историческом развитии другим, как исторически возникает человек и как развивается у него в общественной практике сознание. Для всех философов XVIII в., как и предшественников их, сознание человека не развивалось, а было дано вместе с человеком, и требовалось лишь определить неизменный механизм, посредством которого возникали мысли и соединялись в цепи рассуждений. Материалисты и идеалисты спорили и боролись между собой по во-

просу о том, является ли мышление продуктом материи или материя есть порождение духа и возникает из него. Но о том, что сознание — процесс, что оно развивается, что оно не сводится к механическому соединению отдельных мыслей и чувств, — этого не знали ни те ни другие, ибо диалектика была чужда тогда как материалистам, так и идеалистам.

Французские материалисты видели источник познания в воздействии природы на наши чувства. До того, как природа действует на нас, мы не имеем никаких ощущений и никакого сознания. Мы рождаемся, — говорили французские материалисты, повторяя выражение английского философа Локка, — с сознанием, которое подобно чистой доске. Сознание возникает у человека в процессе его жизни, в результате раздражений, получаемых его органами чувств. Чем больше раздражений получают органы чувств, тем богаче, разнообразнее сознание. Ощущения являются теми простейшими элементами сознания, из соединения, комбинации которых образуются представления. В дальнейшей обработке представлений создаются понятия, общие идеи о вещах. Таким образом и в вопросе о сущности и возникновении нашего сознания французские материалисты последовательно проводили свои механистические воззрения.

Однако, правильно считая, что познание наше вызывается воздействием на наши чувства независимо от нас существующей материальной природы, они не поняли исторического характера познания. Они видели в познании нечто пассивное, недеятельное. Человек французских материалистов XVIII в.— это не деятельное, а только чувствующее существо, пассивно воспринимающее раздражения внешнего мира в виде своих ощущений и представлений. Они не понимали, что отражение материального мира в сознании не дается человеку, а приобретается в борьбе, в человеческой практике, во всей истории борьбы общества с природой, в классовой борьбе. Французским материалистам была чужда идея об активности человека, который в историческом процессе общественной практики развивает свое сознание.

Лишенная идеи развития, метафизическая и механистическая философия французских материалистов XVIII в. не могла быть свободной от внутренних противоречий. Последние особенно ярко выступили во взглядах французских материалистов XVIII в. на поведение человека и на общество. Сущность поведения человека, по мнению французских материалистов, заключается в том, что он стремится к удовольствию и избегает неудовольствия. Счастье поэтому заключается в длительном и прочном наслаждении. Каждый чело-

век таким образом — эгоист. Совокупность людей-эгоистов образует общество.

В обществе эгоизм одного человека ограничивается эгоизмом других людей. Следовательно, в обществе человек должен стремиться не только к своему счастью, но и к счастью других. Но для достижения общего счастья необходимы хорошие общественные учреждения.

Итак, для того чтобы люди достигли счастья, необходимо заменить плохие учреждения хорошими. Здесь философия французских материалистов перерастает из учения о морали в политическую программу, в требование изменить феодальный общественный строй. Это требование представляло собою то существенное в философии французских материалистов, что особенно привлекало к их учению внимание буржуазии и волновало всех прогрессивных людей эпохи. В своих общественных взглядах французские материалисты выступали смелыми борцами против феодальных отношений в городе и деревне. Особенную ненависть питали они к церкви, как оплоту феодализма. Учение их стало теорией революции. Их идеи пыталась осуществить в революции французская мелкая буржуазия.

Однако лично французские материалисты не были революционерами. Они не учили революционному насильственному свержению власти, они не призывали к восстанию. На вопрос, как изменить общественные учреждения, они отвечали: нужно изменить нравы и обычаи людей, нужно содействовать просвещению масс, так как от этого зависит политический строй. На вопрос же, как изменить среду, они давали беспомощный ответ, который обнаруживает всю их непоследовательность и метафизичность их мышления. Надежды на изменение феодализма они возлагали не на массы, а на просвещенных абсолютных монархов, от которых они ждали реформ. Здесь сказывалась беспомощность метафизического материализма в разрешении проблемы общественного развития, которая приводила к вере в то, что просвещенный законодатель может изменить общественный строй. Как будто король по отношению к общественным учреждениям действует подобно механику по отношению к машине, отдельные части которой можно воздействием извне переставить и заменить одни другими. Французские материалисты оказывались, благодаря метафизическому характеру своей философии, в своих общественных взглядах в плену у того самого идеализма, против которого они боролись. Ибо идеалистическим является положение, что общественный строй может быть изменен сознанием людей, что «мнения правят миром». Французские мате-

риалисты доказали на своем опыте, что механистический материализм не может быть последовательным, что он неизбежно ведет в объяснении общественных процессов к идеализму.

СОВРЕМЕННЫЙ МЕХАНИСТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Мы видели, что механистический материализм еще в XVIII в., являясь теорией буржуазной революции, приходил в учении об обществе к идеалистическим выводам. Но французский материализм XVIII в. для своего времени был прогрессивной теорией, он обосновывался на достижениях науки того времени, он давал методологическое оружие, которое в то время помогало охватить достижения тогдашнего естествознания в целом и тем самым способствовало его дальнейшему развитию. В наше же время механистический материализм не только не идет впереди естествознания, а плетется позади него, не помогая науке, а тормозя ее рост. Теперь, когда идея развития проникла во все области знания, когда в общественных науках и в естествознании без идеи развития вообще ничего не понять, когда каждое новое научное открытие, например открытие сложного строения атома, вызывает необходимость в пересмотре старых механистических установок и ставит на очередь вопрос о новой, диалектической методологии, — повторение старых механистических принципов XVIII в. является и научно реакционным.

Если в XVIII в. механистический материализм был выражением французской буржуазной революции и знаменем всех прогресивных общественных сил, то в наше время механистический материализм является реакционной философией мелкой буржуазии и кулачества. Механисты пытаются превратить механистический материализм в методологию стратегии и тактики классовой борьбы пролетариата эпохи империализма и пролетарских революций, пытаются вести борьбу с капитализмом, строить социализм при помощи старого, заржавленного теоретического оружия буржуазии в эпоху ее классической революции. Механистический материализм тем самым неизбежно оказывается бессильным привести к пониманию тех диалектических процессов, которые имеют место в нашей стране. Механистический материализм сводит все явления нашей революционной действительности к аналогиям (сравнениям) с пройденными этапами буржуазных революций. В буржуазной революции капиталистическая экономика до определенного момента возрастала в недрах феодализма, и для буржуазии захват политической власти был в известном

смысле завершающим моментом революции. В пролетарской революции социалистические отношения начинают расти после захвата власти, и последний является началом переходного периода, в течение которого социализм упрочивается в борьбе с другими социально-экономическими укладами. В этой борьбе социализм идет против стихии, переделывает мелкотоварное хозяйство, из которого растет капитализм, ведет непримиримую классовую борьбу с капиталистическими элементами. Всякие попытки представить нашу революцию как стихийный процесс автоматического движения к социализму являются механистическим перенесением на закономерности нашей революции закономерностей развития и упрочения капитализма в буржуазных революциях, являются антимарксистской, антиленинской теорией. Но как раз в игнорировании своеобразия процессов, в сведении всех диалектических противоречий общественного развития к количественному увеличению или уменьшению отдельных сторон процесса и заключается суть механистического материализма. Попытку подвести все своеобразие закономерностей природы и общества под одни лишь законы механики совершает в своей книге «Теория исторического материализма» т. Бухарин, который пишет, что биологию можно свести к механике, что противопоставление органического механическому в наши дни бессмысленно. То же говорят и другие механисты. Степанов пишет: «Современная наука неуклонно идет в том же направлении, чтобы истолковать все развертывание мира как развитие относительно простых физических и химических процессов». Аксельрод говорит о том же: «Механическое миропонимание, отвергающее все виды идеализма и теологии и считающее принципиально возможным познать законы природы путем все большего и большего сведения разнообразия качеств к общему материальному началу, было и остается до сих пор основой материализма».

Механистические материалисты считают, что сущность научного познания заключается в том, чтобы все явления природы, явления физические, химические, органические, общественные свести к механическим элементам и их движению. С этой точки зрения идеалом, к сожалению пока недостижимым, объяснения Октябрьской революции было бы свести ее к какому-то чрезвычайно сложному механическому движению атомов материи. Если мы этого не умеем делать, то это происходит, по мнению механистов, потому, что наука еще несовершенна.

Диалектический материализм принципиально расходится

с механистическим в данном вопросе. С точки зрения диалектического материализма объяснить какое-нибудь явление значит не свести его к механистическому движению, а вскрыть его специфическую закономерность, те внутренние противоречия, которые свойственны именно данному конкретному явлению и обусловливают его развитие. Явления физические, химические, общественные и т. п. обладают своей закономерностью, имеют свою специфическую форму движения. Механическая форма движения является самой простой, элементарной формой движения материи. Она содержится во всех формах движения: и в физической, и в химической, и в органической, и в общественной, но и во всех этих формах она является не основной, а побочной. Не она определяет закономерность движения, а та форма, которая является специфической для данного явления.

Стремление свести все к механике у механистов объясняется в основном тем, что они считают законы механики универсальными законами *всякого* движения и развития.

Бухарин самое диалектику отождествляет с механикой, подменяя диалектику знаменитой «теорией равновесия». Он пишет: «Маркс и Энгельс освободили диалектику от ее мистической шелухи в *действии*, т. е. материалистически применяя диалектический метод при исследовании различных областей природы и общества. Речь идет теперь о теоретическо-систематическом изложении этого метода и его, такого же теоретическо-систематического, обоснования. Это и дается теорией равновесия».

Но что такое теория равновесия? Она утверждает, что всякое тело находится в равновесии, подчиняясь воздействию различных, уравновешивающих друг друга механических сил. Если среди сил, действующих на тела, одна бо́льшая, нежели другие, то тело приобретает движение в направлении действия этой силы. Теория равновесия предполагает действие внешних сил на предмет, а не его внутренние противоречия, ведущие вперед. Но ссылка на внешние силы, например при объяснении развития пролетарской революции, привела бы к грубым ошибкам. Либо развитие революции будет поставлено в зависимость от борьбы классов вне нашей страны, и тогда это приведет к троцкизму, к теории перманентной революции, к отрицанию союза пролетариата с основной массой крестьянства. Либо социалистический и капиталистический секторы нашего хозяйства будут рассматриваться как две внешние силы, стремящиеся к равновесию, что приведет к правому оппортунизму. Эта же теория равновесия лежит в основании и других политических ошибок т. Бухарина.

Механистическую ревизию марксистско-ленинской филосо-

фии под флагом марксизма проводили в своих работах целый ряд других философов и естественников, как: Степанов, Варьяш, Тимирязев, Аксельрод и другие.

Механистический метод этих философов ведет их к ошибочному пониманию основного в материализме — учения о материи. Механисты смешивают философское понятие материи с физическим.

Философское понятие материи дает ответ на основной гносеологический (теоретико-познавательный) вопрос: существует ли объективный мир как источник нашего познания?

На это материалисты отвечают: источником наших ощущений является материя, т. е. объективная реальность, существующая вне нашего сознания, независимо от него, и познаваемая в ощущениях. Диалектический материализм утверждает, что материя неоднородна, что она многообразна, движется, обладает формами, конкретна в каждый момент своего развития. Человеческое познание в процессе общественной практики вскрывает на каждой ступени своего развития все более глубоко существенные закономерности материи. На каждом этапе нашей практики знание о материи становится глубже и полнее, но все новые свойства материи, которые наше познание вскрывает в ней, нисколько не меняют того обстоятельства, что она существует вне нас, не зависит от нашего сознания и воздействует на наши чувства.

Еще полтораста лет назад о материи знали весьма мало. Существовали различные гипотезы (научные предположения) об ее сущности, но знали только ее механические закономерности. Спустя несколько десятков лет стали познаваться ее химические свойства — тогда материя вскрыла новые свои закономерности, и знание о ней стало богаче. До последнего почти времени физика под материей мыслила только материю, обладающую весомой массой, но сейчас мы живем в эпоху еще более глубокого проникновения в суть материи. То, что физика и химия еще недавно считали пределом нашего знания о материи, оказывается лишь ступенью в истории науки, в истории человеческой практики. Наука не только подтвердила сейчас атомное строение материи, но сумела проникнуть даже в глубь атома, разложить его и обнаружить, что атом, который считали неделимым, представляет собой сложную систему движущихся электронов, напоминающую солнечную систему. Атом оказался маленьким миром, это — микрокосм, в отличие от астрономического макрокосма.

Наука вскрыла в материи более глубокие закономерности, новые, до того неизвестные свойства и показала относительность ряда свойств, считавшихся ранее неизменными. Это

дало повод многим идеалистам заявить, что материя исчезла, что наука обнаружила несостоятельность материализма. Ясно, что этому могли поверить только те, кто не умел различить вопроса о том, существует ли объективная реальность, воздействующая на наши чувства, от вопроса о конкретном строении материи, об ее законах, о положениях науки на той или другой ступени ее развития. Это неумение различать «философское» понятие материи от естественно-научного следует из механистического мировоззрения многих естественников. Последние готовы то или другое научное утверждение о строении материи рассматривать как вечное и неизменное, не понимая, что оно является лишь ступенью в научном познании, лишь моментом в диалектическом процессе нашей общественной практики.

Наши механисты, не понимающие диалектики, не уяснившие вопроса о возникновении новых качеств из старых, рассматривают материю как неизменную, неразвивающуюся. Тот или другой механист одну из сторон материи берет за основу и превращает ее в неизменный атрибут материи. Один поэтому связывает реальность материи с представлением о неделимом атоме, другой — с волной механического эфира.

Ясно, что наши механисты вопрос о конкретной форме материи смешивают с вопросом о том, существует ли вообще материя объективно, как источник наших ощущений. Всеобщее понятие материи, отражающее все частные ее формы — физическую, органическую, общественную, — они отождествляют с механической моделью одной физической ее формы. Желая во что бы то ни стало все объяснить посредством механики, они оказываются бессильными овладеть противоречиями современной науки и понять диалектическую суть современных научных открытий.

Современные механисты в основном вопросе философии — в объяснении отношения мышления к бытию — не подвинулись ни на шаг в сравнении с решением этого вопроса у французских материалистов XVIII в. Это нашло свое выражение в их трактовке вопроса о происхождении сознания. Отрицая диалектику, не умея объяснить возникновение нового из старого, механисты вынуждены признать, что в мире нет ничего нового, что все, что есть, уже было, и все то, что будет, уже содержалось в материи всегда, вечно. Таким образом и сознание с их точки зрения не возникло, а всегда существовало. Механисты должны признать, что сознание свойственно материи извечно, что им обладают все тела, даже неорганические, правда в столь малых размерах, что мы этого не наблюдаем. И в этом вопросе механистическая методология привела механистов к идеалистическому выводу, к наделению созна-

нием всех живых и неживых вещей. Механисты не понимают, что сознание есть новое, до развития органической жизни не существовавшее свойство материи, возникающее на определенной ступени ее развития, при определенных условиях. Механисты приводят правильные цитаты из Ленина о возникновении сознания в процессе развития неорганической природы, но, отрицая объективность качественного разнообразия материи, они не могут понять Ленина и приписывают ему пошленькую мысль о том, что на определенной ступени развития материи сознание не возникает, а лишь проявляется. В этом отношении наши механисты следуют по стопам Плеханова, который также стоял на точке зрения вечности сознания.

Неумение диалектически мыслить, отождествление науки с механикой, философского понятия материи с естественнонаучным должно было привести механистов к отождествлению философии с естествознанием, т. е. к отрицанию философии. В самом деле, зачем нужна философия как особая наука, если она представляет собой только механистическое мировоззрение. Ее вполне заменяют механика и математика, которые являются, по мнению механистов, всеобщим методом познания. Сведение всех явлений к механике, умение объяснить их математически, найти числовые выражения для всякого явления — вот задача науки. А эту задачу естествознание выполняет без философии, естествознание само для себя философия. Один из механистов — Боричевский — так и формулировал отношение механистов к философии: «наука сама себе философия». Конечно т. Степанов и другие современные механисты (Варьяш, Аксельрод, Сарабьянов) прямо не говорили, что философия не нужна, но, отождествляя философию с выводами современного естествознания, они тем самым сводят философию на-нет.

Между тем еще Энгельс показал, что естествознание без философии слепо, что оно не может обойтись без философии.

Само естествознание не в состоянии создать научную философию. Естествоиспытатель, лишенный философского руководства, работает стихийно и в своих выводах часто попадает в объятия реакционного идеалистического мировоззрения. Многие крупные ученые-естественники, сделавшие ценные открытия в своей области, в своих философских выводах, являются реакционерами и идеалистами.

Самотек и в естествознании вреден. Он ведет к тому, что естествознание попадает под влияние буржуазных идей, приобретает идеалистический, ненаучный характер. Философия пролетариата, впитавшая в себя все положительные итоги

развития общественной практики, в том числе науки, выступает по отношению к естествознанию как его методология.

Механисты, отрицая философию, являются сторонниками самотека, стихийности в науке, не понимают руководящего характера диалектического материализма для естествознания, для классовой борьбы. Растворяя философию в науке, они лишили последнюю теоретического обоснования и руководства и обнаружили свою эмпирическую, крохоборческую сущность. Отрицая значение философии, они стали на путь ревизии марксизма, объективно смыкаясь в области философии с такими оппортунистами, как Бернштейн, Каутский и другие

СУБЪЕКТИВНЫЙ ИДЕАЛИЗМ

В 70-х годах прошлого столетия марксизм стал проникать глубоко в массы пролетариата ряда европейских стран, в особенности Германии. Марксистская теория стала официальной теорией социал-демократии. Овладевая массами, она становилась все более несокрушимой силой.

Этот рост политического значения, которое приобретала марксистская теория, становясь теорией пролетарских масс, совпал с подготовкой эпохи империализма, эпохи монополистического капитала. Буржуазии необходимо было выдвинуть против марксизма свои теории, чтобы помешать объединению пролетариата на основе единой революционной теории.

Роль таких теорий, направленных прежде всего на «уничтожение» марксизма, играли почти все философские системы, создававшиеся в это время в буржуазных странах. Одним из таких философских направлений, выступавшим под видом последнего открытия человеческой мысли, якобы разрешающего на основании достижений науки все «проклятые вопросы» прежних философских систем, явилась философия Маха.

Вот эту-то философию и хотели «соединить» с марксизмом Богданов и ряд русских махистов — Базаров, Юшкевич, Берман и другие.

Прежде всего они занялись таким «углублением» философских основ марксизма, что он под их руками превратился в идеализм. Ссылаясь на критику Марксом старого созерцательного материализма, на его высказывания о действенном, практическом характере революционного мировоззрения, на замечания Маркса о тщете попыток абстрактно-теоретически решить основной вопрос философии, — русские махисты пытались «изъять» Маркса из лагеря философов-материалистов и показать, что он, преодолев «крайности» материализма и идеализма, возвышается над обоими лагерями, как один из пред-

ставителей новой философии, основанной на «чистом» опыте. Они утверждали далее, что материализм и не нужен для обоснования общественного учения Маркса, ибо материализм ненаучен, не основан на опыте, а принимает некритически предпосылку о существовании материальных вещей. Между тем, по мнению махистов, наше познание, получаемое в опыте, не дает нам никаких оснований считать, что «за пределами» сознания, «вне его» существует еще какой-то особый мир, отличный от сознания. Материалисты, признавая, что существует материя вне сознания, — говорили махисты, — допускают следовательно существование вещей вне опыта, которые никогда не могут быть познаны: они следовательно не знают существования внешнего мира, а верят в него, как в какой-то фетиш, идол, какую-то «святую материю», как говорил Базаров.

Вся эта философия пропагандируется их основателями и последователями, как новейшее слово научной мысли, как последнее достижение науки. Однако Ленин в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм», вышедшей в 1908 г., доказал, что все эти «новейшие» взгляды были высказаны еще за 200 лет до махистов английскими философами — Джорджем Беркли и Давидом Юмом.

«Новейшая» философия Маха является лишь одетой в новую терминологию старой философией Беркли и Юма. Махисты пользуются для борьбы с марксизмом в основном тем же оружием, каким пользовался в свое время английский епископ Беркли в борьбе с материализмом.

Англия XVII в. была страной, в которой уже заканчивался бурный процесс разложения феодализма и где буржуазия совершила революцию и добилась значительных политических прав. В промышленном отношении Англия была одной из наиболее развитых стран. Процесс первоначального капиталистического накопления происходил там особенно интенсивно, приводя к выделению масс обезземеленных крестьян, стремившихся в город в поисках работы. В Англии получили развитие мануфактуры, из которых некоторые достигали больших размеров. Внешняя торговля и грабеж колоний были также немаловажными источниками обогащения. Католицизм там давно потерял свою власть, уступив место английской государственной церкви. На основе экономических противоречий различных групп населения, особенно обострившихся в период образования новых классов капиталистического общества, вырастала борьба различных идеологических течений, выразившаяся в особенности в появлении и борьбе множества различных религиозно-сектантских учений, вплоть до свое-

образно-коммунистических. Научная мысль, удовлетворяя потребность новых классов в развитии производительных сил, получила значительное развитие. Что касается философии, то она, как и на континенте, то выражала идеи передовых слоев буржуазии и носила материалистический, антицерковный, даже иногда антирелигиозный характер, то защищала интересы феодалов, которые однако в значительной мере стали зависеть от развития торговли и промышленности, а потому склонны были к компромиссным теориям. Как материализм, так и идеализм в Англии, за некоторыми исключениями, не носили последовательного характера и представляли собою своеобразные системы соглашения между потребностью в развитии науки и желанием сохранить религию. Как в области политики развитие Англии шло к установлению такого государственного строя, в котором буржуазная демократия сосуществовала с пережитками власти феодалов, так и в философии того времени ряд материалистов ухитрялись жить «на два этажа», сочетая с материалистическим в основном решением ряда крупнейших вопросов теории познания веру в бога. Этот компромисс выразился в том, что большинство английских философов того времени исходили из материалистического принципа доверия нашим чувствам как органам познания, из признания опыта основным источником нашего знания, но в то же время они этот принцип так или иначе сочетали с чуждыми материализму идеями. Во всей истории английской философии XVII и XVIII вв. мы видим борьбу между материализмом, развивавшим в последовательно-научном направлении основные принципы опытной философии, и идеализмом, пытавшимся извратить идею опыта, истолковать его в религиозно-идеалистическом духе.

Характерные черты новой английской философии мы обнаруживаем уже в рассуждениях Франциска Бэкона (1561—1626 гг.), жившего еще до революции. Бэкон, этот родоначальник материализма нового времени, уже тогда выразил в основном идеологию буржуазии, провозгласив опыт основным источником нашего познания. Однако уже в этой первой развернутой защите материализма в новое время достаточно ярко выражены те положения, которые впоследствии послужили основанием для создателей идеалистических систем, исходивших из опыта, эмпирии.

Бэкон ставит перед философией практическую задачу — найти правильный метод человеческого познания, ибо знание есть средство для приобретения господства над природой.

Интересы буржуазии, с презрением относившейся к бесплодным схоластическим спорам монахов, звучат в его словах:

«Обязанность физика — побеждать не противника прениями, а природу — действиями». Для того чтобы знание, наука могла содействовать победе людей над природой, она должна— утверждает в согласии с материализмом Бэкон — отражать действительность. То же относится и к философии. «Только та философия истинна, — говорит Бэкон, — которая вернее всего передает голос самого мира и написана как бы под диктовку мира, не прибавляет чего-нибудь собственного, но только повторяет и отражает». Однако наряду с этими материалистическими положениями Бэкон полностью, в духе своего времени, выдвигает в качестве верховной руководительницы людей религию: «Гордость (мудреца) спасительнее и почтеннее других, — пишет Бэкон, — он пытается искусствами и науками упрочить и расширить могущество и власть самого рода человеческого на всю совокупность вещей, чтобы приложением этого могущества и власти управляла затем здравая религия».

Каков однако по Бэкону путь познания? Мы уже говорили, что Бэкон считает исходным моментом познания опыт. Опыт не должен выразиться только в наблюдении, человек в процессе опытного знания должен быть активен—собирать факты, перерабатывать их, постепенно двигаясь от знания фактов к познанию их законов. Этот метод постепенного наведения от частного к общему. или индукцию, Бэкон считает единственно правильным. Он правда говорит и об обратном пути, но не придает ему особого значения. Бэкон предупреждает против преждевременных обобщений. Рассудок не должен торопиться и, точно на крыльях, нестись вперед: его путь должен быть медленным и осторожным, стремиться к достижению «средних» положений, менее общих, которые обычно являются наиболее плодотворными. Уже в этом предпочтении «средних» положений кроется зародыш тех будущих теорий, которые вообще отрицают всеобщие понятия и требуют от науки отказа от причинного объяснения и ограничения одним описанием явления. Характерно, что Бэкон, относясь презрительно к дедукции от общего к частному, отзывался пренебрежительно о математике.

Бэкон в своем учении о материи, пространстве, отношении тела и духа становится на материалистическую почву и решает их в духе древнегреческого материалиста Демокрита, учившего о материальности природы и об атомистическом ее строении. Бэкон отвергает приписывание целей природе, в материальном мире он признает только строгую причинную закономерность. Однако в ряде вопросов, например в своем учении об определенном числе принципиально различных и не пере-

ходящих друг в друга форм материи, Бэкон продолжал стоять на схоластической почве.

Одновременно с материалистическими идеями, являющимися у Бэкона сутью его философии, мы видим у него не только признание религии и подчинение ее правилам, но возвышение веры над разумным познанием. Веру и разум он рассматривает как резко различающиеся истины, считая, что природу мы можем познать разумом, бога же и христианские догмы — верой. Дух человека непознаваем разумом. Впрочем физическая душа, т. е. основа психологии, представляет собою особое тело, которое должно быть исследовано научно.

Недостаточно последовательное проведение материалистических принципов, допущение наряду с материальным миром бога, наряду с наукой религии, получили еще более яркое выражение у другого английского философа той эпохи, в основном эмпирика, — Локка (1632—1704 гг.).

Основной проблемой его философии является вопрос о значимости нашего познания. Локк был воспитан в традициях английской эмпирической философии, он выражал идеологию той группы буржуазии, которая была заинтересована в дальнейших достижениях опытных наук и в победе над остатками средневековой схоластики в самой науке, но не хотела слишком сильного обострения отношений с религией и склонна была поэтому принципиально ограничить значение разума. С этих двойственных позиций Локк и приступил к критике учения Декарта о врожденных идеях, которое лежало в основе рационализма того времени, как для того, чтобы нанести решающий удар рационалистической схоластике, тормозившей развитие опытного знания, так и для того, чтобы обуздать дерзость разума. Локк считает учение о врожденных идеях основанием к лени, к боязни перед трудом, необходимым для того, чтобы отыскать те представления, из которых возникли эти идеи. Локк приводит ряд теоретических и практических идей, которые рационалисты считали врожденными, например логический закон тождества, утверждающий, что «А есть А», невозможность того, чтобы вещь была и не была в то же время, или нравственное правило: каждый должен действовать так, как он желает, чтобы другие действовали по отношению к нему. Он доказывает, что эти идеи вовсе не врождены, так как их нет ни у детей, их не знают отсталые люди. Не может быть, — говорит он, — чтобы они были запечатлены в душе людей и в то же время не были бы им известны.

На самом деле наше знание возникает в опыте. Человек рождается с душой, подобной белой бумаге, которую жизненный опыт затем заполняет знанием. Все содержание нашего

сознания происходит из двух источников: из внешнего опыта и внутреннего опыта. Внешний опыт — это те ощущения, которые возникают у нас в результате физических раздражений наших чувств; внутренний же — это наблюдение нашей внутренней психической деятельности. Рассматривая сущность «внешнего» опытного познания, Локк развивает материалистические положения, утверждая существование внешнего мира, воздействующего на наши органы чувств. Простые представления, возникающие у нас в результате внешнего опыта, Локк делит на два типа — первичные и вторичные качества. В этом делении он идет по следам большинства ученых и философов того времени. Развитие физики, химии и других наук раскрыло людям то обстоятельство, что за нашими ощущениями лежит мир протяженной и движущейся материи. Не умея подойти к вопросу о нашем познании исторически, не зная диалектического взаимоотношения сознания с общественной практикой и действительностью, философы того времени, как впрочем и многие ученые нашего времени, выделяли среди всех качеств качества, свойственные самой природе, как первичные, в отличие от наших представлений, вызываемых первичными качествами, как вторичных. Первичными качествами Локк например считал твердость, протяженность, фигуру, движение. Такие же качества, как например вкус, цвет, звук, запах, рассматривались им не как свойства самих вещей, а как вторичные, субъективные качества. Простые представления возникают у нас пассивно. Они — копии, отпечатки вещей. Но эти простые представления обрабатываются активностью сознания, создающего из них сложные представления, отношения, абстракции. Последние, т. е. общие понятия, являются своего рода образцами, моделями, с которыми мы сравниваем вещи. Мы как бы рассматриваем, подходят ли те или другие вещи к построенным нашим сознанием моделям. Естественно, что такое познание не может изучить сущность вещей. Действительно математика, например геометрия, не изучает сущности вещей, она даже, по Локку, независима от сущности вещей. То же относится и к другим наукам, в том числе — к общественным. Наше познание таким образом, по Локку, оказывается ограниченным, наши понятия не могут проникнуть в суть вещей и являются лишь субъективными моделями. Только для двух понятий — понятия бога и субстанции — Локк делает исключение: представление субстанции дает, по его мнению, знание внешнего предмета.

Философия Локка, как мы видим, двойственна. Его учение о внешнем опыте материалистично, но учение об активности внутреннего опыта, об ограниченности значения общих поня-

тий — идеалистично и является шагом вперед к философии Беркли, полностью исказившего идею об основах нашего опыта и построившего чисто идеалистическую эмпирическую систему философии.

Беркли (1685—1753 гг.) считает, что все вещи, которые мы познаем, являются не чем иным, как комбинацией наших ощущений. Он пишет: «Для всякого, кто обозревает *объекты* человеческого мышления, очевидно, что они представляют из себя либо идеи, действительно воспринимаемые чувствами, либо такие, которые мы получаем, наблюдая эмоции и действия ума, либо наконец идеи, образуемые при помощи памяти и ума... Посредством зрения я составляю идеи о свете и о цветах, об их различных степенях и видах. Посредством осязания я воспринимаю твердое и мягкое, теплое и холодное, движение и сопротивление... Обоняние дает мне запахи; вкус — ощущение вкуса; слух — звука... Так как различные идеи наблюдаются вместе одна с другою, то их обозначают одним именем и считают какой-либо вещью. Например наблюдают соединенными вместе определенный цвет, вкус, запах, форму, консистенцию — признают это за отдельную вещь и обозначают словом *яблоко;* другие собрания идей [1] составляют камень, дерево, книгу и тому подобные чувственные вещи».

Итак, по Беркли, вещи — это ощущения. Поэтому вопрос: существуют ли эти вещи вне нас? — кажется Беркли абсурдным. Само собой разумеется, — заключает он, — что если вещи — это ощущения, то вещи не могут существовать без нашего сознания. Что значит слово «существовать»? «Когда я говорю, что стол, на котором я пишу, существует, то это значит, что я вижу и ощущаю его; и если бы я вышел из этой комнаты, то сказал бы, что стол существует, понимая под этим, что если бы я был в своей комнате, то я мог бы воспринять его...» Беркли кажется совершенно непонятным, как можно говорить о существовании вещей без отношения к тому, что кто-либо их воспринимает. «Существовать — значит быть воспринимаемым» — говорит он. Беркли решительно отрицает утверждение материализма, что наши ощущения вызываются существующей вне нас материальной природой. Он решительно отрицает существование какой-либо материи. Материя для него есть ничто, пустая абстракция. «Вы можете, — смеется Беркли над материалистами, — если так уже вам хочется, употреблять слово „материя“ в том смысле, в каком другие люди употребляют слово „ничто“».

---

[1] У Беркли, как у Локка, Юма и других английских эмпириков, под словом «идея» разумеется часто не понятие, а представление, обраа.

Итак, по Беркли, существуют одни только субъективные ощущения, одни только единичные восприятия. Весь мир материальных вещей — лишь создание ума или духа человека. Беркли выступает перед нами здесь как *субъективный идеалист*, ибо считает, что все существующее зависит от субъекта, от восприятия «человека», индивидуального сознания.

Цель, которую поставил перед собою Беркли, заключалась в том, чтобы разбить материализм, доказать несостоятельность атеизма.

«На основе учения о материи или о телесной субстанции,— говорит он, — воздвигнуты были все безбожные построения атеизма и отрицания религии... Все чудовищные системы атеистов зависят от материи. Если удалить этот краеугольный камень атеизма, то развалится все его здание». Беркли таким образом откровенно выразил задачу, которую ставила перед собою его философия. При осуществлении ее Беркли однако впал в глубокие противоречия. Считая, что материя нереальна, что она — только общее понятие, он должен был сказать, что и бог нереален, так как он тоже не дан в ощущениях, а представляет собою общее понятие. Действительно неожиданный вывод для философа Беркли, защищавшего от материализма интересы бога и религии. Конечно не приходится сомневаться в том, что Беркли этого вывода сам не сделал и, вопреки последовательности своей философии, признал бога. Он с присущей ему откровенностью и прямотой ставит коренной вопрос, по которому он расходится с материалистами. «Я утверждаю, так же как и вы (материалисты), что раз на нас оказывает действие нечто извне, то мы должны допустить существование сил, находящихся вне (нас), сил, принадлежащих существу, отличному от нас. Но здесь мы расходимся по вопросу о том, какого рода это существо. Я утверждаю, что это — дух, вы — что это материя... »

Философия Беркли, при последовательном ее развитии, ведет к абсурдным выводам. В самом деле, если все существует только поскольку оно воспринимается индивидуальным сознанием, то без этого сознания перестает существовать мир. Если все существует постольку, поскольку оно воспринимается моим сознанием, значит до меня не было природы и после меня ее не будет. Мало того. Не существует и других людей, которых надо предохранить от тлетворного влияния материализма, нет и непрерывности существования вещей. Абсурдность этого вывода очевидна. Конечно Беркли не сделал и этого вывода, как не сделал вывода об отсутствии бога.

Бог был спасен его постулированием, вопреки основной концепции Беркли. А бог «спас» мир природы и людей, так как

и природа и люди оказались представлениями не индивидуального, а божественного сознания.

Если Беркли прямо отрицает существование материального мира вне наших ощущений, отрицает существование материи вне духа, то другой английский философ одной с ним эпохи— Давид Юм (1711—1766 гг.) высказывает те же идеалистические идеи, подкрепляя критику материализма новыми «доводами». Исходя из тех же позиций, из которых исходит и Беркли, Юм подвергает сомнению все выводы науки, основанные на признании существования материального мира и объективной причинной связи. Юм понимает, что наука не может обойтись без таких понятий, как материя, пространство, время, причинность и т. п., что доказательства науки, ее открытия основаны на признании существования материи и причинной связи вещей. Если поколебать уверенность в существовании причинной связи в мире, то все здание науки начнет колебаться, зашатается та почва, на которой наука стоит. Вот это-то сомнение в существовании материи, пространства, причинности и пытался вселить в своих читателей Юм. Вот почему его философия и называется скептической.

Юм считает, что в нашем опыте мы получаем только ощущения, из которых создаются представления вещей. Эти представления вступают в связь между собою, создают такие понятия, как пространство, как связь между причинами и действиями. Но существуют ли в самом деле реальные вещи за этими понятиями? Конечно, если верить опыту, то последний говорит о существовании внешнего мира, но как можно верить опыту, если последний только и состоит из ощущений и представлений? Ведь вопрос-то и заключается в том, чтобы выяснить, возможно ли из ощущений, получаемых в опыте, заключить, что существует материя и причинная связь. Что дает опыт? Опыт, по Юму, может например дать нам представление о молнии, но может ли опыт дать нам знание о причине молнии, об ее закономерности? Мы видим, что камень падает, но может ли опыт дать нам знание о причине падения камня? Конечно нет — говорит Юм. Опыт может дать нам знание только о том, что одно явление следует за другим, но внутреннюю связь между этими явлениями, причинную связь, он дать не в состоянии. Значит нет причинной связи между явлениями? Этого Юм не говорит, — это значило бы резко отрицать науку. Юм собирается только вселить сомнение в значение науки. Он признает, что наука не может обойтись без причинной связи. Однако не нужно думать, что эта причинная связь есть нечто реальное, существующее объективно, независимо от нас. Она — не что иное, как наша привычка, наш инстинкт. Мы

привыкли связывать обычно повторяющиеся в одной и той же связи события так, что за одним из них ждем наступления другого. Только это мы и можем утверждать, называя первое причиной второго. Однако причины объективно нет. Она только порождение нашей психики. Наша вера в существование пространства и причинности, с точки зрения Юма, имеет чисто психологическое обоснование.

Идеи Беркли и Юма, как уже было указано, возродились в конце XIX и начале XX в. Если философия Беркли и Юма выросла как оружие против механистического, метафизического материализма, как теория буржуазии, заключавшей союз с феодализмом, то философия субъективных идеалистов нашего времени является теоретическим оружием против идеологии пролетариата. Своим кокетничанием с наукой, попытками якобы беспристрастно обосновать положения науки принципами, свободными от всякой предвзятости, основанными только на опыте, современный махизм привлекает к себе мелкобуржуазных идеологов. Последние охотно воспринимают якобы «деловитость», «простоту» махистской философии, незаметно для себя оказываются в ловушке, ведущей к агностицизму, т. е. признанию невозможности познания объективного мира. В эту ловушку в эпоху реакции после революции 1905 г. и попал Богданов, в прошлом большевик и механистический материалист. Оказавшись под сильным влиянием Маха и Авенариуса, он изменяет материализму и становится на позиции субъективного идеализма. И по Богданову, все что мы знаем, мы знаем только в опыте и выйти за границы его не можем. Богданов ведет откровенную борьбу с материализмом и считает, что «новейшая» философия Маха совершенно опровергает такие «устарелые» утверждения, как признание объективной, независимой от сознания материи. Мах и его последователи, в том числе и Богданов, считают, что естествознание не дает основания для утверждения о существовании материи. В исследовании природы, — говорят они, — мы имеем дело только с ощущениями и их связью, и вне этих ощущений никакой материи нет. «Мах открыл элементы мира, — говорит Ленин, — красное, зеленое, твердое, мягкое, громкое, длинное и т. п. Мы спрашиваем: дана ли человеку, когда он видит красное, ощущает твердое, и т. п., объективная реальность или нет? Этот старый-престарый вопрос запутан Махом. Если не дана, то вы неизбежно скатываетесь вместе с Махом в субъективизм и агностицизм. Если дана, то нужно философское понятие для этой объективной реальности, и это понятие давно, очень давно выработано, это понятие и есть *материя*. Материя есть философская категория для обозначения объективной реаль-

ности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них. Поэтому говорить о том, что такое понятие может «устареть», есть младенческий лепет, есть бессмысленное повторение доводов *реакционной* философии».

Ставя перед собой задачу преодолеть материализм, господствующий в естествознании, Мах высокомерно заявляет, что спор между материализмом и идеализмом вообще устарел, что оба эти направления выходят за пределы наших ощущений, так как признают существование чего-то, лежащего вне процесса познания. По мнению Маха, нужно исходить только из «элементов» опыта. Это словечко «элемент» показалось многим наивным «философам» новым открытием, чем-то решающим давний спор между материализмом и идеализмом. Однако Ленин показал с исчерпывающей ясностью, что основной вопрос философии, разделяющий философов на два лагеря, нисколько не снят Махом. «Элемент» Маха есть то же ощущение. Говоря, что все существующее представляет собою «комплекс элементов», Мах признает то, что двести лет до него говорил Беркли. Разделение физического от психического у Маха условно, так как физическое есть то же психическое, только «отнесенное» не к субъекту, а рассмотренное с точки зрения отношений «элементов» друг к другу. Другими словами, то, что Мах называет физическим, есть то же ощущение. Идея неразрывной связи физического и психического была высказана и «обоснована» философом Авенариусом, на которого Мах ссылается. Авенариус создал теорию «принципиальной координации». «Суть этого учения — положение *о неразрывной координации* (т. е. в относительной связи) *нашего Я и среды*». Другими словами, в этой теории Авенариус утверждает, что Я — наше сознание — и среда всегда связаны между собою так, что ни одна вещь не выступает иначе, как «вместе с сознанием этой вещи или через сознание ее». Вся эта теория, как видим, никакого преодоления материализма в себе не содержит. Утверждая, что субъект не может выйти за пределы собственных представлений, что все объекты даны только вместе с сознанием о них, Мах является идеалистом. Мах полагает, что он избег «односторонности» материализма и идеализма, но на самом деле проповедует субъективный идеализм.

Мах и махисты часто похваляются тем, что продолжают в науке развитие наивно-реалистического отношения к миру первобытного человека и ребенка, не испорченных философской схоластикой, для которых нет никакой коллизии между

миром и сознанием. Но в действительности Мах лишь сознательно запутывает четкую постановку основного вопроса философии.

Эту путаницу Маха вскрывает Ленин. «Ссылка на наивный реализм, якобы защищаемый подобной философией, есть *софизм* самого дешевого свойства. «Наивный реализм» всякого здорового человека, не побывавшего в сумасшедшем доме или в науке у философов-идеалистов, состоит в том, что вещи, среда, мир существуют *независимо* от нашего ощущения, от нашего сознания, от нашего Я и от человека вообще. Тот самый опыт (не в махистском, а в человеческом смысле слова), который создал в нас непреклонное убеждение, что существуют *независимо* от нас другие люди, а не простые комплексы моих ощущений высокого, низкого, желтого, твердого и т. д., — этот самый *опыт* создает наше убеждение в том, что вещи, мир, среда существуют независимо от нас. Наши ощущения, наше сознание есть лишь *образ* внешнего мира, и понятно само собою, что отображение не может существовать без отображаемого, но отображаемое существует независимо от отображающего». Мах вынужден путать, как вынужден путать всякий субъективный идеалист, боящийся сделать последовательные выводы из своей философии, выводы солипсизма о том, что весь мир существует только в моей голове. «Проделка со словом «элемент», — говорит Ленин, — есть самый жалкий софизм... Либо элемент есть ощущение, как говорят все эмпириокритики — Мах, Авенариус, и т. д., — тогда ваша философия, господа, есть *идеализм*, тщетно пытающийся прикрыть наготу солипсизма нарядом более «объективной терминологии». Либо «элемент» не есть ощущение — и тогда с вашим «новым» словечком не связано *ровно никакой мысли*, тогда это просто важничанье пустышкой».

Вот за эту-то пустышку ухватился Богданов. Она-то смутила и ряд других якобы марксистов, которые стали на позиции Маха. Богданов однако не хочет просто пересказывать Маха. Ведь он не просто махист, а философ, «пополняющий» Маркса Махом. Богданов поэтому пытается дать свою теорию различия физического и психического. Он согласен с Махом, что физическое и психическое — те же ощущения. Он также отбрасывает «метафизическое» понимание физического как материального. Но Мах под физическим пытается представить объективизацию ощущений индивидуального субъекта. Богданов же, осуществляя якобы марксистский общественно-исторический подход к проблеме, утверждает, что физическим, объективным является общественная практика, под которой он понимает общественное, коллективное сознание. Итак, наше

сознание — элементы опыта — не представляет само по себе ни психическое, ни физическое, ни субъективное, ни объективное. Если элементы опыта выступают в индивидуальном сознании, то они имеют лишь субъективное значение, они — психическое; если же они выступают и согласованы в сознании многих людей, коллектива, то они — физическое. Под физическим следовательно Богданов понимает не то, что существует независимо от нас, вне нашего сознания, а то же сознание, те же «комплексы ощущений», но только в том случае, если они имеют место не в сознании одного человека, а в сознании целого коллектива.

Физическое есть то же, что сознание коллектива или, как выражается Богданов, «организующая форма человеческого общества». Это свое «физическое» Богданов выдает за объективное.

«Объективный характер физического мира заключается в том, что он существует не для меня лично, а для всех, и для всех имеет определенное значение, по моему убеждению такое же, как и для меня», — говорит Богданов. Объективность физического ряда — это его общезначимость. Но общезначимость — это один из доводов в пользу существования бога, леших и т. п., который и по сей день в ходу как среди отсталых религиозных и суеверных слоев, так и в иной форме — у церковных «теоретиков» «Как же нет бога, если «все» в него верят?» Согласится ли Богданов признать на основании общезначимости существование всяких религиозных химер? Богданов вынужден признать абсурдность такого вывода и пытается доказать, что леший не существует объективно, так как он не включен в социально-организованный или объективный опыт, в научный опыт. Но почему его не включить, если он общезначим, если его признают крестьяне, которые составляют большинство населения мира, почему не включить в объективный опыт басни католической церкви, если они кое-где еще сейчас «общезначимы»? Ведь Богданов не в состоянии указать отличие научного опыта от религиозного «опыта». Богданов, несмотря на желание бороться с религией, широко открывает ей дверь, ибо его идеалистическое учение об объективности истины, как ее общезначимости, ведет к признанию объективности героев религиозных сказок и легенд.

Если природа независимо от сознания — как индивидуального, так и «общественно-организованного» — не существует, то вполне понятно, что наука имеет ограниченную задачу. Она не должна объяснять, почему имеют место те или другие явления, не должна вскрывать их внутреннюю объективную закономерность, а только описать, рассказать, как можно проще

и удобнее для нас, как эти процессы протекают в нашем «опыте».

Отсюда вытекает методологическая установка всей философии Маха и Богданова, сводящаяся к так называемому «принципу экономии мышления». Согласно этому принципу наука стремится не к объяснению сущности вещей, а к описанию их наиболее экономным путем, т. е. с наименьшей затратой энергии мышления. «В действительности же, — говорит Мах, — в течение короткого времени одной человеческой жизни и в виду ограниченной памяти человека более или менее значительное знание достижимо только при величайшей экономии мысли. Поэтому сама наука может рассматриваться как задача на минимум, состоящая в том, чтобы возможно полнее изобразить факты с наименьшей затратой работы мышления». Мы в процессе описания фактов создаем общие понятия, но они не отражают действительной связи объективно существующих вещей, а являются лишь вспомогательными представлениями для описания, придуманными с целью экономии мышления. «Как бы атомные теории, — писал Мах, — ни были пригодны для того, чтобы изобразить ряд фактов, естествоиспытатель, который блюдет правила философствования Ньютона,[1] будет рассматривать эти теории только как вспомогательное средство временного характера и будет стремиться к замене их каким-либо более естественным воззрением. Атомная теория имеет в физике подобную же функцию, какую имеют известные математические вспомогательные представления: она есть математическая *модель* для изображения фактов». Принцип экономии мышления таким образом носит ярко выраженный субъективный характер, он не отражает действительности, а является лишь субъективным средством описания. Принцип экономии мышления исходит не из того, что существует, а из того, что экономнее всего положить в основу построения системы мыслей, согласованных между собой. Его идеалистическая субъективистская сущность не вызывает сомнения. Именно принципом экономии мышления Авенариус обосновывает свою теорию «элементов».

С точки зрения махистов, в том числе и Богданова, экономнее мыслить мир как совокупность субъективных ощущений — элементов, нежели признавать объективное существование природы, отражаемой нашим сознанием. В то время как

[1] Мах имеет здесь в виду знаменитое эмпирическое положение Ньютона: «Я не измышляю гипотез». Направленное самим Ньютоном непосредственно против скороспелых рационалистических дедукций, оно широко использовалось в истории науки позитивистами для борьбы с научной теорией.

марксизм утверждает, что критерием истины является историческая практика, в процессе которой мы проверяем адекватность нашего познания объективному миру, махисты признают, что единственным критерием познания должен быть принцип «экономии мышления», т. е. нечто целиком субъективное. Между марксизмом и философией Богданова — принципиальное, непримиримое расхождение. На это указывает Ленин: «„Экономнее“ ли „мыслить“ атом неделимым или состоящим из положительных или отрицательных электронов? „Экономнее“ ли мыслить буржуазную революцию проводимой либералами или проводимой против либералов? Достаточно поставить вопрос, чтобы видеть нелепость, субъективизм применения *здесь* категории „экономии мышления“. Мышление человека тогда экономно, когда *оно правильно* отражает объективную истину, и критерием этой правильности служит практика, эксперимент, индустрия. Только при отрицании объективной реальности, т. е. при отрицании основ марксизма, можно всерьез говорить об экономии мышления в теории познания».

Нельзя сказать, чтобы Богданов не пытался связать принцип экономии мышления с практикой. «Принцип экономии мышления, — говорит он, — тогда имеет значение, когда он не противоречит объективности истины, ее согласованности в коллективном опыте, в практике». Но мы видели, что практика у него имеет другое содержание, чем у Маркса и Ленина. Практика для него — то же сознание, то же «комплексирование ощущений». Богданов придает практике, в ее идеалистическом понимании, основное значение в процессе общественного развития. Общественной практике, по Богданову, противостоит хаос «элементов». Эти «элементы» — материал, который преобразуется общественной практикой, общественной активностью. «Общественная практика есть преодоление сопротивления материала, элементов „мира“». Активность опыта, практики преодолевает активность элементов материала. Каким образом происходит процесс преодоления активностью общественной практики противостоящего ему хаоса элементов? Этот вопрос Богдановым решается идеалистически. Практика, с точки зрения Богданова, есть не что иное, как организующая деятельность нашего сознания. А так как и преобразуемый материал, по Богданову, представляет собою совокупность ощущений, то и выходит, что вся активность практики протекает в сознании.

Исходя из принципа экономии мышления, Богданов искал наиболее экономных форм организации нашего познания, одинаково пригодных для всех областей знания.

Богданов рассматривал себя как борца с действительным разъединением и взаимной отчужденностью многочисленных — и все множившихся — областей научного знания, которые стали серьезным тормозом развития науки в конце XIX и начале XX в. Но Богданов не стал бороться с этим действительным бичом буржуазной науки путем раскрытия тех всеобщих закономерностей развития природы и общества, которые по-разному конкретизируются в различных ее формах и лежат в основе естественной иерархии наук, эти формы изучающих. Вместо этого Богданов противопоставил многим наукам, познающим законы движения каждой специфической области материальной природы, одну науку — о формальных принципах, господствующих якобы во всех областях. Достаточно знать принципы «всеобщей организационной науки» Богданова, чтобы решать все вопросы природы и общества. Все явления природы и общества у Богданова втискиваются в формально общие схемы «разъединения» и «соединения», «равновесия и нарушения его» и т. п. Схематизм достигает здесь действительно всеобщего характера.

Вполне понятно, что такой схематизм не может мириться с диалектикой. Богданов отбрасывает диалектику и заменяет ее «организационной наукой», а суть диалектики — единство и борьбу противоположностей — механистической теорией равновесия, которой впоследствии соблазнились т. Бухарин и другие механистические материалисты.

Философия махистов, в особенности Богданова, приобрела в период реакции после революции 1905 г. значительное влияние в России. Она послужила теоретической основой многих политических ошибок ее приверженцев. Ленин вел с этой теорией войну «на истребление». Он вскрыл ее идеалистический характер, ее эклектицизм, непоследовательность и прикрытую громкими «левыми» фразами реакционность. Реакционная идеалистическая философия Богданова привела его к тому, что он совершил ряд ошибок в понимании тактики классовой борьбы, которая в конце концов поставила его вне рядов большевистской партии.

Богданов вместе с другими социал-демократами в эпоху реакции образовал группу, которая получила название «отзовистов», по их требованию отозвать депутатов III Государственной думы, или «впередовцев», по названию издаваемых ими сборников. В политике Богданов требовал применения в эпоху реакции той же тактики, что и во время революции, он считал, что работа в легальных рабочих организациях есть измена революции. Здесь сказывался, хотя и не в непосредственной форме, идеализм Богданова. Условия стали другие, револю-

ция потерпела поражение, партия разгромлена, но ведь объективная действительность, по Богданову, это только «организованный опыт». Поэтому нечего считаться с этой действительностью, как с реальными, независимо от нашего сознания существующими условиями, которые должна учесть тактика партии, чтобы по-новому продолжать дело собирания и революционной организации масс. Для изменения этой действительности единственно верное средство подъема революции — это не снимать лозунги, выдвинутые в период наибольшего революционного подъема, а еще больше заострять их, чтобы организовать ими революционное сознание масс, ибо оно и есть сама действительность. «Левая» фраза, механистичность мышления, идеализм — вот принципы, лежащие в основании тактики отзовистов.

Эти же идеалистические и механистические принципы лежат в основании идеи Богданова о строительстве пролетарской культуры после Октября. По Богданову культура есть «организованный опыт». Поскольку пролетариат организует опыт по-своему, не так, как буржуазия, ему необходимо немедленно после революции приступить к созданию своей пролетарской культуры, отбросив весь опыт буржуазии. Ошибочность взгляда Богданова в этом вопросе непосредственно вытекает из его идеализма и учения об относительной истине. Пролетариат отбрасывает, по Богданову, культуру буржуазии и строит на чистом месте свою. Это звучит весьма революционно. Но как быть с тем, что культура буржуазии заключается не только в извращениях ее «идеологий», но и во всех тех достижениях техники и науки, без которых пролетариат не в состоянии строить социализм? Это, по Богданову, «устарелое материалистическое, а потому фетишистское понимание культуры». Ленин в речи на III съезде комсомола указал на идеалистический и мелкобуржуазный характер богдановского понимания пролетарской культуры. Пролетариат строит свою культуру, являющуюся результатом всей предыдущей практики человечества, используя все, что есть ценного и в культуре буржуазной, основываясь на теории Маркса, Энгельса, Ленина.

КАНТ И НЕОКАНТИАНСКАЯ РЕВИЗИЯ МАРКСИЗМА

Махизм представляет собою хотя и «новейшее достижение» идеалистической философии, тем не менее он ничем, как мы видели, по существу не отличается от субъективного идеализма XVIII в. Наряду с попытками Богданова дополнить и исправить Маркса махизмом существовали и существуют дру-

гие формы ревизии марксизма-ленинизма, другие формы «дополнения» Маркса «новейшими» идеалистическими теориями.

Одной из таких форм ревизии марксизма является неокантианская, господствующая почти у всех социал-фашистских теоретиков. Суть этой ревизии заключается в отрицании существования материального мира, но исходя из других оснований, нежели у Маха. Неокантианцы считают, что исторический процесс является результатом проникновения в массы вечных и неизменных принципов нравственности. Исходя из этих принципов, по мнению неокантианцев, рабочий класс будет постепенно осуществлять новый «справедливый» общественный порядок. Эта «елейная» теория имеет целью помешать пролетариату изменить общественный строй революционными методами, так как последние «безнравственны». Неокантианство ведет бешеную борьбу с диалектическим материализмом, обосновывающим необходимость революции. Неокантианская философия представляет собою философию компромисса, в котором буржуазия, скрываясь за ширмой высоких, якобы надклассовых нравственных принципов и слов о защите интересов пролетариата, фактически уступает все позиции церкви и магнатам трестированного капитала.

В отличие от Маха и Богданова, скрывающих свою философскую родословную, неокантианство не скрывает, что оно свою «новейшую» философию целиком основывает на учении немецкого философа Канта, жившего в конце XVIII в. Кант был первым философом среди плеяды немецких философов-идеалистов конца XVIII и начала XIX в., которые разрабатывали вопросы идеалистической диалектики. Ее последним и наиболее крупным представителем, создавшим систему диалектики на идеалистической основе, был Гегель. Философия «классического» немецкого идеализма определялась экономическим и политическим состоянием тогдашней Германии. Отсталость развития немецкой буржуазии, ее зависимость от феодализма обусловливали двойственность ее отношений к буржуазной революции. Немецкая буржуазия с одной стороны мечтала о революции, об уничтожении феодальных пут, а с другой стороны — она боялась революции, зависела от феодалов и стремилась к компромиссу с ними.

Когда вспыхнула французская революция, немецкая буржуазия сначала приветствовала ее, но как только до нее дошли слухи о терроре, о самостоятельном поведении революционных масс, она в испуге отшатнулась и вошла в соглашение с реакцией.

Особенно сильно это стремление к соглашению с феодализмом и церковью нашло свое отражение в эклектической фило-

софии Канта (1724—1804 гг.), основной чертой которой являются «примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе разнородных, противоположных философских направлений» (Ленин).

Кант, подобно Юму, считает, что наши ощущения сами по себе не в состоянии дать нам достоверное знание, так как они не имеют всеобщего характера, не содержат в себе внутренней необходимости, связи всех вещей. Кант однако не останавливается на этом скептическом выводе, а, желая все же обосновать возможность науки, ищет источник всеобщей связи, внутренней необходимости познания. Этот источник он находит не во внешнем мире, а в способности ума. Правда, Кант признает какой-то мир «вещей в себе». Эти «вещи в себе» воздействуют каким-то образом на наше сознание. Однако о мире «вещей в себе» мы ничего не знаем и знать не можем. Эти «вещи в себе» непознаваемы. Познаются нами только явления, т. е. данный нам в наших чувствах опыт. Формы же нашего сознания не зависят от опыта, наоборот, опыт зависит от них. Они существуют до опыта, или, как их называет Кант, они априорны, и от их деятельности, их активности зависит наше знание. Такими априорными формами всякого чувственного восприятия являются пространство и время, ибо, по Канту, они не зависят от опыта, а являются необходимыми условиями всякого чувственного восприятия. Априорными формами логического познания, являющимися необходимыми условиями науки, по Канту, являются категории логики: качество, количество, отношение, необходимость и т. п. Эти априорные формы познания и вносят, по Канту, порядок и связь в науку.

Эклектицизм, непоследовательность Канта, смешение идеализма с материализмом здесь налицо. «Когда Кант допускает, что нашим представлениям соответствует нечто вне нас, какая-то вещь в себе, то тут Кант — материалист. Когда он объявляет эту вещь в себе непознаваемой, трансцендентной, потусторонней — Кант выступает как идеалист» (Ленин).

Кантовское учение о вещах в себе и априорных формах сознания оказало немалое влияние на естествознание XIX в. Учение о пространстве, времени, причинности, как об априорных формах сознания, не зависящих от опыта, было принято многими физиками. Пространство, время стали считать не реальными формами бытия материальной природы, существующими помимо и независимо от сознания, а лишь формами сознания, результатом его деятельности. Многие геометры рассматривали пространство как чистую, априорную форму, не зависящую от опыта.

Материализм коренным образом расходится с кантовским учением о пространстве и времени, которое имеет целью внушить сомнение в достоверности существования материального мира, в возможности его познания. Материализм не может согласиться с идеалистическим утверждением, что весь богатый мир, окружающий нас, создан из хаоса чувственных ощущений, благодаря деятельности наших форм созерцания — пространства и времени. Материализм признает, что вещи представляют собою не плоды сознания, а объективные реальности, действующие на наши чувства и познаваемые через эти действия. Отсюда и пространство и время являются не формами сознания, а реальными формами объективно существующей природы. Ленин по этому поводу пишет: «В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и времени». То же говорит и Энгельс: «Основные формы всякого бытия, — пишет он, — суть пространство и время, бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства».

Геометрия — не наука о чистых формах сознания, а учение об объективном пространстве, возникшее в результате практической необходимости в измерениях площадей и тел. Лишь в извращенном сознании буржуазных ученых эта наука могла превратиться в бесплотную, лишенную реальности абстракцию чистой мысли.

Верно, что человеческое познание не может отражать вещи иначе, как в формах пространства и времени, но только потому, что сами вещи существуют и развиваются в реальном пространстве и времени. Мало того, Человеческие представления о пространстве и времени вовсе не вечны и не неизменны. Они определяются развитием общественной практики. Представление о пространстве древнего индуса, рассматривавшего мир как огромное тело, покоящееся на трех слонах, помещающихся в свою очередь на черепахе, многим отличалось от представления о пространстве Демокрита, рассматривавшего его как бесконечное, но различавшего в мировом пространстве «верх» и «низ». Точно также представление Ньютона о пространстве, абсолютно покоящемся, абсолютно безразличном ко всем происходящим в нем процессам и, следовательно, ко времени, напоминающем нечто вроде бесконечно большого пустого ящика, отличается от представления о пространстве Эйнштейна, рассматривающего пространство в единстве с движущимися в нем телами и со временем.

В чем недостаток философии Канта? В том, что Кант разорвал в процессе познания субъект (сознание) от объекта («вещи в себе»). Между тем сознание не может быть оторвано

от своего предмета. Сознание является моментом общественной практики и люди познают вещи, преобразовывая их. То, что было непознанной «вещью в себе» вчера, — сегодня, в процессе общественной практики, становится познанным, «вещью для нас». Если химическая природа ализарина была до недавнего времени непознанной «вещью в себе», то теперь она — «вещь для нас», так как в общественной практике человек научился готовить его путем химической переработки каменного угля. Если атом был еще недавно «вещью в себе», ибо, хотя многие и признавали атомное строение вещества, но только в виду гипотезы, предположения, — то в наше время он стал «вещью для нас», ибо его фотографируют, разлагают, изучают его внутреннее строение, закономерности его движения и т. д.

Наиболее ярко эклектицизм Канта однако обнаружился в его учении о человеческой нравственности, Если в познании природы Кант признавал все же значение науки, хотя и в идеалистической форме, то в человеческом поведении Кант считал необходимым беспрекословное подчинение богу, как источнику вечного и непреложного нравственного канона — категорического императива, обязательного для всех людей. В поведении человека перестает действовать принцип причинности, а начинает действовать закон нравственности.

Мир нравственных отношений относится, по Канту, к миру вещей в себе. К нему наука не имеет отношения, познание его теоретическим разумом невозможно. Здесь господствует бог, религия, вера. Кант, правда, утверждает независимость науки от религии, но в действительности он устанавливает между ними глубокую связь.

Нравственные положения не вытекают, по Канту, из опыта, они сверхчувственны. Нравственный закон, категорический императив люди могут осуществлять в том чувственном, ограниченном, обусловленном мире, в котором они живут. Отсюда — конфликт между идеалом и действительностью, между долгом и чувственными влечениями. Этот конфликт может быть, по Канту, разрешен, приведен к гармонии только благодаря религии.

Суть категорического императива Канта формулируется им так: «Поступай так, чтобы человек как в твоем собственном лице, так и в лице других людей, никогда не служил тебе только средством, но всегда также и целью». Этот принцип, благодаря своему чрезвычайно общему и формальному характеру, является одной из характерных форм буржуазной лицемерной идеологии. Подобно тому как буржуазия во Франции сделала своим лозунгом абстрактное всеобщее равенство и братство, которые в действительности оказались блестящими

средствами прикрытия жестокой капиталистической эксплоатации, так и кантовский формальный нравственный закон оказался весьма полезным орудием отвлечения масс от классовой борьбы, орудием проповеди классового мира.

Филистерство Канта особенно наглядно выступает в его учении о «добродетели». Высший долг человека он видит в усовершенствовании им своих способностей, в сохранении им своего достоинства. Конечно, необходимо стремление и к счастью других людей, но достигнуто оно может быть лишь их собственной работой по своему усовершенствованию. В этом учении ярко проглядывает мелкий буржуа, заключенный в своей собственной скорлупе, боящийся масс, напуганный революцией, но в то же время успокаивающий себя наступлением всеобщего счастья путем медленного процесса самоусовершенствования людей. И здесь философия Канта, эклектическая и беспомощная, успокаивает людей далеким нравственным идеалом, фактически оправдывающим капиталистический произвол, происходящий в чувственной действительности.

Философия Канта оказала чрезвычайно большое влияние на развитие дальнейшей философии, в особенности в Германии. Его учение об априоризме форм и категорий познания послужило основанием для дальнейшей разработки идеалистической философии. На почве кантианства и в борьбе с ним выросли философские идеалистические системы Фихте и Шеллинга, Гегеля. Элементы диалектики, имевшиеся в философии Канта, были разработаны, развиты Гегелем, который, исходя из идеалистических моментов кантовской философии, построил самостоятельную идеалистическую систему философии, в которой диалектика является основным принципом и противопоставлена кантовскому формализму.

Философию Канта, как одного из величайших идеалистических предшественников материалистической диалектики, изучали Маркс, Энгельс и Ленин и подвергли резкой критике все ее недочеты. В частности Ленин, который особенно сильно подчеркивал дуализм Канта, отмечает, что история философии XIX и начала XX в. знает два направления в критике Канта — критику «слева» и критику «справа», отражающие два основных лагеря в философии. «Слева» критиковали Канта материалисты — Фейербах, Маркс, Энгельс, Дицген, Плеханов и другие — за его непознаваемую «вещь в себе», за его априоризм категорий и форм сознания, за «примирение» им науки и религии. «Справа» критиковали Канта идеалисты, начиная с Фихте и кончая рядом современных теоретиков II Интернационала — за признание им «вещи в себе» как

источника ощущений, за отмежевание им науки от религии, за уступки Канта материализму.

Ленин указывает на то, что «критический идеализм» Канта можно преодолеть до конца только с позиций диалектического материализма. Критика же Канта с «левых» позиций механистического материализма, который сам не подходит к познанию, как к активному общественно-историческому процессу, не понимает единства теории и практики, не умеет вскрыть гносеологических корней идеализма Канта и дать свой ответ на поставленные им проблемы, — эта критика не в состоянии до конца преодолеть великого идеалиста и часто делает ему, незаметно для себя, уступки по важнейшим вопросам. Именно поэтому Плеханов, давший ряд работ, посвященных критике последователей Канта, сам в ряде вопросов стал на позиции, близкие к Канту (его согласие или примиренчество к оценке ощущений как иероглифов, признание им теории соответствия, а не теории отражения, разрыв чувственного и логического в познании, отрыв им логики как науки о мышлении от теории познания, признание им, как и механисткой Аксельрод, простых законов нравственности и права и т. д.) [1] «Плеханов,— говорил Ленин, — критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, поскольку он лишь *с порога отвергает* их рассуждения, а не *исправляет* (как Гегель исправляет Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их...»

Критикуя философию Канта, меньшевиствующие идеалисты сами оказались несвободными от влияния кантианства.

Так, меньшевиствующие идеалисты подчеркивают априоризм логических категорий, правда оговариваясь, что этот априоризм относительный.

Утверждая, что логически категории выступают по отношению к практике как руководящие, как относительно априорные, деборинцы тем самым скатывались на философские позиции Канта. Когда Деборин пишет: «Материалистическая диалектика вносит внутреннюю связь в конкретное содержание», он недалеко уходит от Канта, утверждающего, что логические категории вносят порядок в хаос чувственного опыта. То же приближение к Канту у меньшевиствующих идеалистов мы видим по вопросу о соотношении чувственного и логического в познании. Когда деборинцы отрывают чувственное от логического и считают, что у человека возможно чисто чувственное познание, которое вырастает в логическое только

[1] Подробнее см. в главе «На два фронта».

под воздействием категорий логики, они смыкаются с кантовским делением познания на две принципиально различные области — чувственного и рационального. В диалектическом материализме чувственное познание рассматривается в единстве с логическим: нет логического мышления, которое не было бы основано на чувственном опыте и проникнуто им, и с другой стороны — нет человеческого чувственного опыта, лишенного логических элементов. В развитии человеческой практики обнаруживается единство и опровергается разрыв чувственного от логического.

У меньшевиствующих идеалистов и в особенности у т. Деборина мы видим попытки при критике Канта подчеркнуть его диалектику. Это ведет к тому, что вместо критики Канта получается его восхваление. Деборин ищет диалектику в ранних работах Канта, в которых развивается на самом деле чуждая диалектике теория полярности, теория столкновения противоположных сил, не выходящая за пределы механицизма.

У отдельных меньшевиствующих идеалистов такое беспартийное рассмотрение Канта ведет к тому, что сама критика кантовской философии принимает характер, по выражению Ленина, критики справа, а не слева.

Асмус одобряет и принимает целиком критику Канта со стороны субъективного идеалиста Фихте, который недоволен Кантом за то, что тот — непоследовательный идеалист, за то, что Кант оставил какую-то лазейку для материализма.

НЕОКАНТИАНСТВО

Современные социал-фашисты ухватились за категорический императив Канта, за его учение об этике. Они создали особую разновидность ревизионизма — неокантианскую теорию предательства рабочего класса. Двойственность философии Канта, разрезающей единый мир на несоединимые миры «вещей в себе» и явлений, бытия и сознания, мира, в котором господствует божественный долг, и мира закономерного опыта — оказалась в конце XVIII в. удобным оружием для оправдания компромисса буржуазии с феодалами. Она оказалась и в наше время удобным оружием для проповедников классового мира, идеологов и вождей социал-фашизма.

Кант в своей философии ставил задачу примирить науку и религию путем разграничения сферы их действия. Науке он хотел предоставить область естественных явлений, вере — всю область человеческой деятельности, весь мир его практики. Из естественных наук он хотел изгнать бога, а в общественных — всецело ему поклоняться. Но в конечном счете и есте-

ствознание оказалось у Канта пронизанным идеалистическим, полурелигиозным содержанием. Вот эту-то двойственность кантианской философии пытается преодолеть неокантианство, развивая вторую часть философии Канта — его проникнутое религиозностью учение о практическом разуме.

Неокантианцы настойчиво продолжают развивать Канта в идеалистическом направлении, чтобы с позиции кантовского идеализма вести борьбу с марксизмом. «Вещь в себе» Канта может быть понята и материалистически; неокантианцы это понимание отбросили — оно мешает превращению кантианства в оружие идеалистического одурманивания масс. «Вещь в себе» у неокантианцев превратилась в логическое «предельное понятие», в то, к чему стремится познание, но чего оно никогда не достигнет, т. е. в нечто мистическое, естественным законам не подчиненное. Это превращение Канта в открытого служителя религии и мракобесия подхватили неокантианские ревизионисты. Особенно отличается в этом направлении Макс Адлер. «Метафизика, — говорит он, — это не есть фальсификация физики, а ее признание, это — одухотворение неодушевленного, это — прозрение через физику в далекое, физикой спрятанное Нечто». «Вещь в себе» оказывается каким-то мистическим далеким Нечто.

Если для Канта мир «вещей в себе» и мир явлений был выражением его дуализма, непоследовательного идеализма, то неокантианцы «исправляют» Канта, превращая его в выдержанного, последовательного идеалиста. Как и махисты, неокантианцы утверждают, что деление философии на материализм и идеализм устарело. Так Форлендер считает, что вопрос о взаимоотношении мышления и бытия — вообще не «великий и основной вопрос всякой философии», как это утверждал Энгельс, а является лишь «досадным наследием средневековья». М. Адлер выражается более дипломатически: «Определение мышления через бытие есть лишь метод исследования», а не вопрос мировоззрения. А маститый ренегат Бернштейн рубит с плеча: «Социал-демократии, — заявляет он — нужен новый Кант, который повел бы поход на материализм».

Коньком неокантианцев являются общественные науки. Доказать, что общественные отношения нематериальны, что они не подчиняются объективным законам, подобно явлениям природы, что в обществе господином является бог и его воля, — вот задачи неокантианства. Ученики неокантианца Когена пытаются доказать, что учение Маркса о научном социализме внутренне противоречиво. Исторический материализм, утверждающий, что в обществе господствует строгая закономерность, что капитализм необходимо возник из противоречий

феодализма и что капитализм вследствие его внутренних противоречий также необходимо погибнет, подвергается ими постоянным атакам. Если в обществе господствует такая строгая закономерность, — восклицают неокантианцы, — если в обществе все происходит необходимо, то зачем же коммунисты создают партию, проявляют активность, организуются? Сидели бы тихо — ведь капитализм все равно с необходимостью исчезнет, когда исчерпает себя. Не организуются же люди в партии для ускорения лунного затмения. Неправ — заключают они — марксизм. В действительности в обществе господствуют не законы наподобие естественно-научных, а идеалы, идеи.

Вряд ли нужно доказывать, что неокантианская критика общественной закономерности направлена в действительности не против диалектического материализма, а против механистического мировоззрения, которого на деле придерживаются сами неокантианцы. Марксизм не только не отрицает деятельности людей, наоборот, общественная деятельность людей, общественная практика является основой марксистской философии. Закономерность исторического процесса осуществляется через общественную практику, через активность людей, ставящих перед собою цели и осуществляющих их.

Люди ведут борьбу с природой, вступают в классовую борьбу и в общественной жизни действуют как сознательные целеполагающие существа. Сознание людей однако подчинено закономерности общества. Оно — не результат свободной воли людей, а подчиняется законам развития определенных экономических формаций. Неокантианцы же приписывают марксистам мнение, что люди — это механические куклы, лишенные активности, а потому находят противоречие между их толкованием учения Маркса и тактикой пролетариата в классовой борьбе. Закономерность и деятельность противоречат друг другу — говорят они. Вы непоследовательны — кричат неокантианцы революционным марксистам. Хотите быть «последовательными философами», так идите за Кантом и признайте, что в обществе царствуют идеалы и нравственные принципы.

Не следует думать, что так рассуждают только откровенно-буржуазные неокантианцы. Ревизионисты из социал-фашистов следуют верно по стопам идеологов своих хозяев. Они тоже считают, что в обществе господствуют идеи, воля, этические идеалы, что марксистское положение — «общественное бытие определяет общественное сознание» — устарело и неверно. Бернштейн считает, что при капитализме благодаря демократии этические факторы приобретают все большую роль в общественном процессе. Идеологии — говорит он — развиваются независимо от материальных интересов и классовой

борьбы. «Падение капиталистической системы, — говорит Гильфердинг, — не произойдет из-за внутренних законов этой системы, а должно быть сознательным делом воли рабочего класса». Волю рабочего класса, его сознательную деятельность Гильфердинг отрывает от противоречий капитализма, от классовой борьбы. То же повторяли у нас ренегаты от марксизма — Булгаков, Струве. «Личности для марксизма, — писал Булгаков, — заводные куклы, дергающиеся за ниточку экономических интересов. Очевидно при этой концепции нет места ни свободе, ни творчеству, ни какому бы то ни было человеческому прагматизму, над всем царит механизм». Струве тоже жалуется на отрицание марксизмом свободы; он пытается противопоставить марксизму сладенькое учение неокантианского характера о постепенном прекращении влияния «экономического фактора» и о росте значения «всеобщего интереса». Этический принцип, определяющий движение общества, формулирует и Макс Адлер: «По мере того, — говорит он, — как человек осуществляет закономерность хотения, проявляющуюся в нравственном законе, по мере этого он становится творцом и преобразователем земного шара». Зачем в самом деле изучать экономику капитализма, зачем вести жестокую классовую борьбу, когда в истории господствует «закономерность хотения». Стоит только хотеть хорошего, мечтать об идеале, чтобы преобразовать общественный строй.

Ряд вождей социал-фашизма откровенно разъясняют смысл подмены марксизма кантовской этикой. Так один из них, Кранольд, пишет: «Социализм проповедует любовь к братьям, будут ли это предприниматели или даже угнетатели... Те, кто разжигают классовую борьбу, вставляют палки в колеса творчества социализма».

В эпоху обостренной классовой борьбы, в эпоху революции социал-фашисты отвлекают сознание пролетарских масс разговорами об общечеловеческой нравственности, проповедью братской любви к угнетателям. Цинизм ревизионистов достигает здесь предела. Интересно, что ревизионисты вроде Бернштейна осмеливаются со своих «этических» неокантианских позиций упрекать марксизм в ненаучности, в утопичности. В своей речи «Возможен ли научный социализм» Бернштейн заявляет, что марксизм «не наука, а искусство». Марксизм-де рисует себе определенный будущий строй и затем подчиняет все действия поставленной цели, «тем самым он является до известной степени утопическим». Бернштейн игнорирует все исследования капиталистического общества, проведенные в «Капитале», игнорирует то основное положение марксизма, что будущий строй — коммунизм — это реальное движение.

Наука не противоречит выполнению поставленных целей, если эти цели вырастают из необходимого процесса общественного развития.

Исторический материализм, утверждающий закономерность общественных процессов, оказывается у них утопией. Обвинение марксизма в утопизме — излюбленный аргумент ревизионистов. Не следует думать, что такое обвинение Бернштейна есть просто идеалистическая глупость. Это линия борьбы с марксизмом. Это обвинение повторяют и другие неокантианцы — Форлендер, Вольтман, Адлер. Об этом говорил и Струве: «Социализм есть социальный идеал и, как таковой, обладает постоянным божественным правом на львиную долю утопичности». Этический социализм неокантианцев, как видим, является прямо атакой на марксизм. Для неокантианца общественной наукой является только система идей, в которых господствуют всеобщие нравственные законы.

Связь неокантианского этицизма с религиозностью носит совершенно официальный характер. Неокантианцы этой связи не отрицают и не скрывают. Наоборот, они ставят своей заслугой борьбу с атеизмом и создание философских предпосылок веры в бога. Бог — говорят они — является тем сверхестественным существом, который устанавливает непреложные общечеловеческие вечные нравственные законы. Вслед за неокантианцами объявляют возврат к религии и неокантианские ревизионисты, особенно в послевоенное время, когда социал-фашисты стали откровенно призывать к смирению и христианской любви к буржуазии. Если раньше те же ревизионисты говорили, что религия — частное дело даже для члена партии, то теперь они говорят, что религия нужна, что партии необходимо «итти навстречу вновь возрождающейся силе религиозных настроений» некоторых народных слоев. Для обоснования этой необходимости итти на союз с церковью, с католическими социалистами из партии центра, социал-фашисты создают свои теории. Неокантианец Макс Адлер пишет, что «бог и бессмертие — не что иное, как практические знания... без которых мы должны находить жизнь непереносимой». Понятно конечно после таких признаний, что от учения о классовой борьбе, а тем более о революции, у социал-фашиста Адлера не осталось ничего. Другой теоретик социал-фашизма «разъясняет» Адлера и старается смягчить его слова. «Бог, о котором Адлер думает, — говорит он, — совсем другой, чем старый церковный бог, это — только идея нравственного порядка, это — социальное царство человека, это —революционизированный бог». Этот «теоретик» социал-фашизма довольно неуклюже пытается реформировать боженьку и даже превратить его в революцио-

нера. Что вместо этого он сам выполняет задачи весьма опытных церковников — это совершенно ясно. Дело однако в том, что Макс Адлер вовсе не доволен такой его защитой. Он более последователен и понимает, что неокантианский теоретико-познавательный бог есть тот же церковный боженька, которого в революционеры превратить «немного безнадежно». Анекдотичным может быть покажется тот факт, что социал-фашисты, перестав сомневаться в религиозности социализма, заспорили даже о том, какая из религий более совершенна. Так социал-фашист Зеликман пишет в официальном партийном органе, что религия будет существовать вечно, так как вечным является противоречие между обществом и индивидом, разрешаемое только в религии; при этом наиболее совершенной религиозной формой он считает юдаизм. Остается только, чтобы другие социал-фашисты вступились каждый за свою религию — и тогда средневековая религиозная склока налицо. Что же, и это не плохое средство для отвлечения внимания от классовой борьбы. Социал-фашисты оказались здесь братьями «идеологов» махровых фашистских банд.

Интересно, что у нас в СССР утверждения о вечных законах нравственности повторяет одна из виднейших представительниц механистической ревизии марксизма — Аксельрод. В критическом рассмотрении творчества Толстого, в анализе философии Спинозы она исходит из вечных и неизменных законов нравственности. Ученица Плеханова, Аксельрод много полемизировала с неокантианцами, но пренебрежение диалектикой, механицизм мышления привели ее в вопросе о нравственности в лагерь врагов, с которыми она вела всю жизнь борьбу. В этом отношении она проделывает тот же путь, что и Плеханов, который несмотря на борьбу с кантианством, сам воспринял, как мы уже видели, некоторые идеи Канта, и в частности — идею о простых законах нравственности и права.

Неокантианская философия и основанная на ней ревизия марксизма имеют и другую форму, выраженную в учении неокантианца Риккерта.

Риккерт исходит, так же как и другие неокантианцы, из противопоставления природы и общества. В природе, с точки зрения Риккерта, господствует механическая причинность, а в обществе — целевая деятельность отдельных людей. Законы природы относятся — говорит Риккерт — к общим, постоянным, повторяющимся процессам, в истории же мы имеем дело с единичными, не повторяющимися, специфическими явлениями. Поэтому в истории нет и не может быть общей закономерности процесса. Не существует общественно-исторической закономерности вообще. Что же изучает теория обще-

ства? Оказывается, что теория общества имеет дело с группировкой, классификацией единичных явлений с точки зрения их ценности. Ценность же каждого явления определяется отнесением его к одному из идеальных руководящих принципов, которые избирает исследователь. Эти принципы могут быть нравственными, религиозными, эстетическими и другими нормами. Риккерт упраздняет по существу науку об объективном общественно-историческом процессе, превращая ее в нормативную оценку индивидуальных событий.

Философия Риккерта есть наглядный образец полной бесплодности идеалистического подхода к общественной истории, полного бессилия идеализма раскрыть общественно-исторический процесс.

В борьбе с марксизмом неокантианцы подвергают жестокой критике механическую причинность и механистические принципы в науке об обществе, представляя дело так, будто исторический материализм и есть механистический материализм в применении к исследованию общественных явлений. Неокантианцы предпочитают делать вид, что не знают различия между механистическим и диалектическим материализмом. Они делают это потому, что видят справедливо в материалистической диалектике грозное теоретическое оружие революционного пролетариата. Но наряду с замалчиванием и механистическим извращением результатов материалистически-диалектического анализа общественного развития эти слуги капитала делают все возможное и для прямого опорочения материалистической диалектики. Бернштейн говорит, что благодаря диалектическому методу «сочинениями Маркса и Энгельса может быть доказано все, что угодно». Диалектику он называет «ловушкой, лежащей на пути всякого последовательного рассмотрения явлений». Макс Адлер не отрицает диалектики, он считает, подобно Канту, что она применима только к мышлению, а не к действительности. Так же полагает и Струве, не видящий различия между идеалистической диалектикой Гегеля и материалистической диалектикой Маркса. Неокантианские ревизионисты видят в диалектическом методе «опаснейшую метафизику».

Какой же метод предлагают ревизионисты вместо диалектического? Оказывается, что наиболее любезным их сердцу является метод эклектический, т. е. соглашательский, непоследовательный, позволяющий путать сколько угодно. Но что всего интереснее, это то, что они этого вовсе не скрывают. Тот же Бернштейн пишет:

«Эклектика — выбор различных объяснений и способов оценки явления — часто является лишь естественной реакцией

против доктринерского стремления выводить все из одного положения или обсуждать все по одному и тому же методу». По Бернштейну допустимо применение многих методов. Даже лучше получится, полагает он: так сказать, меньше односторонности. Это безразличие к единому методу познания, обязывающему к определенным выводам, есть выражение идеологии мелкой буржуазии, колеблющейся между пролетариатом и буржуазией.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ ГЕГЕЛЯ

Механистический материализм, так же как и ревизии, основанные на махизме и на неокантианстве, исходят в основном из метафизических, антидиалектических позиций. В основном все эти теории отрицают диалектику.

В наше время однако мы явились свидетелями более тонкой ревизии марксистско-ленинской теории со стороны меньшевиствующих идеалистов группы Деборина. Сущность этого нового ревизионистского течения заключается в основном в том, что оно философию диалектического материализма отрывает от социалистической практики, от политики нашей партии, тем самым создавая диалектику пустых понятий, категорий, лишенных содержания, впадая в идеалистическую игру идей. Создавая пустые абстракции материи, движения, отвлекаясь при исследовании саморазвития общества, классов от политического содержания пролетарской революции и классовой борьбы на Западе, деборинцы объективно отвлекали внимание пролетарских масс от теоретической разработки современных задач, выдвигаемых революцией. Отрывая теорию от практики, отвлекая внимание пролетарских масс от задач социалистического строительства, меньшевиствующие идеалисты продолжали «худшие традиции II Интернационала».

Восстановительный период развития нашего хозяйства, в котором появились возможности для некоторого ограниченного развития товарно-капиталистических отношений, послужили базисом для роста различных мелкобуржуазных настроений, влиявших на неустойчивые элементы внутри партии. Эти отношения были почвой, на которой выросли уклоны от марксистско-ленинской теории и политической линии партии, в том числе — механистическая ревизия марксо-ленинской философии и меньшевиствующий идеализм. В реконструктивный период, в котором кулак уничтожается как класс на основе сплошной коллективизации, в котором уничтожается мелкотоварная база, рождающая капитализм, и обостряется

классовая борьба, уклоны выявились с особой остротой, и опасность их стала особо ощутительной.

Теоретически меньшевиствующий идеализм основывается на апологетическом отношении к диалектике Гегеля.

Некритическое восприятие идеалистической диалектики привело к тому, что в философии деборинцев непомерно выросло значение Гегеля. Последний заслонил собой Маркса и Ленина. Меньшевиствующий идеализм, вообще недооценивая значения теоретической работы Ленина, признавал за ним только роль революционного практика. Это преувеличение роли и значения гегелевской философии для марксизма-ленинизма явилось следствием ошибочного понимания меньшевиствующими идеалистами самой диалектики.

Между материалистической диалектикой Маркса — Энгельса — Ленина и идеалистической диалектикой Гегеля существует глубокая историческая связь, не раз отмечавшаяся как Марксом и Энгельсом, так и Лениным.

Для того чтобы глубоко овладеть философскими основами марксизма-ленинизма, необходимо критическое изучение этого важнейшего его исторического источника. Но это изучение покажет нам всю глубину принципиальных различий между гегелизмом и марксизмом и вскроет нам действительно теоретические корни ревизии материалистической диалектики меньшевиствующими идеалистами.

Гегель подвергает критике учение Канта о «вещи в себе». Он — противник разделения мира на две различные части — на мир сознания и мир независимых от сознания непознаваемых «вещей в себе». Гегель — сторонник полного последовательного идеализма. Он признает существование одного только духа, который является абсолютным духом, создающим природу как свое «отчуждение». Гегель под абсолютным духом имеет в виду не индивидуальное, не субъективное сознание, а фантастический «объективный дух», чьими моментами являются не только индивидуальные сознания, но и все творения человеческой мысли, все формы общества, все виды государства, — словом все, что существует. Гегель не разделяет мира, подобно Канту, на внешние объекты и формы нашего познания. Для него существует только самопознание объективного абсолютного духа, который, по Гегелю, в своем развитии создает всю природу и все общественные учреждения. Эта точка зрения развития, которую Гегель пытается провести во всей своей системе, является выражением его диалектическо-идеалистического метода, который и отличает объективный идеализм Гегеля от метафизического идеализма. Диалектический метод создал философии Гегеля мировую извест-

ность, превратил рациональную ее сторону, по выражению Герцена, в «алгебру революции», сделал ее одним из источников, влиявших на творцов диалектического материализма — Маркса и Энгельса.

Сущность диалектического метода Гегеля сводится к развитию положения, высказанного еще греком Гераклитом: «Все течет, все изменяется. Нельзя вступить дважды в тот же поток и к смертной сущности никто не прикоснется дважды». Гераклит говорит о «переходе одного в другое, из раздвоения в единство и из единства в раздвоение». Эту гениальную догадку Гегель превратил в принцип новой, разработанной им логики, и на ее основе построил целую систему философии, которая должна была показать, как гегелевский абсолютный дух, объективное сознание развивается от «ничто», пустого понятия, до абсолютной идеи, все охватывающей и все содержащей в себе. Нет сомнения, что абсолютный дух Гегеля — это тот же бог, тот же божественный разум, якобы воплощающийся в человеческой истории, в произведениях философии, искусства, права, в общественных учреждениях. Гегель однако заставил бога выйти из своего неподвижного состояния и пройти через длинный путь развития, вступая в борьбу с самим собой, изменяясь и обогащаясь новым содержанием. Как же, по Гегелю, проделывает абсолютный дух свой диалектический путь, как происходит диалектический процесс его развития? Гегель видит сущность развития в единстве и борьбе противоположностей, в том, что каждое явление представляет собою внутреннее противоречие, ведущее его вперед и приводящее его в конечном счете к гибели и переходу в другое. Однако гибель одного явления есть одновременно возникновение нового, которое отрицает прошлое явление и в то же время содержит его в себе. Гегель доказывает это свое положение на истории философии, искусства, на материале человеческой истории. Одна философская система сменяется другой. Каждый философ до Гегеля считал, что его система есть абсолютная истина, а все те системы, которые существовали до него, являются лишь заблуждением ума. Гегель же доказывал, что такой взгляд наивен, что каждая философская система есть ступень в развитии абсолютного духа. Абсолютный дух в каждую историческую эпоху познает себя в форме определенной философии, соответствующей содержанию данной ступени его развития. В другую эпоху эта форма оказывается устарелой и уступает место своей наследнице, которая ее отрицает и в то же время удерживает в себе ее положительное содержание. «Последняя по времени философия есть результат всех предшествовавших философий и потому

должна заключать в себе принципы их всех». То же относится и к религии, к праву, к искусству, к общественным учреждениям. Все эти области абсолютного духа изучались Гегелем в их связи. Они находились в тесном взаимоотношении одна с другой. Гегель учил, что «только при данной религии может существовать данная форма государственного устройства, только при данном государственном устройстве возможно существование данной философии и данного искусства». Гегель однако не стоял на точке зрения простого взаимодействия всех этих «факторов» исторического процесса, как это пытаются истолковать некоторые его вульгаризаторы — эклектики. Он не считал, что все они одинаково важны и все влияют друг на друга. Диалектик Гегель говорил, что «нужно взглянуть на дело глубже и, не довольствуясь *взаимодействием* между религией и государственным устройством, постараться обнаружить ту *общую основу*, на которой покоится и государственное устройство и религия».

Но Гегель искал эту основную, коренную причину исторического процесса, ту основу, которая определяет диалектику развития природы и общества, в противоречивом развитии абсолютного духа, который находит в них свою форму обнаружения и развития. Маркс же видел эту основную причину в самых реальных противоречиях материальных процессов как природы, так и общества.

Когда Наполеон пытался посредством штыков своей армии ввести в Германии буржуазные отношения, Гегель, создавший к тому времени свой диалектический метод, сочувственно относился к французской революции и приветствовал вступление наполеоновских войск в Иену как воплощение в истории новой формы абсолютного духа. Говорят, что Наполеона он назвал тогда «абсолютным духом на белом коне».

Но через два десятка лет, когда в Германии упрочилась феодальная монархия Фридриха-Вильгельма III, Гегель растерял свои революционные идеи и превратился в государственного философа прусской монархии. Диалектический метод дал возможность Гегелю в его молодые годы обобщить в идеалистической форме весь научный опыт его времени, весь ход исторического процесса, и с идеалистических извращенных позиций подвергнуть критике односторонние механистические методы, которыми пользовалась современная ему наука. Гегель подверг жестокой критике господствовавшую до него безраздельно формальную логику, вскрыл ее внутреннюю противоречивость, невозможность на ее основе познать диалектические процессы. Гегель впервые формулировал в идеалистической форме всеобщие законы развития, перехода одних явле-

ний в другие. Эти переходы происходят, по Гегелю, путем «отрицания отрицания». Маркс так излагает в «Нищете философии» эту теорию Гегеля:

«Каждая ступень абсолютного духа есть как бы нечто положительное, некоторое «да», некая теза, которая раздваивается, разделяется на два положения, вступающие в борьбу друг с другом. Противостоящее тезе положение есть его антитеза — некоторое «нет». Борьба этих двух положений тезы и антитезы — «да» и «нет» — образует диалектическое движение. *Да* превращается в *нет*, *нет* превращается в *да*, *да* становится одновременно и *да* и *нет*, *нет* становится одновременно и *нет* и *да*. Таким образом противоположности взаимно уравновешиваются, нейтрализуются и парализуются. Слияние этих двух мыслей, противоречащих одна другой, образуют новую мысль — их синтезис. Эта новая мысль опять разделяется на две противоположные мысли, которые в свою очередь сливаются в одном синтезе. Этот процесс рождения создает группу мыслей. Группа мыслей подчиняется тому же диалектическому движению, как и простая категория, и имеет в качестве своей антитезы другую, противоположную ей группу. Из этих двух групп мыслей рождается новая группа мыслей — их синтезис.

Как из диалектического движения простых категорий рождается группа, так из диалектического движения групп возникает серия, а диалектическое движение серий порождает всю совокупность системы...»

Благодаря такому развитию абсолютного духа путем его внутренних противоречий, каждая его ступень является не случайной, а вытекает из всей предыдущей истории, которую содержит в себе. «Все действительное, — говорил Гегель, — разумно, а все разумное действительно». Этим Гегель хотел сказать, что все существующие общественные учреждения и формы идеологий определяются развитием абсолютного духа, являются ступеньками в движении разума. Здесь Гегель формулирует свой идеалистический принцип диалектики; развитие разума и есть развитие действительности. Это положение послужило основанием для обвинения Гегеля в реакционности, в оправдании всех безобразий, всякого угнетательского государственного строя, ибо все что существует — разумно. Лично Гегель в последние годы своей жизни действительно склонен был так толковать это свое диалектическое положение, так оно использовалось и официальной наукой в охранительных целях. Философия Гегеля одно время стала официальной философией прусской монархии. Мы знаем, что эта мысль и в России была поводом для многих трагических переживаний

для таких людей, как Белинский, который не мог примириться с тем, что николаевский режим разумен только потому, что он существует. Но его диалектический метод давал основания и для других общественных выводов. Ибо раз то действительно, что разумно, то если действительное неразумно, перестало соответствовать своей идее, значит оно, по Гегелю, устарело, обречено, подлежит уничтожению. Монархия неразумна, стало быть недействительна. Монархия существует, но раз она неразумна, стало быть она уже не имеет корней в жизни, она уже не соответствует новой ступени развития общества, стало быть должна погибнуть. Левые гегельянцы так и истолковали это положение Гегеля в борьбе с монархическим строем и религией. Они доказывали, что христианство, религия — неразумны, а стало быть должны погибнуть, стало быть необходимо с ними вести борьбу. Так же рассуждали и русские гегельянцы, боровшиеся с царизмом. Они доказывали неразумность, отсталость, дикость царского режима, необходимость его гибели и звали к борьбе с ним.

В судьбе приведенного положения Гегеля нашло свое отражение основное противоречие гегелевской философии. В философии Гегеля мы находим выражение двойственности идеологии буржуазии того времени — прогрессивных и реакционных ее сторон. С одной стороны она характеризуется стремлением к уничтожению всего, что устарело, неразумно, обречено, к смене его новым, выросшим из недр старого; с другой же стороны — боязнью нового, усиленной наблюдениями за ходом французской революции, утверждением, что немецкая действительность, современная Гегелю, должна остаться, что она не подлежит изменению. Как же Гегель мог примирить друг с другом эти два противоречащих утверждения? Гегель объявил, что абсолютный дух, выявляясь в истории народов, в религии, в искусстве, философии, в человеческих учреждениях — семье и праве, наконец, реализует в государстве свою последнюю наивысшую цель. Этим государством, в котором абсолютный дух достиг высшей ступени своего развития, после чего он останавливается, являлась, по Гегелю, прусская конституционная монархия его времени. Ее Гегель назвал абсолютным, вечным государственным строем, соответствующим достигнутой духом абсолютной, вечной истине. Вполне понятно, что последнее утверждение Гегеля ни в коем случае не может мириться с его диалектикой. Диалектика — революционна, она видит во всем процессы изменения, смены явлений, ей противоречит всякое утверждение об абсолютном покое, о вечности и неизменности.

Это внутреннее противоречие гегелевской философии есть

результат его идеализма. Идеалист не может быть последовательным диалектиком; отрицая существование материального мира, независимого от сознания и являющегося его источником, идеалист оказывается в плену у своего мышления. Ведь идеалист не стремится отразить в своем мышлении действительные процессы, происходящие в природе и обществе, а создать, сконструировать «из головы» свои схемы, которые поэтому рано или поздно должны вступить в конфликт с действительностью. Несмотря на то что часто Гегель шел впереди научного развития своего времени, он нередко вступал в конфликты с действительностью. Говорят, что когда Гегелю указали на противоречие некоторых его утверждений с фактами, он отвечал: тем хуже для фактов.

В дальнейшем развитии классовой борьбы в капиталистическом обществе были использованы в качестве теоретического оружия как гегелевский идеализм, так и гегелевская диалектика. Радикальная буржуазия Германии попыталась использовать философию Гегеля в качестве теории буржуазной революции. Однако опыт быстро обнаружил, что философия Гегеля, как таковая, быстро перерастает либо в реакционную идеологию консервативных элементов буржуазии и принимает характер рационалистической религии, либо она используется революционными группами общества.

Пока жив был Гегель, политические противники, развивавшие две противоречивые стороны его философии, все же вели борьбу в пределах единой гегелевской системы. Но вот в 1830 и в 1831 гг. по Европе прокатилась волна революций, захватившая ряд стран от Испании до Польши. В Германии философские споры под влиянием этих революций приняли откровенно политический характер. Дело дошло до образования внутри гегелевской школы групп правых гегельянцев, центра и левых и до отмежевания последних в качестве самостоятельной группы. Революционная волна однако очень скоро спала, и революционные стремления либеральной буржуазии Германии не успели выразиться в каких-либо политических действиях. Они нашли выход только в философских спорах. Но с тем большей силой стала проявляться борьба в самой философской среде, главным образом вокруг вопросов критики религии и христианства. Молодые гегельянцы подвергли критике догмы церкви.

Маркс и Энгельс принимали непосредственное участие в этом движении молодых гегельянцев. Маркс однако скоро перестал удовлетворяться одной философской критикой религии и стал принимать активное участие в политической борьбе как редактор «Рейнской газеты». В 1842 г. у него даже

произошел разрыв со «свободными», как называли себя младогегельянцы в Берлине. Маркс хотел серьезной борьбы, а не пустых криков, хотя и носящих атеистический характер. «Я требовал, — писал Маркс, — чтобы в их статьях было меньше туманных рассуждений, громких фраз и самобичевания и больше определенности, знания дела и проникновения в его конкретную сущность. Далее я выразил пожелание, чтобы, критикуя религию, выдвигали на первый план критику политических условий, а не критиковали политические условия в религии, ибо первое более соответствует сущности газеты и уровню читателей: религия сама по себе лишена содержания, живет не небом, а землей, и рушится сама собой с распадом извращенной действительности, теорию которой она представляет».

ЛЮДВИГ ФЕЙЕРБАХ И ЕГО КРИТИКА ГЕГЕЛЯ

На формирование самостоятельных философских взглядов молодого Маркса оказывало сильное влияние в течение некоторого времени материалистическая философия ученика Гегеля — Фейербаха (1804—1872 гг.), выступившего против своего учителя и создавшего самостоятельную философскую систему.

Гегель, как известно, признавал тождество бытия и мышления. Для него единственной реальностью был дух — разум. Природа представлялась Гегелю как отчуждение духа, существующее в виде единичных вещей, не развивающихся и не переходящих друг в друга. Природа — это совокупность единичных вещей, не имеющих своего собственного основания, а разум — единственная, всеобщая, конкретная реальность. Природа — совокупность конечных вещей, а разум — бесконечен. Но как же возможен переход всеобщего и бесконечного в единичное и конечное, логики — в природу? Этот вопрос занимал Фейербаха еще в тот период, когда он был в общем последователем Гегеля. Он пытался тогда найти ответ на этот вопрос в самом духе, в разуме. Ибо поскольку единственной реальностью он, вслед за Гегелем, признавал разум, то ответ на этот вопрос должен был быть им найден в самом разуме. Однако, оставаясь на позициях гегелевского идеализма, невозможно выйти за пределы разума, этой всеобщей реальности, и поэтому всякий ответ, данный разумом, не может относиться ни к чему, от разума принципиально отличному. Вопрос же заключался не в том, чтобы снова и снова вращаться

в пределах сознания, а в утверждении природы. «Все мои слова, с которыми я расстался с Гегелем, — говорит Фейербах, — гласили приблизительно так: два года я вас слушал, два года посвятил себя всецело изучению вашей философии; и вот теперь я испытываю потребность обратиться к другим наукам, составляющим прямую противоположность спекулятивной философии, — к естествознанию».

Бесплодные попытки решить вопрос о переходе разума в природу привели Фейербаха к разрыву с идеализмом и признанию единственной реальностью материальной природы. Этот поворот во взглядах Фейербаха обусловился теми же общественными отношениями в Германии, которые вызвали и левогегельянское движение. Фейербах примкнул к освободительному движению и скоро приобрел колоссальное влияние на германскую молодежь. Его философия стала идеологией буржуазной революции благодаря материалистическим и атеистическим выводам, к которым Фейербах пришел. Его критика религии оказалась наиболее смелой по сравнению со всеми предшествующими критиками. Эта критика касалась не только авторитетов Библии, Христа и апостолов, но доказывала и человеческое происхождение всякой религии. Фейербах однако понимал человека не как общественно-историческое существо, а рассматривал его антропологически. Фейербах доказывал, что идеалистическая философия есть то же богословие, а потому всякий, кто признает идеализм, тем самым остается в плену у богословия. Вместо идеализма, в том числе и гегелевского идеализма, должен быть положен новый принцип философствования. Философия должна исходить не из признания отвлеченного мышления, которое есть тот же божественный дух, а из реальных действительных пространственно и временно существующих вещей, доступных нашим чувствам. Не мышление является субъектом,[1] а бытие — предикатом, как у Гегеля, а наоборот: бытие — субъект, а мышление — предикат. «Природа — базис духа, а поэтому она должна быть базисом философии». Философия должна быть материалистической и атеистической. От природы и человека должна отправляться всякая реальная философия. Гегель же начинал свою философию с бытия, но это бытие было голой абстракцией, отвлеченной идеей, оторванной от природы. «Спекулятивная фило-

[1] Фейербах берет здесь слово «субъект» в смысле логического подлежащего, «предикат» — в смысле логического сказуемого. Субъект обозначает здесь центральное понятие, отражающее самостоятельную реальность, предикат — производное понятие, раскрывающее содержание субъекта. По существу Фейербах утверждает здесь первичность природы и вторичность духа.

софия, — говорит он, — это пьяная философия; философия снова должна стать трезвой». Истину философии Гегеля составлял бог, истину же бога надо искать в природе и человеке. «Не стремись, — говорит Фейербах, — быть философом в отличие от человека: будь только мыслящим человеком».

Гегель познание посредством наших органов чувств не считал истинным, источником познания для него было мышление, разум. Фейербах же считает, что истина мышления заключается в чувственности; источник познания он видел в чувственном познании. Существование вещей мы познаем не посредством мышления, а посредством органов наших чувств. Действительно только то, что доступно познанию наших чувств. Природа — это не разрозненные вещи, а упорядоченное единство их. Познать природу, значит познать не только отдельные, не связанные друг с другом вещи, а познать их связи. Но чувства не могут дать познания связей вещей. Их не может дать и абстрактный, оторванный от мира реальных вещей гегелевский разум, который как бы сверху нисходит в природу и приносит связи вещей с собой. Этот разум субъективен, он фантазирует, а не познает действительное бытие. «Мы различаем и связываем вещи, — говорит Фейербах, — посредством разума на основании тех признаков различения и связи, которые даны чувствам». Мышление есть не что иное, как способность человека связывать чувственные восприятия в единство. Но эта связь существует не только в уме человека, а отражает связи реальной природы. Таким образом мышление не оторвано от чувственного познания. Мы познаем нашим зрением солнце, как небольшой диск на небе, и в то же время имеем астрономическое знание о солнце, как о превышающем по своим размерам во много раз землю. Мышление без чувственного солнца не дало бы нам астрономического; с другой стороны, астрономическое солнце подтверждает свою реальность в чувственном опыте.

Единство мышления и бытия обнаруживается, по Фейербаху, в человеке. Поэтому Фейербах исходным пунктом своей философии берет человека.

Начав свои философские размышления с человека, Фейербах резко отличается от идеалистов в самом понимании субъекта. Под субъектом идеалисты понимают сознание, мышление, отбрасывая совершенно человеческое тело. Фейербах как раз подчеркивает, что у него речь идет именно о всем человеке, о реальном человеке, имеющем не только сознание, но и тело. Человек Фейербаха есть единство тела и мышления. Человек не отделен от остальных вещей китайской стеной, он связан с ними и впитывает их в себя, как губка впитывает влагу. Он

не существует изолированно, а связан с природой множеством путей, по которым течет к нему жизнь. Эта связь не идейная, не связь в мыслях, а настоящая, материальная связь. Человек в своих основных потребностях зависит от окружающей его природы. Природа — основа человека. Ей он обязан своим происхождением и своим существованием. Земля, на которой живет человек, определяет его бытие, и потому человек — продукт земли и остальной природы. Отдавая дань своему гегелевскому прошлому, Фейербах пишет, что природа в человеке достигла самосознания, т. е. достигла способности сознавать себя, а потому человек — высшее существо природы. Поэтому, если мы хотим познать природу и определить отношение мышления к бытию, мы должны исходить из человека, в котором природа осознала себя, в котором природа и дух находятся в единстве.

Однако человек Фейербаха, который играет такую большую роль в его философии, носит абстрактный характер. Фейербах не вскрывает его общественной сущности, его зависимости от производственных отношений общества.

Прав поэтому Маркс, сказав в тезисах о Фейербахе, что последний рассматривает предмет только в форме объекта или в форме созерцания, а не в форме чувственно-человеческой практической деятельности. Поэтому Фейербах оказывается беспомощным решить поставленную перед собой задачу — объяснить человеческую историю и главным образом происхождение и сущность идеологии. Сущность идеологии он сводит к человеку; человека же понимает абстрактно, вне его производственной деятельности. Отвлекаясь от производственного процесса, Фейербах оказывается вынужденным отвлечься и от исторического развития и видеть в человеке абстрактного изолированного индивидуума. Объяснение сущности идеологии и исторического процесса в целом было дано Марксом и Энгельсом.

НЕОГЕГЕЛЬЯНСТВО

В наши дни последователи Гегеля выступают с теоретическим обоснованием общественной реакции. Таковы, например, школа так называемого английского идеализма, наиболее ярким представителем которого является Бредли, философы итальянского фашизма (Джентильо), ряд фашистских и социал-фашистских теоретиков в Германии.

В философии Бредли гегельянство выродилось в смесь агностицизма Канта, скептицизма Юма и обыкновенной мистики, поданную «а ля Гегель». Бредли, как и Кант, отрицает

возможность полного познания вещей. «Нам доступны, — говорит он, — только явления». Но, в отличие от Канта, явления по Бредли не материальны, и не идеальны; они — не «душа» и не «тело» — они единство двух сторон. Эти две стороны находятся во взаимном противоречии, которое разрешается в опыте. Всякий нам данный опыт есть ступенька в развитии к совершенному опыту, в котором физическое и духовное будут находиться в полной гармонии друг с другом. Итак, Бредли считает, что мы в нашем познании идем к совершенному опыту, которым у него и является бог. Диалектика Бредли представляет собой крупный шаг назад от Гегеля и является по существу идеалистической метафизикой, ибо Бредли отрицает в своем совершенном опыте всякое развитие. «О прогрессе и регрессе, — говорит он, — может итти речь лишь по отношению к ограниченным и несовершенным действительностям; абсолютное не может иметь никакой истории, хотя оно и включает в себя бесчисленные исторические процессы: оно не имеет времен года. Всякое совершенство, всякая истинная действительность неизменны». Английские консерваторы охотно восприняли такого Гегеля, который говорит о развитии, но в то же время признает его только в прошлом. В совершенном, т. е. по их мнению буржуазном, обществе никакого развития и движения быть не может. Капитализм вечен.

Гегелевский идеализм в руках английских гегельянцев превратился в идеологическое оружие английской аристократии и верхушки крупной буржуазии для борьбы с материализмом и даже с позитивизмом.

Интересно, что в то время как Гегель резко подчеркивал свое отличие от Канта, неогегельянцы стремятся установить связь и сходство Гегеля с Кантом. Так делает как Бредли, так и неогегельянцы в Италии и Германии.

Это явление отнюдь не случайно и не может быть сведено например к кантианскому прошлому многих современных неогегельянцев. Кант, как мы показали выше, явился во второй половине XIX в. основным знаменем борьбы буржуазных идеологов как с собственными «грехами молодости» — механистическим и вульгарным материализмом, — так и с диалектическим материализмом. Кант среди других идеалистов импонировал буржуазным идеологам своим противопоставлением должного, как идеала, сущему, своим учением об этических принципах как основе общественного поведения, своим противопоставлением активных, но неизменных и пустых форм сознания, инертной материи, своим отрицанием противоречий в реальной действительности.

Но современная экономическая и политическая жизнь капиталистического общества настолько полна неразрешимых противоречий, классовая борьба приняла такие острые формы, что утверждать, подобно тому как это делают неокантианцы, что противоречия эти мнимы, что действительность непротиворечива, становится все труднее и труднее. Этим утверждениям перестают верить, противоречивость жизни слишком ярко выступает на поверхность жизни и требует объяснения. Поэтому буржуазная философия, в особенности фашистская и отчасти социал-фашистская, делает поворот от Канта к Гегелю. Философия последнего, как известно, имеет противоречивость развития основным своим принципом. Вполне понятно однако, что буржуазия не может серьезно принять действительную гегелевскую философию: даже несмотря на ее идеалистический характер, она таит в себе слишком много революционных элементов. Поэтому поворот к Гегелю от Канта оказывается не больно уж радикальным. Гегеля приходится реставрировать так, чтобы осталось формальное признание противоречивости жизни и духа, но чтобы это признание не вело к вскрытию действительных противоречий, не указывало бы на необходимость активного, революционного изменения общества.

Путь к такому «Гегелю» и находят многие современные неогегельянцы в соединении Гегеля с Кантом.

Содержательные категории гегелевской логики, дающие извращенное отражение действительности, очищаются ими от всякого содержания и сближаются с пустыми категориями Канта. Абсолютный дух, как мы это видели на примере Бредли, начинает трактоваться как лишенный всяких противоречий и развития, на манер регулятивной идеи неокантианцев.

Современный процесс капиталистического загнивания они рассматривают как «гибель культуры», как «трагическую диалектику жизни», «трагические» противоречия человеческого духа. Так немецкий философ А. Либерт считает, что диалектика Гегеля недостаточно последовательна, так как у Гегеля противоречия все же находят свое разрешение в абсолютном духе. По мнению Либерта противоречия все более разворачиваются и углубляются и никогда не могут найти своего разрешения. Диалектика «трагична». В этих философских утверждениях, казалось бы таких радикальных, кроется страх перед революцией и теоретическое обоснование того положения, что никакая революция не в состоянии разрешить противоречия капитализма.

В своем приспособлении Гегеля для философского оправдания современных «сумерек» буржуазной культуры отдельные

неогегельянцы не останавливаются и перед тем, чтобы представить этого величайшего рационалиста всех времен в виде иррационалиста и мистика. Рациональным, научным Кронер, как и все метафизики, считает формально-логическое познание. Но действительность не метафизична и потому объявляется иррациональной. Поэтому, по Кронеру, она не поддается научному, теоретическому познанию. Величие гегелевской философии он видит не в том, что она представляла собой гениальную попытку дать новую теорию научного, рационального познания, а наоборот в том, что Гегель, исходя из невозможности рационального познания иррациональной жизни, открыл в своей диалектике новый способ иррационального, полумистического, интуитивного познания, придав его разработке рациональную, логическую форму. Кронер несомненно опирается на отдельные мистические моменты, имеющиеся в системе и даже методе Гегеля, но превращает их в общую характристику всей его философии.

«Гегель, — пишет Кронер, — является без сомнения величайшим иррационалистом, которого когда-либо знала история философии; ни один мыслитель не был в состоянии до него настолько иррационализировать понятие и настолько осветить понятием самое иррациональное».

Тщетность всех попыток научно обосновать выход из противоречий современного капитализма на основе сохранения устоев буржуазного общества толкнула ряд буржуазных философов и социологов на то, чтобы объявить эти противоречия иррациональными, непознаваемыми разумом, и с этих позиций бороться против теории пролетарской революции.

Интеллигенция Запада потеряла веру в науку, разум, в теоретическую основу капиталистической культуры. Со свойственной буржуазной идеологии способностью превращать капиталистические явления в вечные, современные «философы» превращают противоречия современной жизни на Западе в вечные, непонятные, иррациональные.

Все эти воззрения служат основанием для развития фашистской идеологии. Ведь фашизм как раз исходит из иррациональности жизни; в борьбе с марксизмом он доходит до отрицания авторитета разума, он охотнее опирается на неопределенный авторитет «национального духа», расы и т. п. Противоречивость жизни фашизм хочет преодолеть активностью национальной идеи, героизмом избранного меньшинства нации, руководствующегося интуицией национального духа. Только сильное, властное, национальное государство может, путем силы, подавления интересов классов и групп, вывести мир из состояния «трагических противоречий». Фашизм

охотно воспринимает гегельянство, с его учением об исключительной роли государства, о государстве как воплощении нравственной идеи на земле. Особенно ярко связь неогегельянства с фашизмом выступает у официального философа современной Италии — Джиованни Джентильо. Его философию можно назвать теорией «духовной актуальности».

Основной идеей ее является идея активности, господствующей и развивающейся во всем мире, принимающей в процессе своего развития различные формы. Не следует однако думать, что это активность материальных существ или производительная деятельность и классовая борьба в обществе. Активность эта — духовная, ее противоречия и борьба происходят в сознании.

Идеализм Джентильо — крайний. Даже идеализм Гегеля кажется ему недостаточным. Природу он считает мертвым фактом, оторванным от создавшей его и воплощенной в нем деятельности мысли. Все бытие растворяется в мышлении. Диалектика есть непрестанное творчество мысли, непрерывная цепь актов духа. Мысль посредством творческого акта объективируется во вне. Между субъектом и объектом имеет место противоречие, которое и есть движущее начало развития. Фактически это противоречие мнимое, на самом деле субъект и объект тождественны, так как субъект, человеческая мысль, «трансцендентальное я» творит и себя и объект. Нельзя не видеть в этой философии влияния предшественника Гегеля — субъективного идеалиста Фихте, в свое время создавшего систему диалектического развития субъективного сознания. Но если Фихте в свое время выражал идеологию передовой буржуазии, мечтавшей о том, чтобы волею субъекта изменить мрачную действительность немецкого абсолютизма, то Джентильо выражает идеологию современной реакционной буржуазии, которая видит свое спасение в том, чтобы остановить жизнь, волею субъекта изменить необходимое движение общества к социалистической революции.

Джентильо берет у Гегеля его учение о божественности государства и даже развивает его дальше. По Джентильо государство есть осуществление нравственного идеала. Неподчинение государству есть величайшее преступление. Сила, применяемая государством, нравственна. Фашистский полицейский превращается Джентильо в символ нравственной идеи. Дубинка, которой действуют фашистские молодчики против рабочих, получила у Джентильо высшее философское освящение.

Джентильо — обычный идеалист, верно служащий буржуазии и философски обосновывающий ее активность в подавлении революции и разгроме рабочего движения.

Откровенная идеалистическая философия, прикрываясь диалектикой, ухитрялась выступать и у нас. Вплоть до 1929 г. в Москве преподавал теорию музыки философ проф. Лосев, успевший издать ряд толстых томов по различным вопросам философии. Тут и проблемы «космоса» и диалектика древнегреческих философов Платона, Аристотеля, Плотина и вопросы теории музыки и проблемы символизма и мифологии. Свою идеалистическую диалектику, которую Лосев противопоставляет диалектике материалистической, он рассматривает как теоретическое оружие религии, мистики. Он не ограничился даже одной мистикой в теории, а создал мистическую секту, во главе которой стал сам.

Лосев видел в диалектике нечто мистическое. Вот как он ее определял: «Диалектика — смысловой скелет вещей, обусловливающий сам себя и ни от какого содержания вещей не зависящий, он зависит только сам от себя...» Или другое определение: Что вы хотите мыслить — неважно, но как мыслить — об этом диалектика дает точнейшие правила и преступать их невозможно без нарушения самого принципа мысли». Против диалектики классовой борьбы, живого строительства социализма Лосев выдвинул формализированную, мертвую диалектику мистических идей, которым нет никакого дела до содержания вещей и которые довольствуются своими собственными «смысловыми ликами». Лосев фактически отрицает диалектику и лишь проводит под флагом диалектики всякие мистические и реакционные идеи.

Лосев — открытый враг, непосредственный агент буржуазии, скрывающийся под маской диалектика. Его задача — дать теоретическое философское оружие кулаку против советской власти, строящей социализм.

Пример Лосева показывает, что в стране, где существует диктатура пролетариата, даже контрреволюционеры вынуждены рядиться в диалектические одежды.

Диалектика — алгебра революции; диалектический материализм — философия мирового пролетариата, первый отряд которого совершил победоносную революцию и строит социализм на одной шестой части земного шара. Поэтому часть представителей мелкой буржуазии, настроенных оппозиционно, а иногда и революционно к капитализму, пытаются усвоить диалектику. Но вследствие своей мелкобуржуазной природы, оторванности от пролетариата, они зачастую идеалистически извращают эту диалектику, либо слепо подражая Гегелю, либо искажая марксизм, смешивая его с различными модными буржуазными теориями.

Серьезнейшей опасностью в наших условиях строительства

социализма, обострения классовой борьбы в стране, мощного культурного подъема и подготовки новых культурных кадров является та система ошибок, которые совершили т. Деборин и руководимая им группа философов. Основная теоретическая суть этой системы ошибок заключалась в некритическом отношении к философии Гегеля, в механическом усвоении логики Гегеля, в «гегельянизированном» марксизме.

Нет сомнения, что гегелевская философия является одним из исторических источников марксизма, что ее изучение имеет большое значение для понимания Маркса, Энгельса и Ленина. Однако не следует при этом забывать, что гегелевская философия преодолена марксизмом, что марксизм не есть гегелевщина, что недостаточно заменить абсолютный дух материей, чтобы перевернуть Гегеля с головы на ноги.

Деборин говорит, что «диалектический материализм представляет собою синтез диалектического метода Гегеля с материалистическим пониманием природы и истории». В данном случае синтез не может обозначать ничего другого, как примирения материализма с идеалистической диалектикой Гегеля. Дело не в синтезе идеализма Гегеля с материализмом. В действительности философия Маркса является материалистическим преодолением гегелевского идеалистического метода.

Так, заявить без всяких оговорок, что метод Гегеля целиком вошел в марксизм, значит скрыть, что этот метод, несмотря на свой диалектический характер, идеалистичен, что он следовательно не может быть правильным.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДИАЛЕКТИКА КАК ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

ПРАКТИКА КАК ОСНОВА ПОЗНАНИЯ

Исходным пунктом в философии марксизма-ленинизма является диалектически развивающаяся материя. В диалектике развития материальной действительности находит свое объяснение само появление общественной истории, само появление мыслящих людей.

Мышление есть свойство высокоорганизованной материи, возникающее на высшей стадии развития ее. В вечном развитии материи возникают, разрушаются и вновь создаются бесконечно-разнообразные формы материального движения и среди них — в некоторых незначительной части мироздания — особая форма материального движения, органическая жизнь, а затем и общественная история.

Познание общественно-исторических людей — высший продукт развития материи, свойство наиболее высокой формы существования материальной действительности. «Материя, — говорит Энгельс, — движется в вечном круговороте, завершающем свою траекторию в том промежутке времени, для которого наш земной год не может служить единицей; в круговороте, в котором время наивысшего развития, время органической жизни и еще более жизни сознательных существ, столь же скудно отмерено, как пространство в жизни и в самосознании; в круговороте, в котором каждая отдельная форма существования материи, — безразлично, солнце или туманность, отдельное животное или животный вид, химическое соединение или разложение, — одинаково переходяща и в котором ничто не вечно, кроме вечно изменяющейся, вечно движущейся материи и законов ее движения и изменения. Но как бы часто и как бы безжалостно ни совершался во времени

и в пространстве этот круговорот; сколько бы бесчисленных солнц и земель ни возникало и ни погибало; как бы долго ни приходилось ждать, пока в какой-нибудь солнечной системе, на какой-нибудь планете не появятся условия, необходимые для органической жизни; сколько бы бесчисленных существ ни должно было погибнуть и возникнуть, прежде чем из их среды разовьются животные с мыслящим мозгом, находя на короткий срок пригодные для своей жизни условия, чтобы затем быть тоже истребленными без милосердия, — мы все же уверены, что материя во всех своих превращениях останется вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов не может погибнуть и что с той же самой железной необходимостью, с какой она некогда истребит на земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время». [1]

Когда же возникает процесс познания, на какой ступени развития материальной действительности создаются условия, необходимые для возникновения познающих существ?

Марксистско-ленинская философия на основе исторического познания различных форм материального движения приходит в этом вопросе к совершенно определенному выводу. Процесс познания, представляющий собой процесс отражения все более и более глубоких связей материального мира, может возникнуть только лишь в условиях развития общественной истории. Процесс познания возникает на основе общественно-исторического материального производства, т. е. тогда, когда законы органической жизни выступают уже не самостоятельно, а подчиняются более высокой форме материального движения — движению общественной истории.

Общественное познание, отражающее на каждой последующей ступени все новые стороны материальной действительности, может сложиться только на основе развития материального производства, в процессе которого каждое новое поколение получает от предшествующего, вместе с определенной совокупностью производительных сил, известный опыт, а с ним и известную сумму знаний.

Именно потому, что познание представляет собой процесс отражения все новых сторон материальной действительности, для его объяснения совершенно недостаточно антропологическое изучение отдельного человека как организма. Если бы мы при изучении процесса познания исходили только из анализа человеческого тела, пяти человеческих чувств, мы никогда не могли бы понять, например, почему до простейших

[1] Энгельс. Диалектика природы, стр. 125, 1930 г.

математических доказательств, в которых без труда разбирается ребенок школьного возраста, не дошли в своем развитии новогвинейские и австралийские коренные племена, почему до этих истин у греков и арабов доходили лишь немногие, наиболее талантливые теоретики.

Домарксовский материализм был материализмом созерцательным, так как он рассматривал процесс познания вне связи с общественно-исторической практикой.

Мы уже рассматривали философию крупного представителя материализма — Людвига Фейербаха, который имел известное влияние на формирование взглядов Маркса. Однако ограниченность и узость фейербаховского материализма никогда для Маркса не оставались тайной.

В чем же заключалась ограниченность и узость фейербаховского материализма? В том, что он совершенно отвлекался от процессов общественной истории. Для Фейербаха характеристика познающего субъекта исчерпывалась антропологическим изучением человека, т. е. изучением его как родового существа определенного вида. Разрешение проблем материалистической философии не основывается у него на диалектике истории, а проходит мимо нее.

Таким образом Фейербах не дошел до общественно-исторической практики, замыкается в узкие рамки отдельного, абстрагированного от реального общества антропологического существа, в его страсти, его переживания, в его эмоции.

Поэтому для Фейербаха чувственность и переживания отдельного человека являются исчерпывающим доказательством бытия предметов вне нас, единственным критерием истины.

«Существует только то, чье бытие дает тебе радость, чье небытие доставляет страдание. Различие между субъектом и объектом, между бытием и небытием есть в такой же мере различие, как различие радости и страдания». [1]

Чувства либерального мелкого буржуа Германии тридцатых годов Фейербах возвел на уровень критерия основной философской проблемы, пытаясь важнейший вопрос философии решить на почве переживаний отдельного человека. Поэтому и философию свою Фейербах часто называл гуманизмом.

В противоположность Фейербаху для Маркса задача состоит в том, чтобы объяснить самое чувственность, ненависть и любовь, радость и страдания человека исторически существующей формой общественной практики и классовой борьбы. Только таким путем мы можем дойти до понимания чувствен-

[1] Фейербах. Собр. соч., т. I, стр. 122.

ности людей, их чувственно-человеческой деятельности, отличной у людей разных эпох и различных классов.

Фейербах рассматривал человека в пределах органического мира. Пытаясь раскрыть проблему познания на почве антропологии, Фейербах не мог разработать диалектическую точку зрения на проблему бытия и познания, на проблему субъекта и объекта.

Мышление является свойством материи, — это значит, что оно отлично от материи и в то же время коренится в ней, едино с ней. Такой ступенью развития материи, которая осуществляла бы единство субъекта и объекта, единство бытия и познания, может быть только общественная история.

В общественной практике, в материальном производстве и классовой борьбе осуществляется единство субъекта и объекта, познания и бытия. Фейербах же находит единство познания и бытия не в общественной практике, а в антропологически понимаемом отдельном чувствующем существе.

«Я, — говорит Фейербах, — это я для себя и ты для других одновременно. Но лишь в качестве чувственного существа я являюсь таковым». Из того, что я представляюсь себе субъектом, а другие воспринимают меня как объект, отнюдь не следует единство субъекта и объекта.

Фейербаховской точке зрения, ограниченной чувственным восприятием отдельного человека, Маркс противопоставил точку зрения, исходящую из развития всей общественно-исторической практики. В материальном производстве субъективная деятельность людей не оторвана от материальных предметов внешнего мира. Материальный предмет природы в практике находится в единстве с общественной деятельностью людей, а через нее и с процессом познания этих людей. Рассматривая предметы материального производства, например орудия материального производства — станки, турбины, тракторы, мы обнаруживаем в них субъективную деятельность людей, общественную практику многочисленных человеческих поколений, перешедшую в определенную форму предмета.

Предмет, который существует в объективной реальности вне зависимости от людей и от их познания, в общественной практике выступает в единстве с деятельностью и познанием людей. В процессе материального производства и на основе производственной деятельности людей познание материальной природы становится необходимым моментом производства предметов.

В любом орудии производства воплощена определенная историческая ступень общественной практики и познания. Современные машины предполагают не только современный

уровень развития производительной деятельности людей, но и связанного с ней более чем двадцативекового развития науки.

Переход деятельности общественных людей в предмет осуществляется в процессе производства. Маркс указывает в «Капитале», что «во время процесса труда труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия». В процессе труда субъективная деятельность включается в предмет, вступает в единство с предметом, подвергая его обработке. В общественной практике изменяются формы материального предмета. Из внешнего и независимого от общества объекта природы предмет превращается в общественный предмет, неразрывно связанный со всей совокупностью общественной практики.

В процессе материального производства, в общественной практике предмет материальной природы становится общественным предметом и общественная субъективная деятельность людей становится предметной.

В практике осуществляется единство субъекта и объекта.

Поэтому решить вопрос о взаимодействии субъекта и объекта, мышления и бытия можно только в общественной практике. «Главный недостаток всего предшествовавшего материализма, до фейербаховского включительно, — писал Маркс, — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность рассматриваются только в форме объекта или в форме созерцания, а не как чувственно-человеческая деятельность, не в форме практики, не субъективно». [1]

В самом деле, когда Фейербах пытается понять единство субъекта и объекта, решить основной вопрос философии, он не исходит из субъективной деятельности человека, из его общественной практики. «Человек» Фейербаха, правда, связан со всей материальной природой. «Объективный мир, — говорит Фейербах, — находится в нем, в его собственной коже». Но фейербаховский человек существует только как объект природы, это не активный, не общественный субъект.

Превращая важнейший вопрос философии в оторванный от практики вопрос, Фейербах оказался бессильным его разрешить.

Для Маркса и для Ленина субъект — это общественно-историческое существо. В классовом обществе человек — всегда представитель определенного класса, его практика выражает определенные черты определенной ступени в развитии класса. «Капиталист, — говорит Маркс, — есть не что иное, как персонифицированный капитал».

---

[1] Маркс. Тезисы о Фейербахе.

Ограниченность и узость материализма Фейербаха (как и его русского последователя — Чернышевского) заключается в известном отрыве его философии от общественной истории, от классовой борьбы и политики. Именно поэтому Маркс и Ленин считали фейербаховский материализм пассивным, созерцательным материализмом.

«Узок, — говорит Ленин, — термин Фейербаха и Чернышевского: «антропологический принцип в философии». И антропологический принцип и натурализм суть лишь неточные слабые описания материализма». [1]

Вместо рассмотрения конкретного исторического человека, человека определенной общественно-экономической формации, определенного класса, Фейербах и Чернышевский рассматривают человека только как организм.

Невзирая на всю резкую критику Фейербаха, данную в многочисленных работах Марксом и Энгельсом, Плеханов отождествляет марксистское и фейербаховское решение проблемы субъекта и объекта. Плеханов утверждал, что между марксистской и фейербаховской теорией познания нет принципиального различия. Марксистская теория познания для Плеханова и есть теория познания Фейербаха.

В своей книге о Чернышевском Плеханов писал, что «сторонник учения Маркса и теперь не может не согласиться с верным последователем Фейербаха — Чернышевским, что касается взгляда на субъект и объект». [2]

Плеханов, соглашаясь по существу с взглядами Фейербаха и Чернышевского на основной вопрос философии, превращает проблему субъекта и объекта в оторванный от практики схоластический вопрос.

Чернышевский, роль которого в развитии русской революционной общественной мысли бесспорно значительна, в области философии был верным последователем идей Фейербаха. Чернышевский говорит о себе, что он не имеет «ни малейших притязаний сказать что-нибудь новое, принадлежащее лично ему, что он желал бы только быть истолкователем идей Фейербаха». [3] Поэтому, решая важнейший вопрос философии, Чернышевский в своей работе «Антропологический принцип в философии» последовательно истолковывал идеи Фейербаха. «Принципом философского взгляда на человеческую жизнь, — говорил он, — служит выработанная естественными науками идея об единстве человеческого организма». [4]

---

[1] Ленинский сборник XII, стр. 121.
[2] Плеханов. Собр. соч., т. V, стр. 130.
[3] Чернышевский. Собр. соч., т. X, ч. 2, стр. 192.
[4] Там же. Собр. соч., т. VI, стр. 194.

Что означает присоединение Плеханова к антропологическому пониманию субъекта и объекта в теории познания? Означает отказ от общественно-исторического классового понимания субъекта, отказ от точки зрения революционной практики в теории познания.

Энгельс говорил о Фейербахе, что перед общественно-историческими явлениями он совершенно беспомощен и при попытке их понимания переходит на идеалистическую точку зрения. В самом деле, реально существующего в определенный общественно-исторический период человека, принадлежащего к определенному классу, точка зрения Фейербаха, Чернышевского сводит к некоему «человеку вообще», антропологическому существу, остающемуся отвлеченным от общественной истории, от определенных классов и партий.

Такой «человек» с точки зрения общественной истории является пустой абстракцией. Антропологический материализм не является последовательным материализмом. Всему процессу общественной истории этот материализм противопоставляет неизменную, противоречащую процессу исторического развития абстрактную «человеческую сущность».

Взгляд Фейербаха, Чернышевского, выхолащивающий классовое понимание и вообще всякое общественно-историческое понимание человека, был продолжен в меньшевистской литературе по философии Плехановым, Л. Аксельрод, Каутским и другими. Такая философия оправдывала меньшевистскую тактику замазывания классовых антагонизмов — пролетариата и буржуазии — в теории «о человеке вообще».

Ученик Плеханова А. Деборин полностью воспринял точку зрения своего учителя на философию Фейербаха, эклектически соединив ее с гегелевским идеалистическим пониманием практики. Деборин признает антропологический принцип Фейербаха насквозь диалектичным. Он призывает к такому «марксизму», в котором «жив дух Фейербаха», жива точка зрения отвлеченного безразличия к противоположным формам классовой практики, и тем самым замазывает противоположность буржуазии и пролетариата в теории единого «человека», единого биологического рода. «Пролетариат, — полагает Деборин, — излечится от идеалистических предрассудков и снова вернется к подлинному марксизму, в коем жив дух Фейербаха. «Мое время еще придет», — говорил мыслитель. И мы уверены, что он не ошибался. Время Фейербаха еще придет...» [1]

---

[1] Деборин. Фейербах как человек и мыслитель. Собр. соч. Фейербаха, т. I, стр. IX.

Время Фейербаха ушло безвозвратно. Будучи прогрессивным течением в истории 40-х годов, философия Фейербаха уже вскоре была преодолена диалектическим материализмом Маркса — Энгельса.

Характерно для Деборина, что он не только продолжает плехановскую линию защиты теории познания Фейербаха, но что он воспроизводит отдельные мотивы гегелевского идеализма, сохранившиеся у Фейербаха, и соглашается с ними. Это находит свое выражение в том, что природу человека, о которой говорит Фейербах, Деборин видит в «разумной сущности», а сама природа превращается у него в какое-то сознательное существо, имеющее в человеке свой «сознательный орган».

«Человеческое сознание безгранично и бесконечно, так как человек составляет единство «я» и «ты», единство внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, т. е. сознание, составляет сознательный орган объективной действительности».[1]

Признать природу разумной сущностью это значит принять точку зрения объективного идеализма, точку зрения тождества мышления и бытия.

Ленин вел беспощадную борьбу в своем «Материализме и эмпириокритицизме» с точкой зрения тождества мышления и бытия. Познание отражает материальное бытие и отражает его только потому, что оно само является свойством общественно-исторического бытия. «Общественное бытие и общественное сознание, — писал Ленин, — не тождественны — совершенно точно так же, как не тождественны бытие вообще и сознание вообще. Общественное сознание отражает общественное бытие — вот в чем состоит учение Маркса. Отражение может быть верной, приблизительной копией отражаемого, но о тождестве здесь говорить нельзя. Сознание вообще отражает бытие — это общее положение всего материализма».[2]

В корне противоположную точку зрения защищает философия Гегеля.

Для Гегеля сознание и бытие тождественны. Особенностью абсолютного идеализма является отрицание объективности материального мира, признание существования только духовных процессов, только процессов развития идеи — понятия. Для Гегеля реальность существует только как чисто мыслительный процесс. Поэтому для Гегеля нет материального предмета как такового.

[1] Деборин. Введение в философию диалектического материализма, стр. 212.

[2] Ленин. Собр. соч., т. XIII, стр. 273.

Предмет в гегелевской философии есть понятие, а учение о закономерностях предметного мира есть учение об имманентном развитии понятия. Все разделы философии Гегеля: логика, философия природы и философия духа — представляют собой учение о различных формах самообнаружения идеи—духа—понятия. Понятие «абсолютный дух» для Гегеля может обнаружить только то, что является его собственной сущностью, его собственным содержанием. Все явления природы и истории являются осуществлением содержания духа. С этой точки зрения общественная история есть чисто духовный процесс. Материальное производство, процесс труда, выступает в философии Гегеля как абстрактно-духовный труд, как деятельность чистой мысли.

Общественные отношения людей в материальном процессе производства не существуют для Гегеля. Всю совокупность общественных отношений Гегель превращает в чисто логические отношения, отношения людей приравниваются к определенным видам суждений. Так например общественные отношения накануне Великой французской революции, классовые противоречия между буржуазией и феодальной государственной властью Гегель приравнивает к двум видам суждений: «В этих обоих видах суждения находится момент равенства и неравенства: в первом виде суждения сознание находит государственную власть неравной, а наслаждение богатства равным себе, во втором наоборот — первую равной, второе неравным себе».[1]

Классовые группы людей определенного времени являются для Гегеля лишь формами сознания, а отношения этих людей к материальному производству и его продуктам — лишь определенными видами суждений.

Идеалистическая теория Гегеля представляет собой огромный шаг вперед по сравнению со всей прежней теорией познания, замыкавшейся в пределы отдельного человека и пытавшейся весь процесс познания раскрыть, исходя из чувств, мыслей и стремлений отдельного существа. В отличие от созерцательного материализма, Гегель развивал действенную абстрактно-историческую точку зрения на процесс познания, но «деятельную сторону» идеализм «развивал отвлеченно», «идеализм естественно не знает конкретной деятельности как таковой» (Маркс). Различные формы сознания для Гегеля являются формами проявления понятия; предмет, формирующий сознание, представляется Гегелю как понятие.

Диалектика предметного мира и деятельности человека, об-

[1] Гегель. Феноменология духа, стр. 228.

щественная практика, в которой человек деформирует предмет природы в процессе труда, где деятельность человека воплощается в материальную форму продукта труда, сводится Гегелем к диалектике сознания и понятия. Человек для Гегеля есть сознание, предмет для Гегеля есть понятие. Поэтому действительно существующие в истории формы материального производства Гегель сводит к чисто духовному производству, труд людей определенных периодов общественной истории превращается им в «абстрактно-духовный» труд, в деятельность чистой мысли. Не понимая общественно-исторической практики материалистически, гегелевская философия не рассматривала определенные классовые практические отношения, классовую борьбу в общественно-экономических формациях.

Для Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина классовый характер общественной практики является основным положением в теории и в частности в философии. В классовом обществе нет и не может быть «общечеловеческой практики».

Теория отражения, т. е. учение о том, как в форме идеального выступает переведенное и переработанное в человеческой голове материальное, обосновывается всей общественной историей, всей историей классовой борьбы. При понимании самой проблемы познания марксизм-ленинизм, в противоположность философии Гегеля, исходит из материальной практики людей. Материальная практика, общественно-историческое производство и возникающие в нем формы распределения являются основой процесса познания.

Реставрируя Гегеля, меньшевиствующий идеализм становится на точку зрения идеалистического понимания практики. Общественная практика подменяется Дебориным движением научного понятия, практическая деятельность — деятельностью чисто теоретической. Следуя Гегелю, Деборин подменяет борьбой сознания с предметом действительно существующую в истории классовую борьбу, исторически существующие формы производства и распределения. Формы общественного сознания, теоретическое мышление, Деборин представляет как самостоятельный, оторванный от общественной практики, процесс. Не общественная практика, а «наука, — для Деборина, — есть опосредствованное единство бытия и мышления. Человек должен испытать труд и деятельность мысли, чтобы восторжествовать над противоположностью природы и овладеть ею».[1] «Гегель, — по мнению Деборина, — разрешает проблему познания в свете всемирно-исторической практики человече-

[1] Деборин. Естествознание и марксизм, стр. 45, изд. 1928 г.

ства».[1] Тем самым Деборин сам становится на точку зрения Гегеля, понимавшего практику как чисто теоретический процесс, как историю познания.

Так например возникновение философии английских эмпириков и философии Канта, обусловленное особыми общественно-экономическими событиями, своеобразными формами классовой борьбы в Англии и Германии, рассматривается Дебориным с точки зрения саморазвития мысли.

Причины, породившие философию английских эмпириков, сводятся, по Деборину, к тому, что «необходимо было создать почву для свободного и действительного научного развития философии».[2]

Исторический процесс познания для Деборина имеет самодовлеющее значение. Исходя из имманентных законов мышления, развивающегося вне и помимо общественной практики, меньшевиствующий идеализм игнорировал основы марксистско-ленинской теории познания.

Идеальное есть переведенное и переработанное в человеческой голове материальное — говорил Маркс.

Отражать материальную действительность познание может только лишь через чувственно-человеческую деятельность, через практику.

ПРАКТИКА КАК КРИТЕРИЙ ПОЗНАНИЯ

Общественная практика не представляет собою некоего вневременного социального отношения, а выступает в совершенно определенной форме на каждом данном историческом этапе общественного развития. В такой конкретной исторической форме рассматривает вопрос Маркс, когда говорит о критерии практики. У каждого общественного класса существует определенный критерий практики. В каждую историческую эпоху этот критерий меняется вместе с движением класса, с формами выполнения его роли в истории. Материальное содержание практики, исторически определенные процессы материального производства являлись и являются критерием истины, критерием понимания объективной материальной реальности для людей определенных классов.

Патриархальное родовое общество и античный способ производства не знали производственных возможностей каменного угля, — только лишь зарождающиеся в порах феодализма товарно-капиталистические отношения открывают возможность разработки каменного угля в XII столетии (около Льежа, — Бельгия).

---

[1] Деборин. Философия и марксизм, стр. 238.
[2] Он же. Введение в философию, стр. 85.

Добыча железа, меди, серебра существует уже в общественной истории около шести тысяч лет. Но ни ассирийские разработки меди, ни обработка железа в древнейшем Китае, ни горный промысел древнего Рима не могли служить для широких геологических обобщений практическим критерием. Для широких теоретических обобщений понадобился длительный процесс горного производства, широкий размах его, большое умение удалять подпочвенную воду и внедрение в производство ряда других технических работ. Развитие промышленности торгово-капиталистического типа в XVI столетии позволяет обобщить всю практику горного дела. Опыт рудодобывающего производства стал настолько обширным, что дал возможность установить различия многочисленных горных пород, дал возможность установить известную их классификацию. (Агрикола в 1556 г. дает первую попытку систематического изложения геологии.)

Опыт есть итог, результат общественной практики. В опыте, поскольку он представляет собой совокупность практических достижений общества, мы раскрываем объективно существующую материальную реальность. «В опыте, — по Ленину, — выступают предметы познания, независимые от познания».

Постоянные пассатные ветры и морские течения существовали задолго до появления органической жизни, существовали миллионы лет до появления общественной практики и познания людей. Но пока были познаны пассатные ветры и морские течения, потребовался длительный путь развития практики. Мореплавание, широко развитое в Финикии, в Греции эпохи Перикла, в Александрии I и II вв., не накопило еще опыта для этих научных открытий. Только лишь развитый обмен на базе возникающего капиталистического способа производства создает практическую основу познания постоянных пассатных ветров и морских течений.

Основой познания в данном случае являлась буржуазная практика, однако в опыте мореходства буржуазия подытожила не только свою практику, но и практику предшествовавших ей ступеней общественного развития. Судостроение, широкое развитие корабельных верфей, различные виды оснащения судов знал еще античный способ производства.

Все развитие исторической практики подытоживается в опыте каждой эпохи. Именно поэтому проблему опыта марксизм-ленинизм решает на основе всей общественной практики.

Принимая в основу своей теории познания историческую практику, Маркс и Энгельс тем самым коренным образом изменили сложившиеся в домарксовой философии представления о проблеме опыта.

Беркли и Юм сводили опыт к совокупности ощущений. Кант понимал под опытом «познание посредством связанных между собой восприятий»,[1] причем условием связи ощущений он считал мыслящее «я», проявляющееся в категориях рассудка.

Возражая против субъективистского понимания опыта, идеалист Гегель считал опыт формой проявления в истории абсолютного знания, чистого понятия. Но идеалистическое понимание опыта не выводит Гегеля за пределы буржуазного субъективизма. Понятие оставалось у Гегеля «субъектом», самосознанием, единственным источником всякого опыта.

Идеалистическая философия рассматривала опыт исключительно в пределах самого процесса познания. Критикуемый Лениным эмпириокритик Авенариус назвал свою философию теорией чистого опыта. Под опытом Авенариус понимал то, что существует в пределах познания, — «предмет познания». Так понимал опыт Карстаньян, Мах и русские махисты — Богданов, Базаров. Возражая против Канта, который видел в опыте средство соединения ощущений категориями рассудка, «средство познания», Авенариус рассматривает опыт как данную совокупность ощущений, объявляя «метафизическим» вопрос о природе и источнике этих ощущений и их связей. «Под словом опыт, — писал Ленин, — несомненно может скрываться и материалистическая и идеалистическая линия в философии, а равно и юмистская и кантианская, но ни определение опыта как предмета исследования, ни определение его как средства познания ничего еще не решает в этом отношении».[2]

Суть вовсе не в том, является ли опыт предметом исследования или средством познания, суть в том, имеем ли мы дело в опыте с предметом, независимым от нашего познания, с объективным материальным миром, существующим независимо от нас. Поэтому Ленин упрекает Плеханова в «сплошной путанице» за его согласие с махистским определением опыта как предмета познания, за то, что Плеханов готов примирить махизм с материализмом, «не заметив» идеалистического понимания опыта у махистов.

«Ошибка Плеханова относительно понятия «опыт», которую разоблачил Ленин, не была случайной. Его примирение с идеализмом в понимании опыта неразрывно связано с ошибочным пониманием Плехановым ощущений как «символов, иероглифов» вещей, а не как зеркальных отображений, не как

---

[1] Кант. Критика чистого разума, стр. 112.
[2] Ленин. Собр. соч., т. XIII, стр. 125.

копий вещей. Плехановское понимание ощущений как символов, иероглифов не давало ему возможности дать такое определение опыта, в котором выступала бы непосредственная действительность материального мира.

Только с точки зрения последовательного материализма, которая ощущения и мысли рассматривает как формы отражения самых вещей, материальная действительность, независимая от человеческого познания, раскрывается в самом опыте.

Для марксистско-ленинской теории познания вопрос об опыте включается в более широкий вопрос — в вопрос о практике как критерии и основе познания.

Энгельс, критикуя точку зрения непознаваемости внешнего мира, писал: «Лучше всего разбиваются эти философские измышления, как и все другие измышления, самой практикой, т. е. опытом и промышленностью». [1]

Опыт и промышленность не существуют вечно неизменными. Развитие промышленности происходит по законам определенных общественно-экономических формаций. Основой опыта в классовом обществе является историческая практика определенных классов, ибо сам опыт людей определенного класса представляет собой не что иное, как итог развития определенной практики.

В самом деле. В процессе общественного производства, изменяющего предметы материальной природы и самые общественные отношения людей, предметы, казавшиеся ранее чуждыми, внешними, теряют черты своей кажимости, внешности и из «непознаваемых» становятся познанными. «Что мы можем сделать, — писал Энгельс, — того уж конечно мы не можем назвать непознаваемым». [2]

Включая критерий практики в теорию познания, марксизм не оставляет места для кантовской «вещи в себе». Для Канта «вещь в себе» была таинственной непознаваемой сущностью, недоступной нашим чувствам, недоступной познанию вообще. Материальный предмет перестает быть таинственной «вещью в себе», как только он выступает в процессе производства, как только он воспроизводится в промышленности.

«Для химии первой половины XIX столетия, — писал Энгельс, — органические соединения были такими таинственными вещами. Теперь нам удается одно за другим получить их путем синтеза из химических элементов и без помощи органических процессов». [3]

---

[1] Энгельс. Людвиг Фейербах, стр. 43, изд. 1929 г.
[2] Он же. Анти-Дюринг, стр. 374.
[3] Там же.

Объективный материальный мир раскрывается практикой. Ранее недоступные познанию материального мира процессы, существующие независимо от познания, выступают в практике людей определенного общества. Объективные законы материального развития, физико-химические закономерности перехода теплоты в движение, электродинамические процессы, процессы распада и воссоединения химических элементов раскрываются в материальной общественной практике.

Каждое новое поколение людей в процессе материального производства овладевает до сих пор неизвестными законами объективной материальной действительности; общественная практика является основой познания этих материальных процессов и именно поэтому практика общественных людей является критерием познания закономерностей материального мира.

Критерий практики в теории познания есть критерий познания объективного, независимого от нас, материального мира. Подводя итоги всему, чему учили о критерии практики основоположники марксизма, Ленин пишет: «Вне практики ставить вопрос о том, «соответствует ли человеческому мышлению предметная» (т. е. объективная) «истина», есть схоластика — говорит Маркс во втором тезисе о Фейербахе. Лучшее опровержение кантианского и юмистского агностицизма, как и прочих философских вывертов (Schrullen), есть практика — повторяет Энгельс. «Успех наших действий доказывает согласие (соответствие — Übereinstimung) наших восприятий с предметной объективной природой воспринимаемых вещей» — возражает Энгельс агностикам». [1]

Марксистско-ленинская теория познания отличается от всех других философских направлений последовательно-материалистическим решением вопроса о критерии истины. К всестороннему пониманию процессов объективного мира, пониманию «абсолютной природы» (Ленин) познание общественных людей доходит во всем своем многовековом историческом развитии. Но на любой ступени развития научного познания, как бы исторически условны и несовершенны ни были знания общественных людей, в какой-то мере они отражают объективную материальную реальность, приближаясь к абсолютной истине. То, что мы можем познать и познаем абсолютную истину, объективную материальную реальность, доказывает нам наша практика, превращая наши познания в действительно существующие предметы производства, переделывая, изменяя материальную действительность.

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XIII, стр. 112.

Но было бы грубым извращением и опошлением марксизма видеть в марксо-ленинском учении о практике как критерии истины отрицание огромного значения теоретического анализа и теоретической проверки различных логических выводов.

Рассматривая практику как исторический процесс, включающий в себя мышление общественных людей, марксистско-ленинская теория познания отвергает вульгарное, упрощенческое понимание критерия практики. Процесс мышления не представляет собой оторванной от практики чисто мыслительной деятельности. Именно поэтому в отправных пунктах и самом ходе познания обобщена практика данной исторической эпохи.

Поэтому и возможен логический ход идей, ибо он выражает материальный общественно-исторический процесс, переведенный и переработанный в человеческой голове. Сложный процесс образования понятий, логических суждений и умозаключений обусловлен всем ходом исторической практики эпохи Но как бы ни были основаны на обобщении всей предшествующей практики исходные пункты и методы (пути) теоретического познания, высшим и окончательным критерием для любой теории остается практика эксперимента, индустрии, классовой борьбы.

«Практика выше (теоретического) познания, — говорит Ленин, — ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности». [1]

Критерий истины марксистско-ленинская теория познания раскрывает в процессе, осваивающем объективную реальность, в процессе несравненно более широком, чем процесс познания в процессе непосредственно действительной практики, в объективном процессе.

Домарксовская философия решала, как мы уже знаем, вопрос о соответствии мышлению предметной, объективной истины вне практики, чисто теоретически, отвлеченно, абстрактно. Различные разновидности буржуазной философии пытались в самом познании, в разуме человека найти критерий истины. Рене Декарт видит критерий истины в ясности и отчетливости познания; Кант рассматривал критерий истины в всеобщем и необходимом характере самого познания; современная математическая логистика, в лице Рёсселя, Кутюра и других, критерий истины усматривает в логической формальной последовательности математических выводов. Рационалистические направления философии идеализма в исходных своих положениях отбрасывают вопрос о критерии объектив-

[1] Ленинский сборник IX, стр. 261.

ной истины, отбрасывают вопрос о критерии познания объективного, вне нас существующего мира.

Всеобщность и необходимость познания, которую Кант считает критерием истины и объективности, точно так же как и критерий ясности и очевидности познания у Декарта, не устанавливают действительного критерия познания объективного материального мира.

Сам процесс познания, как бы ясен и отчетлив, как бы всеобщ и необходим он ни был для людей определенной эпохи, не может быть критерием истины, критерием объективности.

Один из новейших буржуазных философских писателей, неокантианец Леонард Нельсон, чрезвычайно убедительно продемонстрировал всю бесплодность рационалистического критерия истины. В своей книге «О так называемой теории познания» и в своем докладе, читанном на философском конгрессе в Болонье, Нельсон доказывает невозможность теории познания, пользуясь рационалистическим критерием истины.

«Задача теории познания — исследовать истинность или объективную значимость нашего познания. Я утверждаю, — говорит Нельсон,—что разрешение этой проблемы *невозможно* и доказываю это утверждение следующим образом. Для того чтобы решить эту проблему, нам нужно было бы обладать критерием, применение которого дало бы нам возможность решить, истинно ли то или другое познание или нет. Назову этот критерий кратко «теоретико-познавательным критерием». Но такой критерий был бы сам познанием или не был бы таковым. Если бы он был познанием, он принадлежал бы к области проблематического, и значимость его должна была быть проверена при помощи теоретико-познавательного критерия, откуда ясно, что этот критерий сам познанием быть не может. Но если теоретико-познавательный критерий и не может быть познанием, то все же он может найти применение только в том случае, если он нам известен, т. е. мы должны быть в состоянии распознать, что он критерий истины. Для того же, чтобы познать так этот критерий, в нашем распоряжении должен уже быть критерий. Таким образом, — заключает Нельсон, — в обоих случаях мы приходим к противоречию. Ясно, следовательно, что теоретико-познавательного критерия быть не может, а потому не может быть и теории познания». [1]

Современная буржуазная философия демонстрирует наиболее ярко безысходные противоречия «буржуазного разума». Леонард Нельсон рассуждает схоластически — критерий

[1] Леонард Нельсон. Невозможность теории познания. «Новые идеи в философии». Сборник 5. 1913 г.

истины представляет собой процесс познания или не представляет процесса познания, должен быть познанием или не должен являться таковым. Если читатель внимательно проследит за приведенным отрывком, он убедится, что Нельсон свое или — или решает окончательно и односторонне в пользу того, что критерий истины должен быть познанием; далее Нельсон свидетельствует о полной беспомощности буржуазной философии в теории действительного научного познания.

Всякий критерий познания, если он является познанием, должен быть обоснован. Под давлением материалистических аргументов Нельсон понимает, что декартовская ясность и отчетливость и кантовская всеобщность и необходимость знания делу не помогут. Двадцатое столетие настолько далеко продвинуло изучение различных сторон истории общественного познания, что ни один из самых реакционных буржуазных теоретиков, кроме ученых попов вроде историка первобытного мышления патера Шмидта, о неизменности и всеобщности мышления не говорит. Нельсон понимает, что всякий процесс познания должен найти свой критерий, но критерий для Нельсона может быть только познанием, которое опять-таки нуждается в критерии, и т. д. без конца. Теория познания невозможна по Нельсону, так как не существует критерия истины, который сам бы не нуждался в своем обосновании.

Соображения скептика Леонарда Нельсона не новы в истории философии и не разрешимы для идеалистической теории познания.

Для диалектического материалиста критерием истины является непосредственная действительность самой практики; непосредственная действительность, которую рационализм тщетно ищет в самом познании. В то же время диалектика как теория познания уничтожает скептический аргумент Нельсона. Практика включает в себя процесс познания, познание представляет собой определенную сторону практической деятельности людей. Критерий практики чужд для Нельсона, для него критерий истины или сам должен быть познанием или не является таковым. Практика не исчерпывается познанием, но включает в себя процесс познания, ибо она представляет собой практическую деятельность познающих людей.

Практическая деятельность есть основа познания, поэтому эта практическая деятельность выступает и критерием познания, пронизывает каждую ступень, каждый момент, весь процесс познания. Практика включает теоретические понятия в объективные предметы промышленности, например теоретические выкладки Джоуля о механическом эквиваленте тепла

в сложнейшую конструкцию современных паровых машин. В классовой борьбе пролетариата, в классовой практике пролетариата марксистско-ленинская теория стала величайшей материальной силой.

«Процесс познания и *действия*, — учит Ленин, — превращает абстрактные понятия в *законченную объективность*».[1]

В отличие от созерцательного материализма Маркс рассматривает, как мы уже знаем, вопрос о критерии истины с точки зрения практики субъективной, т. е. с точки зрения действительного субъекта познания практической деятельности людей.

Мы видим, что Маркс самое субъективность понимает вовсе не так, как понимают ее эмпирики в смысле ощущений, чувств, восприятий отдельного субъекта. Не так, как понимали критерий истины Беркли и Мах, как совокупность ощущений субъекта, не так, как понимал субъективность Юм, видящий ее в потоке восприятий субъекта.

Маркс субъективность понимает не идеалистически, а диалектико-материалистически, рассматривая субъективную деятельность как деятельность, практически изменяющую материальную действительность, как деятельность, в материальном процессе которой переделываются, осваиваясь людьми, материальные предметы природы.

Один из представителей идеалистического эмпиризма—Богданов, приверженец философии Беркли и Маха, пытается извратить учение Маркса о критерии истины, трактуя идеалистически первый тезис Маркса о Фейербахе. Богданов, разоблаченный и разгромленный Лениным как сторонник чистейшего идеализма, пытается превратить Маркса в предшественника его «собственной» философии эмпириомонизма.

Маркс, как известно, говорит о созерцательности материализма до фейербаховского включительно, говорит о созерцательности механистического материализма, противопоставляя последнему материализм диалектический. Богданов фальсификаторски распространяет слова Маркса на всякий материализм, стало быть и на диалектический материализм.

Материализм, по Богданову, представляя собой «мировоззрение, оторвавшее материю от активности и поставившее последнюю в подчиненное положение, как одно из проявлений материи, конечно (материализм. *П. К.*) не может иметь активного характера, а неизбежно отличается *созерцательной* окраской. Этот коренной недостаток материализма — продолжает Богданов — и был указан Марксом в его знаменитых одинна-

[1] Ленинский сборник IX, стр. 227.

дцати критических примечаниях к Фейербаху, заключающих бегло набросанную программу новой научной (читай — моей, богдановской. *П. К.*) философии».[1]

Богданов полагает, что Маркс в первом тезисе о Фейербахе «бегло набрасывает программу» его собственной философской системы. В подкрепление своей идеи Богданов цитирует начало тезиса, извращая перевод и обрывая его в нужном для себя месте.

«Главный недостаток материализма, до фейербаховского включительно, состоял до сих пор в том, что он рассматривал действительность, предметный, воспринимаемый внешними чувствами мир, лишь в форме объекта или в форме созерцания, а не в форме конкретной человеческой деятельности, не в форме практики, не субъективно...» В этом месте обрывается перевод марксовского тезиса Богдановым, вернее, не перевод, а идеалистический пересказ Богданова.[2] Далее Богданов предпочитает не цитировать Маркса, который переходит от критики созерцательного механистического материализма к критике всякого идеализма. «Поэтому, — пишет он, — действенная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как последний не знает действительной, чувственной деятельности как таковой».

Под действительной чувственной деятельностью Маркс подразумевает непосредственно действительную, в то же время и объективную общественную практику, которую ни один идеалист, и в том чисел Богданов, не понимает и не может, оставаясь идеалистом, понять.

Богданов очень много говорит о практике, но при этом неизменно выхолащивает ее материальное содержание. Практика, по Богданову, не может согласоваться с последовательно-материалистическим мировоззрением. Материализм считает практику одной из форм развивающейся материи, Богданов резко

---

[1] Богданов. Философия живого опыта, стр. 77, 1923 г.

[2] Маркс пишет: «Der Hauptmangel alles bisherigen Materialismus» — «Главный недостаток *всего предшествующего материализма*» и т. д. Богданов переводит: «Главный недостаток *всего материализма*, до фейербаховского включительно, *состоял до сих пор* в том» и т. д. Фальсифицируя Маркса, Богданов приписывает ему упрек в созерцательности по отношению ко всякому материализму, в том числе, как видно, и материализму диалектическому. Слова «состоял до сих пор», приписанные Богдановым недостатку всякого материализма, принадлежат лично Богданову и никакого отношения к первому тезису Маркса о Фейербахе не имеют. Слово «Sinnlichkeit» — чувственность — переводится Богдановым идеалистической тирадой, взятой на прокат из Маха: «воспринимаемый *внешними чувствами мир*».

восстает против этого и признает практику только как социально-согласованный, социально-организованный опыт.

Точка зрения Богданова подменяет практику социальной согласованностью, подменяет практику чисто мыслительным процессом, точка зрения Богданова подменяет объективность «общезначимостью». В понимании общественной практики, как и во всех других философских вопросах, Богданов — последовательный идеалист.

Практика как социальная, согласованность у Богданова «становится чисто идейным отношением; такой же идеалистической сущностью является для Богданова объективность. Объективность Богданов понимает как познавательную «общезначимость», не внося ничего нового по сравнению с Кантом, рассматривающим объективность как «всеобщность и необходимость» самого процесса познания.

Отождествив все действительные материальные процессы с процессами чисто духовными, Богданову становится нетрудным отождествить их между собой. Действительность значительно шире общественной практики, практика есть лишь одна из форм существования многообразной материальной действительности, в общественной практике люди не овладели и не овладеют в ограниченное количество лет всем многообразием материальной действительности. Но по Богданову действительность или объективность это только общезначимость, общественная практика — это социально-согласованный опыт. Общезначимость и согласованность, эти оба вида чисто идейных процессов, Богдановым отождествляются. Богданов на почве идеализма устанавливает тождество между действительностью всего многообразия мира и общественной практикой.

Богданов, отождествляя объективную, абсолютную действительность с практикой, пытается сослаться на Маркса, причем на тот же первый тезис о Фейербахе, который им был до неузнаваемости искажен. «Маркс, — пишет Богданов, — первый понял, что объективность имеет не абсолютное, а *социально-практическое* значение. Он указал на это в тех примечаниях к Фейербаху, о которых мы неоднократно упоминали; там он предлагает понимать действительность («Wirklichkeit»), объективный мир, как человеческую практику и притом социальную».[1]

Богданов безуспешно пытается навязать идеализм Марксу. Маркс говорил о том, что созерцательный материализм не рассматривал действительность в форме практики, т. е. не рас-

[1] Богданов. Философия живого опыта, стр. 285.

сматривал общественную практику как одну из форм материальной действительности, — это конечно не то же самое что думает Богданов. Это не отождествление действительности с практикой, а подчеркивание того, что субъективная, практическая форма действительности является основой и критерием познания абсолютной материальной объективной реальности.

Марксистско-ленинская теория познания рассматривает, в противовес богдановскому идеализму, практику в неразрывной связи с объективным, абсолютным, независимым от нас миром. Практика есть критерий объективной истины, и только в отражении объективной истины, не зависящей от человека, видит материалистическая диалектика решающее значение критерия практики.

Богданов заимствует у Маха точку зрения, согласно которой критерием истины является полезность того или иного положения для субъекта. Рассматривая критерий познания как субъективную полезность, Эрнст Мах и его ученики оставляют в стороне вопрос об отражении познанием объективной материальной реальности, отбрасывают проблему отражения объективной, не зависящей от человека истины.

«Познание, — говорил Ленин в своей книге, направленной в особенности против философии Богданова, — *может быть* биологически полезным, *полезным в практике человека*, в сохранении вида, *лишь тогда, если оно отражает объективную истину, независящую от человека*».[1]

Практика является процессом, в котором находятся в единстве субъективная деятельность общественных людей с объективной материальной реальностью, с объективной истиной. Практическая точка зрения есть субъективная точка зрения в том смысле, что она исходит из материальной деятельности общественных людей, в то же время являющейся объективным процессом.

Ленин, определяя практическую субъективную деятельность, дает классическое определение субъективности: «*Субъективность* есть *стремление уничтожить отделение идеи* от *объекта*».[2]

Практика есть процесс уничтожения отделения познания человека от объективной материальной реальности. Объективный мир, объективная истина, через практику отражается в познании, перестает быть чуждым, отделенным от познания человека миром.

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XIII, стр. 114, изд. 3-е.
[2] Ленинский сборник, IX, стр. 227.

Критерий практики представляет собой вернейшее оружие борьбы против всякого идеализма, против агностицизма, против всякого кантианского неверия в возможность мыслящих общественных людей бесконечно развивать познание и практическое овладение законами природы.

БУРЖУАЗНАЯ ПРАКТИКА И ПОЗНАНИЕ

В классовом обществе не может быть внеклассовой практики и внеклассового познания. Критерий истины в классовом обществе есть практика определенного класса.

В XVI, XVII и XVIII столетиях, когда буржуазия в борьбе с феодализмом стремилась к господству, в первой половине XIX столетия, когда капитализм еще не пришел в период своего загнивания, капиталистическая практика была критерием прогрессивного познания.

Ряд философских систем, естественно-научных теорий, социально-политических взглядов этой эпохи останутся величайшими вкладами в историю прогрессивного общественного познания.

Бэкон и Гольбах, Гегель и Гёте, Лавуазье и Дарвин создали эпоху в своей области и в свое время, отразив в своих учениях ряд важнейших сторон материальной действительности.

Но как бы прогрессивны ни были взгляды Бэкона по сравнению со схоластической философией средневековья, какие сокрушающие аргументы с точки зрения идеализма ни выстрелял бы Гегель против кантовской «вещи в себе» — философские взгляды этих гигантов теоретического мышления оставались буржуазно-ограниченными.

Философия как Бэкона, так и Гольбаха чужда историческому пониманию явлений природы и истории. Диалектика Гегеля оставалась мистифицированной идеалистической диалектикой. «Все дарвиновское учение о борьбе за существование, — пишет Энгельс, — есть попросту перенесение... буржуазного экономического учения о конкуренции, а также мальтусовской теории народонаселения из сферы общества в сферу природы».

Прогрессивными теориями, отражающими отдельные стороны материального бытия, эти теории были постольку, поскольку они являлись идеологиями тогда еще прогрессивной буржуазии.

Теоретическая литература эпохи Возрождения в лице Коперника, Джордано Бруно и других, атеистическая публицистика французских материалистов, математические работы Лейбница и Эйлера являлись бесспорными свидетельствами

прогрессирующего человеческого познания, все более углубленного отражения познанием объективной материальной действительности.

Английская политическая экономия, немецкая философия классического идеализма и утопический социализм Оуэна, Фурье и Сен-Симона являлись непосредственными предшественниками марксизма, цельной теории, раскрывающей закономерности природы истории и человеческого мышления.

Капиталистический способ производства мог способствовать возникновению ряда теорий — естественно-научных, технических, философских, из которых одни в извращенной форме отражали, а другие только угадывали отдельные стороны объективной действительности. Капиталистическая практика определенного времени могла быть основой прогрессирующего познания. Но на любом этапе развития капитализма, даже в эпохи революционного подъема буржуазии, ее исторически ограниченная практика не могла создать материалистическую диалектику как теорию познания, отражающую противоречия объективной действительности.

Та же самая эксплоататорская сущность капитала, вызывающая к жизни до того времени невиданное развитие производительных сил и связанный с ними бурный расцвет математики и естествознания, в то же время порождает извращенные представления агентов капиталистического способа производства, в которых действительная сущность капитализма отражается в своей мистифицированной форме.

Основные противоречия буржуазного мышления коренятся в противоречиях самого капиталистического способа производства. Поэтому такие работы, как «Капитал» Маркса, «Империализм как новейший этап капитализма» Ленина, вскрывающие противоречия капитализма, приобретают для теории познания огромное значение.

Маркс вскрывает извращенный характер капиталистических отношений, начиная с простых категорий капиталистической экономики, исторически с того периода, когда капиталистические отношения еще не были господствующими, кончая периодом их революционного крушения.

В товаре и деньгах, в капитале и прибыли, в заработной плате, в форме прибавочной стоимости, в воспроизводстве капитала и т. д. вскрывается Марксом мистификация, извращение действительных отношений, присущее самой буржуазной практике.

В буржуазном обществе взаимные отношения между людьми «в общественно-производственном процессе приводят, — говорит Маркс, — прежде всего к тому, что их собственные произ-

водственные отношения, стоящие вне их контроля и их сознательной индивидуальной деятельности, принимают вещный характер, вследствие чего все продукты их труда принимают форму товаров». [1]

Отношения между людьми становятся возможными только через посредство вещей, через вещную форму товаров и денег, через посредство капитализма прибыли процента. Поэтому общественные отношения между людьми извращаются, мистифицируются.

Еще задолго до появления господства капитала, там, где появлялось товарное и денежное обращение, появлялись вместе с ними искажения действительных отношений. «Все формы общества, — говорит Маркс, — поскольку они доходят до товарного производства и денежного обращения, в той или иной мере характеризуются таким искажением действительных отношений». [2]

Буржуазное искажение действительности самими общественными отношениями развивается по мере роста господства капитала. «При капиталистическом способе производства и при капитале, который является его господствующей категорией, ее определяющим отношением производства, этот заколдованный и извращенный мир получает несравненно большее развитие». [3]

На основе господства буржуазии, благодаря господству капитала в производстве, общественные силы труда представляются буржуа в искаженном виде, как порождающиеся в недрах самого капитала. Создается благодаря объективно существующему обмену искаженное представление о прибыли, как о возникающей из обращения, а не из присвоения капиталистом неоплаченного труда рабочего.

Формы капиталистического дохода мистифицируют, извращают земельную ренту, выводя ее не из общественных отношений и прибавочной стоимости, а из природного элемента земли.

Маркс устанавливает, что *капиталистическая практика во всей совокупности общественных своих отношений придает себе такую форму, которая не соответствует ее действительной сущности.* В этом и только в этом заключается мистическая, иррациональная форма капитала, т. е. форма, противоположная тому, чем в действительности является капитал.

Капиталистические источники дохода и формы дохода «вы-

---

[1] Маркс. Капитал, т. I, стр. 61.
[2] Маркс. Капитал, т. III, стр. 596.
[3] Там же

ражают, — говорит Маркс, — отношения капиталистического производства в фетишистской форме. Их бытие, как оно проявляется на поверхности, отдельно от скрытой связи и предшествующих звеньев. Так земля становится источником земельной ренты, капитал — источником прибыли и труд — источником заработной платы».[1]

Меньше всего у Маркса речь идет о «моральной» оценке капитализма, о простом выражении негодования, о том чувстве, которое, скажем, было у идеолога буржуазной французской революции 1789 г. Жан-Жака Руссо, объявлявшего феодализм «противоестественным».

Маркс вскрывает действительное извращение, существующее в капиталистическом строе производства и лишь постольку воспроизводящееся в мыслях, в представлениях буржуа. Извращения, мистификация, существующие в буржуазной идеологии, лишь порождение действительного извращения капиталистической экономики.

Капиталистический способ производства в свете извращенного буржуазного сознания понимается как вечное неизменное явление, как отношение естественного человека к природе (эпоха просвещения в XVIII столетии), как единственная форма отношения людей к людям (вульгарная политическая экономия); наемный труд приравнивается ко всем возможным формам труда.

Ограниченная и извращенная буржуазная практика, как и практика всех эксплоататорских классов, подменяет у их идеологов все действительно исторически существующие формы развития, различные существующие в истории закономерности античного, феодального производства своим собственным типом производства.

Георг Фридрих Гегель, один из крупнейших мыслителей, стоящих на точке зрения буржуазии, обладающий огромным историческим чутьем, также не уходит от этого органического порока буржуазного мышления. В своей «Философии истории» и «Феноменологии духа» он подменяет различные общественно-исторические отношения и идеологии феодального и первобытного общества буржуазными формами мышления.

Буржуа с его особыми формами познания выступает у Гегеля, в характеризуемом им первобытном мышлении, рядясь в одежды античного общества, в тогу рабовладельца и рубище раба; под покровом феодальных отношений буржуа воплощается в мишуру рыцарской чести и долга. Эта же особенность буржуазного мышления проявляется у буржуазных эко-

[1] Маркс. Теории прибавочной стоимости, кн. 3, стр. 253.

номистов и так называемых современных «философов культуры» (Дильтей, Вебер, Шпенглер).

Капиталистический способ производства рассматривается как исторически неизменный, непреходящий, существующий всюду, где только существуют люди.

Ярким примером буржуазного мышления является контрреволюционная троцкистская оценка развития социалистических общественных отношений в СССР как отношений госкапиталистических, колхозной торговли, развивающейся на базе социалистических форм сельского хозяйства, как возврата к капиталистической «свободе торговли».

Для американского миллиардера Файлина, для «социалиста» Каутского и для тысячи других агентов и идеологов капиталистического способа производства «путь к социальному прогрессу лежит не через разрушение нынешней хозяйственной (капиталистической. *П. К.*) системы, но через ее дальнейшее развитие и усовершенствование». [1]

Буржуа ограничен совокупностью тех общественных отношений, которые обусловливают его деятельность. Само движение капитала является для буржуа основой его познания; единственным критерием познания, доступным ему, является эксплоататорская практика. Исходя из этой практики, из самого движения капитала, буржуазия могла развить небывалый по своим размерам процесс производства, огромную сеть химических и физических лабораторий, институтов, примыкающих к самим предприятиям и трестам, вызвать к жизни ряд научных открытий в самых разнообразных областях естествознания и техники.

Но ограниченная узким горизонтом буржуазной практики, наука, оставшаяся на буржуазной точке зрения, эта наука открывала одну за другой ряд закономерностей физико-химических и биологических процессов, но не могла сознательно вскрыть их существенные противоречия, т. е. дать диалектико-материалистическое объяснение постоянно расширяющейся, благодаря развитию промышленности, области познаваемых процессов.

Высшая фаза развития, которая была доступна буржуазному естествознанию, — это механистически-материалистическая точка зрения с некоторыми элементами стихийной диалектики в работах по физике, химии и биологии. Высшим продуктом буржуазной экономической мысли явилась классическая политическая экономия, но и она не смогла преодолеть того мира «внешней видимости», тех искажений действитель-

---

[1] Э. Файлин. Выход из тупика, стр. 31.

ных отношений, которые постоянно воспроизводят капиталистическое производство и обращение.

Классическая политическая экономия сделала огромный шаг к научному пониманию капитализма тем, что свела процент к части прибыли, тем, что «представила процесс обращения как простой метаморфоз форм и наконец в непосредственном процессе производства свела стоимость и прибавочную стоимость к труду. Однако даже лучшие из ее представителей — да иначе оно и быть не может при буржуазной точке зрения — в большей и меньшей мере остаются захваченными тем миром внешней видимости, который они критически разрушили, и потому все в большей мере впадают в непоследовательность, половинчатость и неразрешимые противоречия. Не менее естественно, с другой стороны, действительные агенты этого производства чувствуют себя как дома среди этих отрешенных от действительности отношений и иррациональных форм: капитал — процент, земля — рента, труд — заработная плата, потому что они живут и каждодневно имеют дело как раз с этими формами внешней видимости». [1]

Агенты капиталистического производства и его идеологи, в силу своих практических устремлений, в силу того критерия практики, которым они руководствуются и не могут не руководствоваться, ограничиваются тем миром внешней видимости, с которым они повседневно сталкиваются.

Действительные законы капиталистического производства остаются для них неразгаданной тайной.

Буржуазное мышление отрывает видимость от сущности процесса. В истории буржуазного познания это проявилось наиболее ярко в теории «вещи в себе» и явления Канта.

Капиталистическая частная собственность породила индивидуалистический взгляд на практику и мышление.

Освальд Шпенглер, идеолог германского фашизма, вопрос об отношении мышления к бытию формулирует в духе отношений капиталистической собственности, как проблему «своего и чужого».

Задолго до него Штирнер в своей книге «Единственный и его собственность» приводит взгляд на действительность, как на собственность субъекта. Еще ранее Локк и Юм рассматривают чувственность и мышление с точки зрения отдельного существующего индивидуума.

Буржуазия на всех этапах своего классового господства создавала одну за другой индивидуалистические теории в области философии, политической экономии и права.

---

[1] Маркс. Капитал, т. III, стр. 599.

Маркс называл эти теории большими и малыми робинзонадами. В области политической экономии строили теоретическую систему, исходящую не из своеобразной структуры производственных отношений определенного исторического периода, а из отдельного человека, хозяйствующего на «пустынном острове», отрешенного от всякой связи с другими людьми. «Робинзонада» представляет собой только идеологическое выражение частнокапиталистических отношений. Особенное распространение робинзонада получает в буржуазной теории познания, наиболее обобщенно преломляющей природу капиталистической экономики.

Критерием истины для философских мыслителей самых разнообразных направлений служит природа отдельного человека. В одном случае индивидуум понимается как мыслящий субъект (Фихте и др.), в другом — как поток восприятий (Юм и др.), в третьем — как объективное материальное, но отвлеченное от общественной истории существо (французские материалисты XVIII в.).

У этих направлений, выражающих различные социальные группы внутри класса, различные этапы развития капиталистических общественных отношений, общим является буржуазный индивидуализм, теоретико-познавательная робинзонада.

В двадцатых годах прошлого века идеалистическая диалектика Гегеля явилась наглядной иллюстрацией непреодолимого противоречия между диалектикой понятий, в которой был угадан ряд отдельных связей действительности, и идеалистической основой этой диалектики, возводившей мышление отдельного человека в абсолют. Но в период прогрессивной борьбы буржуазии с феодализмом буржуазная философия, несмотря на ее теоретико-познавательный индивидуализм, в лице французских материалистов, Гегеля и Фейербаха, еще способна была продвинуть вперед, хотя и однобоко, исследование отдельных теоретико-познавательных вопросов.

Реакционные черты индивидуалистического буржуазного мышления выступают наиболее выпукло в ту эпоху, когда противоречия капитализма обострились до крайности, в эпоху империализма и пролетарских революций.

Буржуазный индивидуализм в идеологии монополистического капитала, в идеологии, органически единой с агрессивной политикой империализма, выступает лишенный всякого покрова, в грубом и неприкрытом виде. Гегель свое учение о «самосознании», о «я» возводил в степень абсолютного духа. Для Шпенглера же, который воспринимает многое из идеалистической диалектики Гегеля, между субъектом и частной собственностью нет никаких различий, субъект прямо приравн-

нивается собственности, субъект рассматривается как собственный мир человека, объект — как мир, принадлежащий другим людям.

Особенно наглядно загнивание буржуазной теории познания видно в так называемом «прагматизме», пытающемся всю совокупность философских вопросов свести к практическим выгодам и желаниям личности. Для меня истина — говорит крупнейший представитель прагматизма Джемс — только то, что практически полезно. Все представители так называемого прагматизма сходятся на том, что истина не есть воспроизведение действительности в мышлении. Для теории познания прагматизма практическая польза отдельной личности, ее взгляды и интересы полностью решают вопрос об истине. Прагматизм резко выступает против теории отражения, согласно которой в познании дано отражение материальной действительности. Материальный мир не может быть отражен человеческим познанием, представление об истине опирается только на волю, на чувства субъекта — говорят прагматисты.

Представитель американского прагматизма Шиллер разбирает ряд возможных определений истины. Истина как необходимость, как соответствие объекту, как самоочевидность, как достоверность. Все эти определения представляют с точки зрения Шиллера лишь выражения различных психических состояний субъекта. Истина не складывается в процессе отражения мышлением общественного человека материальной реальности, — истины, создаваемые человеком, ничего не говорят нам о зависимых от него процессах. Из многочисленных возможных определений истины человек выбирает те, которые наиболее удобны для него в данный момент, которые лучше всего выражают его волю, его желания и собственные интересы. Истина есть рабочая гипотеза, никакого отношения не имеющая к действительному развитию материального мира, и всегда остается только ею. Единственное, с чем должна согласоваться истина, — это с личными делами и стремлениями человека.

Прагматизм представляет собой упадочную философскую идеологию империализма. Для буржуа эпохи империализма объективные процессы развития, законы общественной истории представляют собой нечто чуждое его личной воле, его поступкам и его интересам. На каждом шагу своей деятельности он сталкивается с чуждыми ему и непредвиденными для него процессами революционного движения рабочих масс, кризисами, ограничением и отсутствием возможностей сбыта. Здесь на помощь приходит философия прагматизма, «легко доказывающая», что кризисы не обусловлены объек-

тивной закономерностью, что истину следует искать не в них, а в «практических» интересах агентов капиталистического способа производства. Истина дана не в процессе отражения объекта, а в субъекте и его личных поступках. Только личными поступками, основанными на собственных интересах, можно, с точки зрения прагматизма, обосновать или отвергнуть определенную истину.

«О прагматизме, —писал Ленин, — говорят философские журналы едва ли не более всего. Прагматизм высмеивает метафизику и материализма и идеализма, превозносит опыт и только опыт, признает единственным критерием практику, ссылается на позитивистское течение вообще... на то, что наука не есть «абсолютная копия реальности», и... преблагополучно выводит из всего этого бога в целях практических, только для практики, без всякой метафизики, без всякого выхода за пределы опыта». [1]

Прагматизм представляет собой одну из крайних форм буржуазного субъективизма. Истинно для нас только то, что «помогает нам, что работает на нас» — говорит Дюи. Истина есть орудие, а не отражение материального процесса, а теория истины есть учение об орудии, потому прагматизм Джон Дюи называет инструментализмом.

Монополистический капитализм довел до крайности противоречия буржуазного общества. Попытки примирения буржуазной индивидуальности с объективным процессом действительности, на основе его адекватного отражения, делаются все более редкими. Многочисленным представителям буржуазной философии эпохи империализма точка зрения на познание, как на отражение объективного процесса развития, представляется уже чем-то чудовищным.

Прагматизм наиболее четко сформулировал отказ буржуазного познания от попытки вскрыть сущность противоречий объективного процесса материальной действительности. Мы не можем познать действительность материального мира, его внутренних, независимых от нас, противоречий — говорят все без исключения прагматисты. Познание есть «рабочая гипотеза» (Джемс), орудие (Дюи), опирающееся на наши интересы и выгоды, на наше «внутреннее чувство» (Джемс). Нам доступна только наша практика, практика повседневных дел, — все, что дальше, то «от лукавого», то непознаваемо, не может быть познано.

Философия буржуазного делячества, замкнутая в скорлупу частнособственнических интересов, находит себе отражение

[1] Ленин. Собр. соч., т. XIII, стр. 279.

в ряде философских систем, в ряде теоретических платформ, одинаково никчемных в деле разработки теории познания как теории отражения диалектических процессов материальной действительности.

Невозможность для буржуазного познания воспроизвести внутренние противоречия материальной действительности коренится, как мы видим, в природе самих капиталистических отношений.

Капиталистические источники и формы дохода для буржуа, носителя капиталистического способа производства, извращали действительное понимание материального предмета. Буржуазное сознание отражает материальные предметы сквозь призму товарно-денежной их формы, и то лишь поскольку буржуа владеет или стремится овладеть ими как частной собственностью.

Практика носителей буржуазного способа производства не может быть основой действительного материалистического понимания тех форм хозяйства, которые господствуют при капитализме.

Скрытые связи и звенья капиталистической системы могут быть действительно раскрыты и познаны только с точки зрения антикапиталистической, пролетарской.

Буржуазная практика — господство капитализма — представляла собой наивысшую форму истории, предшествующей диктатуре пролетариата и развитию социалистического общества, и создавала наиболее широкие возможности для развития общественного познания по сравнению с предшествовавшими эпохами.

Личное владение человеком в античной форме практики и экономическая — политическая иерархия феодальных общественных отношений являлись не меньшим, а несравненно большим препятствием действительного понимания развития, чем капиталистические источники и формы дохода. Но несмотря на это на основе ограниченной и извращенной практики буржуазии не могла вырасти такая теория познания, которая правильно разрешила бы вопрос о законах адекватного отражения в развивающемся общественном познании объективной действительности, не могла вырасти диалектика как теория познания.

Еще в 1845 г. Маркс, в противовес фейербаховскому материализму, установил исходную и основную точку зрения материалистической диалектики. «Точка зрения старого материализма, — писал Маркс, — есть гражданское общество; точка зрения нового материализма есть человеческое общество или человечество». Меньшевиствующие идеалисты и пре-

датель партии Рязанов игнорировали это гениальное положение, бросающее яркий свет на основы диалектического материализма.

При капиталистической форме производства и распределения общественные отношения людей выступают внешне как отношения отдельных индивидуумов, отдельных граждан. Отдельный буржуа является субъектом домарксовой философии. Этот буржуа, как познающий субъект, изолированный от всего существующего или возведенный в абсолют в предшествующей Марксу философии, предрешал характер, состав и процесс человеческого познания в понимании буржуазной философии.

Апологетически понятое капиталистическое общество было точкой зрения старого материализма и всей буржуазной философии. Партийность этой философии заключалась в увековечении в ее исходных пунктах и во всем ее характере капиталистических отношений, извращенно отраженных.

Точке зрения гражданского общества Маркс противопоставляет точку зрения человеческого общества, понимаемого им как совокупность реальных, исторически определенных общественных отношений, в основе которых лежат «необходимые, от воли (людей) не зависящие... производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» (Маркс). В этом реальном *человеческом* обществе, в противоположность тощим абстракциям *гражданского*, «действующими лицами» выступают не изолированные индивидуумы, а общественные классы.

При действительном понимании человеческого общества и капиталистического общества как определенной его формы развития классовая борьба рассматривается как основа его движения. С этой точки зрения, на которую стал Маркс, вскрывалась закономерность движения и гибели капитализма, закономерность движения пролетариата и пролетарской революции. С точки зрения Маркса становилось исторической необходимостью революционное разрушение капитализма и строительство в условиях диктатуры пролетариата социалистического общества, общества обобществленного. Энгельс, издавая тезисы Маркса «О Фейербахе», много лет спустя после их появления, в записной книжке Маркса заменил, следуя точному смыслу марксова понимания, термин «человеческое» термином «обобществленное»: «*Точка зрения нового материализма есть точка зрения обобществленного общества*», т. е. *точка зрения пролетариата, разрушающего капитализм, устанавливающего свою диктатуру и строящего на основе последнего обобществленное социалистическое общество.*

В отличие от других угнетенных классов пролетариат про-

ходит суровую школу крупного капиталистического производства. Эксплоатация в крупном капиталистическом производстве и борьба с ней вырабатывают у пролетариата навыки совместного общественного труда и создают возможность партийно-политической сплоченности и организованности.

Пролетариат является единственным классом, способным последовательно и до конца бороться против капиталистической эксплоатации и частной собственности на средства производства, против действительно существующей иррациональной и мистифицированной практики капитализма.

«*Только тот из угнетенных классов,* — писал Ленин, — *способен своей диктатурой уничтожить классы,* который обучен, объединен, воспитан, закален десятилетиями стачечной борьбы с капиталом, — только тот класс, который усвоил себе всю городскую промышленную крупнокапиталистическую культуру, имеет способность и решимость отстоять ее, сохранить и развить дальше все ее завоевания, сделать их доступными всему народу, всем трудящимся, — только тот класс, который сумеет вынести все тяжести, испытания, невзгоды, великие жертвы, неизбежно возлагаемые историей на того, кто рвет с прошлым и смело пробивает себе дорогу к новому будущему... только тот класс, который, «проделал закаляющую школу труда» и умеет внушать уважение к своей трудоспособности всякому трудящемуся, всякому честному человеку». [1]

Ленин, как мы видим, придает большое значение характеру труда пролетариата при капитализме при подходе к вопросу о самостоятельном классовом движении пролетариата. Рабочий класс в условиях капиталистического способа производства является величайшей производительной силой. Пролетариат является непосредственным производителем в буржуазном обществе. Именно его деятельность, а не деятельность капиталиста, переходит в материальный предмет, именно его деятельность выступает в единстве с предметом.

Условия крупнокапиталистической промышленности воспитывают в революционном классе такие навыки подхода к предмету, какие не складываются и не могут сложиться у капиталиста, основным мотивом деятельности которого «является меновая стоимость и ее увеличение» (Маркс).

Поэтому только идеологи рабочего класса смогли выработать последовательную материалистическую точку зрения на предмет, на те действительные процессы, в которых пролетариат сам участвует как производительная сила.

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 228.

Диалектико-материалистическая точка зрения на материальную действительность, как мы подробно проследим в дальнейшем, имеет в качестве своей наиболее развитой основы последовательно-революционную, направленную на разрушение капитализма, политическую борьбу пролетариата.

Правда, уже самый характер деятельности пролетариата как производительной силы капиталистического общества, суровая школа капиталистической эксплоатации, десятилетия стихийной классовой борьбы создали все необходимые условия для выработки последовательно-материалистической точки зрения на природу и общество.

Но надо помнить, что в капиталистическом обществе между рабочим и средством труда существует разрыв, обусловленный всей экономической структурой капитализма. Средства и орудия производства являются частной собственностью капиталистов. Прогресс капиталистической техники и организации производства выступает в качестве враждебной силы по отношению к рабочему, как сила, увеличивающая безработицу и эксплоатацию.

Сам общественный характер труда при капитализме выступает в качестве «некоторой чуждой рабочему силы» (Маркс). Ведь условием, осуществляющим общественный характер труда, сотрудничества рабочих в процессе материального производства, «условием осуществления этой комбинации является чуждая рабочему собственность» (Маркс).

Отношения между капиталистами и пролетариями однотипны во всех видах промышленности. Поэтому рабочему безразлично, «работает ли он над медью или железом», над искусственным шелком или полотном. В условиях капиталистического процесса производства для рабочего *безразличен* предмет труда.

Капитал использует все доступные ему средства для того, чтобы извратить сознание рабочего. Буржуазная школа, церковь, печать ставят своей задачей подавить в рабочем силу сопротивления капиталу, воспитать в нем идеологию раба, довольного своим рабством.

В эпоху империализма эту задачу капитала выполняет специальная агентура буржуазии — социал-фашизм. Определенные, весьма незначительные, группы рабочих ставятся буржуазией в привилегированные материальные условия, за счет все усиливающейся эксплоатации всей рабочей массы и колониальной рабочей силы. Этой прослойкой выделяется, оторванная от производства профессиональная и политическая бюрократия, которой осваивается и распространяется буржуазная идеология в среде рабочего класса. Социал-фашизм опери-

рует целой системой буржуазной политики обмана широких рабочих масс.

Буржуазное политическое воспитание рабочих стремится проводить каждая из политических партий буржуазии, ставящих своей первой, коренной задачей беспощадную борьбу против партии пролетариата, против компартии. Но чем больше углубляются противоречия капитализма, чем ожесточеннее становится классовая борьба, тем сознательнее и революционнее становятся рабочие массы, все безуспешнее может применять буржуазия приемы уродования, извращения сознания рабочего..

ПРАКТИКА ПРОЛЕТАРИАТА КАК ОСНОВА И КРИТЕРИЙ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Пролетариат как класс необходимо рассматривать в движении, развитии, в осуществлении его всемирно-исторической роли. «Историческая роль пролетариата, — говорит т. Молотов, — заключается не только в том, что он является могильщиком буржуазного общества, но и в том, что он является строителем нового социалистического общества. Тем самым государство, которое создает рабочий класс после своей победы, используется им для того, чтобы осуществить ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще... По мере уничтожения капиталистических элементов вырываются корни всякого классового деления в обществе и следовательно подготовляется ликвидация всех классов, а тем самым — и самого рабочего класса». [1]

Диктатура пролетариата осуществляет ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще. Тем самым в эпоху диктатуры пролетариата ликвидируются формы общественной практики, извращающие отношение человека к предмету. Уничтожается частная собственность на средства производства, землю, уничтожаются капиталистические источники и формы дохода, уничтожаются капиталистические мотивы деятельности, производство прибавочной стоимости.

Если капиталистическая собственность создавала разрыв между человеком и предметом, то уничтожение капиталистической собственности есть в то же время уничтожение этого разрыва.

В условиях диктатуры пролетариата, в самом процессе со-

[1] Молотов. XVII конференция ВКП(б).

циалистической индустриализации предмет труда и орудия производства во всей их материальной действительности становятся производительными силами растущего социалистического общества, средством ликвидации капиталистических элементов и переделки мелкотоварных отношений.

«Мы исходим, — писали Маркс и Энгельс, — из реально-деятельных людей, пытаясь вывести из их реально-жизненного процесса также и развитие идеологических рефлексов и отражений этого жизненного процесса».

Практика является основой теории. Поэтому, когда мы намечаем главные и основные моменты той или иной теоретической области, мы должны исходить из практики, из главного и основного в самой практике. Главное, основное в революционной практике пролетариата является действительной практической основой законов мышления, отражающих объективную реальность. Но главным вопросом всей революционной практики является вопрос о диктатуре пролетариата. «Основным вопросом революции является вопрос о власти» (Ленин). В свете этого основного вопроса большевизмом рассматриваются этапы пролетарского движения, предшествовавшие пролетарской революции.

Огромной заслугой вождя нашей партии т. Сталина является то, что он развил вопрос о диктатуре пролетариата как основной, главный вопрос ленинизма. «Разве это не верно, — писал Сталин, — что вопрос об империализме, вопрос о скачкообразном характере развития империализма, вопрос о победе социализма в одной стране, вопрос о государстве пролетариата, вопрос о советской форме этого государства, вопрос о роли партии в системе диктатуры пролетариата, вопрос о путях строительства социализма, — что все эти вопросы разработаны именно Лениным? Разве это не верно, что эти именно вопросы составляют основу, фундамент идеи диктатуры пролетариата? Главным в ленинизме является диктатура пролетариата».

Диктатура пролетариата невозможна без руководства передового, организованного отряда пролетариата, без руководства партии. «Партия есть основная руководящая сила в системе диктатуры пролетариата. Руководство партии есть главное в диктатуре пролетариата» (Сталин).

Вне руководства партии, мобилизующей силы рабочего класса на борьбу за ею диктатуру, пролетариат остается в плену у трэд-юнионистской, по существу либерально-буржуазной, идеологии или прямо попадает под руководство буржуазных партий.

Только под руководством партии пролетариат может разру-

шить капитализм, установить свою диктатуру и развернуть строительство социализма.

Только под руководством партии пролетариат может освоить все лучшее, что было создано в капиталистическом обществе наукой и техникой, критически переработать теоретическое наследие прошлого.

Теория пролетарской партии, критически переработавшая все лучшее, что было создано историей человеческой мысли, классово-последовательная, единая в своем практическом устремлении, эта «теория становится величайшей силой, когда ею овладевают массы», борьбой которых руководит эта партия. Но особенно широкий размах приобретает овладение массами революционной теорией диктатуры пролетариата, основанной на сознательной революционной деятельности миллионов. Это находит свое яркое выражение в том, что разработанный под руководством партии и на основе революционной теории план строительства социализма становится планом практической и теоретической деятельности миллионов и планом, реальность которого воплощается в «миллионах трудящихся, творящих новую жизнь» (Сталин).

Ленин о борьбе с народниками, меньшевиками и ревизионистами всех мастей отстаивал самостоятельность пролетарского мышления и его непримиримость по отношению к теоретическим воззрениям буржуазии и мелкой буржуазии.

Это ленинское требование самостоятельного развития пролетарского классового мышления являлось непосредственным выводом из необходимости отстоять против всяких чуждых классовых влияний самостоятельность политической борьбы пролетариата по отношению ко всем классам буржуазного общества.

В борьбе с народниками Ленин писал: «Пускай они пеняют на себя, если теперь марксисты против них выдвигают требования действительно очень «строгие», очень «узкие» — требования *исключительного* служения, *исключительно* одному классу, именно тому, который «дифференцирован» от жизни, *его самостоятельному развитию и мышлению*, требования полного разрыва с «гражданской порядочностью» российских «порядочных буржуев». [1]

Только партия осуществляет руководство самостоятельным развитием пролетариата. Это руководство выражается прежде всего в борьбе против буржуазного характера мышления, против буржуазной идеологии. Руководство самостоятельным

[1] Ленин. Собр. соч., т. I, стр. 245.

мышлением пролетариата может основываться только на руководстве его самостоятельным развитием.

Партийное руководство борьбой с буржуазными формами практики и мышления есть борьба с капиталистической собственностью и порождаемыми ею формами сознания.

Самому буржуа процесс познания не представляется как процесс отражения действительного материального мира через общественную практику.

В строгом соответствии с капиталистическими отношениями реальный мир предметов выступает по отношению к субъекту — капиталисту как внешний ему мир товаров, как внешняя сила, обладающая самостоятельными функциями, независимыми от людей, своими причудами и самостоятельным движением. В соответствии с этими действительными извращениями, существующими в практике капитализма, буржуазные теории познания представляют предмет силой, недоступной мышлению и чувствам человека, или некоей самостоятельно развивающейся духовной силой, или внешней силой географической материальной среды.

«Эмпирическим фактом всей прошлой истории, — писали Маркс и Энгельс, — является то, что отдельные индивиды, по мере расширения их деятельности до размеров всемирно-исторической, все более попадают под власть чуждой им силы — силы, которая становится все более и более массовой и оказывается в последнем счете мировым рынком. Но столь же эмпирически обосновано и то, что эта столь таинственная для немецких теоретиков сила уничтожается благодаря перевороту в существующем общественном строе, совершаемому коммунистической революцией, и связанному с этим уничтожению частной собственности». [1]

Теория познания буржуа не совпадает и не может совпасть с материалистической диалектикой.

Для буржуазных теоретиков невозможно такое учение о познании, такая теория познания, которая в то же время была бы учением о диалектике предметного мира. Для буржуазных теоретиков не существует чувственно-человеческой деятельности, общественной практики, в которой выступают в единстве процесс мышления и объективная диалектика предмета.

Если для диалектического материализма чувственная человеческая деятельность есть предметная деятельность, есть деятельность над самим предметом и посредством предмета, есть деятельность, сближающая человеческое мышление с предметом, проверяющая мышление человека, — то для всех без

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 225.

исключения буржуазных теоретиков чувства и ощущения изолированы от общественной практики. Для подавляющего большинства из них чувства отрывают мышление от предмета, ограничивают мышление пределами «данного» в сознании отдельного человека, воспринимают предмет как чуждую внешнюю силу.

Пролетарская революция в своем основном содержании — в диктатуре пролетариата — уничтожает всю социальную основу теоретического отрыва мышления от бытия, практическую почву гносеологических корней идеализма, классовую основу как субъективизма, так и фетишистского объективизма, устраняет практическую капиталистическую основу отрыва теории познания от диалектики.

«Диктатура пролетариата, — писал Ленин, — есть руководство политикой со стороны пролетариата». Сила этой политики в том, что она основывается на «*полной ясности и трезвости учета всех наличных классовых величин,* и русских и международных, а затем проистекающая отсюда железная энергия, твердость, решимость и беззаветность борьбы». [1]

Классовая политика пролетариата вскрывает всю совокупность противоречий действительности, диалектику материальных процессов. Только эта практика и политика являются основой и исходным пунктом такой теории познания, которая вскрывает диалектику классовых противоречий капитализма, двойственный характер труда при капитализме, противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения и которая с той же точки зрения противоречивого развития подходит к разрешению основных проблем науки о природе. Но теория познания, которая представляет собой учение о противоречивом развитии «в его наиболее полном и свободном от односторонностей виде» (Ленин), и есть материалистическая диалектика. *В классовом обществе диалектика может быть теорией познания только пролетариата.* Только руководимый партией пролетариат является субъектом действительного познания, только сама диалектика революционной практики вскрывает действительный характер отношений субъекта к объекту.

И те истинные формы взаимоотношений субъекта и объекта, мышления и бытия, которых бесплодно искала буржуазная теория познания в сфере самой мысли, эти действительно истинные взаимоотношения осуществляются только в революции, только в практике социалистического строительства.

Маркс говорил, что коммунизм есть «истинное решение

[1] Ленин. О продналоге, Собр. соч., т. XXVI, стр. 331.

спора между человеком и природой», между материальной действительностью предмета и трудом человека.

Центральный вопрос всей теории познания есть вопрос об истине, вопрос о действительной форме отражения диалектики материального развития в мышлении. Но разве этот вопрос не решается самостоятельной политикой пролетариата, окончательным разрывом с буржуазными формами политики и мышления?

Только на основе последовательной самостоятельной политики пролетариата можно преодолеть любую форму буржуазной ограниченности. Только на основе самостоятельной политики пролетариата вскрывается во всей глубине противоречий, во всем богатстве своих форм проявления материальный процесс развития. Вскрывая материальные противоречия развития, идеолог пролетариата — диалектический материалист — «последовательнее и глубже проводит свой объективизм» (Ленин), чем объективист, сторонник буржуазной действительности, доказывающий лишь прогрессивность этой действительности.

До овладения теорией познания марксизма — материалистической диалектикой — и познания на ее основе *противоречий капиталистического общества в эпоху капитализма доходит только лишь авангард пролетариата — его партия.*

Условия же, необходимые для того, чтобы материалистическая диалектика как теория познания стала сознательной формой мышления миллионов и тем самым приблизила бы окончательное «преодоление пережитков капитализма в экономике и в сознании людей», создаются только пролетарской революцией, только на базе диктатуры пролетариата.

Только создающиеся на основе диктатуры пролетариата социалистические формы производства порождают вместе с новым отношением к труду новое массовое отношение мышления к предмету познания.

В эпоху диктатуры пролетариата в процессе социалистической индустриализации рабочий имеет дело с обобществленным предметом, с предметом, который стал достоянием пролетарского государства.

В связи с этим коренным образом меняются его взгляды на предмет познания, на предмет и характер труда. «Самое замечательное в соревновании, — говорит Сталин, — состоит в том, *что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд*».

Обобществление средств производства, созданное пролетарской диктатурой, делает возможным и необходимым соцсоревнование, порождает коренной переворот в мышлении миллионов.

В процессе соцсоревнования материальный предмет производства выступает в мышлении человека как предмет, органически связанный со всем движением общественной жизни. Материальный предмет выступает в диалектическом взаимодействии всех сторон революционной действительности.

В социалистической практике пролетариата каждая тонна чугуна и угля являются орудием победоносного социалистического наступления, а овладение лучшей техникой металлургической и угольной промышленности — одной из основных форм классовой борьбы на данном этапе.

Выполнение планов ударной бригады понимается ударниками как выполнение плана развития социалистически-общественных отношений.

Общественный характер труда воспринимается здесь не как чуждая рабочему сила. Рабочие выступают сознательными участниками революционной практики на любом участке этой практики.

Тот разрыв умственного и физического труда, который был характерен для всех предшествующих диктатуре пролетариата форм классового господства и который в капиталистическом обществе становится наиболее глубоким, уничтожается диктатурой пролетариата, уничтожается партийной большевистской политикой пролетариата.

Руководящая роль в уничтожении разрыва между физическим и умственным трудом принадлежит партии. В пропагандистской и массовой воспитательной работе партия делает достоянием широких рабочих масс научное понимание исторических процессов развития. Создаваемые заводы-втузы углубляют технические навыки рабочего до теоретического понимания физико-химических и технологических закономерностей.

Руководимое партией политическое воспитание и техническое обучение приводят рабочего к широкому, разностороннему пониманию неразрывной связи процессов данного производства с самими закономерностями диктатуры пролетариата.

Мы указывали, приводя слова Маркса, что рабочему в капиталистических условиях производства безразлично над чем он работает — над медью или железом. Для пролетариата в эпоху его диктатуры вовсе не безразличен предмет, над которым он работает. В условиях диктатуры пролетариата рабочий класс, овладевая техникой производства, познает материальный предмет во всем своеобразии. Для рабочего уже не безразлично — работает ли он над медью или железом.

Борьба рабочего класса, проводимая под руководством партии за экономию и качественно лучшее использование мате-

риала и инструмента, за поднятие качественно-количественных показателей промышленной и сельскохозяйственной продукции, получает свое выражение в стремлении каждого сознательного рабочего найти в своеобразии материального предмета, над которым он работает, новые возможности его применения.

Не безразличие к предмету, а глубочайшая заинтересованность в материальном предмете, экономия орудия и материала характеризуют людей социалистического производства. Под руководством партии, посредством проводимой ею массовой воспитательной работы, марксистско-ленинское понимание диалектики самого социалистического строительства овладевается широкими массами трудящихся.

При диктатуре пролетариата учение о диалектическом процессе развития социализма, отражение диалектики материального развития становится теорией познания миллионов.

Мы видели, что единственной практической основой диалектики как теории познания является самостоятельное пролетарское движение.

Только лишь революционная практика, направленная против капитализма и устанавливающая диктатуру пролетариата, только лишь революционная партийность порождает диалектико-материалистическую форму мышления. В эпоху диктатуры пролетариата в социалистическом строительстве к диалектике как теории познания приходят миллионы. Вне диктатуры пролетариата невозможно массовое порождение коммунистического сознания.

Социал-фашизм в лице Бернштейнов, Адлеров и Каутских, отрицая диктатуру пролетариата, отрицая революционную практику, упраздняет тем самым практическую основу диалектики как теории познания.

В своем «Материалистическом понимании истории» патриарх социал-фашизма, вдохновитель капиталистической интервенции против СССР, Карл Каутский, пишет: «Существование диктатуры в качестве нормального государственного состояния является доказательством большой слабости пролетариата, а тем самым его временной неспособности заменить капиталистическое производство социалистическим». [1]

Каутский выступает апологетом капиталистической практики и ярым врагом практики революционной. Капитализм для Каутского является «единственно возможным методом дальнейшего развития». [2] Марксова теория классов, товарного фе-

[1] К. Каутский. Собр. соч., т. II, стр. 469.
[2] Там же, стр. 418.

тишизма, прибавочной стоимости заменяется апологетикой капиталистического хозяйства.

Анализ отношений человека к предмету Каутский ограничивает рамками буржуазных отношений, превращая последние в вечную, неизменную категорию. Обусловленный, как мы уже отмечали выше, капиталистическим строем производства и распределения разрыв между материальным предметом и его формой, тот действительно исторический факт, что буржуа воспринимает только фиксированную в товаре стоимость, а не материальный предмет, как таковой, Каутский возводит в принцип «высокой» философии. Каутский возрождает теорию «вещи в себе» Канта, возрождает основные принципы буржуазного мышления. По этому пути идет и Адлер, подробно распространяясь на тему о том, что кантианская теория познания есть единственная теория познания марксизма.

Каутским и Адлером категорически отрицается всякая связь марксистской теории познания с политической практикой пролетариата, с партийностью. «Сам по себе марксизм,— по мнению Макса Адлера, — совершенно аполитичен, если под этим словом понимать принадлежность к политической партии». [1]

Мнимая «беспартийность» Каутских и Адлеров в теории познания есть типичная форма проявления буржуазной партийности, типичная апологетика капиталистической практики и буржуазного мышления.

По проторенному пути социал-фашизма идет контрреволюционный троцкизм.

На деле троцкизм есть контрреволюционное третирование практики пролетариата.

Если для массового порождения диалектико-материалистических форм мышления, с точки зрения Маркса, Ленина и Сталина, необходима диктатура пролетариата, необходимо большевистское руководство политикой со стороны пролетариата, то для Троцкого «быстрые смены задач и методов партии дезорганизуют сознание рабочего». [2]

Не рассматривая самостоятельную политику и практику пролетариата как исходный пункт и основу научного познания, Троцкий по существу воспринимает буржуазную науку во всей ее неприкосновенности.

Пролетарская революция и ее основное содержание — диктатура пролетариата — являются высшим практическим кри-

---

[1] Адлер. Учебник по историческому материализму, т. I, стр. 21, 1930 г.

[2] Троцкий. Собр. соч., т. XXI, стр. 258.

терием познания всего исторического прошлого науки, всей истории человеческого знания.

Революционная борьба пролетариата возникает как результат всей предшествующей истории. Сотни тысяч человеческих поколений должны были притти и уйти со сцены мировой истории, ряд экономических формаций должны были возникнуть и исчезнуть до появления организованного пролетарского движения при капитализме, до появления пролетарской революции и ее основного содержания — диктатуры пролетариата.

Античный, феодальный и капиталистический способы производства явились основными прогрессивными ступенями всемирной истории в развитии материального производства, форм классовой борьбы и развития общественного познания.

«Тысячелетия прошли, — писал Ленин, — с тех пор как зародилась идея «связи всего», «цепи причин»; сравнение того, как в истории человеческой мысли понимались эти причины, дало бы теорию познания бесспорно доказательную».[1] Различия в понимании этих идей выражались в формах сознания определенных общественных отношений, в различных идеологиях господствующих классов.

Что это за формы мышления? Это мифология и магия патриархально-родовых общин, это космологические теории античного общества, это религиозно-схоластическое мировоззрение феодальных общественных отношений, это механистически-материалистические и идеалистические, имеющие своей основой индивидуализм, воззрения эпохи товарно-капиталистических отношений.

Все эти формы мышления извращенно отражают материальные связи внешнего мира через ограниченную общественную практику определенных классов. Все они, как говорил Ленин, «односторонни», «классово-ограниченны», органически связаны с религиозно-мистической своей формой.

В своем исторически существовавшем виде все эти формы мышления не могут быть нами приняты ни целиком, ни по частям. Только чуждые диалектическому материализму представители механистической ревизии марксизма могли думать, что теория познания диалектического материализма есть простая сумма исторически существовавших идей Демокрита, Ньютона, французских материалистов, современных буржуазных физиков и даже Фрейда.

Материалистическая диалектика как теория познания, раскрывая основные законы бытия и мышления, рассматривает историю знания, как и всю действительность, не созерцатель-

[1] Ленинский сборник XII, стр. 307.

но, а действенно, не объективистски, а критически и революционно.

Исходя из революционной практики как основы и критерия познания, марксизм-ленинизм исходит из высшей формы развития общественной истории, которая является высшей формой материального движения.

Все действительно прогрессивное, что создавалось в прежних способах производства, критически перерабатывается и на новой классовой основе получает свое новое практическое и теоретическое содержание.

В таком совершенно измененном виде пролетариат использует культурное наследие прошлого в своей борьбе за государственную власть, в социалистическом наступлении при диктатуре пролетариата, в движении социалистического общества.

«Только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, — говорит Ленин, — только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру». [1]

Эпоха диктатуры пролетариата осваивает и переделывает все лучшее в науке и промышленности, что добыто во всемирно-историческом развитии общественной практики, придает историческому наследию новое содержание, неизмеримо более высокое и продуктивное по типу своего развития. Проводя в жизнь лозунг партии «догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны», в росте социалистической индустрии мы осуществляем и этот процесс.

Освоение исторического наследия прошлого происходит в жестокой классовой борьбе, в борьбе за то, чтобы лучшее, что создала наука и промышленность, служило делу социализма, делу ликвидации капиталистических элементов и классов вообще, делу преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей. Только то из общественно-исторического прошлого, что может быть переработано и усвоено в революционной практике пролетарского движения, является жизнеспособным, имеет не только свое прошлое, но и будущее в новых общественно-исторических формах движения.

Революционная практика есть *критическая деятельность*, критическое преодоление, критическое усвоение исторического прошлого. Мы выяснили, что только в последней выступает действительная реальная основа диалектики как теории познания и только в революционной практике находит всю реальную основу ряд важнейших проблем материалистической диалектики.

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XXV, стр. 387.

Решение вопроса о логическом и историческом, о теории и истории познания вне революционной практики есть схоластическое, не имеющее никакой реальной основы решение.

Оторванное от революционной практики схоластическое решение вопроса о теории и истории познания, о логическом и историческом характерно для меньшевиствующих идеалистов и механистов. И те и другие некритически воспринимали историческое прошлое развития науки и философии, стирали принципиальное различие между мышлением пролетариата и буржуазии.

Механисты просто переносили в свою методологию учение о материи Декарта (З. Цейтлин), ньютоновскую механику (А. Тимирязев), математическую логистику (Варьяш). В их писаниях мирно сожительствуют идеи из произведений Маркса, Энгельса и Ленина с буржуазными теориями.

Действительное решение проблемы логического и исторического может иметь своей реальной базой только большевистскую политику, только непримиримую борьбу на два фронта.

Только на основе большевистской политики можно вскрыть, что из предшествующих явлений общественной истории ушло окончательно в прошлое, что нужно уничтожить и преодолеть, чему принадлежит будущее, что действительно жизнеспособно.

На основе диктатуры пролетариата происходит процесс социалистической реконструкции техники и науки и самая решительная борьба со всем, что обусловлено капиталистической эксплоатацией и буржуазной идеологией в техническом и естественно-научном процессе.

Принимая за основу теории познания революционную практику пролетариата, марксизм-ленинизм использует тем самым, критически перерабатывая, положительные результаты общественной истории. «Вся живая человеческая практика, — писал Ленин, — врывается в нашу теорию познания», [1] тем самым подчеркивая необходимость критически освоить в общественно-исторической практике пролетариата все живое, жизнеспособное, которому принадлежит не только прошлое, но и будущее.

Все то лучшее, что накоплено наукой и техникой в их многовековом развитии, получает в революционной практике пролетариата и теории познания диалектического материализма не только свою характеристику, как прошлое, но и свою действительность для будущего.

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XIII, стр. 190.

МОМЕНТЫ ПОЗНАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Только исходя из материальной общественной практики, как основы теории познания, Маркс, Энгельс и Ленин смогли разрешить проблему связи субъекта и объекта, вскрыть исторический, развивающийся характер этой связи.

Человеческое познание действительности на своем пути проходит различные моменты, ступеньки, означающие постижение человеком все более глубоких и многосторонних связей материального мира. Ленин [в «Плане диалектики (логики) Гегеля»] следующим образом излагает движение познания вглубь: «Сначала *мелькают* впечатления, затем выделяется *нечто,* потом развиваются понятия *качества* (определение вещи или явления) и *количества.* Затем изучение и размышление направляют мысль к познанию тождества—различия—основы—сущности. Все эти моменты (шаги, моменты процессы) познания направляются от субъекта к объекту, проверяясь практикой и проходя через эту проверку к истине...» От непосредственного восприятия действительности, ощущений, отдельных впечатлений, получаемых с помощью наших чувств, человек переходит к определению вещи в понятии, к раскрытию *связи, закона* ее развития, проверяя все это на практике.

Среди всех этих различных моментов познания действительности проблема соотношения и связи чувственного и логического момента, непосредственного и опосредованного знания, проблема значения и роли каждого из них на каждой ступени познания занимала в философии на всем протяжении ее истории одно из центральных мест. Уже в древней Греции во всей широте ставится вопрос о том, что признать *истинным:* «чувственную достоверность» или «логос» (разум)? Если «чувственную достоверность», то как выразить многообразие явлений, постигаемых чувствами, в их связи, единстве? Ведь во всей широте ставится вопрос о том, что признать *истинным:* отражение его в *понятии.* Но где переход от отдельных, разрозненных ощущений к отражению предмета в форме логических понятий? Беспомощность в решении этого вопроса приводила к скептицизму и релятивизму (признание софистами абсолютной относительности всего существующего и нашего знания в том числе), отрицанию реальности движения (элеаты), к построению идеалистических систем (Платон: чувственный, материальный мир равен небытию).

В разработке диалектики как теории познания Ленин настойчиво подчеркивал проблему перехода одного момента познания в другой и беспомощность в ее решении домарксо-

вой философией. В неумении решить эту проблему Ленин видит один из камней преткновения греческих, а также современных философов.

Ленин показывает, что одинаковый в основном подход к этой проблеме явился тем, что объединяет различные течения на всем протяжении истории философии, например: софистов, Канта и Маха; Гегеля и Платона, Эпикура и Локка.

Древний греческий рационалист Зенон признавал движение как «чувственную достоверность». Но он не ограничился признанием факта. Один из первых в истории философии он открыл противоречивые стороны движения — противоречие дискретности и непрерывности, покоя и становления в нем. Один из первых он поставил перед собой задачу *понять* связь этих сторон, и в этом его большая историческая заслуга. Но, будучи метафизиком, он не смог выразить это противоречие в понятиях и поэтому, как рационалист, пришел к отрицанию реальности движения, противопоставив ему, как обманчивому чувственному противоречию, постигаемые в метафизических понятиях покой и тождество, как реальную сущность вещей.

Ленин так формулирует ход мыслей Зенона, который привел его к отрицанию реальности движения: «Вопрос не о том, есть ли движение, — пишет он о затруднениях элеата Зенона, признававшего движение как «чувственную достоверность», — а о том, *как его выразить в логике понятий*».[1]

В истории новой философии различные решения вопроса о том, что признать истинным для научного знания — чувственный опыт *или* мышление, дают различные философские течения: сенсуализм, эмпиризм (от латинского слова «сенсус» — чувство и греческого «эмпейриа» — опыт) и рационализм (от слова «рацио» — разум).

Сенсуализм в новой философии был в основном теорией познания различных материалистических направлений, которые выступали под его знаменем на борьбу со средневековой схоластикой и безудержным рационализмом классического немецкого идеализма. Такими были: английские философы Бэкон и Локк, французские материалисты XVIII в. и Фейербах. Но из той же точки зрения сенсуализма делались и делаются различными философами субъективно-идеалистические выводы.

Классическими представителями такого сенсуалистического идеализма являются, как мы видели ранее, Беркли и Юм. Откуда такой своеобразный «союз» представителей двух

[1] Ленинский сборник XII, стр. 187. (Курсив наш. *Авторы.*)

резко враждебных партий в философии? К этому следует особо внимательно приглядеться, ибо здесь вскрывается, что метафизическое застывание на каком-либо одном моменте познания, вырванном из всего пути познания в целом, может служить лазейкой идеалисту, а при благоприятной классовой обстановке (способствующей всегда той или иной партии в философии и закрепляющей ее выводы) — превратиться в целую идеалистическую систему.

На чем споткнулись Беркли, Юм, а также современные махисты, отрицающие в той или иной форме объективность внешнего мира, исходя из признания чувственности единственным источником и материалом познания?

Ход их рассуждений примерно таков.

Человеку даны непосредственно его восприятия, ощущения. Они являются единственным материалом познания. В самих восприятиях никакой внутренней необходимой связи нет. Связь эта — не что иное, как различное сочетание восприятий в потоке психических переживаний субъекта. Поэтому всякие разговоры об объективности логических категорий — причинности, взаимодействии, субстанции и т. п. — сплошная метафизика, ничего реального не отображающая в чувственном материале познания. Логические категории — только схемы, которыми мы пользуемся для ориентировки в чувственном материале и для той или другой его оценки. Но эти схемы и эта оценка целиком субъективны, субъективны не по отношению к внешнему миру, в который можно только верить, как верят в бога, чорта, но который для опытного знания не существует, — эти логические схемы субъективны по отношению к самому чувственному материалу познания, ибо определяются не им, а особенностью субъекта и его состоянием, т. е. в конечном счете совокупностью других его психических переживаний, кроме той группы ощущений, на которую направлено его внимание. Утверждения материалистов о том, что необходимая объективная связь между чувственными явлениями подтверждается опытом, практикой, представляют собой элементарную логическую ошибку, ибо сам опыт, практика есть не что иное, как совокупность психических переживаний, т. е. лишена внутреннего единства и связи. Мир человека замкнут его «чувственным опытом» и за его пределами для «позитивного» научного познания ничего не существует.

Итак корень ошибки сенсуализма, раздутой субъективными идеалистами в целую философскую систему, состоит в том, что он сосредоточился только на вопросе об источнике и *содержании* познания и оставил совершенно в тени вопрос

о *формах* познания и их обосновании, о выражении в них связей и переходов, данных в самом чувственном опыте. Субъективные идеалисты превратили чувственные представления, в которых сенсуализм правильно видел конечное *средство* познания, в единственный *объект* познания.

Исходя из того, что каждый объект познания в конечном счете предстает перед нами в своей чувственной форме, они возвели в абсолют единичность, специфичность, присущую ей, как момент, и лишили тем самым объект всякой внутренней необходимой связи. Например скучающему человеку время кажется «вечностью», бодро настроенному — «мгновением». Бойцу, идущему в поход со свежими силами, ничего не стоит «отмахать» верст 40, а уставшему и 2 версты покажутся огромным расстоянием. Тем самым субъективные идеалисты воскресили положение древнегреческого *скептика* Протагора о том, что «человек есть мера всех вещей», и лишили науку единственной ее базы — объективной закономерной связи явлений.

Действительно, оставаясь на почве одних только ощущений, невозможно вскрыть например, что не солнце вращается вокруг земли, а наоборот — земля вокруг солнца, что гром и молния появляются одновременно, а не одно после другого. Таким образом, борясь за права чувства в познании, как единственной «реальной данности», против всякой «метафизики», против умаления прав чувств «своевольным разумом», субъективные идеалисты неизбежно пришли к обратному: к полному недоверию чувственному опыту, так как фактически они лишили его всякого объективного содержания и закономерности. Это неоднократно подчеркивал Ленин в критике кантианцев и махистов. Говоря о последователях одной греческой школы — киренаиках, бравших принципом теории познания и этики ощущения, и сравнивая их с Махом, Ленин пишет: „Феноменологи в роде Маха и К° (в ответе. *Авторы*) на вопрос об *общем* «законе», «необходимости» и т. д., *неизбежно* становятся «идеалистами»“ [1]

Очень убедительно обнаруживается недостаточность остановки на моменте простого восприятия действительности в частности и на идеалистических ошибках в теории познания Плеханова. Мы имеем в виду в первую очередь его так называемую иероглифическую теорию. Теорию иероглифов Плеханов заимствовал главным образом у естествоиспытателей Сеченова и Гельмгольца. У последнего как раз чрезвычайно ярко сказалось то «недоверие к чувственному опыту» на

[1] Ленинский сборник XII, стр. 227.

почве отрыва чувственного от всех остальных моментов познания, о котором мы говорили выше. Гельмгольц пытается доказать полную относительность зрительного восприятия действительности. Люди например по-разному воспринимают оттенки цветов. Есть даже страдающие так называемым дальтонизмом, которым фиолетовое кажется зеленым, желтое — розовым и т. п. Да и глазу здорового человека предмет может представляться по-разному. Если например изображение предмета падет на так называемую «слепую» точку глаза, то человек вообще не увидит предмета; его он опять увидит только переведя зрачок. Из относительности нашего зрительного восприятия Гельмгольц делает вывод о том, что изображение предмета в нашем сознании совсем не похоже на сам предмет, что это есть лишь иероглиф, символ (условный знак) какого-то предмета, находящегося вне нашего сознания. Мы знаем, что этот предмет существует, ибо ощущаем его *действие* на нас (и только результаты этого действия мы и можем знать, по мнению агностика), но мы никогда не узнаем самого предмета, *не определим* его. Мы сможем только утверждать, что отношениям между ощущениями и их взаимной смене *соответствуют* какие-то отношения и изменения предметов объективной действительности. Но мы никогда не сможем узнать, что представляют собой сами эти предметы и в чем сущность происходящих в них изменений.

Энгельс в свое время вскрыл суть ошибки Гельмгольца в разрыве последним чувственного и логического момента в познании. «Гельмгольц забывает, — говорил Энгельс, — что к нашему глазу присоединяется и мышление».

Вот эту-то агностическую «теорию соответствия» и заимствовал Плеханов у впадающих в кантианство естествоиспытателей, подменяя ею марксистскую теорию отражения.

Впоследствии Плеханов пытался свести эту свою ошибку лишь к неудачной терминологии, к злоупотреблению термином «иероглиф», продолжая оставаться на позициях «теории соответствия» и не понимая ее кантианской сущности. Суть этой агностической ошибки Плеханова была раскрыта Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме». В защиту иероглифической теории против ленинской критики выступила в то время Аксельрод, которая заявляла, что на точке зрения теории символов стоит современная наука.

Но если сенсуализм не в состоянии обосновать познание *закономерных* связей сторон предмета и их переходов, а следовательно и науку, то не правы ли те философы, которые истинным знанием считали только логическое, — рационалисты? Декарт, Спиноза, Лейбниц — крупнейшие представители рацио-

налистического направления философии XVII в. — считали чувственное познание чем-то смутным и недостоверным. Задача истинного метода, по их мнению, как раз и заключается в том, чтобы очистить познание от текучести, неустойчивости, обремененности преходящими, случайными признаками, якобы вносимыми чувствами. Поэтому вывод, к которому приходят рационалисты, гласит: чем свободнее логическое мышление от чувственности, тем оно правильнее отражает сущность объекта, тем оно истиннее. А в абсолютном познании, о котором, как о достижимом для каждого мыслителя, обладающего правильным методом, или как об идеале познания, говорят все рационалисты, мысль находится «в своей собственной сфере», будучи совершенно свободна от всяких элементов чувственности. Качество «интеллекта» прежде всего состоит в его полной обособленности от чувственного.

Само собой разумеется, что, оставаясь в сфере самого мышления, рационалисты не могли объяснить *развития* мышления, все более глубокого понимания им действительности. Истина в учении рационалистов застывала «в виде мертвого покоя, в виде простой картины (образа) бледного (тусклого), без стремления, без движения». [1]

Основными признаками научного познания являются, с точки зрения рационализма, всеобщность (приложимость ко всяким опытным фактам без исключения) и необходимость (неизбежность признания всяким человеком) его выводов. Такими признаками может обладать только логическое, рассудочное, а не чувственное, опытное познание.

Но каков источник рассудочного познания объективных связей, единства, которое рационалист вскрывает *за* только обманчивой, по его мнению, чувственной видимостью мира? Почему ясность и очевидность исходных идей и внутренняя логическая непротиворечивость хода рассуждений оказываются, как это думают рационалисты, достаточным критерием истинности познания внешнего мира? Классический рационализм XVII и начала XVIII в. не ставит эти проблемы во всей широте и не решает их. Он исходит из *убеждения* в том, что «порядок и связь идей таковы же, как порядок и связь вещей» (Спиноза), но этого совпадения он фактически не обосновывает. А попытки его обоснования приводили рационалистов к представлениям о «предустановленной гармонии» между миром и духом (Лейбниц), к «окказионализму», видевшему в каждом акте познания чудо, которое можно объяснить только постоянной «ассистенцией божества». Перебросить мост от со-

[1] Ленинский сборник IX, стр. 225.

знания к материи, от «мыслящего модуса» к «протяженному» не мог и Спиноза, который своим учением об единстве протяженности и мышления в единой субстанции подошел несравненно ближе других к материалистическому решению вопроса.

Основываясь на убеждении об изначальном совпадении законов мышления и законов бытия, рационалисты видели задачу познания в том, чтобы мысленно конструировать объект по законам самого мышления, исходя каждый раз из ясных и очевидных предпосылок. Но рационалист мог обосновать эти предпосылки только другими идеями, и в конце концов идеями, по его мнению, наиболее общими, наиболее ясными, присущими каждому человеческому сознанию. Так рационалисты подходят к представлению о «врожденных идеях» (Декарт), об априорных категориях и законах мышления, как последних источниках и средствах научного познания.

Но уйти от чувственного опыта рационализм, несмотря на свои стремления, не мог. Не мог он также оставить за опытом только роль поставщика проблем, разрешаемых чисто логическим путем, не мог растворить все содержание чувственного опыта в априорных логических конструкциях. Поэтому Лейбниц вынужден был признать наряду с «истинами разума» также «истины факта», т. е. истины наблюдения и опыта.

Попытку преодоления односторонности сенсуализма и рационализма сделал Кант. Но двойственность, компромиссный характер философии Канта (см. об этом в предыдущей главе) сказались и в разрешении им проблемы чувственного и логического. Чувственный и логический момент познания не имеют, по учению Канта, единой основы, не переходят один в другой. Чувственное, по мнению Канта, возникает вследствие внешнего действия на нас некоей «вещи в себе», логическое имеет основу в нашем мышлении, оторванном от материального мира. Понятия, по Канту, не вырастают из чувственного мира, а являются уже данными до него априорными категориями рассудка. Они охватывают мертвыми щупальцами живой, многообразный, меняющийся материал ощущений, сами оставаясь неподвижными. Таким образом вопрос о многообразии и одновременно единстве научного знания Кант «разрешил» тем, что механически поставил рядом друг с другом чувственное многообразие опыта и единство рационального познания, не вскрыв их общей основы, не показав их взаимопереходов и взаимного обогащения, т. е. взяв их вне *процесса* познания.

Порок кантовского решения проблемы связи чувственного и логического вскрыл с позиций диалектического идеализма

Гегель. Основной упрек, который делает Гегель Канту, заключается в том, что «последний хочет научиться плавать, прежде чем лезть в воду», т. е. решает проблему научного познания вне самого процесса познания.

Новое, внесенное Гегелем в решение данной проблемы, состоит в том, что он исходит из диалектического движения мышления от низшей ступени к высшей, и на этом фоне решает вопрос о связи чувственного и логического, критикует односторонность как эмпиризма, так и рационализма. В своей «Феноменологии духа» Гегель развертывает путь, который проходит, по его мнению, сознание, поднимаясь от ступени «чувственной достоверности» к «царству чистой мысли». Необходимо помнить, что это сознание у него дано в сугубо абстрактной форме, оторванной от материального носителя сознания, от общественного человека.

Но как ни гениально был схвачен Гегелем узел решения проблемы, развязать его на почве идеализма он был все же не в силах. Идеалистическое пренебрежение материальной чувственностью имело своим результатом тот факт, что вместо действительного *развития* логического на основе переработки все более богатого материала, данного в чувствах, процесс восхождения сознания на все более высокую ступень представлен Гегелем как путь постепенного освобождения, «очищения» от чувственного.

Высший пункт, с которого собственно и начинается постижение истины (логика), по мнению Гегеля, есть нечто «свободное от всех чувственных конкретностей». Связь чувственного и логического оказалась таким образом в значительной мере мнимой, так как чувственность, по Гегелю, является необходимым спутником только низших ступеней познания.

Попытка вновь возвысить значение чувственного момента познания действительности, забытого со времен французского материализма, принадлежит Фейербаху. В резкой критике отвлеченного гегелевского рационализма он пытается опровергнуть положение, будто только с помощью мышления мы схватываем связи сторон объекта и делаем обобщения. «Разве я вижу только листья, а не деревья также? — пишет он против Лейбница. — Разве нет *чувства* тождественности, одинаковости и различия? Разве закон тождества не есть в то же время закон чувственности, разве не опирается, в конце концов, этот закон мышления на истинность чувственного созерцания?» [1]

И в своей постановке вопроса Фейербах прав. Дело в том, что чувства не просто дают нам материал, внешне противо-

[1] Ленинский сборник XII, стр. 139.

стоящий мышлению (как это думали немецкие идеалисты), но являются исходной основой логического *понимания* действительности. Связи объективного мира, отражаемые в логических понятиях (тождество, противоположность, причинность, необходимость и т. п.), выражены уже в зачаточной форме в чувственных представлениях. Так, мы наблюдаем известное сходство, различие, улавливаем следование одного явления за другим. Мы видим, как день сменяется ночью, слышим, что удар сопровождается звуком, и т. д. Все это служит основой для умозаключений о закономерности, о причинной связи, о взаимозависимости различных сторон действительности.

Но Фейербах, как показал Маркс, рассматривает чувственность как чувственное *созерцание*, как пассивное «аффицирование» сознания внешними предметами, а не как чувственную человеческую деятельность. Между тем чувственность субъекта не есть просто совокупность определенных физиологических актов восприятия, определяемая его телесной организацией, а всегда — только *относительно* непосредственное познание мира данным, историческим человеком. *Непосредственное* восприятие действительности на *данной* ступени общественного развития, члена *данного* класса, вырастает на основе стихийного *опосредования* всей прошлой практики общества и класса. Но в практике, в реальной чувственной человеческой деятельности мы имеем дело с объективными связями предметов и процессов, отражения которых, повторяясь, в конце концов включаются в непосредственное познание человека.

Чувственное и логическое, непосредственное и опосредованное познание не являются ни различными самостоятельными видами общественного познания, ни самостоятельными его ступенями. Различие между ними относительно, непосредственное познание переходит в опосредованное, чувственное — в логическое. Они взаимопроникают друг друга.

В решении проблемы чувственного и логического в познании диалектический материализм равно далек от механистического материализма и от меньшевиствующего идеализма. И в этом вопросе он ведет непримиримую борьбу на два фронта.

Механисты сводят логическое к чувственному, фактически видя в логическом понятии не что иное, как общее представление, в расплывчатых контурах которого взаимно погашаются специфические черты единичных чувственных представлений. Особенность реальных логических понятий, вырастающих из практики и ею проверяемых, особенность, заключающаяся в том, что они представляют такую переработку

чувственного, в которой отражаются существенные связи предмета, остаются для механистов непонятыми.

Когда перед механистом встает проблема развития сознания класса, он, исходя из той же установки — сведения логического к чувственному, будет отрицать качественное различие между классовой психологией и классовой идеологией, будет утверждать стихийное развитие классового теоретического сознания как пассивного продукта его обогащающейся психологии, будет, следовательно, принижать роль революционной теории и всего теоретического фронта классовой борьбы.

Мало того, механисты человеческую чувственность, как и Фейербах, трактуют как физиологические функции организма, как его рефлексы и поэтому стирают всякую грань между чувственным отражением действительности в человеческом сознании и чувственностью животного. Но именно поэтому они и в логической стороне человеческого сознания, в его теоретическом мышлении, не могут видеть качественно новой ступени по сравнению с зародышами инстинктивного «анализа» и «синтеза» у животных. То, чего не договаривают другие механисты, открыто заявляет т. Цейтлин.

Он убежден, что «строго научным будет утверждение, что и животные обладают *понятием* материи». Он всерьез анализирует вопрос о характере философии животных и приходит к выводу, что «берклианское и эмпириокритическое понятие материи как объективированной устойчивой связки ощущений очень близко к животному понятию материи». [1]

Между тем диалектический материализм и самую физиологическую основу человеческой чувственности рассматривает не как нечто данное в готовом виде вместе с биологической природой homo sapiens, а как возникающий и развивающийся продукт другой, по сравнению с животным миром, основы — исторической общественной практики.

Совершенно неправильно также утверждение рационалистического идеализма, поддерживаемое и нашими меньшевиствующими идеалистами, о том, будто развитие общественного познания есть лишь одностороннее развитие логического познания за счет чувственного, непосредственного. Развитие общественного познания есть развитие и обогащение и чувственной, непосредственной и логической, опосредованной его стороны, в основе которого лежит развитие общественной практики. Новый теоретический подход к проблемам, рождаемый новой практикой, предполагает новое непосредственное восприятие действительности, вырастающее из той же прак-

[1] З. Цейтлин. Что такое материя, стр. 56. (Курсив наш. *Авторы.*)

тики. По сравнению с человеком буржуазной культуры, у дикаря не только мышление, но и чувственность, несмотря на изощренность его зрения, слуха и обоняния, в целом несравненно ниже. Как и его мышление, так и его чувственность определяются крайне ограниченным и низким уровнем его материальной практики.

Установка марксистско-ленинской теории познания в решении проблемы чувственного и логического момента в познании чрезвычайно ярко показана в анализе Марксом и Лениным формирования классового самосознания пролетариата.

В стихийный период рабочего движения мы не имеем еще со стороны рабочих научного понимания действительности. Рабочий непосредственно сталкивается с отдельным капиталистом. В повседневных стычках с «хозяином» он наблюдает множество фактов ужасающей эксплоатации, стихийного возмущения отдельных групп рабочих, их взаимопомощи, отдельные случаи предательства и т. д. Все факты воспринимаются и истолковываются им не как «голеньким физиологическим индивидуумом», а в значительной мере с позиций мелкой буржуазии, пролетаризация которой явилась историческим источником образования рабочего класса. На этой ступени его «непосредственное» познание оказывается в значительной мере еще предрассудками мелкого буржуа. Многие из наблюдаемых им фактов капиталистической эксплоатации рабочий склонен относить за счет личных качеств своего хозяина. Последний в сознании рабочего того периода выступает оторванным от всего класса капиталистов в целом, так же как и он, сам не осознает еще себя как частицу целого — пролетариата. Все стороны капиталистической действительности выступают еще в сознании рабочего не как проявление классового антагонизма во всем обществе, а как случайные, оторванные друг от друга.

Именно этой ступени развития сознания пролетариата, когда мир действительности выступает в его сознании еще в своей «первичной, бесформенной неопределенности», соответствуют в развитии теории различные формы донаучного, в том числе и утопического социализма — непосредственного предшественника научного. «Фантастическое описание будущего общества, — пишет Маркс, — является в свет в то время, когда пролетариат находится еще в очень неразвитом состоянии и представляет себе свое положение еще совершенно фантастически, он возникает из его первого, полного предчувствия, порыва к всеобщему преобразованию общества». [1]

[1] «Коммунистический манифест», гл. III, § 3.

Однако и на этой стадии в сознании пролетариата уже есть нечто, создающее возможность перехода к научному пониманию, к цельному, связному обобщению реальных фактов. Это—отражение в непосредственном познании, получаемом рабочим в столкновениях с предпринимателем, отдельных связей объективной действительности. Оно является основной предпосылкой, создающей возможность выхода за пределы разрозненных случайных представлений, в которых все же отражены (хотя и извращенно) такие стороны объекта, которые между собою неразрывно связаны в нем самом.

Реализовать эту предпосылку (т. е. выразить объективное содержание в научных понятиях) можно лишь «опосредовав» материал непосредственного познания рабочего всей всемирно-исторической практикой человечества, всей культурой мысли, «знаниями своего века». Познание сложной капиталистической действительности, заключающее в себе итог развития всей предшествующей истории человечества, требует таких широчайших обобщений, которые не под силу отдельным группам пролетариата (в силу его положения в капиталистическом обществе) и которые выходят далеко за пределы их непосредственного кругозора. Такое теоретическое выражение всего опыта рабочего движения, на основе гениального обобщения путей и тенденций всемирного исторического развития, на основе всех положительных достижений человеческой культуры, дали творцы научного коммунизма. Они-то и подняли сознание рабочих до уровня классовой научной теории. По мере приобщения рабочих к марксистско-ленинской теории устраняется «конфликт» между объективным содержанием их представлений и той формой, в которой последнее понималось. Отдельные, разрозненные представления, схватывающие лишь поверхность явлений, случайные внешние связи между конкретно существующими фактами (все это и делает данную ступень сознания «зачаточной» по отношению к высшей) приобретают необходимый, устойчивый характер, каждый отдельный факт классовой борьбы раскрывается теперь как момент целой системы общественных отношений.

Цельность, рассмотрение всех фактов в их всеобщей взаимозависимости, охват множества сторон — есть как раз то, что характеризует действительно научное понимание, [1] что отличает его от непосредственного восприятия предмета. Эту осо-

[1] Ср. Энгельс: «Действительно всякое реально исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях извлекаем единичное из его единичности и переводим его в особенность, а из этой последней во всеобщность, — заключается в том, что мы находим бесконечное в конечном, вечное в преходящем». («Анти-Дюринг», стр. 333.)

бенность *понимания* предмета неоднократно подчеркивали представители диалектического материализма, особенность, делающую понимание более высокой ступенью отражения материального мира, по сравнению с непосредственным схватыванием его в ощущениях, представлениях. Так, высказываясь о стоимости, Маркс остроумно замечает: «Субстанция стоимости товаров тем отличается от вдовицы Квикли, подруги Фальстафа, что неизвестно, где она находится. Вы можете ощупывать и разглядывать каждый отдельный товар как вам угодно, — его стоимость останется для вас неуловимой», т. е. видеть, трогать можно лишь вещественную оболочку отдельных товаров, но не стоимость, не всеобщую связь между товаровладельцами, не капитализм в целом.

Ту же мысль — о более глубоком отражении действительности в понятиях — проводит Ленин, говоря об отражении движения в сознании: «Движение в 300 000 *км* в 1 секунду, — говорит он, — нам трудно представить, а понять мы можем, что свет движется с такой быстротой». В другом месте, развивая мысль о диалектической связанности всех сторон материального мира, как их взаимном переходе друг в друга, Ленин пишет: «Обычное представление охватывает различие и противоречие, но не *переход* от одного к другому, а *это самое важное*». И дальше: «Мыслящий разум (ум) заостривает примирившееся различие различного, простое разнообразие представлений до *существенного* различия, до *противоположности*». [1]

Насколько важна мысль о развитии понимания как движении познания вглубь, о понятии, как новом качественном моменте в познании предмета, можно видеть из того, что в критике кантианско-агностической теории иероглифов Энгельс направляет ее как один из существенных аргументов против Гельмгольца. Ведь суть ошибки последнего Энгельс увидел как раз в забвении им мышления, «присоединяющегося» к нашему глазу. «Присоединение» заключается в том, что содержание ощущений (в данном случае глаза), выступая в своей связности, раскрывает перед нами нечто большее, чем можно охватить простым глазом. «Присоединение» мышления, о котором говорит Энгельс, нельзя понимать механически. Обобщения не прибавляются откуда-то извне по отношению к чувственному материалу познания, но возникают и развиваются по мере его освоения исследователем, вооруженным обобщением многостороннего чувственного опыта человечества, по мере его «опосредования» этим опытом.

[1] Ленинский сборник IX, стр. 133.

Вопрос о переходе чувственного в логическое, о сохранении его в последнем, занимающий важнейшее место в диалектической теории познания, по существу, как мы видели выше, поставлен также и Фейербахом, выступившим против гегелевской «пьяной спекуляции». Ибо, несмотря на неоднократные формально правильные *указания* Гегеля на связь чувственного с мышлением, эти указания остались случайными для всего его решения вопроса в целом.

«Евангелие чувств читать в связи — мыслить» — говорит Фейербах. Однако, почему же все-таки Фейербах не мог дать действительного решения вопроса о связи чувств и логики?

Дело в том, что самое небольшое обобщение, умозаключение есть уже некоторая активность субъекта. *Движение* познания ко все более глубоким связям предполагает активное, действенное отношение субъекта к своему предмету. Определяя представления, понятия, как «зеркальное» отражение предмета в сознании, марксистско-ленинская теория познания подчеркивает лишь материальность предмета и отражение в представлении реальных его сторон. Но из «зеркальности» отражения вовсе не следует ни то, что человеческое сознание, подобно мертвой зеркальной поверхности, отражает лишь то, что непосредственно предстает перед ней, ни то, что сознание, как вещественное зеркало, всегда *одинаково* отражает предметы по каким-то неизменным своим законам и следовательно способно дать на всех своих ступенях либо абсолютную истину, либо абсолютное заблуждение. Делая такие выводы из теории отражения, противники марксистско-ленинской философии, вроде Макса Адлера, или ее вольные или невольные извратители, как Аксельрод, «забывают», что отражающее познание есть активный момент исторической, развивающейся общественной практики.

«Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании фигурами логики» — говорит Ленин о действительной исторической основе якобы «вечных» форм логического мышления.

Конечно, являясь представителем созерцательного материализма, не понимая практической деятельности, Фейербах был абсолютно беспомощен решить вопрос о том, *как* происходит «синтезирование» чувственного материала, вопрос о генезисе понятий; Фейербах лишь *констатировал* то, что подлежало *объяснению*. Но отсюда же вытекает порочность всей позиции Фейербаха: не будучи в состоянии решить вопрос о том, *как* происходит изменение непосредственно данного в сознании, он не мог ответить и на вопрос, в чем же заключается это изменение. Проще говоря: вместо выяснения своеобразия логиче-

ского мышления, как более высокой ступени познания материального мира, включающей в себя чувственное познание как свой момент и опирающейся на него, Фейербах снижает логическое до уровня элементарных ощущений.

Но эту же проблему соотношения чувственного и логического момента в познании не могли решить, как мы указывали выше, и немецкие идеалисты, несмотря на то что их историческая заслуга заключалась в постановке вопроса об активности субъекта, которая является основой всех их воззрений. Ибо и субъект и его активность трактовались ими идеалистически.

Гегелевское понимание диалектики как теории познания есть не что иное, как вскрытие имманентного процесса обогащения знания, на основе активности мышления. Немецкие идеалисты, наделив активностью только мышление, не могли решить проблемы перехода чувственного в логическое, так как само чувственное у них понималось как производное от логического, не имеющее никакой собственной основы.

Философская система, в которой чувственное рассматривается как нечто внешнее и чуждое логическому, где все своеобразие материала ощущений исчезает в сфере «чистого» мышления, естественно не могла решить вопроса о связи чувственного и логического, о переходе одного в другое.

Таким образом пример немецких идеалистов вскрыл всю внутреннюю несостоятельность идеалистического принципа решения проблемы, исходящего из чистого мышления, из идеальной активности.

Решение проблемы могло быть получено только при материалистическом понимании субъекта в такой его активности, в которой чувственное и логическое, сохраняясь во всем их своеобразии, были бы органически и неразрывно связаны между собой. Но такого рода деятельностью общественного субъекта, с самого начала объединяющей чувственный и логический моменты познания, является материальная практика общественного человека. В ней мы имеем чувственное освоение предметного мира как целесообразно направленную деятельность, т. е. в форме, содержащей в себе момент разумного отношения к окружающей действительности. Ее-то Маркс и противопоставил идеальной активности немецкой философии, как конкретную «чувственно-человеческую деятельность».

Разумное отношение к объекту, как момент чувственно-человеческой деятельности, отличает восприятие общественным человеком окружающего мира от пассивного восприятия его животным. Животные пассивно воспринимают материаль-

ную действительность, пассивно приспособляясь к окружающей обстановке. Человек активно противополагает себя ей. Противоположение это находит себе выражение также в цели, наличие которой и характеризует разумное отношение человека к действительности. Всем известно высказывание Маркса о труде «в форме, составляющей исключительное достояние человека». Оно заключается в том, что в противовес животным человек «не только изменяет форму того, что дано природой, — а в том, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая, как закон, определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю». [1]

И чем дальше отстоит та или иная ступень общественного развития от периода, когда человек находился еще в «животнообразном» состоянии, тем резче момент выделения, тем выше сознательная направленность его деятельности. «Инстинктивный человек, дикарь, — говорит Ленин, — не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет категории, суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею». [2]

Эту-то активность мышления, являющуюся моментом в общем практическом отношении человека к окружающему миру, и превратили в нечто самостоятельное немецкие идеалисты. В действительности как сама цель, так и понимание материальных условий ее осуществления включаются в процесс общественной практики, ею порождаются и на ее основе развиваются. Повторение различных явлений, с которыми сталкивается человек в практике, воспроизведение явлений в практике, замещение одного предмета другим, соединение самых различных предметов в воспроизведении условий общественной жизни и т. п. — все это создает основу для обобщений, умозаключений.

Энгельс отмечает, что понятие причинной связи явлений, выражая объективную связь сторон материального мира, возникло именно благодаря активному изменению природы человеком в его деятельности. Воспроизводя условия для возникновения какого-либо явления, вызывая воздействием на одно явление — другое, часто не встречающееся в таком же виде в природе, человек поднимается до представления о причинной взаимозависимости. «... Мы находим, — пишет он, — не только то, что за известным движением следует другое движение, мы находим также, что мы в состоянии воспроизвести

---

[1] Маркс. Капитал, т. I, гл. IV.
[2] Ленинский сборник IX, стр. 23.

определенное движение, создав условия, при которых оно происходит в природе; мы находим даже, что мы в состоянии вызвать движения, которые вовсе не встречаются в природе (промышленность), по крайней мере, не встречаются именно в таком виде, и что мы можем придать этому движению определенные заранее направление и размеры. *Благодаря этому,* благодаря *деятельности человека* и создается представление о ***причинности,*** представление о том, что одно движение есть *причина* другого». [1]

Чувственно-человеческая деятельность расширяется с развитием орудий производства, с усовершенствованием технических приспособлений, с помощью которых происходит изучение объективных процессов. Орудия производства способствуют расширению чувственного охвата действительности, удлиняя человеческую руку, совершенствуя глаз человека, его слух. Микроскоп, телескоп, тончайшие измерительные приборы и т. п. способствуют обогащению чувственного материала в человеческом восприятии окружающего мира, тем самым создавая почву для более широких и глубоких обобщений.

Все развитие общественно-исторической практики, взятой во всех ее моментах, создает основу для теоретических обобщений. Как пример, можно взять развитие социалистической революции, втягивающей миллионы в политическую борьбу, создающей предпосылки для марксистско-ленинского понимания действительности у миллионов. И чем более развертывалась революционная практика, чем глубже исторические переломы, в которых все более обнаженно выступают противоречия и связи самой действительности, тем шире *возможность* правильного понимания предмета (возможность не реализуется стихийно, без освоения всего запаса знаний, накопленных человечеством, о чем было выше). Анализ различных этапов в развитии общественной практики неопровержимо показывает, что глубина и широта теоретических обобщений, соответствующих этому этапу, неразрывно и органически связана с богатством фактического материала, являющегося содержанием непосредственого познания на данном этапе.

Только в общественно-исторической практике осуществляется органический взаимопереход чувственного момента в логический, только в ней возможно истинное «синтезирование», обобщение чувственного материала, получаемого непосредственным соприкосновением с объектом. Само чувственное содержание сознания общественного человека обогащается и видоизменяется в зависимости от степени его сознательности.

[1] «Диалектика природы», стр. 25. Гиз, 1925 г.

глубины понимания им того, с чем он имеет дело. Не будь гипотез, научных обобщений, теоретического «плана» в создании телескопа, не существовало бы последнего, не было бы и возможности расширения поля чувственного зрения. Без развития *понимания* объективного мира в практике не было бы ни тонкого слуха, вкуса, ни особенного человеческого глаза, улавливающего тончайшие оттенки и переливы красок.

Заставьте человека, стоящего на первобытной ступени культуры, слушать какую-либо симфонию, и он ничего в ней не схватит, кроме хаоса звуков, режущего его слух. Резкую противоположность представляет слух музыканта, улавливающего закономерность развития симфонии, схватывающего все звуки в их гармоническом единстве.

Чувства человека развиваются и совершенствуются с развитием общественно-исторической практики, показателем степени развитости которой является также уменье обобщать, уровень теоретического мышления. Они носят поэтому глубоко исторический характер. Выступая против физиологического, антиисторического понимания чувственности Фейербахом, Маркс подчеркивает, что «образование пяти чувств — это продукт всемирной истории». «Нуждающийся, полный забот человек, — говорит Маркс, — не способен понять прекраснейшую пьесу. Торговец минералами видит только денежную стоимость, но не красоту и особенную природу минералов: у него нет минералогического чувства».[1] Исторический характер пяти чувств определяется уровнем развития человеческой истории, конкретной практикой общественного человека. Маркс подчеркивает пропасть, лежащую между чувствами дикаря и человека более высокой ступени развития; чувства человека античного общества, по его мнению, глубоко отличаются от чувств современника эпохи капитализма.

Практика, создавая единство и взаимную обусловленность чувственного и логического моментов познания, является одновременно и проверкой правильности каждого из них, мерилом истинности всего познания в целом. В этой же проверке в свою очередь осуществляется взаимопереход чувственного и логического, а именно: проверка какой-либо теории, претворение ее в жизнь есть создание в то же время новой предметности, доступной и непосредственному восприятию. Практика есть завершение идеального и как таковое завершение объединяет в себе как момент всеобщности, постигаемый в понятиях, так и многообразие чувственного материала. «Практика, — подчеркивает Ленин, — выше (теоретического) познания, ибо она

[1] «Архив Маркса и Энгельса», кн. 3, стр. 256.

имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности». [1]

В этом «завершении» идеального раскрывается объективное содержание последнего. Понятия имеют своей основой человеческую деятельность, присущи только человеку, составляют его особенность, не находящую себе места в других формах движения материи.

Претворение научной теории в жизнь, возможность на ее основе в практике соединять и разъединять различные формы движения материального мира, находящиеся вне человеческой головы, оперировать ими согласно заранее поставленной цели, вскрывают тесную связь теории с объективностью.

УЧЕНИЕ ОБ ИСТИНЕ

Объективной истиной Маркс и Ленин называют такое содержание человеческих представлений, «которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества». Вопрос об объективной истине занимает центральное место в марксистско-ленинской теории познания. На непонимании вопроса об объективной истине споткнулся в сторону агностицизма и идеализма Плеханов с его иероглифической теорией и его «верой» в объективную реальность.

Ленин всегда необычайно чутко и настороженно относился к малейшему поползновению в сторону от объективной истины, к тому, что служило лазейкой для протаскивания субъективизма, агностицизма и т. п. Примером непримиримого отношения Ленина к шатаниям в сторону субъективного понимания истины могут служить его замечания на книгу Бухарина «Экономика переходного периода». Весь ленинский конспект испещрен замечаниями вроде следующего: «...не точнее ли говорить о «необходимости известной пропорциональности», чем о «*точке зрения*»? Точнее, вернее, ибо объективно первое, а второе приоткрывает дверь философским шатаниям в сторону от материализма к идеализму». [2] Или, по поводу следующего места из книги Бухарина: «Таким образом, даже когда отдельные элементы выпадают из общественно-производственного процесса, они находятся в постоянной сфере воздействия и сами *рассматриваются* с точки зрения общественной системы производства; в моменты своей максимальной обособленности они *теоретически интересны* как объект общественного притяжения, как потенциальная составная часть новой

[1] Ленинский сборник IX, стр. 216.
[2] Ленинский сборник XI, стр. 384—385.

общественной системы». (Подчеркнуто Лениным.) Ленин пишет: «Не те слова. Ошибка «богдановской» терминологии выступает наружу: *субъективизм*, солипсизм. Не в том дело, кто «рассматривает», кому «интересно», а в том, *что есть независимо от человеческого сознания*». (Последние слова подчеркнуты нами. *К. Е.)*

Признание независимости внешнего мира от человеческого сознания есть основное, что характеризует диалектико-материалистическое понимание объективной истины, в отличие от богдановско-махистского и кантианского понимания «объективности». Для Богданова объективность предмета имеет только один смысл — его «общезначимость». «Объективный характер физического мира, — пишет Богданов, — заключается в том, что он существует не для меня лично, а для всех, и для всех имеет определенное значение, по моему убеждению, так же как и для меня. Объективность физического ряда — это его общезначимость». [1]

Как видно из приведенного, Богданов сводит объективность к совпадению представлений в сознании ряда «сочеловеков», и только к нему, отрицая таким образом начисто действительную объективность природы, т. е. ее независимое от человека и человечества существование. Богдановский принцип «общезначимости» ставит объективность материального мира целиком в зависимость от субъекта, благодаря чему стирается всякая грань между наукой и поповщиной. Последнее резко подчеркивает Ленин, заявляя, что любое религиозное учение обладает «общезначимостью», ибо его держится и поныне еще «большая часть человечества». И другой момент, характеризующий объективную истину по Богданову (связанный с его «общезначимостью»), — момент «социальной организованности», — также, по мнению Ленина, роднит ее с религией.

Принципиально отлично от материалистов понимают объективность познания также и неокантианцы. Любимым мотивом кантианцев из числа теоретиков II Интернационала (например Адлера) является восхваление якобы «научности» и «объективности», к которой они стремятся в своем изучении действительности. Однако сама объективность научного понятия, по их мнению, дается не его соответствием с предметом, независимым от субъекта, но единством логических категорий и общностью всем субъектам единого надсубъективного сознания.

В отличие от кантиански-махистского идеологического и

---

[1] Цитируется по Ленину — Материализм и эмпириокритицизм, Собр. соч., т. XIII, стр. 101, изд. 2-е.

агностического толкования научности, для материалистов последняя определяется соответствием понятий и объективной реальности, «которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них».

Однако не при любом познании объекта (существующего независимо от человеческого сознания) возможно последовательное постижение объективной истины, последовательное проведение в жизнь материалистического принципа.

Лишь такое отображение объективной реальности, которое раскрывает предмет во всей его конкретности и полноте, в связи и взаимозависимости всех его сторон, дает в итоге объективную истину. «Совокупность *всех* сторон явления, действительности и их взаимоотношения — вот из чего складывается истина» — замечает Ленин. Учет всех сторон предмета в их взаимном отношении друг к другу, определение места, роли каждой из них; учет многообразных связей данного предмета с окружающими; раскрытие объекта в его развитии с выделением источника самодвижения, тех главных основных противоречий, разворот которых и создает развитие, движение вперед, подготовляет самоотрицание предмета; уловление своеобразия форм, в которых выражаются и проявляются существенные противоречия; вскрытие элементов нового содержания в старом; борьбу нового содержания со старой формой и т. д. — вот примерно те моменты, на которые указывает Ленин в решении вопроса об объективной оценке, о последовательном проведении материалистического принципа в жизнь, возможного только с позиций материалистической диалектики.

На почве же созерцательного материализма, охватывающего в своих понятиях лишь поверхность явлений (см. выше, раздел «Чувственное и логическое»), возможны любые извращения, искажения объективной истины.

Последнее ярче всего вскрывается на эпигонствующих теоретиках II Интернационала (вроде Каутского), воскресивших и раздувших в своем подходе к изучению предмета все слабые стороны созерцательного материализма. Характерным для методологии типа Каутского и К° является простая констатация того, что прежде всего бросается в глаза при первом овладении объектом, вне раскрытия основных движущих противоречий, лежащих в основе встречающихся на поверхности явлений, вне попытки выделить основное, главное, существенное, определяющее предмет в целом.

При таком подходе к объекту все стороны последнего выступают перед познающим в своей однозначной определенности, равными по заключенному в них содержанию. Знак «равенства», проводимый при этом между самыми различными

фактами и случаями жизни, есть лишь следствие того худшего вида буржуазного объективизма, за которое в свое время жестоко бичевал Ленин Струве, — объективизма, создающего лишь видимость действительного постижения объективной «истины». Так «объективно» излагая факты развития капитализма в России (а по существу ограничиваясь лишь поверхностью явлений), Струве берет их вне скрепляющего основного противоречия — борьбы классов, вне выделения (не произвольного, а согласно с самым объектом) класса, «заведующего» данным экономическим развитием. Беря все стороны капиталистической действительности, все общественные группы в их «равенстве» друг с другом, Струве обходит вопрос о своей партийной принадлежности к «определенной общественной группе», с точки зрения которой производился им анализ предмета. Но, исключив из анализа действительности как раз то, что делает и самую действительность и анализ, соответствующий ей, конкретными,—классовую суть,—Струве извратил объективную истину.

Подобное же извращенное понимание истины лежит в основе всей линии оппортунизма. Констатируя например общее противоречие между развивающимся капитализмом и помещичье-феодальным строем в период революции 1905 г., меньшевики исключали из анализа данной действительности революционную активность пролетариата и крестьянства, исключали то, что двигает вперед и разрешает создавшиеся противоречия общественного развития.

Ленин часто упрекал Плеханова как представителя «правого крыла социал-демократов» за абстрактность, объективизм, которые приводили его к отступлению от правильного изображения действительности. Вот что пишет Ленин в замечании на второй проект программы Плеханова ко II съезду: «Самым общим и основным недостатком, который делает этот проект неприемлемым, я считаю весь тип программы, именно: это не программа практически борющейся партии, а провозглашение принципов, это скорее программа для учащихся (особенно в самом главном отделе, посвященном характеристике капитализма) и притом учащихся первого курса, на котором говорят о капитализме вообще, а еще не о русском капитализме».

Дальнейшее развитие II Интернационала показывает, как отказ от диалектического, конкретного анализа действительности последовательно ведет к полному отказу от объективной истины — к субъективизму, агностицизму.

Признание «равноправности» всех сторон действительности, всех многообразных ее проявлений, уже с самого начала создает почву для случайного отбора фактов, произвольного

соединения их друг с другом, создает возможность комбинировать факты согласно заранее намеченным, тенденциозным выводам.

Опираясь на свое «беспристрастное» отношение ко всем фактам действительности, буржуазный объективист подменит всестороннее изучение процесса эклектическим «с одной стороны — с другой стороны», изучение объективной закономерности процесса, реализующейся во всех его сторонах, софистическим превращением «отдельных фактиков» в общую характеристику процесса. «В области явлений общественных, — писал Ленин, — нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Чтобы это был действительно (фактически) фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу факторов, без единого исключения, ибо иначе возникает подозрение в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная стряпня» для оправдания может быть грязного дела.

Такую «субъективную стряпню» и преподносили представители II Интернационала в период войны 1914 г., когда империалистический, грабительский характер войны прикрывался софизмами об освобождении угнетенных национальностей, о «зачинщике», об «интернациональном праве» защиты своего отечества каждым рабочим и т. п. В этих софизмах частное покрывало общее, случайное ставилось на место закономерности, подлог покрывался именем Маркса. Ссылались на тот факт, что Маркс и Энгельс в период войн пятидесятых годов «тоже» становились на сторону одной из воюющих стран. При этом «забывали» про то, что для той эпохи были типичны *национальные* войны, в которых прогрессивная буржуазия боролась против феодалов.

Эклектика и софистика, беспринципные «точки зрения», и в наши дни являются одним из важнейших орудий в руках социал-фашистов, извращающих объективную истину, скрывающих последнюю от пролетариата. Софизмом является заявление Дана о том, будто неважно, какая диктатура: буржуазная или пролетарская — все равно ведь диктатура. «Субъективной стряпней» являются заявления Каутского, Троцкого и иже с ними о том, что шесть условий Сталина, хозрасчет, контроль рублем есть возврат к капиталистическим методам ведения хозяйства, что соцсоревнование есть воскрешение капиталистических приемов конкурентной борьбы между производителями для стимулирования их инициативы.

На софистике же построена и попытка троцкистских контрабандистов опорочить линию большевизма, когда за отдельно выхваченными фактами, случайно взятыми цитатами стараются скрыть общую развернутую линию ленинской борьбы с мировоззрением II Интернационала, каутскианством, люксембургианством.

Отсюда следует, что любое абстрактное, безжизненное, созерцательное понимание объективной истины не только не противоречит субъективизму, произволу, отказу от объективной истины, но неизбежно ведет к нему, неразрывно с ним связано. Абстрактные выхолощенные догмы Троцкого лишь другая сторона его эклектики, субъективизма. Схоластические положения меньшевиствующего идеализма прекрасно уживаются с их беспринципностью, переметыванием из одной крайности в другую.

Необходимость партийно-действенного подхода для уловления истины в ее конкретности чрезвычайно выпукло подчеркнута Лениным его речью 1921 г., направленной против эклектической позиции Бухарина в дискуссии о профсоюзах. «У Бухарина, — говорит Ленин, — нет и тени попытки *самостоятельно с своей точки зрения* проанализировать как *всю историю* данного спора (марксизм, *то есть* диалектическая логика, требует этого безусловно), так и *весь подход* к вопросу, *всю постановку* или, если хотите, *все направление* постановки вопроса в данное время при данных конкретных обстоятельствах». [1] Здесь ярко вскрыто, как отсутствие самостоятельной партийной позиции, эклектика, [2] не позволяет Бухарину ухватить вопрос в его цельности, конкретности.

Требование диалектической логики, о котором говорит Ленин в критике Бухарина (цельное исследование фактов с самостоятельной партийной позиции), есть *непременное условие* для *последовательного* отражения объективной истины.

Но можно ли сказать, что исполнение этого важнейшего требования уже обеспечивает полное раскрытие объективной истины сразу до конца безошибочно? Иными словами: схватываем ли мы объективную истину сразу во всей ее полноте или ее постижение есть трудный, извилистый путь, чреватый ошибками, заблуждениями, фантастическими отлетами от жизни? Непонимание того, что отражение истины представляет собой исторический *процесс*, характеризует позицию метафизиков в этом вопросе.

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, стр. 56, изд. 1-е. (Курсив за исключением слов в скобках, — авторов.)

[2] Там же, стр. 60: «Теоретическая — в данном случае гносеологическая — ошибка Бухарина состоит в подмене диалектики эклектикой».

Признавая абсолютную неизменность всего существующего (в том числе и человеческого мышления), они считали, что наши понятия сразу охватывают предмет так, как он есть. Категории, которыми метафизики пользовались, имели, по их мнению, значимость вечных категорий. Так например английские экономисты, предшественники Маркса (Смит, Рикардо) считали категорию «капитал» абсолютно отражающей отношение между людьми на всем протяжении человеческой истории, начиная с первобытных времен, кончая буржуазным обществом (идеологами которого являлись Смит и Рикардо). Дальнейшие исследования Маркса (с точки зрения нового общественного класса) вскрыли всю несостоятельность метафизического понимания капитализма.

Метафизической являлась также попытка Гегеля выразить абсолютное знание в своей идеалистической системе, попытка, резко противоречащая диалектическому методу, открытому Гегелем.

В целом ряде отраслей научного знания (естественные науки, история, философия, область искусств, языкознание, психология) еще до сих пор находит себе место метафизическое понимание абсолютной истины. Однако, чем шире развертывается научное знание, тем нагляднее становится каждому несостоятельность претензий на постижение научной абсолютной истины на данном ее этапе. Давно опровергнуто старое учение о неизменности видов растений и животных в области биологии. Теорию флогистона в химии сменила научная теория Лавуазье. В области физики атомная теория сменилась электронной; доказана несостоятельность утверждения о неразложимости элементов химии; в искусстве и литературе одна школа сменяет другую. В области языкознания окончательно подорвано учение старой индо-европейской лингвистики о раз навсегда данном «праязыке»; неверность теории неизменности, вечности капиталистического общества (еще и сейчас проповедуемая буржуазными историками) доказана уже не только теоретически, но и подтверждена всей практикой диктатуры пролетариата, практикой построения основы бесклассового общества.

Старый метафизический взгляд на мир в области философии ниспровергнут наукой о всеобщих законах развития природы, общества, человеческого мышления — материалистической диалектикой. Да и последняя — самое научное отражение действительности, подтверждаемое каждым шагом революционной практики, — беспрерывно обогащается и развивается на основе революционного опыта, построения социализма, новейших открытий в области отдельных наук.

Марксова теория научного социализма обогащена ленинским учением об империализме как последнем загнивающем этапе капитализма; развито, конкретизировано положение Маркса о диктатуре пролетариата, о социализме Лениным, Сталиным, всей партией в целом.

Но если так обстоит дело с научным знанием, если каждая теория в свое время стареет и уступает место другой, то не правы ли те философы, которые выступают с утверждениями, на первый взгляд резко противоположными сторонникам абсолютной истины? Не правы ли Богданов, Мах и другие буржуазные философы (прагматики, интуитивист Бергсон), утверждающие наличие *только* относительной истинности нашего знания, абсолютной его условности, относительности?

Учение, признающее познание абсолютно изменчивым, лишенным какой бы то ни было устойчивости, не ново. Уже в древней Греции школы софистов и скептиков защищали подобные взгляды. В новой философии релятивизм («релятив» — относительный; релятивизм — признание *только* относительности процессов) воскресил Юм.

Современные махисты возвели релятивизм в один из основных принципов своего мировоззрения. Пецольд, например, которого критикует Плеханов (кстати *совершенно обходя вопрос о релятивизме),* считает, что даже Юм «со своими идеями потерпел крушение, не найдя дороги к принципиальному релятивизму. У него (как уже у Гоббса), — пишет он, — мы находим лишь некоторые зачатки релятивизма и лишь Эрнст Мах и Авенариус снова открыли глубоко погребенную истину и *возвели ее на степень главного фактора своего мировоззрения».* [1] Релятивисты утверждают, что относительная истина *совершенно исключает* абсолютную. «Вчера» нашего познания абсолютно не похоже на «сегодня», «сегодня» на «завтра». Прошедшее совершенно не содержится в настоящем, настоящее ни в какой мере не связано с будущим. Отрицается всякая закономерная *преемственность* в развитии научного знания. Такая точка зрения обозначает не что иное, как субъективный идеализм, полный отказ от объективной истины. Релятивистское понимание истины широко используется субъективным идеализмом для борьбы с материализмом и его теорией отражения. Как возможно — говорят релятивисты — утверждать, что мы *отражаем* в своем сознании объект, если вся история знания показывает, что то, что мы считали истиной вчера, оказывалось сплошной иллюзией

[1] Цитирую по Плеханову. Собр. соч., т. XVII, стр. 108. (Подчеркнуто нами. *Авторы.)*

сегодня? Мы должны быть всегда готовы к тому, — утверждают они, — что какой-нибудь новый научный факт вскроет всю иллюзорность и ошибочность нашего сегодняшнего понимания действительности. Да и в состоянии ли вообще, — продолжит далее свое рассуждение релятивист, — достижение в какой-либо мере абсолютного знания, если наш познавательный аппарат представляет собою нечто весьма несовершенное? Может ли человек постичь бесконечное, безграничное, обладая ограниченными пятью чувствами? Возможно ли уловить в материале ощущений, чрезвычайно изменчивом и преходящем, нечто устойчивое, постоянное, закономерное; в хаосе пестрых, мелькающих перед человеком впечатлений увидеть твердые контуры? Как можно говорить об объективном схватывании предмета, если наши ощущения столь субъективны, носят на себе отпечаток того индивида, принадлежностью которого они являются? Как возможно утверждение о научном отображении предмета, о развитии науки, когда даже внутри одной эпохи, одного этапа развития знания — что ни человек, то особое мнение, особое восприятие? Кажущееся красивым одному, выступает порой перед другим как предел безобразного и уродливого; приятное для одного вызывает отвращение в другом.

Здесь мы видим, как вырывание ощущений из практики, взятой во всех ее моментах, служит одним из гносеологических источников релятивизма. «Человек есть мера вещей» (слова, принадлежащие знаменитому греческому философу Пармениду — главе элеатов, жившему в V в. до новой эры) — к такому выводу приходит релятивист, отрицая какую бы то ни было возможность постижения объективно-истинного, реального, вечного в проходящем, принципиально отказываясь от различия истинного и ложного. Истина и заблуждение, объективный факт и иллюзия, научное познание и суеверие — выступают в приведенном рассуждении как имеющие одинаковое право на существование.

Стирая грань между истиной и заблуждением, релятивизм последовательно приводит к поповщине. Ряд современных физиков свихнулись в сторону идеализма также на признании абсолютной относительности научного познания. Поэтому кризис старых научных представлений о физическом строении материи они приняли за полное крушение этих представлений, в том числе и научного убеждения в реальности вещества, энергии, пространства и времени.

Гносеологическая основа подобного отказа от объективной истины есть, как мы только что видели, преувеличение, превращение в самостоятельное целое момента исторической

ограниченности человеческого знания, зависящей как от того, что безграничное, бесконечное познание осуществляется в головах ограниченных субъектов, так и от обусловленности всякой теории известными историческими рамками развития общественной практики. Неизбежную неполноту отражения каждой теорией объективной истины, возможные в ней моменты заблуждений релятивисты объявляют доказательством полной субъективности всякой научной теории и сложным заблуждением — попытку видеть в ней независимое от человека содержание.

Было бы неверным, если бы мы в анализе современного релятивизма остановились только на гносеологических корнях их злоключений, забыли о том, что «закрепляет» отлет их теорий от действительности — о классовых интересах. Релятивизм наиболее соответствует мировоззрению буржуа, ограниченного рамками «ловли момента», горизонтом сегодняшнего дня и отступающего в страхе перед всякой попыткой научного познания будущего. Релятивизм представляет кроме того в наше время некоторые преимущества для борьбы с диалектикой. С потерявшей всякий кредит старой метафизикой теперь не выступишь. Быстрота развития научного знания, стихийно рождающего диалектику, революционная смена различных этапов человеческой истории, гигантские сдвиги, приносимые каждым днем социалистической стройки, практически показывают каждому рабочему изменчивость действительности, из которой и исходит материалистическая диалектика. Релятивизм дает возможность буржуазным философам спрятать за *видимостью* признания изменения и развития отрицание объективности материального мира и отказ от борьбы за его действительное революционное изменение.

Релятивизм занимает почетное место в мировоззрении «левой партии буржуазии» — II Интернационала. Объективизм, создающий возможность протаскивания любых «точек зрения», любой софистики, есть одно из выражений релятивизма.

Релятивизм, по видимости так рьяно борющийся со старой метафизикой за признание движения и изменчивости, по существу остается разновидностью той же метафизики.

Действительное изменение может быть понято только тогда, когда отдельные моменты, этапы развития мы будем рассматривать как органически связанные друг с другом, как *продолжение* один другого, когда в познании связи и преемственности моментов движения мы будем исходить из единой основы или единого носителя движения, а все это как раз и отвергают релятивисты. Если рассуждать релятивистски,

то например учение Маркса совершенно не связано ни с английской буржуазной политэкономией, ни с утопическим социализмом, ни с немецкой идеалистической диалектикой и французским материализмом. Но в действительности это не так. Марксизм включил в себя то, что было абсолютно истинного в содержании «трех источников», отбросив их извращения, заблуждения, т. е. существенно переработав их с точки зрения нового революционного класса на основе новых исторических данных. Ряд современных буржуазных физиков скатились к идеализму, приняв электронную теорию строения материи за абсолютное отрицание атомной. Ленин показал, что электронная теория строения материи есть лишь дальнейшее движение в глубь наших представлений о строении физической материи, что и старые представления включали в себя момент абсолютной истины. С точки зрения релятивизма наука каждый раз начинает с начала, со сплошного отрицания всех предшествующих воззрений. С точки зрения диалектики, опирающейся на действительную историю научного знания, каждый новый этап науки вырастает на плечах предыдущего, включая в себя то, что было в нем абсолютно истинного.

Ленинское положение об овладении пролетариатом старой буржуазной культурой построено как раз на признании того, что в буржуазной культуре, по сравнению с предшествующими формациями, содержится наиболее богатое отражение абсолютной истины. Поэтому пролетариат может строить свою пролетарскую культуру и двигать самому вперед все развитие человеческой культуры, только критически усвоив и переработав все положительное содержание буржуазной культуры. Ленинское понимание пролетарской культуры и ее соотношения с буржуазной бьет как релятивизм Богданова, «зряшно» отрицавшего буржуазную культуру и призывавшего к искусственному лабораторному творчеству новой пролетарской культуры, так и II Интернационал и Троцкого, преклоняющихся перед буржуазной культурой, как общечеловеческой, и проповедующих самотек и стихийность в вопросе о росте социалистической культуры.

Наука может развиваться именно благодаря преемственности последовательных ступеней человеческого знания.

Познание движется вперед противоречивым путем. Его сопровождают заблуждения, отступления в сторону от прямого постижения объекта. Внешняя кажимость вещей скрывает порой от глаз исследователя истинное содержание предметов. Так при первом исследовании товарно-капиталистического общества отношения между людьми скрываются за отноше-

нием между вещами. Практическое освоение материального мира, прогресс общественно-исторической практики срывает покров кажимости с исследуемых объектов, исправляет заблуждения путем претворения в жизнь объективно-истинного содержания познания, очищает научное от фантастического. Научный опыт, передаваемый одним поколением другому, каждый раз обогащаемый каким-либо новым научным открытием, все более обогащает возможность адекватного познания объективного мира. Опыт промышленной практики, революционные традиции, научные открытия, запас идей, переносимый из одной эпохи в другую, все глубже раскрывают бесконечные возможности человеческого мышления. В беспредельном движении вперед человеческой истории с каждой новой ступенью ее развития полнее, богаче, многостороннее вскрывается абсолютное содержание материального мира, заключенное в исторически ограниченных понятиях, т. е. абсолютная истина.

Прогрессивное движение вперед человеческого мышления, закономерная связь различных ступеней его были гениально угаданы Гегелем, выступавшим с критикой как метафизического взгляда на познание (признающего лишь вечность истин), так и релятивизма. В своей «Феноменологии духа» он характеризует преемственность различных философских систем следующими словами:

«Мнение о противоположности истинного и ложного так твердо установилось, что обычно ожидают найти или соответствие или противоречие своей системы с имеющейся налицо другой философской системой и при объяснении ее усматривают или то или другое. Различие философских систем не понимается как прогрессирующее развитие истины, так как в различии усматривается только противоречие. Почка пропадает при распускании цветка, и можно сказать, что она вытесняется этим последним; точно также через появление плода цветок оказывается ложным бытием растения и вместо него плод выступает как истина растения. Эти формы не только различаются, но вытесняются как непримиримые друг с другом. Но их преходящая природа делает их вместе с тем моментами органического единства, в котором они не только не противостоят друг другу, но один столь же необходим, как и другой, и эта равная для всех необходимость образует жизнь целого». [1] Но для Гегеля необходимость, в которой, в конечном счете, выступают отдельные понятия, системы, взятые в их связи друг с другом, диктуется их собственной,

[1] Гегель. Феноменология духа, стр. 2.

логической природой, тем, что они в конце концов раскрываются лишь как моменты «абсолютной идеи». Для материалистов же диалектиков единство относительной и абсолютной истины находит свою основу в безгранично развивающейся общественно-исторической практике, раскрывающей закономерные связи материального мира.

Диалектическое учение об единстве относительной и абсолютной истины дает возможность избегнуть всякого субъективизма, агностицизма, скепсиса, которые возникают как на основе релятивизма, так и на основе метафизики, признающей абсолютность истины. «С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма, — пишет Ленин, — исторически условны *пределы* приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но *безусловно* существование этой истины, безусловно, то что мы приближаемся к ней. Исторически условны контуры картины, но безусловно то, что эта картина изображает объективно существующую модель... Одним словом, *исторически условна всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии* (в отличие например от религиозной) *соответствует объективная истина, абсолютная природа.* Вы скажете: это различение относительной и абсолютной истины неопределенно. Я отвечу вам: оно как раз настолько «неопределенно», чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова, в нечто мертвое, застывшее, закостенелое, но оно в то же время как раз настолько «определенно», чтобы отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом от фидеизма и от агностицизма, от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта».[1]

Условность, относительность каждой отдельной ступени познания действительности, в ряде которых только раскрывается абсолютная истина, порождается ограниченностью на каждой данной ступени общественной практики, «опосредствующей» предмет. Поэтому мышление не способно до конца охватить предмет в целом, его абстракции заключают в себе возможность «отлета» от действительности, его ограниченность содержит возможность заблуждения.

Непонимание того, что данные исторические условия будут сняты следующим более высоким этапом исторического развития, приводило не владеющих диалектикой кантианцев и махистов к полному отрицанию объективной истины. «Проблема эта (т. е. проблема непознаваемости) «вещи в себе», — пишет Энгельс, — может иметь известный смысл: мы можем познавать только при данных нашей эпохой условиях, и

[1] Ленин. Собр. соч., т. XIII, стр. 111, изд. 2-е.

настолько, *насколько эти условия позволяют*». [1] Но ограниченность исторических условий, ограниченность мировоззрения, относительная скудость накопленного знания есть историческая, а не принципиальная ограниченность, и может быть снята на более высокой ступени исторического развития.

Точно так же ограниченность познания действительности отдельным человеком с его узким, по сравнению со всем обществом, опытом снимается через связь индивидуума с целым классом, со всем обществом, через освоение им познания, составляющего продукт всей предшествующей истории человеческого мышления.

Ограниченность отражения действительности общественным познанием, больше чем на всех ступенях предшествующей истории человечества, преодолевается в переходный период, период построения бесклассового общества, когда миллионы втягиваются в сознательное социалистическое строительство, овладевают техникой, развертывается массовое изобретательство, когда созданы все условия и возможности для свободного развития творческой инициативы масс на основе научного мировоззрения. Новая практика — социалистическое строительство — преодолевает ограниченную и извращенную буржуазную идеологию, разоблачает веками накопленные заблуждения, служит материальной основой, на которой перерабатывается культурное наследие старого общества, и дает огромный толчок в дальнейшем развитии и конкретизации познания объективной истины.

Новый исторический этап развития человечества, который впервые в истории создал возможность научного подхода не только к изменению природы, но и самого общества, создал условия для наиболее глубокого и плодотворного познания объективной истины.

На основе нового исторического этапа раскрывается, что даже самые законченные творения научной мысли, как учение Маркса о капиталистическом обществе, ленинское учение об империализме, научный социализм, не являются абсолютной истиной, а способны к дальнейшему развитию и уточнению, следовательно, содержат в себе моменты релятивности.

Ленинское понимание бесконечности познания любого объекта и следовательно момента относительности его познания на каждой данной ступени относится не только к познанию предметов, которые развиваются в период их познания человеком, но и к таким, которые остаются относительно неизменными за время существования человечества или уже за-

[1] Энгельс. Диалектика природы. (Подчеркнуто нами. *Авторы*).

кончили в прошлом весь цикл своего развития. Наше познание природы химических элементов, химического сродства делается все более глубоким и полным, несмотря на то что природа земных химических элементов за время существования человека (за исключением радиоактивных) не изменилась. Наше познание прошлых геологических эпох все больше обогащается, несмотря на то что они закончили свои циклы сотни миллионов лет тому назад. Научное познание феодализма стало возможным только после того, как отзвучал шум рыцарских турниров, крестьянских войн и восстаний буржуазных городов. И познание капитализма делается более полным и глубоким, по мере того как капитализм рушится под напором собственных противоречий и ударами порождаемой ими пролетарской революции. Бесконечность познания основывается на бесконечном богатстве развития материального мира и бесконечности сторон и связей каждой ступени его развития. Чем выше ступень общественной практики, чем богаче охватываются ею стороны действительности, тем глубже наше познание действительности — как той, которая является непосредственным предметом чувственной человеческой деятельности, так и той, которая опосредованно связана с ней, как ее прошлая ступень.

Но, как мы указывали выше, существует глубокое принципиальное отличие между пониманием относительности познания релятивистами и материалистами-диалектиками. Для релятивистов наше познание сплошь относительно. Для материалиста-диалектика познание *основной* закономерности, если оно подтверждено критерием исторической общественной практики, входит в железный инвентарь научного познания.

Развитие практики, обогащение фактического материала и связанное с ними развитие научного познания может сделать познание нами основной закономерности более конкретным, может даже обнаружить, что та закономерность, которая рассматривалась нами на прошлом этапе как существенная и всеобщая, сама вырастает на основе другой, более глубокой закономерности, и представляет собой ее частную форму. Но все это ни в коей мере не опровергнет того, что в этой закономерности мы отразили «кусочек» абсолютной истины.

Когда представители II Интернационала во время империалистической войны пытались опровергнуть истинность положения Базельского манифеста об империалистическом, грабительском характере предстоящей войны на основании неполноты изучения и «недостаточности» обсуждения национальной и интернациональной тактики, Ленин писал: «Это софизм, ибо одно дело — всестороннее научное исследование империа-

лизма; такое исследование только начинается и оно, *по сути своей бесконечно, как бесконечна наука вообще.* Другое дело — *основы* социалистической тактики против капиталистического империализма, изложенные в миллионах экземпляров социал-демократических газет и в решении II Интернационала». [1]

Ту же мысль о бесконечности познания *любой* области действительности проводит Ленин и в целом ряде других работ, в частности очень ярко подчеркивает ее в дискуссии о профсоюзах. Говоря о требованиях, выдвигаемых диалектической логикой при изучении предмета, он выделяет важнейшее: изучение предмета во всех его «опосредствованиях» и полноте. Он добавляет: «Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и омертвения». [2] Мы никогда не достигнем раз навсегда законченного отражения предмета, так как и природа, и общество, и мышление бесконечно развиваются, но мы достигаем все более полного отражения. В развитии научного познания осуществляется единство абсолютной и относительной истины. Диалектика как теория познания, с одной стороны, признает бесконечность достижения истины, не абсолютизирует даже самого верного ее отображения, чтобы предохранить теорию от такого омертвения, когда она уже перестает выражать диалектику материального мира и тем теряет свою силу «руководства к действию». Диалектика, с другой стороны, признает абсолютность, полноту процесса научного познания в целом и наличие «кусочков» абсолютной истины в каждом научном положении, ибо видит в нем твердую основу для уверенного движения вперед революционной практики.

Отказ от признания единства абсолютной и относительной истины неминуемо ведет к признанию одной из них в ее оторванности от другой, он ведет либо к превращению теории в догму, либо к прямому отказу от теории, как отражения действительности, как научной основы для революционного изменения действительности. И то и другое есть различный по форме, но тождественный по сути отказ от теории как руководства к действию.

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, стр. 243, изд. 2-е. (Курсив наш. *Авторы.*)
[2] Там же, стр. 55, изд. 1-е.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЗАКОН ЕДИНСТВА И БОРЬБЫ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

ДВЕ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ

Все течет, все изменяется, нет ничего абсолютно застойного, неизменного в процессах действительности. К этому выводу, который формулировался уже древнегреческими мыслителями, как к руководящей идее научного познания, пришла под влиянием бурных общественных преобразований эпохи классических буржуазных революций буржуазная наука первой половины XIX в., на основе многовековой общественной практики, богатейшей совокупности фактов изменчивости, добытых наукой.

Не следует однако думать, что всеми признававшими изменчивость явлений эта изменчивость понималась как объективная и закономерная, как развитие.

Субъективные идеалисты, для которых действительность сводилась к потоку психических переживаний субъекта, как к первичной и потому беспричинной «данности», сам вопрос об объективной закономерности такой «действительности» объявляли метафизическим. Но и среди тех, кто, по указанным выше основаниям, пришел к взгляду на изменение, как на закономерное развитие, мы имеем дело с двумя основными точками зрения на развитие — материалистической, которая исходит из развития объективного материального мира, и идеалистической, которая видит в закономерностях объективного развития развитие идеи, духовной сущности. В пределах каждого из этих основных философских лагерей существуют две, выраженные с большей или меньшей последовательностью, различные концепции по вопросу о типе и характере закономерностей развития, к рассмотрению которых мы и перейдем.

Представители первого взгляда видят в развитии простое

увеличение или уменьшение, повторение того, что уже есть. Так качественно различные физические процессы сводятся ими к той или иной количественной комбинации атомов, электронов, переходы физических процессов друг в друга — к тому или иному количественному увеличению, уменьшению или повторению тех же комбинаций. В развитии органической жизни, в возникновении и дифференциации жизненных форм они видят только простое количественное изменение задатков, имевшихся уже у первых живых существ, появившихся на земле.

С точки зрения представителей этой концепции в капитализме начала XX в. и даже в послевоенном капитализме нет ничего качественно нового по сравнению с ранним периодом его развития. Мы имеем здесь дело, по их мнению, *только* с количественным применением уже существовавших элементов и сторон капитализма — с ростом армии рабочих, увеличением капиталов, уменьшением числа собственников средств производства, все с теми же циклами высокой и низкой конъюнктуры и т. д.

Представители этого взгляда по существу не дают никакого решения действительной проблемы развития — закономерного возникновения нового из старого. Они лишь констатируют рост, уменьшение, повторение тех или иных сторон предмета.

Первая концепция остается на поверхности явлений, она может лишь внешне описать движение, но не может выразить его сути, она в состоянии лишь внешне описать рост или уменьшение сторон процесса, но не может объяснить внутренних причин его движения, не может показать, как и почему развивается данный процесс. Делая же попытки такого объяснения, сторонники этой концепции ищут причины количественного изменения только во внешнем воздействии и поэтому в качестве конечной внешней причины всех процессов приходят зачастую к богу. Сторонники этого взгляда не могут объяснить, как все превращается в свою собственную противоположность, не могут объяснить скачков, уничтожения «старого» и возникновения «нового». Так с точки зрения этого взгляда нельзя показать, почему капитализм должен неизбежно перерасти в социализм путем пролетарской революции и установления диктатуры пролетариата, или — почему классы в СССР уничтожаются путем обостренной классовой борьбы. Представители этого взгляда — сторонники механистической концепции развития.

Представители второй концепции исходят из того, что все развивается путем борьбы противоположностей, путем раз-

двоения единого на взаимоисключающие противоположности, Так капитализм развивается в силу противоречия общественного характера производства и частного способа присвоения; переходная экономика — на основе борьбы между развивающимся и растущим социализмом и разбитым, но еще не уничтоженным капитализмом, что и находит свое выражение в обостренной борьбе классов в переходный период, по пути которой происходит уничтожение классов.

Вторая концепция, не останавливаясь на поверхности явлений, выражает суть движения как единство противоположностей. Она требует проникновения в глубь процесса — вскрытия внутренних законов, основания его развития. Эта концепция ищет причин развития не вне процесса, а в нем самом, она устремляет главное внимание на вскрытие источника «самодвижения» процесса. Познать процесс — значит вскрыть противоречивые стороны его, установить их взаимоотношение, проследить движение его противоречий. Этот взгляд дает ключ к «скачкам», показывает превращение процесса в его противоположность, объясняет уничтожение «старого» и возникновение «нового». Так, только вскрыв основные противоречия капитализма и показав, как в силу внутренней их необходимости капитализм должен быть неизбежно взорван пролетарской революцией, мы объясняем историческую необходимость социализма. Вторая концепция есть концепция диалектического материализма.

В своем знаменитом фрагменте «К вопросу о диалектике» Ленин писал:

«Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение и развитие, как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними). При первой концепции движения остается в тени самодвижение, его двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится во вне: бог, субъект). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника «самодвижения». Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая жизненна. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового». [1]

На всем протяжении истории философии мы встречаем обе

[1] Ленинский сборник XII, стр. 324.

эти концепции, более или менее ясно и четко сформулированные, мы встречаем взгляды — порою путанные, но приближающиеся к одной из этих двух концепций развития.

Так уже древнегреческие философы Левкипп и Демокрит, выступая против метафизической теории Элеатской школы (школы Парменида), считавшей мир неизменным, отрицавшей объективность движения, заявляли, что мир развивается по принципу необходимости, что все в мире находится в вечном и бесконечном движении. Но развитие они понимали механистически. Мир, согласно их учению, состоит из бесконечного количества атомов, разнообразных по форме и движущихся в пустом пространстве. Не существует никаких внутренних состояний в атомах, они действуют друг на друга только через толчок, в результате механического движения. Различие вещей объясняется различием пространственных свойств атомов, их числа и взаимного расположения. Возникновение есть соединение атомов, исчезновение — распадение их. Все происходящие изменения объясняются различиями в направлении, поворотах и соприкосновениях атомов друг с другом.

Исходя из этой, для того периода передовой, материалистической концепции, Левкипп и Демокрит объясняли происхождение и развитие солнечной системы, движение человеческой души и т. д.

Такой же точки зрения, за некоторыми частичными исключениями, придерживались так называемые эпикурейцы со своим учителем Эпикуром.

В XVII в. этот взгляд восстановил и развил крупнейший ученый и философ Пьер Гассенди.

В том же XVII в. крупнейший философ и физик Рене Декарт, идеалист в вопросе о происхождении наших знаний и материалист в своей физике, обосновав идею всеобщей связи всех явлений в природе, понимал развитие мира чисто механистически, хотя и несколько иначе, чем сторонники Демокрита[1].

Его взгляд на движение лег в основу работ целого ряда физиков того времени и в основу взглядов крупнейших представителей французского материализма. Механистическая точка зрения господствовала в XVII и XVIII вв. не только по отношению к явлениям природы, но и к развитию человеческого общества. Целый ряд буржуазных идеологов объясняли происхождение и развитие общества, исходя из простых механических связей индивидуумов, из их чувства самосохранения. Они не замечали классовой борьбы, не видели общественных

[1] См. главу «Материализм и идеализм».

противоречий и не смогли поэтому показать действительных законов общественного исторического развития.

В новейшее время, под влиянием все обостряющихся классовых противоречий, появилась механистическая теория, пытавшаяся объяснить общественное развитие антагонизмом направленных друг против друга сил и их равновесием. Направление развития общественного явления определяется количественным преобладанием в нем на том или другом этапе определенной его стороны (силы). Так, по Герберту Спенсеру, «тирания и свобода» — это независимые друг от друга силы, которые стремятся уравновесить друг друга. Количественным преобладанием свободы или тирании определяется движение этого антагонизма. Этот принцип развития мы находим и у Дюринга, выступавшего против диалектики Маркса и Энгельса, а вслед за Дюрингом он был развит в стройную теорию равновесия А. Богдановым, положившим ее в основу своего объяснения всех явлений природы, общества и мышления. У Богданова эту концепцию заимствовал Бухарин, видевший причину развития общественных формаций не в их внутренних противоречиях, а в соотношении системы и среды, общества и природы.

Механистическая теория развития пронизывает взгляды социал-фашизма, считающего, что простой количественный рост монополий и финансового капитала означает врастание капитализма в социализм, что простой рост буржуазной демократии есть все большее завоевание власти рабочим классом и т. д. Философы социал-фашизма отбросили учение о движении путем противоречий как «революционную метафизику». Механистический принцип развития пронизывает также взгляды троцкизма, например его концепцию исторического развития России, согласно которой капитализм насажден у нас западно европейским капиталом и которая игнорирует развитие капитализма, происходившее у нас на основе разложения крестьянской общины. Троцкистская теория невозможности победы социализма в одной стране исходит из игнорирования неравномерности развития капитализма и из игнорирования внутренних законов развития СССР, дающих возможность внутренними силами разрешить противоречия пролетариата и крестьянства по пути построения социализма. Эта теория считает определяющим в нашем развитии внешние противоречия капитализма и СССР, считает, что ход развития среды (капитализма), определяет ход развития системы (СССР).

Не только первая, но и вторая концепция развития встречаются на всем протяжении истории философии. «Движение само есть противоречие» — это замечали даже элеаты, и

именно поэтому они, будучи метафизиками, отрицали объективность движения. Крупнейший из них, Зенон, построил ряд специальных доказательств опровержения объективности движения на том основании, что оно заключает в себе противоречие и потому неистинно, так как истинно с точки зрения метафизиков-элеатов то, что в себе «едино», самому себе тождественно, неизменно.

Знаменитый древнегреческий философ Гераклит заявлял: «Все течет, все изменяется... Нельзя дважды вступать в один и тот же поток», все находится в вечном изменении, в процессе постоянного становления и прохождения. Он утверждал, что все находится в развитии в силу борьбы противоположностей.

В новой философии, развившейся вместе с подъемом буржуазии, идея движения путем противоречий была возрождена немецкой классической философией.

В противовес взгляду Ньютона, считавшего, что движение солнечной системы, раз возникнув в силу первого божественного толчка, с тех пор остается неизменным, и планеты сохраняют свои первоначальные относительные расстояния и расположение. Кант в ранний период своего развития обосновывает теорию происхождения нашей солнечной системы из вращающейся туманности, без помощи бога. Он утверждал, что из первоначальной туманности, в силу борьбы отталкивания и притяжения веществ, образовалась система планет, в том числе и наша земля, и предсказал неизбежную в будущем гибель этой системы. Правда, понимание развития у Канта остается в целом еще в пределах механистического мировоззрения, поскольку притяжение и отталкивание рассматриваются им как противоположные механические силы, присущие веществу. И только позднее в своих основных философских работах критический Кант приблизился к диалектическому пониманию противоречия, которое однако он в этот период уже ограничивает пределами разума, тем самым не допуская и мысли о противоречивости объективного мира «вещей в себе».

Идею развития путем борьбы противоположностей на идеалистической основе в буржуазной философии наиболее резко и прямо выразил Гегель, что и составляет его величайшую историческую заслугу. Он писал:

«Тождество есть определение лишь простого непосредственного, мертвого бытия, противоречие же есть корень всякого движения и жизненности, лишь поскольку нечто имеет в себе самом противоречие, оно движется, обладает побуждением и деятельностью».

«Противоречие не есть просто ненормальность, но является принципом всякого самодвижения, состоящего не в чем ином, как в изображении противоречий.»

«Все вещи в самих себе противоречивы; и именно смысл этого предложения таков, что сравнительно с прочими более всего выражает истину и сущность вещей».

Гегель считал, что нельзя перенести противоречия только в субъект. Он настаивал на необходимости вскрытия противоречий в самих процессах действительности, понимаемой им идеалистически, ибо в борьбе противоположностей он видел корень, основу всякого самодвижения.

Но, установив этот основной закон развития, идеалист Гегель неизбежно извратил и ограничил его. Считая, что движение объективного мира есть форма движения абсолютного духа, подчинив развитие объективных процессов порядку категорий, сложившихся в его голове, Гегель на каждом шагу изменял им же самим установленному закону. Будучи буржуазным идеологом и немецким филистером, он заявил, что в идее, т. е. в высшей ступени развития, противоречия примиряются, происходит приостановка развития. Показав движение общества как противоречивое развитие мирового духа, он заявил, что в прусской монархии, этом высшем воплощении государственной идеи, общественные противоречия примиряются. Так Гегель неизбежно подчинил революционный закон борьбы противоположностей буржуазной теории их примирения. Современные неогегельянцы, например Бредли, философ социал-фашизма Джентиле, так же как в свое время реакционеры, сторонники прусской монархии, хватаются за эту реакционную сторону гегелевской философии, развивая теорию примирения противоположностей. Наоборот Маркс и Энгельс взяли у Гегеля именно его революционную сторону, критически переработав и развив закон единства и борьбы противоположностей.

Ленин писал: «Движение и «самодвижение», это — самопроизвольное (самостоятельное), спонтанейное, внутренне-необходимое движение, «изменение», «движение и жизненность», «принцип всякого самодвижения», «импульс» к движению и к «деятельности» — противоположность «мертвому бытию», — кто поверит, что это — суть «гегелевщины» — абстрактной и тяжелой нелепой гегельянщины? Эту суть надо было открыть, понять, спасти, вылущить, очистить, что и сделал Маркс и Энгельс».[1]

Будучи материалистами-коммунистами и потому свобод-

[1] Ленинский сборник IX, стр. 127.

ными от половинчатости Гегеля, Маркс и Энгельс впервые показали всю революционную суть этого закона. В целом ряде своих работ: в «Капитале», «Анти-Дюринге», «Нищете философии», «Людвите Фейербахе», «Диалектике природы», в ряде своих писем они указывали на теоретическую и практическую значимость этого закона как всеобщего закона развития природы, общества и мышления. Они впервые последовательно, бесстрашно и до конца применили его к анализу всех процессов и явлений, за исследование которых они брались, будь то анализ основных законов развития общественных формаций, анализ капитализма, отдельных исторических эпизодов классовой борьбы, политики и тактики рабочего движения, развития техники и естествознания. Исследование конкретных процессов они не укладывали в готовые абстрактные схемы, не подчиняли искусственному, вымученному движению категорий, как то делали Прудон и Лассаль, хватаясь за худшие стороны гегельянщины, а вскрывали внутренние противоречия процессов и прослеживали их движение и взаимосвязь, переходы друг в друга во всех их конкретных своеобразиях.

В своих исследованиях Маркс и Энгельс не ограничивались указанием на наличие целой суммы противоречий в том или ином процессе, а вскрывали основные ведущие противоречия, противоречия самой сущности, определяющие ход развития всех остальных противоречий исследуемого процесса. Наиболее полно и всесторонне применил Маркс закон единства и борьбы противоположностей в своем «Капитале», который до сих пор остается непревзойденным образцом применения диалектического материализма к исследованию сложнейшего процесса общественного развития. Маркс показал в «Капитале» движение противоречий капитализма от его возникновения до его гибели, и обосновал необходимость его краха. Он показал, как обостряются противоречия капитализма и как подготовляются все условия и возможности для их революционного разрешения. Он вскрыл ряд конкретных форм подготовки разрешения этих движущих противоречий и тем самым обосновал стратегию и тактику партии пролетариата. Анализ Маркса со всей силой продемонстрировал относительность единства капиталистического общества и абсолютность борьбы его противоположностей.

В противовес идеологам II Интернационала, отбросившим марксову диалектику как «ненужный пережиток», Ленин остался верен ей, конкретизировал, развил и поднял ее на высшую ступень. Особенно велика заслуга Ленина в дальнейшем развитии разбираемого закона. В борьбе с народниками, кадетами, меньшевиками, эсерами, с уклонами внутри партии,

он так же мастерски, как и Маркс, применял его при исследовании всех явлений, за рассмотрение которых он брался. Он проследил дальнейшее развитие противоречий капитализма в эпоху империализма, вскрыл основные противоречия переходной экономики, вскрыл основные противоречия и переходы противоречивых моментов на разных ступенях классовой борьбы, он блестяще применял этот основной закон диалектики в политике и тактике партии. Борясь с кантианцами, махистами, с буржуазной реакционной философией, он мастерски показал раздвоение единого в нашем мышлении (диалектика абсолютной и относительной истины). Развивая марксизм на основе обобщения опыта классовой борьбы в эпоху империализма, научного развития от Энгельса до его дней, Ленин дал блестящее философское выражение закона противоположностей как основного закона развития.

Итак, две основных концепции развития — это механистическая, рассматривающая развитие как простое увеличение, уменьшение и повторение, и диалектическая, видящая в развитии раздвоение единого процесса, единство и борьбу его противоположностей.

В том же 1914 г., когда Ленин писал свою заметку «О диалектике», Г. В. Плеханов в своей работе «От идеализма к материализму» тоже пытался сформулировать свое понимание двух концепций развития. Он писал:

«Точка зрения Гегеля была точкой зрения развития. Но развитие можно понимать различно. И теперь еще есть натуралисты, важно повторяющие: «Природа скачков не делает». То же повторяют нередко и социологи: «Общественное развитие совершается путем медленных, постепенных изменений». Гегель утверждал, наоборот, что как в природе, так и в истории *скачки неизбежны*. «Изменения бытия, — говорит он, — состоят не только в том, что одно количество переходит в другое количество, но также в том, что качество переходит в количество, и наоборот — каждый из переходов этого последнего рода составляет перерыв постепенности и дает явлению новый вид, качественно отличный от прежнего...» Развитие становится понятным только тогда, когда мы рассматриваем *постепенные изменения* как процесс, которым подготовляется и вызывается скачок (или скачки). Кто хочет объяснить возникновение данного явления одними медленными изменениями, тот на самом деле бессознательно предполагает, что оно *уже существует, но остается незаметным, благодаря своим слишком малым размерам.* Но при таком будто бы объяснении понятие *возникновения* подменяется понятием *роста,* простого изменения величины, т. е. произвольно устраняется именно то, что

требовалось объяснить».[1] Плеханов верно сформулировал суть механистической концепции развития, однако ему не удалось показать суть диалектическую. Он говорит о скачках, о разрыве непрерывности, о переходе количества в качество, но он не уловил основы, сути этой концепции: раздвоения единого, единства и борьбы противоположностей, сути которая только и дает ключ к пониманию скачков, перерыва непрерывности, перехода количества в качество и обратно и т. д.

РАЗДВОЕНИЕ ЕДИНОГО, ВСКРЫТИЕ СУЩЕСТВЕННЫХ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Все происходящие в природе и обществе процессы находятся в непрерывном взаимодействии, они так или иначе взаимно связаны и влияют друг на друга. Но для того чтобы познать любой из них, проследить ход его развития, установить характер взаимодействия его с другими процессами, нельзя исходить только из внешних воздействий на данный процесс, как это делают механисты, а надо вскрыть его внутренние противоречия.

То обстоятельство, что все явления в мире заключают в себе ряд противоречивых сторон и свойств, замечалось уже давно и каждодневно замечается людьми, отражаясь в их мышлении, в их понятиях. Но отражались и отражаются эти противоположные стороны по-разному. Эклектики, схватывая различные противоположные стороны какого-либо процесса и не умея раскрыть их внутреннюю связь, их взаимоотношения, хватаются то за одну, то за другую из его противоположностей, в зависимости от меняющихся обстоятельств и точек зрения, и выдают ее за общую характеристику целого.

Другая группа идеологов, философов, ученых считает, что противоречия присущи лишь поверхности процессов, их видимости, в самой же сущности вещей их нет. Поэтому с их точки зрения истинное понятие не может содержать в себе противоречие. Так думали, как мы видели, элеаты Парменид, Зенон, так думают метафизики всех времен. Некоторые идеологи народничества 90-х годов, например, уже не могли отрицать ряд противоречий хозяйственного порядка, имевших место в русской деревне и выражающихся в прогрессирующем обезземелении части крестьянства, в отхожих промыслах, в противоречиях скупщика и кустаря и т. д. Но эти противоречия рассматривались ими не как выражение развития кре-

[1] Плеханов. Собр. соч., т. XVIII, стр. 135—136.

стьянского хозяйства по капиталистическому пути, а как внешние и случайные явления по отношению к «истинной» сущности деревни, выражавшейся якобы в ее исконном общинном характере.

Только материалисту-диалектику не приходится ни колебаться в ответах относительно действительной природы того или другого процесса, противопоставляя одному утверждению другое, совершенно противоположное, ни выдавать противоречий процесса за противоречия лишь поверхности явлений или лишь противоречия нашего мышления. Ибо только диалектический материализм исходит из объективных противоречий действительности, из внутренней борьбы противоположных сторон процесса, как из закона изменения и развития самой действительности.

Ленин писал: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его ... есть суть (одна из сущностей, одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики. Так именно ставит вопрос и Гегель.

Условие познания всех процессов мира, всех «самодвижений» в их спонтанейном развитии, в их живой связи — есть познание их как единства противоположностей. Развитие и есть борьба противоположностей». [1]

Уже в простом механическом толчке мы имеем в самом зародышевом, примитивном виде это противоречие в виде действия и противодействия, но здесь в нем еще не обнаруживается источник самодвижения, ибо причину движения механика ищет вне движущегося предмета. Механическое движение есть всегда лишь сторона, внешняя форма самодвижения конкретных явлений.

Классовая борьба в истории общества, противоречие производительных сил и производственных отношений в достаточной мере показывают правильность этого закона по отношению к развитию общественных формаций. То же и в естественных процессах.

Современная наука не видит уже в атоме неизменного, в себе тождественного «кирпича мироздания», предела деления физической материи. Она раскрыла атом как единство частиц положительного и отрицательного электричества, которые своим взаимопроникновением определяют физические и химические свойства атома. Мало того, физика и химия вплотную подошли к обоснованию исторического взгляда на природу химических элементов, казавшихся еще несколько десятков лет тому назад абсолютно неизменными. Химические элементы

[1] Ленинский сборник XII, стр. 323—324.

развиваются, и внутренним основанием их развития является движение внутреннего противоречия их атомов.

Особенно ярко выступает диалектический характер процессов природы по отношению к явлениям жизни. Жизнь и смерть, возникновение и уничтожение, ассимиляция и диссимиляция (усвоение и выделение вещества и энергии) даны в своем внутреннем единстве как в жизни организмов, так и в жизни каждой его клетки.

Противоречивое единство изменчивости и наследственности в борьбе за существование является основой, движущей пружиной органического развития.

В истории техники мы имеем также дело с развитием на основе внутренних противоречий, определяющихся основным законом развития, определенных общественно-экономических формаций. Так в развитии машинного способа производства мы встречаем возникновение противоречий между машиной и материалом ее производства и разрешением этих противоречий постройкой машин из все более пригодных материалов: из металла вместо дерева (первоначально машины были деревянными), из высококачественных сталей, твердых сплавов, пластмасс и т. д., переходом к новым типам машин, повышением мощности старых и т. д. Мы имеем постоянное противоречие между двигателем, передаточным механизмом и рабочей машиной.

Мы имеем противоречия между техническими основами различных производственных отраслей. Так усовершенствование ткацкого станка в Англии в конце XVIII в. вызвало отставание прядения, противоречие было разрешено появлением прядильной машины, которая в свою очередь вызвала отставание ткачества; это противоречие привело к появлению ткацкого станка Каркрайта. Противоречие между появлением ряда новых машин и кустарными методами их производства породило появление и развитие новой отрасли производства — машиностроительной промышленности. Технические перевороты в промышленности пришли в противоречие с отсталым транспортом — парусным судоходством и гужевым транспортом, что вызвало в свою очередь революцию в последнем — появление железной дороги и пароходов.

Такого типа противоречия существуют постоянно. Порожденное всей совокупностью предшествовавшего общественного развития, изобретение, внедряясь в общественную технику, при наличии благоприятных социальных условий, ведет к новым противоречиям, разрешаемым новыми изобретениями. В этих специфических противоречиях и протекает развитие общественной техники.

Единство противоположностей, раздвоение единого является всеобщим законом развития нашего мышления. Ленин писал: «Познание есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту. Отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их».[1]

Наше познание объективного мира, как мы уже говорили, движется в противоречиях относительной и абсолютной истины. На каждой ступени общественного развития наше познание относительно, ибо оно обусловлено исторической ступенью развития практики. Но мы движемся в целом к абсолютной истине, отражая на каждой новой ступени нашего относительного познания все больше сторон абсолютной истины.

Наши понятия по мере исторического хода развития человеческого познания и самой действительности делаются все более гибкими, все более адекватно отражая всеобщую связь, раздвоение единого, борьбу противоположностей в объективной действительности.

Каждая из всеобщих категорий материалистической диалектики, выражающих ступеньки познания человеком законов развития действительности, предполагает свою противоположность: так, качество немыслимо без количества, содержание без формы, возможность без действительности. Категории все более выступают как единство противоположностей.

Ленин в своем «К вопросу о диалектике», говоря о том, что раздвоение единого есть суть диалектики, писал: «На эту сторону диалектики обычно, например у Плеханова, обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется как сумма примеров («например зерно», «например первобытный коммунизм»). То же у Энгельса. Но это для популярности), а не как закон познания (и закон объективного мира).[2]

Энгельс, считавший закон «взаимопроникновения противоположностей» одним из трех главнейших законов диалектики, в некоторых местах в «Анти-Дюринге» в целях популярности перечисляет ряд примеров для иллюстрации закона. Г. В. Плеханов же ограничился перечислением примеров именно потому, что он не понял закона единства и борьбы противоположностей и фактически свел его к сумме примеров.

В одной из своих работ Плеханов писал:

«Теперь надо обратить внимание вот на что. Мы уже знаем,

---

[1] Ленинский сборник IX, стр. 227.
[2] Ленинский сборник XII, стр. 323.

что прав был — и в какой мере был прав — Ибервег, требовавший от логически мыслящих людей определенных ответов на определенные вопросы о принадлежности данному предмету данного свойства. Но вообразите, что мы имеем дело не с простым, а со сложным предметом, объединяющим в себе прямо противоположные явления и потому сочетающим в себе прямо противоположные свойства. Приложимо ли требование Ибервега к суждениям о таком предмете? — Нет, сам Ибервег — столь же решительный противник гегелевой диалектики, как и Тренделенбург, — находит, что тут надо рассуждать уже согласно другому правилу, и именно согласно правилу сочетания противоположностей.

Но огромнейшее большинство тех явлений, с которыми имеют дело естествознание и общественная наука, принадлежит к числу «предметов» именно этого рода: в самом простом комочке протоплазмы, в жизни самого неразвитого общества объединяются прямо противоположные явления. Стало быть в естествознании и в общественной науке необходимо отвести широкое место диалектическому методу. И с тех пор, как ему было отведено такое место в названных науках, они сделали поистине колоссальные успехи».[1]

Плеханов констатирует наличие многообразия противоположных сторон, свойств, взаимной связи в предметах, процессах. Он знает, что взаимосвязь, «сочетание противоположностей», нельзя понять на основе формальной логики, ее можно показать, лишь применяя логику диалектическую. Но он и останавливается на этом, не понимая того, что «сочетание противоположностей» в процессах представляет собой не только единство, но и борьбу противоположностей, что борьба неразрывно связанных «взаимопроникающих» противоположностей определяет движение, есть основной закон развития.

Плеханов не только не довел проблемы развития путем противоречия до понимания ее как развития путем раздвоения единого, но и самой проблеме противоречия уделил крайне незначительное внимание.

Плеханов говорил о диалектике лишь в самых общих чертах, как об учении о вечном развитии путем возникновения и уничтожения. В то время как Ленин главным в диалектике считал учение об единстве и борьбе противоположностей. Плеханов главное и основное в диалектике усматривал в учении о вечном отвержении форм, рожденных известным содержанием. Плеханов, излагая Гегеля, писал: «Основа, главная отличительная черта диалектики, указывается у него

[1] Плеханов. Собр. соч., т. XVIII, стр. 269.

в следующих словах: «Вечная смена форм, вечное отвержение формы, рожденной известным содержанием или стремлением, вследствие того же стремления, высшего развития того же содержания». [1]

Слов нет, диалектика содержания и формы составляет одно из существенных положений диалектики. Но указать одно это — мало. Надо объяснить, почему данное содержание приводит к необходимости смены данной формы определенной другой. А последнее объясняется противоречием формы и содержания, их борьбою, которая есть только одна из конкретных форм обнаружения основного закона диалектики — закона единства и борьбы противоположностей. Вот этого-то и не понял Плеханов. Плеханов понимает закон противоречия лишь как констатирование перехода формы в ее собственную противоположность.

Игнорирование этого закона привело его к заявлению, что моменты относительного покоя в процессе надо изучать на базе формальной логики.

В предисловии ко второму изданию Л. Фейербаха Плеханов прямо ставит вопрос о том, что основу всех явлений природы составляет движение материи, а движение есть противоречие. Но противоречивость движения иллюстрируется им лишь на примере механического движения, перемещения точки. [2]

Верно, что даже самое простое движение — механическое, простое перемещение в пространстве — противоречиво: движущаяся точка одновременно находится и не находится в данном месте. Уже здесь мы имеем единство противоположностей, но в его самой простой и примитивной форме. Механическое движение, происходящее вследствие толчка, давления, т. е. вследствие внешних причин, будучи стороной какой-либо другой, более высокой формы движения, совершенно недостаточно для показа движения путем противоречий во всех остальных формах движения материи, как-то: физической, химической, биологической, общественной. Механическое в известной мере содержится в каждой из этих, но чем выше и сложнее форма движения материи, тем меньшую роль оно там играет. Поэтому нельзя сводить движущие противоречия всех этих форм к противоречию механического движения. Остановка на этом типе противоречия, как это делает Плеханов, ведет лишь к смазыванию закона раздвоения единого, закона единства и борьбы противоположностей и следовательно не ведет к вскрытию «источника самодвижения» в основном

[1] Плеханов. Собр. соч., т. VII, стр. 127.
[2] Там же, т. XVIII, стр. 263.

противоречии. Наоборот, он высказывается прямо против понимания движения путем раздвоения единого. В своей работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханов писал: «Кто, желая вникнуть в сущность диалектического процесса, начал бы именно с проверки учения о противоположности явлений, стоящих рядом в каждом данном процессе развития, тот подошел бы к делу с ненадлежащего конца».[1]

Для познания процесса, для вскрытия источника его самодвижения недостаточно установления многообразия противоречий, борьбы множества противоположных сторон, — необходимо в этом многообразии вскрыть основные, коренные противоречия, определяющие движение процесса.

В противоположность метафизике буржуазной социологии, ограничивавшейся в лучшем случае констатированием взаимодействия общественных «факторов», Маркс, Энгельс, Ленин требовали вскрытия основного противоречия каждой общественной формации — противоречия производительных сил и производственных отношений в их определенной исторической форме. Это основное противоречие определяет все другие противоречия данной общественной формы и ход развития последней. Именно поэтому все многообразие противоречивых сторон общественного развития классики марксизма рассматривали на основе и в связи с этим основным противоречием.

Буржуазная политическая экономия до Маркса и после него, стоя на точке зрения вечности буржуазных отношений, не могла вскрыть действительных противоречий капитализма, являющихся законом его возникновения, развития и гибели. Даже самые передовые умы буржуазной экономической науки — Адам Смит и Рикардо, учившие, что стоимость представляет собою овеществленный в товаре человеческий труд и что количество стоимости определяется количеством трудовых затрат, что прибыль и земельная рента есть неоплаченный труд рабочего, даже они не могли вскрыть основных законов развития рассматриваемой ими общественной формации, ибо не заметили противоречий ее. Предшественники и эпигоны классической буржуазной политэкономии и вовсе не проникли глубже поверхности явлений извращенной капиталистической практики. Их «методология» сводилась к тому, что одно из явлений капиталистической экономики, вырванное из связи с другими они пытались превратить в целостную характеристику всего капитализма. Так одни пытались «вывести» все многообразие сторон капиталистического хозяйства из борьбы

[1] Плеханов. Собр. соч., т. VII, стр. 128.

спроса и предложения, другие — из издержек производства, третьи — из потребительной стоимости товаров и т. д. Они поэтому не могли ни понять общую картину развития капитализма, ни вскрыть его закономерности. Маркс противопоставил метафизике буржуазной политэкономии диалектику самой капиталистической действительности; он писал: «Лишь поставив на место противоположных догм противоположные факты и реальные противоречия, образующие их скрытое основание, можно превратить политическую экономию в положительную науку».

Маркс вскрыл основные противоречия буржуазного способа производства и тем самым объяснил закон его развития. Он показал, что противоречие капиталистических производительных сил и производственных отношений определяет развитие капитализма.

Это противоречие, выступающее в форме противоречия общественного характера производства и частного способа присвоения, «и составляет основное противоречие, заключающее в себе все те противоречия, в которых движется современное общество и которые с особой ясностью обнаруживаются крупной промышленностью». [1]

Это основное противоречие находит свое выражение и развитие в ряде других противоречий капитализма. Укажем некоторые из них.

1) Противоречие между организацией производства на каждой отдельной фабрике и анархией в общем ходе общественного производства.

2) Усовершенствование машин и расширение производства как принудительный закон для каждого отдельного капиталиста — с одной стороны, рост резервной армии промышленности, периодически повторяющиеся кризисы — с другой стороны. Способ производства восстает против капиталистических производственных отношений.

3) «Капитализму вообще свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного или производительного, отделение рантье, живущего только доходом с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц». [2]

Это отделение, в котором находит свое отражение извращенный капиталистическими отношениями общественный характер производства, ярко обнаруживается в акционерных ком-

---

[1] Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 269.

[2] Ленин. Империализм как последняя стадия капитализма, гл. III.

ниях, в которых у массы акционеров остаются только функции рантье и формальное право собственности на предприятие, действительное же распоряжение совокупным капиталом, управление производством и предпринимательский доход остаются в руках кучки «гениев» финансовых проделок» (Ленин).

Анализируя основные противоречия капитализма, Маркс показал, что они неминуемо приводят к необходимости революции и к диктатуре пролетариата.

Ленин показал перерастание капитализма в последнюю стадию его развития — в империализм, который в новой форме, в форме монополий, развивает основные противоречия капиталистической системы, доводя их до всеобщего кризиса капитализма. Исходя из анализа основных противоречий монополистического капитализма и всей суммы противоречий, вырастающих на их основе, вскрыв неравномерность развития империализма в различных странах, Ленин научно доказал возможность прорыва империалистической цепи в ее наиболее слабом звене, возможность победы революции, победы социализма в одной стране.

Ленин и Сталин в своих работах показали основное, ведущее противоречие переходной экономики: борьбу социализма и капитализма.

Основное противоречие нашей переходной экономики сформулировано Лениным в следующих словах:

«Экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет из себя борьбу первых шагов коммунистического объединенного в едином масштабе громадного государства труда с мелким товарным производством и с сохранившимся, а равно и возрождающимся на его базе капитализмом».[1]

Эта концентрированная ленинская формулировка содержит характеристику следующих двух сторон основного противоречия переходной экономики.

1) Противоречие крупной социалистической промышленности с товарно-капиталистическими тенденциями мелкотоварного хозяйства. Это противоречие разрешалось и разрешается не голым насилием пролетариата над крестьянством, как это изображают наши враги, а в форме союза пролетариата с крестьянством под руководством пролетариата, имеющего своей задачей уничтожение классов и направленного своим острием как против капиталистических тенденций самого крестьянства, так и против капиталистических агентов, непрестанно

[1] «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата».

пытающихся сыграть на этих тенденциях, чтобы изнутри взорвать этот союз.

Этот союз осуществляется в виде сочетания интересов мелкотоварного производителя с интересами социализма в целях развития социалистической индустрии, социалистической переделки крестьянского хозяйства в форме сплошной коллективизации, означающей ликвидацию последней базы, порождающей капитализм.

2) Антагонизм интересов пролетариата, владеющего социалистической промышленностью, и капиталистических элементов, частью уже экспроприированных после Октября, наголову разбитых в гражданской войне, но еще не уничтоженных окончательно, частью вновь возродившихся на основе нэпа, на базе роста индивидуального мелкотоварного крестьянского хозяйства. Это противоречие разрешалось пролетариатом на основе общей политики партии, направленной на индустриализацию страны и социалистическую переделку крестьянского хозяйства, на разных этапах революции по-разному — от политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов до ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации.

Указанные Лениным основные противоречия переходного периода находят свое выражение в ряде других его противоречий. Таково например противоречие передовых социалистических отношений и отсталой техники, оставшейся нам от русского капитализма, разрешаемое бурным развитием социалистической индустрии.

Таким противоречием является далее противоречие социалистической организации производства и мелкобуржуазных и буржуазных привычек и традиций по отношению к производству и труду, оставшихся у трудящихся от прошлого, разрешаемое под руководством партии массовой перестелкой людей, воспитанием социалистической дисциплины, путем развития новых социалистических форм труда.

Укажем наконец на противоречие между еще ограниченными размерами продукции социалистической промышленности и сельского хозяйства и растущими потребностями трудящихся. Оно разрешается растущей производительностью труда в промышленности и сельском хозяйстве, бурными темпами индустриализации страны, развитием легкой промышленности, мобилизацией для производства предметов широкопотребления внутренних ресурсов тяжелой промышленности, борьбой за организационное хозяйственное укрепление колхозов и наконец развертыванием колхозной торговли.

Вскрыв вышеуказанное основное противоречие переходной

экономики в СССР, Ленин и Сталин показали, что пролетариат Советского Союза, руководимый коммунистической партией установив свою диктатуру, овладев крупной индустрией, транспортом и колоссальными запасами естественных богатств, введя монополию внешней торговли, установив союз со средним крестьянством, имеет все необходимое для разрешения этого противоречия внутренними силами. Он имеет все необходимое, чтобы индустриализировать страну, перевести крестьянское хозяйство на социалистические формы земледелия, и тем самым уничтожить классы. Они доказали возможность полной победы социализма в нашей стране.

Тов. Сталин писал: «Что такое возможность победы социализма в одной стране? Это есть возможность разрешения противоречий между пролетариатом и крестьянством внутренними силами нашей страны, возможность взятия власти пролетариатом и использования этой власти для построения полного социалистического общества в нашей стране, при сочувствии и поддержке пролетариев других стран, но без предварительной победы пролетарской революции в других странах».[1]

Все многообразие сторон и противоречий всех фаз развития переходного периода определялось именно этим основным противоречием, которое ныне, в период вступления в социализм, в основном разрешено индустриализацией страны, ликвидацией кулачества как класса на базе сплошной коллективизации и ростом совхозного строительства.

Это основное противоречие будет окончательно разрешено в СССР к концу второй пятилетки, имеющей своей основной задачей полную ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще, уничтожение всех причин, порождающих классовые различия — построение бесклассового общества.

После уничтожения классов источником «самодвижения» общества, вопреки мнению оппортунистов, также остаются внутренние противоречия.

Не ставя себе задачей останавливаться здесь на характеристике основного противоречия коммунистической формации в целом, мы все же можем с уверенностью утверждать, что в первой фазе коммунизма, при социализме, решающей формой этого противоречия будет выступать противоречие социалистического характера производства (основанного на общественном присвоении средств производства) и распределения «средств существования и наслаждения» (за исключением необходимых общественных фондов) по труду. Это противоречие определяет и будет определять все многообразие сторон

[1] Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 222, изд. 2-е.

общественного развития. Оно будет разрешено ростом производительности труда и на этой базе массовой переделкой людей, которая даст возможность перейти к работе по способностям и получению по потребностям.

Итак, чтобы познать движение любого процесса, необходимо вскрыть в многообразии его противоречий, противоположных тенденций основное противоречие, определяющее развитие процесса в целом, необходимо вскрыть источник его «самодвижения».

Внутренние противоречия каждого процесса качественно отличаются от другого процесса. Одно дело — основное противоречие капитализма, противоречие пролетариата и буржуазии, разрешаемое лишь социалистической революцией; другое дело — основное противоречие переходной экономики, разрешаемое индустриализацией страны, сплошной коллективизацией и совхозным строительством.

Троцкий не понял характера и специфичности развития основных противоречий капитализма в эпоху империализма, не понял закона неравномерного развития. Отсюда первая основа его выступления против возможности победы социализма в одной стране. По Троцкому, противоречие пролетариата и крестьянства и СССР представляет собою такого же типа противоречие, как и противоречие пролетариата и буржуазии в капиталистическом хозяйстве, и разрешено может быть, по его мнению, так же, как и второе, — международной революцией. Троцкий не увидел специфического, что крестьянство — это мелкие товаропроизводители, работающие на своих средствах производства, а не буржуа, эксплоатирующие чужой труд (правда, из его недр ежеминутно рождается капитализм), что как трудящийся — крестьянин является союзником пролетариата и что при наличии диктатуры пролетариата создаются условия для перевода крестьянства на социалистические формы земледелия. Отсюда вторая подоснова выступления против возможности победы социализма в одной стране. Практика блестяще отвергла социал-фашистскую теорию Троцкого и доказала, что качественно иное противоречие иначе и разрешается: если противоречие пролетариата и буржуазии в условиях капитализма разрешается революцией, захватом государственной власти пролетариатом, то противоречие пролетариата и крестьянства в условиях СССР разрешается индустриализацией страны и коллективизацией сельского хозяйства, ведущей к ликвидации классов.

Практика блестяще подтвердила теорию возможности победы социализма в одной стране.

Правые оппортунисты не замечают специфичности противо-

речий пролетариата и крестьянства, пролетариата и капиталистических элементов страны, — эти оба противоречия они считают однотипными, на этом покоится их теория мирного врастания кулака в социализм.

Уроки троцкизма и правого оппортунизма учат нас необходимости вскрывать специфичность внутренних противоречий любого процесса. А для этого необходимо познание и специфичности каждой стороны противоречия. Маркс писал в «Святом семействе»: «Пролетариат и богатство — это противоположности; как таковые, они образуют единое целое. Они оба порождены миром частной собственности. Дело идет о том, какое определенное положение каждая из этих двух противоположностей занимает в противоречии». Недостаточно объявить их двумя сторонами единого целого. Для понимания основных противоречий капитализма мы должны познать специфические особенности пролетариата и буржуазии, их соотношения друг с другом, конкретную взаимозависимость, взаимообусловленность обоих классов. Того же требует марксистско-ленинская диалектика при изучении любого процесса; она требует вскрытия особенности каждой стороны противоречия, их конкретного соотношения, «какое определенное положение каждая из двух противоположностей занимает в противоречии».[1]

ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Внутренние противоположности взаимно связаны друг с другом, одна сторона противоречия не может существовать без другой. В капиталистическом обществе буржуазия связана с пролетариатом, пролетариат с буржуазией, каждый из этих классов не может развиваться без другого, ибо буржуазия не может существовать, не эксплоатируя чужого труда, наемный пролетариат не может существовать, не продавая капиталисту своей рабочей силы, ибо он не владеет средствами производства.

Эту взаимосвязанность и взаимообусловленность противоречивых сторон действительности подчеркивала партия и в своей борьбе на два фронта в вопросе о характере нэпа.

«Когда есть нэп, должны быть сохранены обе стороны: и первая сторона, направленная против режима военного коммунизма, имеющая своей целью обеспечение известной свободой торговли, и вторая, направленная против полной свободы торговли и имеющая своей целью обеспечение регулирующей

[1] Маркс и Энгельс. Собр. соч., т. III, стр. 248.

роли государства на рынке. Уничтожьте одну из этих сторон и у вас не будет нэпа»[1] (Сталин).

Такую же неразрывную связь противоречивых сторон мы видим и во всех процессах объективной действительности. Нет механического действия без противодействия. Химическая диссоциация атомов неразрывно связана с их соединением. Электрическая энергия обнаруживает себя в форме противоположных — положительного и отрицательного — электричеств.

«Существование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние в одну новую категорию, — писал Маркс против Прудона, — составляет сущность диалектического движения. Если вы ограничиваетесь лишь тем, что ставите себе задачу устранения дурной стороны (при сохранении соответствующей ей «хорошей» стороны, как этого требовал Прудон. *Авторы*) то вы, разбив их, кладете конец всему диалектическому движению».[2]

Противоположности не только находятся в неразрывной неотъемлемой связи, но они переходят и взаимопроникают друг в друга.

Так процесс производства на капиталистической фабрике является одновременно и совокупностью капиталистических производственных отношений, например отношений капиталиста к рабочим, и совокупностью производительных сил (рабочая сила, средства производства). Развитие от мануфактуры к машинному производству есть не только изменение производительных сил, но и возникновение и развертывание новых производственных отношений. Единство рабочей силы и средств производства является одновременно связью производительных сил и связью людей в процессе производства, т. е. производственными отношениями. Разделение труда в мануфактуре, являясь производственным отношением, выступает и как производительная сила.

На основе этого взаимопроникновения капиталистических производительных сил и капиталистических производственных отношений и разгрывается процесс все обостряющегося противоречия между пролетариатом и буржуазией.

Взаимопроникновение противоположностей, переход одной противоположности в другую, присуще всем процессам. Но для того чтобы вскрыть и показать это взаимопроникновение, требуется тщательный конкретный анализ процесса.

Интересы пролетариата и трудящегося крестьянства в СССР — классов, противоположных по своему историче-

[1] Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 961.
[2] Маркс. Нищета философии, стр. 144.

скому прошлому и по отношению к средствам производства, в то же время совпадают. По коренным вопросам социалистического строительства крестьянин как трудящийся является союзником пролетариата. Крестьянин заинтересован и в укреплении диктатуры пролетариата ибо она оберегает его от возврата земель помещикам и избавляет от эксплоатации кулака. Крестьянин заинтересован в социалистическом развитии сельского хозяйства, ибо это наилучший путь поднятия сельского хозяйства на высшую ступень. Крестьянин заинтересован в индустриализации страны, ибо индустриализация страны создает материальную основу поднятия сельского хозяйства, обеспечивает оборону страны от посягательства капиталистов и помещиков и т. д. Тут мы имеем совпадение интересов пролетариата и крестьянства. Пока еще не были созданы предпосылки к бурному расцвету социалистической промышленности и к массовому переходу на путь коллективизации, надо было сочетать частнособственнические интересы мелкотоварного крестьянства с общими интересами развития социализма. Формой такого сочетания явился нэп, который по окончании гражданской войны обеспечил возможность поднятия индивидуального крестьянского хозяйства и подготовки его кооперирования на основе известной свободы торговли под контролем государства и тем самым обеспечил сырье и продовольствие для социалистической промышленности. По мере роста и укрепления социалистических отношений в промышленности и торговле, роста индустриализации страны, развития машино-тракторных станций, системы контрактаций и т. д., была создана возможность более тесного сочетания крестьянского хозяйства и крупной промышленности уже на базе непосредственной коллективизации индивидуальных крестьянских хозяйств. Нэп представляет собой такую форму сочетания частнособственнических интересов крестьянина с интересами социализма, которая ведет к росту и укреплению социалистических отношений. Всемирно-историческое стратегическое значение нэпа определяется тем, что партия установила эту политику на основе глубокого анализа хода и развития противоречий переходной экономики и неразрывной связи противоположных тенденций их взаимопроникновения.

Мы вступили в период социализма и мы переживаем последний этап нэпа — это противоречие. Мы идем к окончательной ликвидации классов и мы укрепляем денежную систему, кредитные организации, проводим хозрасчет, проверку рублем, и одновременно с организационно-хозяйственным укреплением колхозов поощряем развитие колхозной торговли. Но мы делаем это потому, что укрепление денежной системы и банков

является одновременно созданием и укреплением социалистического учета, плановой дисциплины. Проведение хозрасчета есть одновременно доведение до цеха, бригады, колхоза социалистического планирования. Развитие колхозной торговли укрепляет смычку между пролетариатом и колхозным крестьянством.

Образец анализа взаимопроникновения противоположностей дает т. Сталин в решении проблемы соотношения национальной и интернациональной культуры, линии на отмирание государства и укрепление пролетарской диктатуры.

«Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур, — говорил т. Сталин в своем отчете XVI съезду, — в условиях диктатуры пролетариата в одной стране *для* слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт, — в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса в вопросе о национальной культуре.

Могут сказать, что такая постановка вопроса «противоречива». Но разве не такая же «противоречивость» имеется у нас с вопросом о государстве? Мы за отмирание государства. И мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую власть из всех существующих до сих пор государственных властей. Высшее развитие государственной власти, в целях подготовки условий *для* отмирания государственной власти, — вот марксистская формула. Это «противоречиво». Да, «противоречиво». Но противоречие это жизненно, и оно целиком отражает марксову диалектику.

Или например ленинская постановка вопроса о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения. Ленин иногда изображал тезис о национальном самоопределении в виде простой формулы: «разъединение для объединения». Вы только подумайте — разъединение для объединения. Это отдает даже парадоксом. А между тем эта «противоречивая» формула отражает ту жизненную правду марксовой диалектики, которая дает большевикам возможность брать самые недоступные крепости в области национального вопроса.

То же самое нужно сказать о формуле на счет национальной культуры: расцвет национальных культур (и языков) в период диктатуры пролетариата в одной стране, в целях подготовки условий для отмирания и слияния их в одну общую социалистическую культуру (и в один общий язык) в период победы социализма во всем мире.

Кто не понял этого своеобразия в «противоречивости» нашего переходного времени, кто не понял этой диалектики исторических процессов, тот погиб для марксизма».[1]

В переходный период, когда массы строителей социализма еще «не сбросили с себя шкуры ветхого капиталистического Адама», когда не изжиты, не говоря уже о крестьянстве и старой интеллигенции, но и в рядах рабочего класса индивидуалистические навыки и пережитки, мы имеем еще дело с элементами расхождения личных и общественных интересов. Но наша *коммунистическая* партия не отмахивается от этого действительного противоречия и не идеализирует действительности. Она исходит из того, что развитие социалистических отношений впервые в истории даст широкие возможности для такого «взаимопроникновения» личных и общественных интересов, которое вело бы не к подавлению личности, а к ее подлинному и полному развитию по линии интересов всего общества. Это «взаимопроникновение» проявляется в форме сдельщины, в борьбе с уравниловкой, денежных премиях, почетных грамотах, орденах, различных формах общественного поощрения и других мероприятиях, осуществляемых партией для мобилизации всех сил и способностей личности на службу общественным интересам.

«Взаимопроникновение» противоположностей характерно и для процессов нашего познания.

Одним из основных противоречий человеческого познания, как мы уже это видели, является противоречие относительной и абсолютной истины. Относительная истина в той или иной форме отражает абсолютную, абсолютная складывается из ряда относительных истин.

То же взаимопроникновение мы имеем в соотношении единичного и общего, отражаемых в наших понятиях. Ибо единичное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в единичном. Всякое общее лишь приблизительно схватывает все единичные предметы. Всякое единичное частично входит в общее.

Всеобщие законы развития, отражаемые в категориях материалистической диалектики, могут быть поняты лишь на основе взаимопроникновения противоположностей. Диалектика показывает, — пишет Энгельс, —«что неизменные противоположности основания и следствия, причины и действия, тождества и различия, бытия и сущности не выдерживают критики, что анализ показывает наличие одного полюса уже in nuce (в зародыше) в другом, что в определенном пункте

[1] Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 566—567.

один полюс переходит в другой и что вся логика развивается лишь в этих движущихся вперед противоположностей».[1]

В следующих главах мы рассмотрим взаимопроникновение основных категорий диалектики — количества и качества, сущности и видимости, формы и содержания, случайности и необходимости, возможности и действительности.

Вот именно это «взаимопроникновение» противоположностей Ленин называл тождеством противоположностей. Вскрыть «взаимопроникновение», тождество противоположностей в любом процессе является центральной задачей нашей теории познания, материалистической диалектики.

Недаром Энгельс, определяя три основных закона диалектики, закон движения путем противоречий сформулировал как «закон взаимного проникновения противоположностей».

Ленин определял диалектику как «учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположности, при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, почему ум человека не должен брать эти противоположности закоченевшие, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую».[2]

Понять, как становятся тождественными противоположности, можно лишь на основе тщательного, конкретного и глубокого анализа процесса, изучения движения всех его основных сторон на различных его стадиях, всех условий и возможностей их переходов.

Взаимопроникновение противоположностей, являясь выражением основной закономерности процесса, становится возможным и реализуется лишь при определенной совокупности условий.

Наемный рабочий является живым тождеством противоположностей, так как, являясь основной производительной силой капитализма, производящей все его материальные блага, он одновременно оторван от средств производства, ничего не имеет кроме своих рук и эксплоатируется другим классом. Такое «взаимопроникновение противоположностей» становится возможным лишь на базе капиталистического способа производства.

Развитие национальной по форме и интернациональной по содержанию культуры, укрепление государственной власти для создания предпосылок ее отмирания становятся необходимостью лишь в условиях диктатуры пролетариата и возможны лишь в условиях этой диктатуры. Развитие хозрасчета на

---

[1] Энгельс. Диалектика природы, стр. 1—2.
[2] Ленинский сборник IX, стр. 69.

базе укрепления денежной системы для развития социалистического планирования необходимо в период, когда деньги еще нельзя ничем заменить, и возможно лишь до тех пор, пока не будут созданы условия отмирания денег. Развитие производительности социалистического труда на базе личной материальной заинтересованности работника, на основе борьбы с уравниловкой, выделение ведущих профессий, преимущественного снабжения ударников — возможно лишь при условии диктатуры пролетариата и необходимо для поднятия производительности труда, как решающего условия построения полного социалистического общества и перехода к коммунистическому с его принципом распределения по потребностям.

Понимание этой стороны закона единства и борьбы противоположностей способствовало правильному анализу экономической обстановки, взаимоотношений классов и партий и следовательно определило основы политики нашей партии. Ленин писал:

«Мы все тоже марксизму немного учились, учились, как и когда можно соединять противоположности, а главное: в нашей революции мы практически неоднократно соединяли противоположности. Ведь можно соединить так эти противоположности, что получится какофония, а можно так, что получится симфония».

Таким диалектическим сочетанием противоположных моментов политики, представляющихся меньшевикам абсолютно несовместимыми, являлась политика нашей партии по отношению к либералам в период земской кампании: «врозь итти — вместе бить». На основе такого сочетания строилась политика партии по отношению к крестьянству на разных этапах революции: сочетание интересов пролетариата и крестьянской бедноты в революции социалистической, политика союза с середняком после VIII съезда партии.

Ярким образцом сочетания противоположностей в политике партии являются шесть условий т. Сталина, сочетающие личную материальную заинтересованность работника с поднятием производительности труда, сочетающие укрепление денежной системы, хозрасчета с ростом социалистического планирования и т. д., всемерную поддержку старой интеллигенции с курсом на создание в короткие сроки многочисленных кадров производственно-технической интеллигенции рабочего класса. Это «сочетание противоположностей» в политике нашей партии, направленное на развитие действительности в определенном направлении, всегда осуществлялось на основе точного и конкретного изучения объективных противоречий. Вот почему

это сочетание давало победу линии партии, вот почему из него получалась «симфония», а не «какофония».

Сочетание противоположностей, не исходящее из учета объективных условий и обстоятельств, является эклектическим сочетанием и не может привести к победе определенного направления развития, ведет к поражению этого направления. Так меньшевики построили всю политику борьбы за буржуазно-демократическую революцию на основе электрического сочетания интересов пролетариата с интересами либеральной буржуазии, которое игнорировало непримиримость этих интересов, игнорировало конкретные условия развития России, игнорировало крестьянина как основного союзника пролетариата в этой революции, отдавало гегемонию в революции либеральной буржуазии, вело к подчинению ее интересам интересов пролетариата. Такое сочетание вело именно к «какофонии», вело к поражению буржуазно-демократической революции.

Правые оппортунисты в СССР считали необходимым сочетать интересы пролетариата с крестьянством так, чтобы не затронуть кулака, дать возможность ему развиваться, не ограничивать его эксплоататорских тенденций и не подготовлять и не проводить политики ликвидации кулачества как класса. Они считали необходимым сочетать на многие десятилетия мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство с крупным социалистическим производством. Это сочетание эклектическое, ибо оно игнорирует невозможность длительного, растянутого на несколько десятилетий развития СССР на двух основах: крупной социалистической индустрии и распыленного крестьянского хозяйства ежеминутно и ежечасно рождающего капитализм. Это сочетание игнорировало непримиримость интересов пролетариата и капиталистических элементов. Такое сочетание неизбежно вело не к победе социализма, а к буржуазной реставрации.

Социал-фашисты пытаются теоретически обосновать свое предательство интересов рабочего класса и бешеную борьбу против коммунизма эклектическим сочетанием непримиримых классов-антагонистов — буржуазии и пролетариата — в учении о «врастании капитализма в социализм».

Группа меньшевиствующего идеализма, несмотря на свои неоднократные декларации о понимании единства противоположностей как их взаимопроникновения, при анализе конкретных проблем по существу извращала как самое это положение, так и исследуемый факт. Взаимопроникновение противоположностей сводилось ими по существу к оговорке о том, что-де мол противоположности предполагают друг друга. Такой абстракт-

ный подход, подход «вообще», без конкретного анализа, не дает возможности деборинской группе правильно понять диалектическое единство исторического и логического в познании, единства теории и практики в революционной борьбе, действительных отношений пролетариата и крестьянства в революции и т. д.

Изучение взаимопроникновения, тождества противоположностей означает познание противоречивых сторон процесса в его движении и развитии, условности и подвижности всех его граней, их превращения друг в друга.

Но не так понимают движение путем противоречий механисты, считающие себя марксистами. Механистический взгляд наиболее ярко и прямо выразил Н. И. Бухарин в своей «Теории исторического материализма»:

«В мире существуют различно действующие, направленные друг против друга силы. Только в исключительных случаях они уравновешивают друг друга на некоторый момент. Тогда мы имеем состояние покоя, т. е. их действительная борьба остается скрытой. Но стоит только измениться одной из сил, как сейчас же «внутренние противоречия» обнаруживаются, происходит нарушение равновесия, и если на момент устанавливается новое равновесие, оно устанавливается на новой основе, т. е. при другом сочетании сил, и т. д. Что же отсюда следует? А отсюда и следует, что «борьба противоречий», т. е. антагонизм различно направленных сил, и обусловливает движение». [1]

По Бухарину существуют независимые друг от друга силы, которые действуют друг на друга. Вот это внешнее столкновение различно направленных сил и обусловливает движение. В то время как Ленин требует познать в первую очередь внутренние противоречия процесса, найти источник самодвижения, Бухарин требует установления внешних сил, сталкивающихся друг с другом. Ленин говорит о раздвоении единого, требует вскрыть внутреннее тождество противоположностей, установить конкретный характер связей противоположных сторон и их переходов. Бухарин требует найти лишь независимые друг от друга силы, каждая из которых может существовать отдельно. Бухарин механистически понимает закон единства противоположностей, ибо исходит из представлений механики о простом столкновении независимых друг от друга сил, как из всеобщей познавательной «модели», пригодной для объяснения всяких явлений. Такое сведение внутреннего про-

[1] Н. И. Бухарин. Теория исторического материализма, стр. 75, изд. 1925 г.

тиворечия к борьбе самостоятельных сил неминуемо приводит к тому, чтобы причину изменения процесса искать вне его, в действии среды и т. д.

Из механистического понимания единства противоположностей исходит теория организованного капитализма, считающая основным для эпохи империализма не внутренние противоречия каждой страны, а внешние противоречия их на мировой арене.

На механистическом понимании противоречий строится троцкистская теория отрицания возможности победы социализма в одной стране. Троцкий признает основным и решающим в этом вопросе не внутренние противоречия нашей советской экономики (разрешаемые внутри страны), а внешние противоречия, противоречия между Советским Союзом и капиталистическими странами. Троцкий считает, что именно последние определяют развитие советской экономики, поэтому только разрешение этих противоречий приводит к полной победе социализма в нашей стране.[1]

Бухарин, как и все механисты, отождествляет противоречие и антагонизм. Это неверно.

Антагонистическими являются такие противоречия, раскрытые Марксом и Лениным на анализе сложных форм развития классового общества, в которых борьба неразрывно связанных противоположностей проходит в форме внешних их столкновений, направленных со стороны господствующей противоположности на сохранение подчиненной противоположности и самого типа противоречия, со стороны подчиненной — на уничтожение господствующей противоположности и вместе с ней и самого противоречия.

Противоречие любого процесса разрешается не какой-либо внешней силой, как это думают механисты, а развитием самого этого противоречия. Это справедливо и по отношению к антагонистическим противоречиям. Но в ходе развития антагонистического противоречия, на различных его этапах, подготовляются и созревают лишь *предпосылки* для его разрешения. Самое же противоречие на каждом новом этапе все больше обостряется. Антагонистическое противоречие не проходит стадий частичного своего разрешения.

Так периодические кризисы капитализма являются насильственной формой, в которой находят свое разрешение противоречия данного цикла капиталистического воспроизводства, но по отношению к противоречиям всего капиталистического спо-

---

[1] Подробнее вопрос о соотношении внутренних и внешних противоречий см. в параграфе о теории равновесия.

собой производства в целом они выступают лишь вехами их дальнейшего обострения и созревания предпосылок насильственного крушения капитализма.

Антагонистические противоречия разрешаются таким скачком, в котором внутренние противоположности выступают как относительно самостоятельные внешние друг другу противоположности, скачком, приводящим к уничтожению ранее господствующей противоположности и к установлению нового противоречия. В этом противоречии подчиненная противоположность предшествующего противоречия становится господствующей противоположностью, сохраняя ряд своих особенностей и определяя собой форму нового противоречия, особенно на первых стадиях его развития.

В других же противоречиях, не носящих антагонистического характера, развитие противоречия означает не только рост предпосылок его окончательного разрешения, но каждая новая ступень в развитии противоречия есть одновременно и частичное его разрешение.

Не все противоречия антагонистичны. Так отношения пролетариата и крестьянства не носят характера антагонизма — у обоих классов мы имеем ряд общих интересов. В классовом обществе противоречия основных классов антагонистичны и разрешаются они в антагонистической форме. В развернутом социалистическом обществе не будет классовой борьбы, классового антагонизма. «При таком порядке вещей, — говорит Маркс, — когда не будет больше классов и классового антагонизма, социальные эволюции перестанут быть политическими революциями».[1]

Бухарин же, отождествляя противоречие с антагонизмом, считает, что там вообще не будет никаких противоречий.

Вот что писал Ленин в ответ на это утверждение: «Архинетонно. Антагонизм и противоречия совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме».[2]

Если бы в развернутом социализме не было *никаких* противоречий — противоречий производительных сил и производственных отношений, производства и потребления, противоречий в развитии техники и т. д. — тогда невозможно было бы развитие социализма, тогда вместо движения вперед мы имели бы застой. Только в силу развития внутренних противоречий социалистический строй будет развиваться от одной фазы к другой, более высокой.

---

[1] Маркс. Нищета философии, стр. 165.

[2] «Заметка на Бухаринскую „Экономику переходного периода"», Ленинский сборник XI, стр. 357.

Но каждый шаг в развитии социализма будет обозначать не только созревание *предпосылок* развернутого коммунистического общества, но и *непосредственное* частичное разрешение противоречий социализма. Точно так же каждый новый этап в переходном периоде означает не только рост *предпосылок* социализма, который должен наступить в результате общего «скачка», но и *непосредственное* строительство социализма, частичное разрешение самого основного противоречия переходного периода.

Отождествление противоречия с антагонизмом приводит, с одной стороны, к троцкистскому утверждению, что противоречия между пролетариатом и крестьянством носят такой же характер, как и противоречия пролетариата и буржуазии, т. е. представляют собой отношения классового антагонизма. С другой стороны, оно приводит к правооппортунистическим выводам. Ссылаясь на то, что отношения этих классов не антагонистичны, правые оппортунисты делают вывод, что эти отношения и не противоречивы.

АНАЛИЗ ДВИЖЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРОЦЕССА ОТ ЕГО НАЧАЛА ДО КОНЦА

Ленин писал про «Капитал» Карла Маркса: «У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся отношение буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противоречия (зародыши всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изучение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества в Σ (сумме) его отдельных частей, от начала до конца. Таков же, — продолжает Ленин, — должен быть метод изложения, изучения диалектики вообще».[1]

Таков же должен быть путь изучения любого процесса. Найти самое простое, основное его отношение, вскрыть в нем основные противоречия, проследить их развитие, борьбу, появление на базе основных противоречий целой суммы противоречий, противоречивых сторон, тенденций развития, в которых развиваются основные противоречия процесса от его начала до конца. Проследить, как развитие противоречия подготовляет его разрешение и установить форму его разрешения. Проследить качественное изменение ступеней, фаз развития

[1] Ленинский сборник XII, стр. 33.

процесса, относительную самостоятельность движения противоречивых сторон, их взаимную связь, их переходы друг в друга. Вскрыть в развитии борьбы противоположностей процесса необходимость, а также все условия и возможности его превращения в собственную противоположность. Таков должен быть путь изучения любого процесса в его возникновении, развитии и гибели.

В «Капитале» Маркс начинает с простейшего, основного отношения товарно-капиталистического общества — обмена товаров. Он сразу же показывает двойственность, противоречивость товара как единства потребительной стоимости и стоимости, вскрывает его внутренние противоречия — двойственный характер труда, создающего товар: труд конкретный и труд абстрактный, создающий стоимость.

Маркс показывает далее, что скрытое в товаре внутреннее противоречие находит формы своего движения во внешнем противоречии двух товаров, которые выступают как отношение относительной и эквивалентной форм стоимости, представляющих собой полярные противоположности, неразрывно связанные друг с другом. Дальнейшее движение этого отношения, выражающего развитие товара, проходит ступени простой, развернутой и всеобщей формы стоимости, пока в последней из них не произойдет раздвоение товара на товар и деньги.

Развитие денег, в их различных функциях, будучи результатом развертывания и усложнения товарных отношений и одновременно условием развертывания этих отношений, представляет собой дальнейшую форму развития его исходных противоречий.

Маркс показывает далее процесс перерастания денег в капитал, внутреннее противоречие общей формы движения капитала и постоянное разрешение этого противоречия в куплепродаже рабочей силы. Появление последней означает развертывание исходного противоречия, развертывание закона стоимости в самых универсальных масштабах быстрее, интенсивнее, чем это происходило раньше, ибо с отделением средств производства от производителя (а известная ступень развития товарных отношений неминуемо приводит к такому отделению) основная производительная сила — рабочая сила — превращается в товар. Товарное производство становится товарно-капиталистическим, становится основным способом производства новой общественной формации. Превращение денег в капитал обозначает развитие закона стоимости на новой качественной основе, превращение закона стоимости в новую качественно своеобразную закономерность — в закон прибавочной

стоимости, являющийся «источником самодвижения» капитализма.

Маркс показывает, что капиталистическая организация производства «означает сосредоточение разобщенных до тех пор средств производства в больших мастерских и превращение их этим путем из производительных сил отдельных лиц в общественные» при частном способе присвоения. Он показывает далее, как погоня за непрерывным увеличением нормы прибавочной стоимости, упирающейся в физиологические границы рабочего дня и сопротивление рабочего класса, приводит к росту и обострению противоречий общественного характера производства и частного способа присвоения — этого основного противоречия капитализма — к перерастанию простой капиталистической кооперации в мануфактуру, а последней — в машинный способ производства. Маркс показал, что увеличение нормы эксплоатации требует беспрерывного укрупнения производства, что воспроизводство приводит к концентрации и централизации капитала, ведущих к гибели мелких, средних капиталистов. С другой стороны тот же процесс капиталистического воспроизводства создает промышленную резервную армию, все более и более накаляет классовые противоречия. Маркс вскрыл, во всей его ужасающей наготе, всеобщий закон капиталистического накопления и абсолютное обнищание рабочего класса как его оборотную сторону и показал неизбежность краха капитализма.

Вскрыв сущность капитализма, его глубинные движущие противоречия, Маркс показывает возникновение на их основе противоречивых явлений — формы проявления этих глубинных противоречий. Этому посвящены второй и третий тома «Капитала», где Маркс показывает процесс обращения капитала и его воспроизводство, распадение прибавочной стоимости на свои формы: предпринимательский доход, процент, торговую прибыль и земельную ренту. Маркс показывает здесь, как закон стоимости развивается в этих своих внешних формах, перерастая в закон цен производства. Показывает, как укрупняется производство, растет органический состав капитала и падает, под влиянием этого, норма прибыли, падает то, во имя чего капиталисты развивают производительные силы. Он показывает далее, как капиталистические противоречия все более и более обостряются, находя свое временное разрешение в движении: кризис, депрессия, подъем, расцвет и т. д., как производительные силы вступают во все более непримиримый конфликт с общественным законом своего развития — с законом самовозрастания стоимости, — последний становится все более тормозом на пути их развития. Общественная форма

сковывает развитие производительных сил, буржуазия становится неспособной управлять своим производством. Движение капиталистических противоречий подготовляет необходимость, а также все условия и возможности краха капитализма.

Вот картина, развернутая Марксом в «Капитале» и довершенная Лениным и Сталиным в их работах об империализме и всеобщем кризисе капитализма.

Метод, примененный Марксом в «Капитале», необходимо применять при изучении любого процесса. Образцом мастерского применения этого метода является анализ развития борьбы пролетариата и буржуазии, данный Марксом и Энгельсом в «Коммунистическом манифесте». Тот же метод лежит в основе анализа происхождения развития и уничтожения классов и государства, данного Энгельсом в его работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и Лениным в «Государство и революция», анализа происхождения и развития капитализма в России, данного Лениным в его известной работе «Развитие капитализма в России».

Только анализ движения противоречия в его возникновении, развитии и гибели дает путь к познанию как основной закономерности развития процесса, так и многообразных конкретных форм ее проявления и развития на различных ступенях и в различных условиях.

Механистическая концепция не только не может показать движение противоречий в их возникновении и развитии, но прямо протестует против подобного метода познания действительности, ибо с ее точки зрения каждый процесс начинает свое движение с устойчивого равновесия, когда либо нет противоречий, либо они примирены, уравновешены и потому не могут быть стимулом развития процесса. Противоречия появляются лишь на известной ступени движения процесса в результате действия внешних причин, в результате нарушения равновесия.

Группа меньшевиствующего идеализма, уйдя от конкретной действительности в область чистых абстракций — «самодвижения понятий», также выступила с ревизией этого метода. Деборинцы, некритически восприняв гегелевскую постановку вопроса об единстве противоположностей, не заметили ее идеалистических черт.

Гегель в основе всей своей философской системы исходил, как уже сказано выше, из саморазвития абсолютного духа. Однако в отличие от других идеалистов — и в этом его заслуга перед нами — он «моделью» для различных форм абсолютного духа взял по-своему понятые и истолкованные ступени в развитии общественного познания. Схематизировав различные

наблюденные им в истории формы мышления, он пришел к выводу, что диалектическое познание, содержащее в своих категориях и в их порядке в снятом виде историю познания, проходит в познании любого объекта стадии тождества, различия, противоположности, противоречия. Не говоря уже о том, что Гегелем неправильно представлено тождество как начальная ступень познания, органический порок всей его философии сказался в том, что он свою схему развития познания, субъективного духа, навязал объективному миру как закон развития всех его объектов. В этом ярко сказался идеалист Гегель.

Деборин не заметил, что Гегель, абсолютизировав некоторые характерные черты нашего мышления, выдав их за движение абсолютного духа, построив формалистическую схему движения категорий, заставлял действительность развиваться в прокрустовом ложе этой схемы.

По Деборину (вслед за Гегелем) развитие процессов объективной действительности идет от абстрактного тождества к различию, от различия к противоположности и далее переходит к внутреннему противоречию. Деборин писал: «Когда все необходимые ступени развития — от простого тождества через различия и противоположности до исключающего противоречия — пройдены, тогда наступает эпоха „разрешения противоречий“».[1]

По мнению Деборина и его соратников, противоречие появляется в процессе не с самого начала, а лишь на известной ступени движения его, но это может иметь только один смысл, а именно тот, что до этого процесс развивается не в силу внутренних противоречий. Эта точка зрения не только является ревизией диалектики в ее центральном пункте, но находится в трогательном родстве с механистической концепцией развития. Ибо, если развитие любого процесса начинается и происходит до известного момента не в силу внутренних противоречий, не в силу раздвоения его, — пусть вначале еще неразвитого, — то процесс до этого момента развивается в силу внешних причин. Но такова же точка зрения и механистов. Деборинцы, приняв схему Гегеля, отождествившего развитие познания с развитием материи, скатились в понимании основного закона диалектики к механистам, с которыми они вели такую отчаянную борьбу. Единственно последовательной диалектикой может быть только материалистическая диалектика.

Применив этот взгляд на развитие противоречия к анализу конкретного вопроса об отношениях пролетариата и крестьянства в условиях СССР, Деборин и Луппол пришли к выводу,

[1] Деборин. Философия и марксизм, стр. 234.

что они не представляют собой отношения противоречия, а лишь отношение различия, т. е. пришли к правооппортунистическому смазыванию противоречия между обоими классами. Карев, исходя из того же самого взгляда, заявил, что в третьем сословии дореволюционной Франции не было внутренних противоречий, а были лишь различия, т. е. отношения пролетариата и буржуазии не были противоречивыми. В действительности же интересы пролетариата и буржуазии были противоречивы с момента возникновения этих антагонистических классов.

Верно, что противоречия движутся, обостряются, проходят ряд стадий своего развития, приобретая на каждой из них новые качественные особенности. Верно, что познание противоречий того или иного процесса наиболее полно и наглядно выступает на высшей развернутой стадии процесса. Пролетариат в своей массе все более и более осознает непримиримость своих интересов с интересами буржуазии по мере обострения капиталистических противоречий. Но из этих верных положений нельзя делать того вывода, как это делают деборинцы, что противоречия появляются лишь на известной ступени развития процесса. Нет, они присущи им с самого начала.

Деборинский взгляд притупляет наше внимание к противоречиям начальных стадий в развитии процессов, приводит к смазыванию их и тем самым представляет собой извращение диалектики, *идущее по линии меньшевизма.*

Развитие процесса на всех его стадиях есть движение его противоречий

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ЕДИНСТВА И АБСОЛЮТНОСТЬ БОРЬБЫ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

В предисловии к первому тому «Капитала» Маркс писал:

«В своей рациональной форме диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму рассматривает в движении, следовательно также с ее преходящей стороны, так как она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна».

Диалектика «в своей рациональной форме», материалистическая диалектика, внушает буржуазии злобу и ужас потому, что, в противовес метафизическим воззрениям на неизменность

существующих форм или на медленное, непрерывное «эволюционное» изменение их, она выдвигает положение о революционной смене форм, о самоотрицании всего существующего, в силу развития внутренних противоречий.

Но, как уже было показано выше, тот, кто свел бы приведенную мысль Маркса, как и все марксо-ленинское учение о развитии, к тому общему положению, что «все течет, все изменяется», извратил бы действительную сущность этого учения и открыл бы широкий простор механицизму, релятивизму, телеологии, «трагической диалектике», современных неогегельянцев в понимании развития. В самом деле, и механисты, как мы знаем, готовы признать, что «все течет, все изменяется». Но «течет и изменяется» в их понимании только количественная характеристика процесса, существенные же «элементы» остаются неизменными. И релятивист признает, что «все течет, все изменяется», притом абсолютно, в том числе прежде всего наше познание. Но в самом абсолютном становлении релятивист без остатка топит всякую объективную устойчивость процессов, превращает ее в субъективную видимость, обусловленную принципиальной ограниченностью нашего познания, неспособного отразить абсолютный «творческий поток» действительности.

Телеологически настроенный буржуазный идеолог тоже признает, что «все течет, все изменяется». Но он станет утверждать, что это течение и изменение есть не что иное, как путь к осуществлению все более совершенных форм, тенденция к которым заложена в самом бытии, что движение подчинено этим устойчивым формам, в которых осуществляются имманентные бытию цели. Мы знаем и другие, эклектические точки зрения, для которых развитие представляет собой чередование «мирных» «органических» эпох, для которых характерны определенность, устойчивость тождественность процесса с самим собой, и революционных эпох, в которых никакой определенности нет, которые характеризуются движением, становлением. Где есть определенность, там нет изменения, где есть движение, там нет определенности — вот суть этой эклектической премудрости.

Только понимание развития как борьбы внутренних противоречий на всех стадиях развития процесса дает наиболее глубокое и адекватное понимание действительности и вооружает нас против механицизма, релятивизма, эклектицизма и прочих буржуазных и ревизионистских «измов». Только это понимание, разработанное Марксом и Энгельсом, развитое и четко формулированное Лениным, показывает единство сторон процесса, их относительное тождество не как внешнюю

форму, не как стадию в процессе, не как основную характеристику процесса, а как *форму* внутреннего противоречия, борьбы внутренних противоположностей. Эта форма выражает тип противоречия и им (противоречием) определяется, на его основе возникает, развивается и погибает. Нет внутреннего противоречия без единства борющихся в нем сторон, без общей основы борьбы, выражающейся в относительном тождестве противоположностей. Но единство и тождество, являясь необходимой формой движения противоречия, в то же время обусловлены им как действительным содержанием развития. Поэтому прямым извращением марксизма является взгляд на единство, тождество противоположностей, как на «примирение противоположностей», — взгляд, на котором трогательно сходятся наши механисты, родственные им по методологии идеологи социал-фашизма и меньшевиствующие идеалисты.

Материалистическая диалектика ничего общего не имеет с точкой зрения «примирения противоположностей», телеологически подчиняющей борьбу противоположностей их «примирения». Материалистическая диалектика, «по существу своему критическая и революционная» (Маркс), знает *разрешение* противоречий в смене одного типа противоречий другим. Но новая форма, в которой «становятся тождественными противоположности» (Ленин), выражает не «примирение», а разрешение их противоречия в новом противоречии, новом типе внутренней борьбы.

Эту мысль и выразил Ленин в своем известном положении об относительности единства и абсолютности борьбы противоположностей, которое было оставлено без внимания и не понято меньшевиствующими идеалистами. Ленин писал:

«Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей — условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение».[1]

Именно борьба взаимоисключающих противоположностей приводит к смене типов их единства, совпадения, взаимопроникновения, обусловливает характер разрешения их противоречия. Именно борьба делает их условными, временными, преходящими. Именно борьба приводит к окончательному разрешению данных противоречий, их устранению, создает начало нового процесса. В классовом обществе каждая данная форма общества временна, преходяща, смена одной формы классового общества и уничтожение классов совершаются посредством классовой борьбы. В развивающемся основном проти-

[1] Ленин. К вопросу о диалектике.

воречии капиталистической экономики, в противоречии общественного характера производства и частного способа присвоения только борьба обеих взаимоисключающих противоположностей приводила к смене одной формы их единства, взаимопроникновения, в которых они находили свое дальнейшее развитие, другой формой. Все обостряющаяся борьба этих противоположностей приводит к необходимости их окончательного разрешения, их устранения. Борьба эта создает также все необходимые условия и возможности для этого.

Из глубокого понимания этой стороны диалектики исходит политика нашей партии.

Партия в различных формах смычки пролетариата и крестьянства на разных этапах нэпа видела не форму примирения их противоположностей, а форму разрешения временных, частичных противоречий, характерных для данного этапа, и в то же время ступень в разрешении основного противоречия переходного периода — противоречия между социализмом и капитализмом. Поэтому партия не увековечивала отдельных форм смычки, что означало бы забвение основных противоречий переходного периода — как это и вышло с правыми, — не рассматривала смены лозунгов по отношению к крестьянству, как маневров, вызванных конъюнктурой и дающих только «выигрыш времени» до разрешения противоречия на «мировой арене», как представляют дело троцкисты.

Тов. Сталин в речи на XV съезде говорил: «Наше развитие идет не в порядке плавного, огульного подъема вверх. Нет, товарищи, у нас есть классы, у нас есть противоречия внутри страны, у нас есть прошлое, у нас есть настоящее и будущее, у нас есть противоречия между ними, и мы не можем продвигаться вперед в порядке плавного покачивания на волнах жизни. Наше продвижение вперед протекает в порядке борьбы, в порядке развития противоречий, в порядке преодоления этих противоречий, в порядке выявления и ликвидации этих противоречий. Никогда не будем мы в силах, пока есть классы, иметь такое состояние, когда можно будет сказать: ну, слава богу, теперь все хорошо. Никогда этого не будет у нас, товарищи. Всегда у нас что-либо отмирает в жизни. Но то, что отмирает, не хочет умирать просто, а борется за свое существование, отстаивает свое отжившее дело. Всегда у нас рождается что-либо новое в жизни. Но то, что рождается, рождается не просто, а пищит, кричит, отстаивая свое право на существование... Борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся — вот основа нашего движения». Классы могут быть уничтожены лишь в ожесточенной классовой борьбе с капиталистическими элементами, в их по-

давлении, лишь в борьбе пролетариата за социалистическую переделку мелкотоварного крестьянского хозяйства как последней базы капитализма, лишь в борьбе за поднятие производительности труда, в борьбе за воспитание социалистической дисциплины.

На понимании того, что противоречие передовой в мире власти и отсталой техники в условиях *капиталистического* окружения может быть лишь временным, что оно неизбежно будет разрешено либо овладением техникой большевиками, либо гибелью советской власти, исходит политика нашей партии, ее борьба за победу первой тенденции развития.

Характерной чертой нашей партии является не боязнь трудностей, противоречий, бегство от борьбы, а самый бесстрашный анализ противоречий действительности, выявление новых противоречий, изучение хода их движения, хода подготовки условий и возможностей их преодоления и разрешения.

Тов. Каганович в речи, посвященной десятилетию Института красной профессуры, выражая эту черту большевизма, говорил: «А что значит понимать единство противоположностей в переводе на обычный наш политический партийный язык? Понимать единство противоположностей в действительности это значит не бояться трудностей. Это значит не бояться тех противоречий жизни, которые на нашем пути возникают, а преодолевать их с большевистской энергией и настойчивостью».

Характерной чертой партии является борьба за победу определенной тенденции развития, за победу одной из противоположностей, борьба, исключающая всякий самотек.

Понимание абсолютности борьбы противоположностей и относительности их единства отличает марксизм-ленинизм от социал-демократических партий. Ни один теоретик социал-демократии, ни Каутский, ни Плеханов не смогли подняться до осознания движения путем раздвоения единого, абсолютности борьбы противоположностей и относительности их единства, что означало лишь формальное признание и непонимание ее по существу. Дальнейшая эволюция этих теоретиков состояла, в особенности Каутского, во все большей ревизии именно этой центральной стороны материалистической диалектики. Не случаен поэтому полный отказ современного Каутского от диалектики и заявление, что движение путем противоречий есть революционная метафизика.

Вся политическая теория и тактика правого крыла старой социал-демократии и современных социал-фашистов, для обоснования которой и служит их философская теория, состоит в ставке на примирение противоположностей. Так вместо мар-

ксова положения о непримиримости борьбы классов они проповедуют гармонию интересов буржуазии и пролетариата, компромисс обоих классов, призывают пролетариат помогать капиталистической рационализации, поддерживать национальную буржуазию в ее борьбе за рынки, участвовать в буржуазных правительствах и т. д. Вместо борьбы за преодоление противоречий капитализма, за их насильственное разрешение путем установления диктатуры пролетариата и экспроприации буржуазии, они стараются сгладить, примирить эти противоречия и тем самым сохранить капитализм.

Понимание абсолютности борьбы противоположностей и относительности их единства, тождества — у большевиков — и выпячивание на первый план единства, общности интересов борющихся сторон — у меньшевиков — были теоретической основой их различной стратегии и тактики в классовой борьбе.

Тактика большевиков по отношению к либеральной буржуазии в период земской кампании выражалась в лозунге «врозь итти, вместе бить». Это совместное наступление с либеральной буржуазией на определенном этапе и в определенной форме являлось относительным, временным, условным моментом в тактике социал-демократии. Меньшевики же этому относительному моменту придали абсолютное значение и положили его в основу всей своей стратегии, докатившись впоследствии до роли левого крыла контрреволюционной буржуазии. В 1917 г. меньшевики, в особенности Плеханов, выступили с поддержкой буржуазии, с проповедью гармонии классовых интересов, за продолжение империалистической войны, направив всю свою энергию против всего того, что мешало укреплению капитализма, и в первую очередь против подготовки социалистической революции. После Октября меньшевики прямо поддерживали белых. В период развернутого наступления социализма по всему фронту, когда окончательно рушились мечты меньшевиков на буржуазное «перерождение» советской власти и их ставка на капиталистические элементы внутри страны, они перешли к организации прямого вредительства против жизненных интересов пролетариата СССР и к диверсионно-шпионской работе на службе у генштабов империалистических государств. И все это — во имя восстановления демократии, обозначающей гармонию интересов пролетариата и буржуазии.

Понимание единства противоположностей как их примирения характеризует и позиции правых. От марксистско-ленинского положения о непримиримости противоречий капиталистического способа производства они скатились к теории ор-

ганизованного капитализма, утверждающего, что противоречия внутри капиталистических стран устраняются и переносятся на внешнюю арену, на мировой рынок. Они выдвинули теорию мирного врастания кулака в социализм. Ленинскую теорию уничтожения классов — путем обостренной классовой борьбы — они заменили теорией затухания классовой борьбы, ее мирного отмирания. Обострение классовой борьбы в СССР они объясняли «аппаратными причинами», якобы неправильными декретами и т. д., не замечая, что рост и наступление социалистических элементов неизбежно вызывают сопротивление умирающих капиталистических элементов. Правые не видели противоречий внутри крестьянства, они представляют его сплошной массой. Они не «заметили», что наш союз с крестьянством есть союз, учитывающий непримиримость интересов пролетариата и буржуазии и потому направленный на борьбу с капиталистическими элементами внутри крестьянства и с его капиталистическими тенденциями.

Правые не поняли, что союз пролетариата и крестьянства представляет собой форму борьбы пролетариата за переделку мелкотоварного хозяйства, перевода его на социалистический путь развития. Они «забыли» о временном характере нэпа, об его двойственности. Правооппортунистическая теория, будучи теорией примирения противоположностей, ведет к увековечиванию мелкотоварного производства и следовательно увековечиванию классов. «Бухарин, теоретик без диалектики, теоретик-схоластик» (Сталин), не понял учения об абсолютности борьбы противоположностей и относительности их единства.

Точка зрения примирения противоположностей фактически составила основу ревизии марксовой диалектики, идущей со стороны группы меньшевиствующих идеалистов. Ни один из представителей ее не находит нужным упомянуть об абсолютности борьбы и относительности единства противоположностей, хотя они неоднократно комментировали ленинскую заметку «К вопросу о диалектике», где эта сторона «раздвоения единого» сформулирована с исключительной четкостью и ясностью. Ни в одной их работе не дана критика теории «примирения противоположностей». Наоборот они исходили именно из этой теории. Так Деборин считает, что диалектический материализм «научно примиряет... противоположности, свободу и необходимость, субъективизм и объективизм, но примиряет их диалектически». По его мнению в диалектике «субъект и объект, предмет и знание о предмете достигают относительного примирения». Деборин определяет диалектику не как учение о борьбе противоположностей, а как «учение о слиянии противоположностей».

Известно, что диалектический материализм, выросший на борьбе с различными течениями буржуазной философии. «раздувавшими» отдельные черточки, стороны нашего познания в целую систему, не просто отверг их «с порога», а критически переработал все ценное, что было подготовлено предшествующей философией, в том числе и рационализмом и эмпиризмом XVII—XVIII вв. Деборин же это критическое использование буржуазного наследства рассматривает как примирение противоположных философских направлений. Он считает, что «диалектический материализм примиряет крайний эмпиризм с крайним рационализмом в высшем синтезе».

Теория примирения противоположностей является метафизической теорией, ибо она не ведет к вскрытию путей выхода из данного состояния, она увековечивает каждое данное состояние. Она не устремляет внимания на происхождение нового, на создание предпосылок, возможностей, условий происхождения новых процессов на основе развития противоречий данного процесса.

Тип и характер борющихся противоположностей, степень их развития определяют и характер разрешения их противоречия. Необходимо различать формы разрешения временных, частичных противоречий, дающих возможность развиваться основным противоречиям процесса, от форм разрешения основных противоречий процесса в целом, приводящих к его устранению. Различные формы смычки пролетариата и крестьянства в СССР давали возможность такого развития мелкотоварного производства и крупной социалистической индустрии, которое подготовляло возможность окончательного разрешения основого противоречия. И формы окончательного разрешения противоречий, приводящих к устранению данного противоречия — *через* сплошную коллективизацию и превращение сельского хозяйства в отрасль социалистической индустрии. Окончательное разрешение противоречий означает снятие обеих противоположных сторон. Победа пролетариата в социалистической революции означает, что он перестает быть классом капиталистического общества, противостоящие ему элементы буржуазии не являются классом, владеющим командными высотами экономики страны. Построение социализма, означая победу пролетариата, одного из основных классов переходного периода, ведет к уничтожению классов вообще, в том числе и пролетариата.

Механисты, считающие, что процесс развивается в силу борьбы внешне направленных сил, думают, что процесс идет в направлении той силы, которая количественно преобладает.

Богданов писал: «Если тот или иной процесс — движение тела, жизнь организма, развитие общества — определяется борьбой двух противоположных сил, то пока преобладает количественно одна из них, хотя бы немного, процесс идет в ее сторону, подчиняется ее направлению. Как только другая сила, возрастая, наконец сравняется с нею, тотчас меняется весь характер процесса, его качества: либо он прекращается, либо, в дальнейшем, хотя бы ничтожным увеличением второй силы, принимает обратное прежнему направление».[1]

Если это в основном верно для механики, то в более высоких формах движения направление процесса нельзя свести только к направлению количественно преобладающей стороны. Так капиталистические элементы в борьбе с феодализмом первое время были слабее второго, а развитие все более шло в направлении первых; рост и укрепление капиталистических элементов лишь окончательно закрепляли их победу над феодализмом, закрепляли разрушение феодальных отношений.

Социалистические элементы в СССР, будучи еще очень слабыми, все же сразу после Октябрьской революции играли ведущую роль в борьбе с капиталистическими. Рост социалистических элементов закреплял их ведущую роль и их победу над капиталистическими.

Пролетариат в СССР осуществляет свою ведущую роль в союзе с крестьянством, которое количественно во много раз превышает пролетариат. Пролетариат становится могильщиком капитализма, создает новое направление развития производительных сил, создает новые формы общественных отношений, не просто потому, что он количественно увеличивается в рамках капитализма, а главным образом потому, что в условиях все обостряющегося противоречия производительных сил и производственных отношений он сплачивается, организуется и под руководством своей политической партии путем революции разрушает капиталистические производственные отношения, устанавливает диктатуру пролетариата.

Точка зрения механистов игнорирует все конкретные условия развития процесса, все качественное своеобразие его закономерностей. Эта точка зрения обрекает на самотек, на стихийность. Ибо, для того чтобы получить новое направление в развитии, с этой точки зрения достаточно добиться лишь простого количественного преобладания слабой стороны. Эта точка зрения вполне оправдывает социал-фашистскую теорию мирного перерастания капитализма в социализм, исходящего из

[1] Богданов. Философия живого опыта, стр. 248.

факта преобладания удельного веса пролетариата в крупных капиталистических странах. Эта точка зрения вполне оправдывает социал-фашистское, троцкистское отрицание возможности победы социализма в СССР, в силу количественной слабости пролетариата и низкого уровня производительных сил.

Характер и направление процесса определяются характером и направлением основных движущих противоречий его — их конкретным взаимоотношением, их борьбой в определенной конкретной обстановке. В борьбе взаимоисключающих противоположностей, различных тенденций развития, старого и нового, как это мы увидим подробнее далее, — одна из сторон, одна из тенденций развивается, становится ведущей, определяет характер и направление процесса. Но становится ведущей та или иная сторона, тенденция развития лишь в борьбе. Так в борьбе капиталистических и социалистических элементов в СССР социалистические элементы были ведущими в силу того, что пролетариат установил свою диктатуру, захватил крупную промышленность, национализировал землю, потому что он установил такие взаимоотношения с крестьянством, которые обеспечивали ему поддержку последних и подготовляли все условия и возможности социалистической переделки всего товарного хозяйства. Если бы ослабла диктатура, четкость генеральной линии партии, если бы победили оппортунистические элементы, произошла бы длительная размычка с крестьянством, тогда капиталистические элементы взяли бы верх, начали бы играть ведущую роль и уничтожили бы социалистические элементы. Менее прогрессивная тенденция развития может победить более прогрессивную. Старое, все более тормозящее развитие, борясь с новым, может продержаться значительное время, не давая развиваться новому, а зачастую и губя его вовсе. Капитализм, тормозя развитие производительных сил, все же отстаивает свое существование, не приходит к автоматическому краху, — лишь борьба пролетариата с буржуазией решит вопрос о крахе капитализма. Вот почему наша партия ведет самую страстную борьбу с теорией самотека, которая ослабляет борьбу пролетариата и тем самым усиливает его противников, дает возможность продержаться капитализму.

ТЕОРИЯ РАВНОВЕСИЯ

Мы изложили основные моменты закона единства противоположностей этой сути диалектики.

Этого закона не понимает Н. И. Бухарин. В своей книге «Теория исторического материализма» он поставил перед со-

бой задачу переложить идеалистическое, мистическое учение Гегеля о противоречии на материалистический лад. С точки зрения Бухарина это должно означать перевод гегелевской диалектики на язык современной механики. Верный своей установке, он считает, что Гегель и Маркс, говоря о движении путем противоречий, фактически подразумевали под этим столкновение двух противоположно-направленных сил. Внешние силы, сталкиваясь, образуют временное подвижное равновесие, которое затем нарушается и опять восстанавливается на новой основе. Такое первоначальное состояние равновесия он называл по Гегелю тезисом, нарушение его — антитезисом и восстановление равновесия на новой основе («в котором примиряются противоположности») — синтезом. Бухарин пишет о том, что каждая вещь состоит из ряда связанных между собою элементов, которые образуют известную систему. Каждая такая «система» связана с другими системами, составляющими ее среду. Среда и система взаимодействуют. Это противоречие среды и системы лежит, по Бухарину, в основе всякого развития.

Бухарин не отрицает внутренних противоречий. Он признает, что в обществе например существует ряд внутренних противоречий: противоречия между производительными силами и производственными отношениями, противоречия классов и т. д. Но эти внутренние противоречия, по Бухарину, являются результатом внешних противоречий среды и системы и определяются последними. Так классовая борьба, по Бухарину внутри общества определяется противоречием общества и природы. Бухарин пишет:

«Внутреннее (структурное) равновесие есть величина, зависимая от равновесия внешнего (есть «функция» этого внешнего равновесия)».

Такова теория равновесия Н. И. Бухарина, выдаваемая им за единственно правильное «теоретическо-систематическое изложение и обоснование» (Бухарин) диалектики основоположников марксизма. Все изложенное на предыдущих страницах говорит, что эта теория, обходящая определяющую роль внутренних противоречий, неразрывную связь противоположных сторон, их переходы друг в друга, их тождество, заменяющая борьбу противоположностей их примирением, т. е. извращающая закон раздвоения единого, ничего общего не имеет с марксизмом-ленинизмом.

Теория равновесия, выдаваемая за обоснование марксизма, — не нова. Она пользуется большой популярностью в буржуазной социологии и экономике. Буржуазный философ и социолог Герберт Спенсер построил на ней механистиче-

скую теорию эволюции. По его мнению в природе существуют антагонизмы направленных друг против друга сил, между которыми устанавливается равновесие. Направление движения в явлении определяется количественным преобладанием той или иной противоположной стороны. Так например тирания и свобода, эти две независимые силы, по его мнению, постоянно стремятся уравновесить друг друга, причем от количественного преобладания свободы или тирании зависит движение обоих антагонистов. Но Герберт Спенсер, в отличие от Бухарина, никогда не выдавал эту теорию за диалектику. Еще до Спенсера Дюринг, выступавший прямо против диалектики Гегеля и Маркса, писал: «Антагонизм сил, противоборствующих друг другу в противоположном направлении, есть даже основная форма всех действий в природе и ее проявлениях». Энгельс в «Анти-Дюринге» жестоко критиковал этот взгляд. Наиболее полно теория равновесия была формулирована А. Богдановым, пытавшимся примирить идеализм и материализм. Еще задолго до Бухарина он поставил себе задачу перевести на почву материализма не только диалектику Гегеля, но и диалектику Маркса и Энгельса, которая в их понимании, по его мнению, не освободилась еще от своего первоначального идеалистического характера. Основное понятие диалектики, понятие развития у них, — говорит Богданов, — «как и у Гегеля, не достигло полной ясности и законченности, а благодаря этому самое применение диалектического метода делается неточным и расплывчатым». Богданов задолго до Бухарина переводит диалектику на «язык механики». Так же как и Дюринг и Спенсер, он считает, что движение путем противоречий представляет собою борьбу «двух противоположно направленных активностей». Но он прямо признает, что такое понимание закона противоречивого развития расходится с пониманием основоположников марксизма, и что последние, не поднявшись до его точки зрения, потеряли возможность объяснить переход количества в качество. Богданов определяет диалектику как «организационный процесс, идущий путем борьбы противоположных сил». Движение, по его мнению, начинается равновесием, в котором нет никаких противоречий, далее оно нарушается борьбой двух противоположных сил и вновь восстанавливается на новой основе. Основным, определяющим он считает внешнее противоречие, которое обусловливают борьба внутренних сил и перевес на определенной стадии одной из них. Основным противоречием, по его мнению, является противоречие среды и системы.

Итак мы видим, что источником бухаринской теории равновесия является буржуазная социология и философия идеа-

листа-эклектика Богданова, под сильным влиянием которой он находился.

Теория равновесия пользовалась огромной популярностью и в среде всех вредительских группировок, которые использовали ее для теоретического обоснования своих контрреволюционных взглядов.

Кондратьев, лидер «крестьянской трудовой партии», во всех своих работах по конъюнктуре капиталистического и советского хозяйства, в вопросах о темпах развития советского хозяйства исходил из этой теории. Идеолог кулачества, соратник Кондратьева, Огановский писал: «В каждой большой и сложной работе творческого характера должна быть своя «изюминка», основная общая идея, которая является сосредоточием всех остальных частных идей. Такой «изюминкой» при построении перспективного народнохозяйственного плана... является, по нашему мнению, принцип равновесия».[1]

Меньшевик Рубин приписал этот принцип Марксу, написав «Очерки по теории стоимости Маркса», где Маркс вышел из-под его пера идеалистом и механистом, исходящим при построении своего «Капитала» из принципа равновесия.

Меньшевик Базаров, соратник Богданова в борьбе с Лениным, применил теорию равновесия к изучению закономерностей общественного развития и в частности к вопросам планирования в СССР.

Меньшевик Громан и кондратьевец Юровский хвалят теорию равновесия Бухарина и исходят из нее при разработке, первый — контрольных цифр развития народного хозяйства, другой — финансовых вопросов. Все вредительские группировки ухватились за теорию равновесия, положив его в основу своих теоретических взглядов.

Теория равновесия является теоретической подосновой взглядов Бухарина в области исторического материализма и в политико-экономических вопросах. Как мы уже видели, т. Бухарин считает, что развитие общества, его внутренних противоречий определяется соотношением общества и его внешней среды — природы. Равновесие и противоречие между обоими определяет равновесие и противоречие внутри общества. С этой точки зрения классовые противоречия и есть результат противоречия общества и природы.

Бухарин в «Экономике переходного периода»[2] так и пишет: «Прочность всякого структурного равновесия, т. е. равновесия между различными общественно-людскими группиров-

[1] «Экономическое обозрение», 1927 г., № 6, стр. 21.

[2] Бухарин. Экономика переходного периода, стр. 87—88.

ками, людскими элементами общественной системы, опирается на определенное равновесие между обществом и внешней средой», т. е. если нарушается равновесие общества и природы, обостряется их противоречие, то обостряется и борьба классов; если восстанавливается равновесие, то утихает последняя. Хотя Бухарин и пытается сочетать эту теорию с марксистско-ленинской теорией неизбежности пролетарской революции в силу развития внутренних противоречий капитализма, но совершенно ясно, что первая, смазывая внутренние противоречия, не признавая их определяющей роли, не может обосновать крах капитализма.

Вслед за Богдановым он считает, что общество (в том числе и советская экономика) развивается тогда, когда оно взамен затраченной своей трудовой энергии получает от природы столько или же больше энергии. Вот тогда-то мы имеем равновесие общества и природы.

Вся экономическая политика советской власти должна исходить из необходимости установления такого равновесия, не допускать случаев нарушения его, для чего нужно построить народнохозяйственный баланс, исходящий из вышеуказанных принципов.

Поскольку внутренние противоречия, например обострение классовой борьбы, определяются нарушением равновесия общества и природы, постольку построение баланса должно исходить из необходимости установления такого равновесия в самый кратчайший срок, ибо оно приведет к сглаживанию внутренних противоречий, в том числе классовой борьбы. Баланс должен учесть необходимость немедленного установления равновесия между отраслями народного хозяйства, ибо только такое равновесие обеспечивает основное — равновесие общества и природы. Установление же равновесия в кратчайший срок, как этого требует разбираемая нами теория, возможно лишь при равнении на самые слабые места, звенья.

«Во всякой системе, — писал Богданов, — состоящей из ряда взаимно-необходимых звеньев, решающее значение принадлежит наиболее слабому звену. Например если в экономике общества все отрасли нуждаются в железе, а производство железа упало ниже нормы, то все они вместе могут работать лишь в таком масштабе, на какой хватает добываемого железа, не более того».[1]

Равнение на узкие места провозглашают все сторонники теории равновесия, все механисты. Вслед за бухаринскими «Заметками экономиста» этот лозунг повторяет Н. Кондратьев.

[1] Богданов. Всеобщая организационная наука, стр. 274.

«Я согласен с Бухариным, — заявляет он на чистке в НКФ, — в том, что если нет кирпича, то строить нельзя. Если хотите, то надо равняться по узким местам; по-моему, другого выхода нет».

Из теории равновесия, приводящей к идее равнения на узкие места, вытекает правооппортунистическая установка, что если например производство строительных материалов отстает от других отраслей производства, то нужно ориентироваться не на преодоление его отсталости, а на снижение капитального строительства.

Сторонники теории равновесия считают, что преодолеть противоречие между распыленностью мелкотоварного сельского хозяйства и крупной социалистической индустрией можно не подтягиванием развития сельского хозяйства к уровню промышленности, что возможно лишь с переходом его на социалистические формы земледелия, а наоборот — снижением темпов в развитии промышленности и установлением равновесия между ними на основе равнения на слабую сторону.

«По этой теории (теория равновесия), — говорил т. Сталин, — предполагается, что мы имеем прежде всего сектор социалистический — это своего рода ящик, — и мы кроме того имеем сектор несоциалистический, если хотите—капиталистический, — это другой ящик. Оба эти ящика лежат на различных рельсах и мирно катятся вперед, не задевая друг друга. По геометрии известно, что параллельные линии не сходятся. Однако авторы этой замечательной теории думают, что когда-нибудь эти параллели сойдутся, и когда они сойдутся, у нас получится социализм». (Речь на конференции аграрников.)

Отсюда и борьба против большевистских темпов развития промышленности, против индустриализации, за упор на развитие легкой индустрии и индивидуального сельского хозяйства, обеспечивающего, по их мнению, установление немедленного равновесия между сельским хозяйством и промышленностью и гармоническое, без обострения классовой борьбы, продвижение к социализму.

Правые, не умея объяснить основное противоречие советской экономики, обходят классовые противоречия, не замечают каналов и источников, ведущих к обострению этой борьбы.

Буржуазная теория равновесия потому и пользуется таким кредитом среди правых и используется ими для обоснования своей политической установки, что является теоретическим выражением мелкобуржуазных колебаний неустойчивых элементов в рядах нашей партии.

Марксистско-ленинская диалектика не отрицает внешних противоречий, воздействия одного процесса на другой. Наобо-

рот, исходя из идеи неразрывной связи всех процессов действительности, она требует познания взаимодействия процессов, их влияния друг на друга, их взаимопроникновения.

Но в то время как механицизм и его теория равновесия рассматривают любое явление как результат внешнего воздействия процессов друг на друга, противопоставляют друг другу как внешние и самостоятельные стороны одного и того же процесса, диалектика видит во внешнем только определенную форму обнаружения внутреннего. Поэтому, когда речь идет о взаимодействии сторон одного процесса, диалектик не будет обманут моментом самостоятельности, «внешности» этих сторон, а будет стремиться открыть в них, как основу их взаимодействия, как действительный «источник самодвижения» процесса, объединяющее их внутреннее противоречие. Поэтому диалектик не будет классифицировать качественно отличные взаимодействующие между собою процессы как целиком самостоятельные и внешние друг другу «системы» и «среды». Исходя из идеи внутреннего «единства мира, заключающегося в его материальности», диалектика будет видеть во взаимодействии внешних процессов взаимодействие многообразных форм и ступеней единой материи, развивающейся в этих формах и в их взаимодействии. Поэтому и к познанию внешнего взаимодействия процессов диалектика подойдет как к моменту мирового развития, руководясь основным законом диалектики — законом единства и борьбы внутренних противоположностей.

Нет развития процесса вне его взаимодействия с другими процессами. Попытки представить ленинское учение о «самодвижении», о «спонтанейном» развитии как замыкание в мир внутренних сущностей, в которых дан якобы не только определяющий «источник самодвижения», но и все условия конкретного развития, представляют собой вульгарное извращение диалектики. Но внешнее всегда выступает не как основание развития, а как одно из необходимых его условий, и поэтому влияние его на процесс может быть понято лишь на основе познания внутреннего противоречия как действительной основы развития.

Марксистско-ленинская диалектика не отрицает противоречия общества и природы, но признает это противоречие не главным, не определяющим общественного развития. Изучая историю, мы видим, что в ряде стран географические, климатические условия, растительный и животный мир, естественные богатства долгое время оставались относительно неизменными, в то время как изменились общественные отношения, феодализм например сменился капитализмом.

В развитии общественной формации, например капитализма, диалектика считает главным и определяющим внутреннее противоречие капиталистических производительных сил и капиталистических производственных отношений. Противоречие общества и природы существует конечно и при капитализме, но конкретный характер этого противоречия определяется не особенностями географической среды, а основными закономерностями развития капитализма. Общество, в силу своей внутренней закономерности, развивая общественные производительные силы, изменяет географическую среду путями и способами, специфическими для каждой общественной формации. Особенно широкий размах приняло это изменение географической среды общественным человеком при капитализме с его машинной техникой и общественным характером производства. Мало лесов — регулируются вырубка и рост их, недостаточно каменного угля — переходят на белый уголь. Недостаточно естественной кожи, шерсти, шелка — создают искусственную кожу, шерсть, шелк. Если мало осадков — создаются системы искусственного орошения. Изменяется животный и растительный мир — создаются новые породы животных и новые типы растений.

Если в капиталистическом обществе масштабы изменения природы все же крайне ограничены, то это опять-таки объясняется не противоречиями общества и природы, а капиталистическими производственными отношениями, которые не дают возможности грандиозного развития производительных сил. Лишь социализм обеспечивает такую возможность. Поэтому особенно ярко выступает определяющая роль общественной закономерности в противоречиях общества и природы в период диктатуры пролетариата и построения бесклассового общества, когда по единому плану, построенному на основе всех достижений науки, меняется облик целой страны.

Противоречия между капиталистической и советской системами конечно влияют на развитие социалистических отношений в СССР. СССР развивается на основе внутренних закономерностей, на основе внутренних противоречий, а не на основе внешних противоречий между капиталистическим миром и нами. Развитие СССР вовсе не подчинено развитию капиталистического мирового хозяйства, как то думает ренегат Троцкий. Экономическая и финансовая блокада, отказ от кредитов, борьба с советским «экспортом», различные формы дипломатического давления и т. д. — все это отражается в той или иной степени на развитии социализма в СССР, но характер и степень отражения определяются внутренними противоречиями в нем. Степень задержки развития социализма со сто-

роны международного капитала зависит от степени развития и крепости социалистических и капиталистических элементов внутри страны: чем слабее первые и сильнее вторые, чем ниже темпы индустриализации и коллективизации страны, чем слабее наше наступление на капиталистические элементы и чем меньше укреплены командные высоты социализма, чем крепче кулачество, нэпманы в стране, чем шире сеть вредителей, чем больше бюрократизма, чем сильнее влияние оппортунизма в наших рядах — тем больше возможностей имеет международный капитализм тормозить наше движение. Но глубоко неверно было бы полагать, что характер нашего развития, смена различных «переходных периодов в переходном периоде» может быть «выведена» из смены форм различного воздействия на нас со стороны капиталистического мира.

Ярким доказательством этого положения, опровергающим все утверждения троцкистов о том, что мировое (читай: капиталистическое) хозяйство контролирует экономику СССР, является нынешний мировой кризис капитализма, остановившийся у границ Советского Союза. Этот кризис несомненно породил ряд дополнительных трудностей для нашего строительства (ухудшившиеся условия кредита, падение цен на наш экспорт и т. д.). Однако он не имеет никакого решающего значения для строительства социализма.

Мы строим социализм на основе внутренних сил страны, наше развитие к социализму и его этапы определяются внутренними закономерностями. Мало того, закономерность самой смены различных методов воздействия на нас со стороны империализма может быть понята и обоснована в конечном счете только на основе познания нашего внутреннего развития.

Даже исход отчаянных попыток капитализма сокрушить Советский Союз определяется в значительной и во все большей степени, по мере нашего развития, крепостью нашего Союза. Ибо международный капитализм раздирается внутренними противоречиями, а рост социализма в Советском Союзе, означающий рост сил мировой пролетарской революции, обостряет эти противоречия.

Полная победа социализма в нашей стране имеет решающее значение и для окончательной победы социализма.

Итак мы видим, что внешние противоречия влияют на развитие процесса, лишь преломляясь через развитие его внутренней закономерности.

Теория равновесия не устремляет внимания на вскрытие специфических особенностей, качественного своеобразия процесса и его сторон. Она заменяет качественный анализ чисто количественным, механистически сводя одно явление к другому.

Теория равновесия, игнорируя конкретное содержание процесса и необходимость вскрытия «источника самодвижения» его, оставляя последний в тени или пытаясь найти его вне данного процесса, приводит, с одной стороны, к абстрактно-рационалистическому подходу к вопросам, к подходу с точки зрения «вообще», к пустому схематизму или к голому эмпиризму, обходящему основное и коренное, — с другой стороны. Эта двойственность характерна и для наших правых. Так к вопросам советского хозяйства они подходят, с одной стороны, абстрактно, не анализируя конкретных условий, фаз и стадий его развития, не умея понять, как создаются условия и возможности появления нового, не замечая, что новый этап развития по-новому ставит вопросы, по-новому разрешает свои противоречия. С другой стороны, исходя из теории установления равновесия при равнении на узкие места, они приходят к делячеству, к ставке на минутные настроения, ибо выход из трудностей — немедленное установление равновесия между крупной социалистической промышленностью и мелкотоварным сельским хозяйством, с их точки зрения, был возможен в 1928—1929 гг. лишь на базе роста индивидуального сельского хозяйства. Отсюда—ставка на развитие индивидуального хозяйства, главным образом кулацкого, дающего большие массы хлеба, непонимание того, что этот путь — путь капиталистической реставрации и отрицание действительного для пролетариата пути выхода из трудностей — перевода крестьянского хозяйства на социалистические формы земледелия.

Теория равновесия исходит из точки зрения примирения противоположностей. Для сторонников этой теории состояние равновесия есть фаза, когда противоположности примирены. Сторонники этой теории увековечивают единство противоположностей в старой форме. Они считают, что внутренними силами это единство не может быть снято, оно снимается лишь внешним воздействием. Для них ленинское положение об абсолютности борьбы противоположностей — дверь за семью печатями.

Теория равновесия, односторонне удлиняющая относительную самостоятельность процессов и их сторон, замазывающая внутренние противоречия процесса, проповедующая примирение противоречий, будучи теоретической основой правого оппортунизма и вредительства разных мастей, по своему классовому существу является теорией реставрации капитализма.

Деборинская группа, выступив с запоздалой критикой теории равновесия, не смогла нанести решающего удара этой теории. Помимо того что критика была чересчур общей, абстрактной, деборинцы не критиковали теории равновесия за самое

главное — за непризнание ею того, что процесс от начала до конца развивается путем противоречий, за примирение его противоположностей. Деборинцы не смогли до конца разоблачить теорию равновесия, потому что их собственное понимание закона единства противоположностей смыкается, как мы уже видели, с этой теорией. Так же как и механисты, они считают, что противоречие присуще процессу не с момента его возникновения, а появляется лишь на известной стадии его развития. Отсюда вытекает вывод, который они боятся сделать сами, — что до этого момента процесс развивается в силу внешних причин. Так же как и сторонники разбираемой теории, они разделяют социал-демократический взгляд примирения противоположностей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗАКОН ПЕРЕХОДА КОЛИЧЕСТВА В КАЧЕСТВО И ОБРАТНО

ОТ НАИВНОЙ ДИАЛЕКТИКИ К МЕТАФИЗИКЕ СВОЙСТВ

Первобытный человек не строил научных теорий. Его познание ограничивалось отдельными наблюдениями и стихийно выраставшими из них житейскими правилами, которые связывались между собой системой образных мифологических представлений без отчетливой и осознанной логической последовательности. Мифы, сказки о громе, дожде, солнце, как о таинственных существах, «объясняли» ему связь явлений природы и его собственной примитивной практики. Лишь на определенной ступени общественного развития познание становится научным, и человек переходит к построению логически связной картины объективного мира. Но для этого перехода был необходим определенный уровень развития производительных сил, отделение умственного труда от физического. С этих пор возникла наука как особый вид общественной деятельности, с этих пор человек стал теоретизировать, стремясь к отражению действительности в логически связных понятиях.

И первое, с чем столкнулась наука, было взаимодействие бесконечного множества явлений, их непрестанное переплетение и смена, неугомонное возникновение одних, исчезновение и гибель других. Прежде чем обратиться к изучению деталей действительности, познание схватывает ее как поток изменений и взаимодействий. Несмотря на всю наивность и поверхностность этого первоначального взгляда, первые шаги науки были в то же время первыми шагами сознательной диалектики. «Все течет, ничто не пребывает и никогда не остается тем же» — так характеризовал вечную изменчивость природы один из первых диалектиков в истории науки древнегреческий фило-

соф Гераклит. Как передавали о нем греки, «он сравнивает вещи с речным потоком и говорит, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку, она течет, и мы окружены другой водой».[1]

В этих первых шагах познания, освобождающегося от непосредственной связи с религией, мы находим сплошь да рядом отдельные зародыши материалистической диалектики. Ленин в своих философских заметках приводит весьма характерный отрывок из того же Гераклита: «Мир единый из всего не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим...» Ленин, разрабатывая основной закон диалектики, прямо ссылался на образные и яркие формулировки Гераклита.

Гераклит был наиболее характерным, но не единственным представителем того свежего в своей первобытной наивности периода познания, когда еще неразложенный по «ученым полочкам» мир понимался в его общем течении и изменении. «Древнегреческие философы были все прирожденными диалектиками».[2] Однако общая картина развития, которую они давали в своих теориях, страдала весьма существенной неполнотой. Их знакомство с частностями, с отдельными явлениями было весьма слабым и неотчетливым. Они обращали «больше внимания на ход движения, на переходы и сцепления, чем на то, что́ именно движется, переходит, сцепляется».[3]

Они объявляли первичной основой всех изменений то воду, то воздух, то огонь. И при этом они не исследовали изменений вещества в каждом отдельном случае, а говорили об его превращаемости только для того, чтобы характеризовать весь мир как единый изменчивый процесс. Для подтверждения своих общих теорий они приводили подчас весьма яркие примеры. Но это были только *примеры*, а не глубокое систематическое изучение предметов, только приблизительные и поверхностные представления, только указания на то, что сразу бросается в глаза, без углубленного анализа каждого отдельного явления в его существенной основе. Гераклит говорил, например, что «части вселенной поделены на две половины, друг другу противопоставленные: земля — на горы и равнину, вода — на сладкую и соленую... равным образом атмосфера — на зиму и лето, а также на весну и осень...»[4] Как далеко этой поэтической и поверхностной «конкретизации» диалектики до ре-

---

[1] Гегель. Собр. соч., т. IX, стр. 249.
[2] Энгельс. Анти-Дюринг. Собр. соч., т. XIV, стр. 14.
[3] Там же.
[4] Ленинский сборник XII, стр. 311.

зультатов современной физики, химии, геологии и других частных наук! Совершенно ясно, что, оставаясь в познании на поверхности отдельных явлений, греки не могли достигнуть ясности и в понимании общих законов их развития.

Однако все эти и положительные и отрицательные стороны первой ступени научного познания вполне соответствовали той общественной практике, на основе которой развивалась греческая наука. В самом деле, рабовладельцы мало интересовались развитием техники производства, материальный труд был позорным уделом рабов. Организаторы политической власти, мореплаватели, колонизаторы, купцы — греки не нуждались в подробном изучении отдельных вещей. В своем потребительском подходе к вещам они могли ограничиваться их внешними проявлениями. Вопрос об углубленной существенной переделке вещей, возникающий в производстве, не вставал перед предприимчивым купцом. И политическая их деятельность сводилась к борьбе между отдельными группами свободных, не затрагивая самой сущности рабовладельческого строя. И в то же время для политической деятельности и для больших колонизаторских предприятий они нуждались в широком и связном мировоззрении, в котором отражались бы общие черты изменчивой и многообразной действительности. Это мировоззрение и давала греческая философия того периода. Но дальнейшее развитие производства и классовой борьбы все больше обнаруживало ее недостатки, изучение отдельных вещей становилось все более актуальной задачей. В пределах самой философии греков начался переход к следующей ступени познания, — к ступени, по преимуществу расчленяющей целое на части, выделяющей отдельные вещи из их общей связи, ступени, в основном, аналитической.

Правильное схватывание картины целого в первоначальных мелькающих впечатлениях мы наблюдаем очень часто. Приезжающие в СССР иностранные рабочие уже в массе первых впечатлений схватывают общий характер социалистического строительства. Пожалуй в некоторых отношениях они лучше нас самих могут оценить, как далеко мы ушли от капитализма. Однако, для того чтобы принять практическое участие в организационной работе наших учреждений, иностранцу необходимо вникнуть в детали, понять особую задачу каждого отдельного учреждения и учесть особые трудности каждого участка социалистического строительства.

Правильный охват целого служит руководящей нитью в разборке деталей. Первый синтетический этап познания подготовляет изучение частей, дает общую ориентировку для дальнейшего аналитического исследования. Всякий хороший

хозяйственник знает, что для руководства тем или другим предприятием необходимо иметь правильную общую политическую установку. Но если задержишься только на этом и не будешь изучать технику дела, вникая в каждую мелочь, то превратишься в пустого аллилуйщика.

Точно так же обстоит дело во всякой практической работе и во всяком познании. Никогда не успокаиваясь на достигнутых результатах, не задерживаясь на пройденных этапах, не превращая отдельные ступени в целое, мы должны итти вперед, стремясь все глубже проникнуть в действительность для более глубокого и успешного ее изменения.

На разбираемом нами этапе познания это углубление достигалось прежде всего выделением отдельных вещей из их общей связи и изучением особенности каждой из них. Для этого необходимо накопление огромного фактического материала о физических явлениях, о различных веществах и минералах, необходимо описание животных и растений и затем их классификация, — сравнение и разделение на классы и виды явлений, веществ и живых организмов. Эта задача и выполнялась в последнем, так называемом александрийском, периоде греческой науки, в средние века и в начале нового времени.

Основная познавательная задача состояла в том, чтобы, отвлекаясь от общей связи и изменений, рассматривая каждую вещь как изолированную и покоящуюся, установить ее специфическую неотъемлемую определенность, которая отличает ее от других вещей, изучить ее *качество*. Но все, что можно сказать об изолированной и покоящейся вещи, сводится к описанию ее отдельных сторон, ее свойств. Качественная определенность вещи была сведена таким образом к совокупности свойств. Вещь как нечто, обладающее определенными свойствами, — вот основной предмет изучения этого периода науки.

Некоторые свойства сходны во многих вещах и играют в них по видимости более существенную, по сравнению со свойствами, специфическими только для отдельных вещей, роль. На основе этих более общих свойств производится первоначальная классификация вещей и разложение каждой вещи на ее составные части.

Возьмем для примера одну из важнейших отраслей знания средних веков — алхимию (средневековая химия). Алхимики обратили внимание на три основных, как им казалось, свойства тел: металлический блеск, горючесть и прочность. Каждое вещество обладает в большей или меньшей степени этими свойствами, поэтому каждое вещество они характеризовали определенной пропорцией этих свойств. Не умея вскрыть бо-

лее глубокую основу превращений вещества, алхимики рассматривали эти свойства как самостоятельные элементы, из простого сложения которых и образуются различные тела. Воплощением металлического блеска они объявили ртуть, горючести — серу, химической прочности — соль.

Каждое свойство таким образом стало самостоятельным качеством, самостоятельным началом, веществом, силой, способностью. При этом и такое свойство, как превращаемость одних вещей в другие, алхимики считали особым началом, особой способностью или силой и назвали этот таинственный элемент превращаемости — философским камнем, камнем мудрецов. В течение ряда веков усилия алхимиков были направлены на поиски «философского камня», который в свою очередь явился бы ключом в добывании золота.

На этом пути их постигли неизбежные неудачи, но неудачи крайне плодотворные для развития науки. В этих поисках был накоплен огромный фактический материал, было описано множество реальных свойств различных химических соединений. Но чем дальше шло накопление фактического материала, тем яснее обнаруживалась ограниченность этого этапа науки. Во всех областях природы познание открывало все новые и новые свойства, и каждое из них превращалось в самостоятельное вещество или способность. При таком методе «объяснить» любое явление не стоит никакого труда: дым летит вверх потому, что обладает стремлением лететь вверх; стекло режет, так как обладает режущей силой; опий усыпляет потому, что обладает усыпительной силой; дерево имеет растительную способность и т. д. и т. п. Мысль терялась в необозримом количестве таинственных сил, способностей и веществ, из которых состоят вещи и которые ровно ничего не объясняли. «Объяснения» попросту повторяли то, что давало эмпирическое описание свойств, — прибавлялись только пустые для научного познания слова «сила» или «вещество» или «способность».

Решая задачу, необходимо поставленную ходом познания, наука феодального общества «раздула» рассмотрение явлений и их свойств в изолированности друг друга, этот необходимый, но подчиненный момент познания — в целое мировоззрение, создав самую последовательную и закостенелую систему метафизики (антидиалектики). Весь мир, по мнению средневековых метафизиков, состоит из множества абсолютно самостоятельных сил и веществ. Ничто новое не возникает, развития нет, так как все изменения сводятся к простому внешнему соединению и разъединению неизменных самостоятельных сил. Сама изменяемость оказалась самостоятельной субстанцией

и понималась то в виде бога или дьявола, то в виде философского камня и т. п. В противоположность диалектике, которая рассматривает мир как совокупность текучих процессов, внутренне связанных между собой общим ходом развития, средневековая наука видит только механическую совокупность самостоятельных неизменных вещей. В то время как диалектика вскрывает противоречивость каждого явления, каждого процесса, средневековая наука выдвигает в качестве основного принципа пустое формальное тождество, — горючесть есть горючее вещество, металлический блеск есть металлический блеск, т. е. ртуть, и т. д. Каждое свойство само по себе тождественно, непротиворечиво и неизменно, как устойчивая вещь. Недаром это время прославилось расцветом схоластики — пустых словесных выкрутасов по принципам строгой формальной логики.

Метафизическая ограниченность средневековой науки целиком вытекала из ограниченности феодальной общественной практики. Раздробленность, оторванность друг от друга феодальных поместий и городов, низкий уровень техники сельского хозяйства и ремесла, закостенелость всех общественных отношений — вот материальная основа превращения характерных черт одного из этапов общественного познания в законченную метафизическую *систему*. Правда, средневековый ремесленник (а отчасти и помещик-феодал) больше заинтересован в развитии материального производства, чем греческий рабовладелец. Но при застойном характере производства технические задачи заключались не в коренной переделке вещей, а в *комбинировании* готовых вещей, в ловкости применения веками сложившейся техники к материалам, поставляемым в более или менее готовом виде природой.

Классовые интересы феодалов и цеховых мастеров, стремившихся в своем мировоззрении увековечить феодальную ограниченность, превращали этот метод в закостенелую систему.

Но на почве феодализма и первое время методами феодализма подготовлялся и развивался капиталистический способ производства. Развитие торгового капитала, разлагавшего цельность феодальных порядков, вызвало алхимическую погоню за золотом. В этих попытках, часто шарлатанских, сказалось бессилие феодальной культуры разрешать реальные производственные задачи, вставшие в конце средних веков в порядок дня.

Однако далеко не только в условиях феодализма встречаемся мы с этой разновидностью метафизического метода. Чем сложнее та или иная закономерность, тем более высокие

ступени развития общества могут поставить и разрешить задачу практического овладения ею. Химия запаздывает по сравнению с механической физикой, биология — по сравнению с физико-химической группой наук.

Особую живучесть метафизика свойств обнаружила в буржуазном обществознании. В нем она нашла свое выражение в виде так называемой теории факторов.

На вопрос, почему Франция в эпоху Наполеона вела завоевательные войны, сторонник теории факторов ответит, что во Франции на время стал господствовать такой фактор, как идея славы и завоеваний, идея, которую распространял Наполеон. Почему в капиталистических странах существует «излишек» населения, не находящий себе работы? Потому что рабочие слишком быстро размножаются, действует биологический фактор прироста народонаселения. Почему между турками и болгарами происходили бесчисленные войны? Потому что действовал фактор национального антагонизма.

Конечно в толстых книгах ученых исследователей дело выглядит значительно сложнее, чем мы изобразили в приведенных примерах. Но если из массы фактического материала и педантичных соображений об отдельных частностях выделить постановку и метод разрешения вопросов, мы ничего иного не найдем, кроме той же «усыпительной силы опиума» и «режущей силы стекла».

В ряде направлений буржуазной науки делались не раз более или менее удачные попытки преодолеть ограниченность теории факторов, но никогда не удавалось вытеснить ее окончательно. В последнее время, в эпоху упадка капитализма, мы видим известное возрождение метафизики изолированых свойств как в общественных науках, так и по всей линии буржуазной идеологии.

И вполне понятно почему. Когда классы и партии противодействуют глубокому изменению общественных отношений и стремятся для этого к простому комбинированию готовых, сложившихся отношений, — идеологическим оружием этих классов выступает метафизика самостоятельных свойств.

Идеология основной опоры современного капитализма, социал-фашистов, дает не мало ярких примеров глубокого упадка буржуазной мысли, возврата ее к методам средневековья.

К. Каутский, например, утверждает, будто в эпоху империализма в странах промышленного капитала действует стремление к завоеванию. Для того чтобы не было войн, надо противопоставить этому стремлению такой фактор, как стремление к миру, пропаганду мирной организации хозяйства.

Отними от железа свойства горючести, прибавь в нужной

пропорции металлического блеска и химической устойчивости — и получишь золото, — говорили средневековые алхимики. Социал-интервент Карл Каутский таким же образом предлагает «скомбинировать» положительные свойства эпохи империализма (концентрация производства) с положительным свойством доимпериалистической эпохи (мирная экономическая политика). Он сочиняет вредную и пустую утопию, в которой метафизика самостоятельных свойств должна отвлекать рабочую массу от углубленного понимания единой сущности загнивающего капитализма.

Ленин, критикуя мелкобуржуазные мечты народников о вечном сохранении мелкого производства, писал: «И в самом деле как это просто. Хорошее «брать» отовсюду — и дело в шляпе. От средневековых форм «взять» принадлежность средств производства работнику, а от новых (т. е. капиталистических) форм «взять» свободу, равенство, просвещение, культуру... «взять» хорошее оттуда, да еще оттуда. Философ этот (Михайловский) чисто метафизически смотрит на общественные отношения, как на простой механический агрегат тех или других институтов, простое механическое сцепление тех или других явлений. Он вырывает одно из таких явлений — принадлежность земли землевладельцу в средневековых формах — и думает, что его можно точно так же пересадить во всякие другие формы, как кирпич переложить из одного здания в другое».[1]

Между тем совершенно ясно, что невозможно отделить принадлежность земли крестьянину в средние века от эксплоатации этого крестьянина помещиком. Превращая отдельные свойства целого в самостоятельные силы, метафизик Михайловский не видел целостной связи общественных явлений.

В эклектической метафизике Михайловского проявилось бессилие мелкой буржуазии противостоять развитию капитализма.

Ту же метафизику самостоятельных свойств мы находим на многих страницах истории троцкизма. Троцкий постоянно выступал с авантюристическими планами различных комбинаций. Во время профсоюзной дискуссии он предлагал механически перенести метод командования, сыгравший большую роль в военном деле, на работу профсоюзов.

Столь характерный для него метафизический разрыв политики и экономики в качестве методологического корня имеет ту же историю факторов. В России — считает мистер Троцкий — для построения социализма достаточно силен полити-

[1] Ленин. Собр. соч., т. I, стр. 10.

ческий фактор, но не хватает экономического, — в России построение социализма невозможно.

Во всех приведенных примерах мы видим те же разобранные выше черты:

во-первых — поверхностный взгляд, довольствующийся констатированием отдельных, бросающихся в глаза свойств;

во-вторых — понимание свойств, как отделимых друг от друга вещей;

в-третьих — неизменность, тождественность свойств в различных вещах, которые рассматриваются как различные внешние комбинации этих свойств.

Свойство абсолютно тождественно себе самому — вот основной формально-логический принцип метафизики самостоятельных свойств.

ОТ МЕТАФИЗИКИ СВОЙСТВ К МЕТАФИЗИКЕ ОТНОШЕНИЙ

Вопрос о принадлежности вещи того или другого свойства совсем не так прост, как это представляется с первого взгляда. Для большинства людей железо — образец твердого вещества. А шлифовщик драгоценных камней презрительно говорит о плохом материале: мягок, как железо. По отношению к дереву железо твердо, по отношению к алмазу оно мягко.

Нет абсолютной твердости и абсолютной мягкости самих по себе. Твердость вещи проявляется *в отношении* к другим вещам. И в зависимости от того, к каким вещам она относится, ее свойства проявляются то так, то иначе. И так дело обстоит со всеми свойствами. Иного работника в течение многих лет считают бездарным и ни к чему не пригодным, а приставьте его к надлежащему делу, и он может обнаружить по отношению к нему большие дарования. Дождь может быть благом, а может быть и злом, смотря по обстоятельствам. Пустыни, окружающие долину Нила, в которой расположен Египет, на ранней ступени способствовали развитию его производительных сил, так как служили естественной преградой от набегов диких кочевников. На более поздней ступени, когда Египет созрел для торговых сношений с другими странами, эти же пустыни стали препятствием для его дальнейшего экономического роста.

Все свойства существуют лишь в определенных отношениях, все свойства относительны — вот вывод, к которому приводит познание взаимодействия вещей.

Средневековые алхимики изучали отдельные свойства, произвольно вырванные из общего взаимодействия вещей, и по-

тому эти свойства могли казаться им чем-то абсолютным и неизменным. Но как только расширился круг наблюдений, и люди начали сравнивать множество свойств, следя за их изменениями вместе с изменением вещей, познание неизбежно должно было отказаться от алхимической метафизики.

И тогда встал новый, для алхимика совершенно неожиданный, вопрос: какой из двух или многих взаимодействующих вещей принадлежит то или иное свойство? Средневековые ученые нисколько не сомневались в том, что стеклу принадлежит особая режущая или ранящая сила. Представитель новой эпохи, английский ученый Бойль, высмеивая этот взгляд, показал, что суть дела заключается вовсе не в стекле, а во взаимоотношении стекла с определенными свойствами живого вещества. Он доказал, что потогонные, усыпительные и прочие лекарства вовсе не обладают соответствующими абсолютными силами или качествами, а что их действие должно быть объяснено из их взаимодействия с организмом. Однако сослаться на взаимодействие весьма легко. Гораздо труднее определить, в чем заключается участие каждой стороны во взаимодействии, в чем лежит основная причина того, что взаимодействие приводит к определенному результату.

Всякое отношение двусторонне. Если *а* относится к *б*, то *б* само относится к *а*. Пустыни на разных этапах по-разному влияли на развитие Египта. Но в чем заключается корень этого влияния — в различных географических свойствах пустыни или в изменении свойств египетской экономики?

Вещи, вступающие в отношения, взаимно проявляют свои свойства друг через друга, как бы взаимно отражаются друг в друге. Свойства пустыни отражались по-разному в различных стадиях египетской истории и, обратно, свойства этапов развития Египта отражались в различном влиянии пустыни. Каждая сторона определяется через отношение к другой, каждая имеет лишь соотносительную определенность. Раскрытию этого взаимного, так называемого рефлективного (рефлекс — отражение) отношения Маркс и Энгельс, вслед за Гегелем, приписывали весьма большую роль.

«Такие соотносительные определения, — писал Маркс, — представляют вообще нечто весьма своеобразное. Например этот человек — король лишь потому, что другие люди относятся к нему, как подданные. Между тем они думают, наоборот, что они подданные потому, что он — король».[1]

Всякий, кто заглядывал в первые главы «Капитала», знает, что в постановке всех основных вопросов теории стоимости

[1] Маркс. Капитал, т. I, стр. 19.

Маркс исходит из рефлективных отношений обмениваемых товаров, товара и денег, товаропроизводителей между собой. Разоблачая товарный фетишизм, Маркс доказал, что «свойство» иметь стоимость, приписываемое товару как вещи, на самом деле является выражением определенного общественного отношения.

Открытие относительности свойств было первым шагом буржуазной науки начала нового времени, и, нужно отметить, шагом весьма значительным. Исследования Галилея, Декарта, Бойля и других естествоиспытателей и философов развеяли, как дым, учение о таинственных силах и качествах средневековой физико-химической науки. «Усыпительная сила» опиума стала предметом всеобщих насмешек, и Мольер в своих блестящих комедиях вывел ее сторонников на сцену в роли комических дураков.

Однако указание на относительность свойств само по себе объясняет очень мало. Оно отсылает от одной вещи к другой и от второй обратно к первой, от географии к экономике и от экономики обратно к географии, и не дает единого и цельного объяснения ни одному явлению, ни одному процессу. Учение о свойствах нельзя исчерпать открытием их относительности. Необходимо дать положительную разработку вопроса. И буржуазная наука сделала попытку дать такое положительное учение в теории так называемых первичных и вторичных свойств.

Прежде всего основатели этой теории выделили ряд свойств вещей (цвет, вкус, запах, звук), которые воспринимаются нами непосредственно в виде ощущения, и объявили их существующими только в отношениях к нашим органам чувств, субъективными. Это — так называемые вторичные свойства. Остальные — так называемые первичные свойства — они считали принадлежащими вещам самим по себе, существующими в объективной действительности. Вторичные являются отношениями первичных к нашему восприятию.

Разве в щекочущей руке существует какая-либо сила щекотки? — спрашивал Галилей. Рука касается тела, и это касание вызывает в нас особое ощущение, которое совсем не похоже ни на руку и ни на ее движения. Движение руки, ее прикосновение, перемещение по нашему телу есть первичное, объективное свойство, ощущение щекотки — вторичное, субъективное.

Теплота не есть особая сила, а простое движение частиц в пространстве, простое их перемещение, которое отражается в нашем сознании как вторичное свойство, как ощущение тепла.

Первичные свойства весьма немногочисленны. Это — пространственная форма и положение тел, перемещение, касание другого тела и следовательно непроницаемость. Все прочие различия явлений по цвету, звуку, запаху, вкусу относятся к свойствам вторичным. Эти свойства субъективны и ни в какой мере не отражают процессов, происходящих в объективной действительности.

Все в природе состоит из бескачественной, бесцветной, беззвучной материи, и все разнообразие явлений сводится к механике ее тождественных частиц, к их пространственным комбинациям и перемещениям.

В борьбе с метафизикой свойств наиболее прогрессивные направления буржуазной науки XVII и XVIII вв. заняли позицию механистического материализма. По сравнению со средневековым мировоззрением это было крупным шагом вперед. Вместо того чтобы заниматься нагромождением таинственных сил и изолированных, ничем не объяснимых качеств, познание обратилось к изучению движения, хотя и в самой простой его форме, — к изучению механического движения. Вместо того чтобы «объяснять» поднятие воды в насосе тем, что природа «боится пустоты», стали исследовать реальные механические процессы движения жидкостей, и Торичелли открыл давление воздуха. Перестали приписывать организму растительные, двигательные, питательные и всякие прочие силы и способности и обратились к изучению механических, хотя и самых элементарных, но реальных движений в жизнедеятельности организма, и Гарвей открыл кровообращение.

Новая точка зрения оказалась весьма плодотворной и дала основу для множества ценнейших открытий. Прав был один из основоположников механицизма, крупнейший французский философ XVII в. Рене Декарт, когда писал о своих методологических принципах: «Эти основные понятия показали мне возможность достигнуть воззрений, которые могли бы принести для жизни обильные плоды, и взамен умозрительной и школьной философии выработать практическую философию, при помощи которой мы могли бы составить себе *такое же ясное представление о силе и действии огня, воды, воздуха, звезд, неба и других окружающих нас тел, как о работе наших ремесленников*».[1]

В этой мысли Декарта, кроме резкого и сознательного противопоставления метода «практической философии» «умозрительной и школьной философии» средневековья, замечательна и выраженная в ней, хотя несомненно и неосознанно для Де-

[1] Декарт. Рассуждения о методе, часть 6.

карта, связь новых форм мышления с современной, ремесленного типа, производственной практикой.

Плодотворность механистического естествознания вытекала из его тесной связи с этой производственной практикой.

Ремесленное и мануфактурное производство того времени было по преимуществу механическим. Механическими были ведущие отрасли промышленности — горное дело, обработка металла, зодчество, прядение и ткачество, морское кораблестроение. Воздействие на предмет труда было по преимуществу непосредственным воздействием рабочего орудия. В центре внимания были не изменения вещества, а те механические приемы, которыми оно вызывалось. «Машины» того времени были в основном простыми комбинациями все того же рычага, блока, ворота, наклонной плоскости, винта, известных еще древним. Поэтому и естествознание того периода занималось исследованием движения тел и систем тел под влиянием приложенных к ним сил, условий равновесия тел, движения жидкостей и т. п.

Механически «объяснялись» химические свойства вещества, жизненные явления «объяснялись» по аналогии с действиями механических автоматов. Спинозе; например, представлялось «ясным и очевидным» следующее объяснение различия во вкусе селитры и азотной кислоты (которая называлась тогда «селитренным спиртом»): ... «Частицы селитры, если их положить на язык, ложатся на него, вследствие своего спокойного состояния, наиболее широкими из своих граней, и тем закрывают поры его — что и является причиной ощущаемого холода... Но если частицы эти кладутся на язык в состоянии возбуждения и движения (Спиноза здесь уже имеет в виду «селитренный спирт», который, по его мнению, состоит из тех же частиц, что селитра, но находящихся «в состоянии возбуждения и движения». — *Авторы)*, то они попадают на него своими острыми ребрами, проникают в его поры... так игла, попадая на язык, вызывает различные ощущения, смотря по тому, соприкасается ли она с ним своим острием, или своей длинной поверхностью».[1] Увлечение автоматическими куклами при владетельных дворах в XVII в. являлось таким же отражением того общего в «просвещенных» кругах взгляда, что свойства всякого целого, в том числе и живого организма, должны найти свою разгадку в механических отношениях частей.

Для буржуазной науки начала нового времени образцом для познания, для «воспроизведения в мышлении» объективных связей вещей, являлись те механические связи, которые устанавливались в предметах труда для образования продукта

[1] Спиноза. Переписка. Письмо 6-е.

в процессе ремесленного и мануфактурного производства и к которым, как основным, приковывалось его внимание.

Отсюда относительная историческая ценность механистического метода, но отсюда же его односторонность и ограниченность. Как ни ценна была разработка механики Галилеем, Торичелли и другими, но их стремление свести все разнообразие явлений природы и общества к механическим отношениям принципиально лишало их возможности дать правильное решение проблемы свойств.

Новая односторонность, возведенная во всеобщий принцип, неизбежно должна была стать новой формой метафизического мировоззрения. Весь мир оказался разорванным на две самостоятельные части. Всю изменчивость и многообразие качеств механисты отнесли за счет вторичных свойств, т. е. за счет субъективной видимости, за счет пустой иллюзии.

Действительный мир, как он существует сам по себе в своих первичных свойствах, с их точки зрения, однообразен и неизменен. Элементы материи тождественны и неизменны. Все их отношения сводятся к внешним комбинациям в пространстве и к простому механическому соприкосновению.

В действительном мире нет развития, есть лишь движения в одном и том же кругу. Нет самодвижения материи, а лишь механическое перемещение под влиянием внешнего толчка. Место метафизики абсолютно неизменных свойств заняла метафизика абсолютных бескачественных частиц и их отношений.

А как быть со свойствами? Как решает механицизм эту проблему?

Если все частицы материи тождественны, то различие вещей по их свойствам возможно лишь в результате различного отношения между частицами. Вещи различаются по своей внешней пространственной форме, по тому, что их частицы различно расположены друг в отношении друга. Вещи различаются по механическому движению своих частиц, т. е. опять-таки по тем внешним отношениям, которые складываются между частицами. Первичные, действительно объективные свойства жидкости и твердого тела различаются только большей или меньшей связанностью своих частиц в их относительных движениях.

Все вещи различаются только внешней механической конструкцией. Все состоит из элементов и их отношений, — повторяют часто сторонники механицизма, — элементы являются бескачественными носителями отношений, отношения выступают как свойства различных вещей.

Как видим, механистический материализм крайне просто «разрешает» поставленную им проблему. Окрыв, что свойство

относительно, он объявил, что оно сводится к отношению, он свел все различия вещей к внешним механическим отношениям.

Вторичные качественно различные свойства суть также только отношения, а именно отношения бескачественных вещей к нашим органам чувств. Определенные движения частиц, взятые в отношении к нашему сознанию, дают ощущение тепла; другие, более мелкие, движения — ощущение света и различие цветов. Животное есть машина и только, но отношение этой машины к нашему восприятию дает впечатление живого организма, и т. д. и т. п.

Итак, различив два рода отношений, — во-первых отношений частиц материй между собой и во-вторых отношение их комбинаций к органам чувств, — механисты разделили все явления на первичные и вторичные свойства. С точки зрения механицизма задача познания заключается в том, чтобы, разоблачая ложную видимость вторичных свойств, сводить все явления природы к первичным механическим отношениям.

Французские материалисты XVIII в., широко применявшие механистический метод, указывали не раз на бесчисленное количество внешних друг другу причин, обусловливающих общественное развитие. Например введение нового закона определяется множеством обстоятельств, среди которых значительную роль играет действие законодателя, а это последнее зависит от его настроения, которое в свою очередь может определяться погодой, а погода в Париже изменилась потому, что в Африке дул самум, и т. д., до бесконечности.

Мы взяли только одну цепь обстоятельств, а во всяком общественном процессе их бесконечно много, и все они взаимодействуют между собой. Попробуйте, руководствуясь этим методом, определить, в какую сторону изменится общественный строй данной страны. Французские материалисты спорили между собой о том, что является определяющим во взаимодействии географической среды и общественного развития. Спорили о том, мнение ли людей определяется обстоятельствами, общественным строем, или обратно — общественный строй зависит от человеческих мнений. И как показали их дискуссии, с механистической точки зрения можно приводить бесконечное количество доводов как за, так и против любого решения этих вопросов.

Механистическое учение о свойствах, как отношениях отдельных частиц, ведет к абсолютному релятивизму, к чистой относительности, на основе которой нельзя сказать ничего определенного о свойствах вещи, так как эти свойства суть ее отношения с бесконечным количеством других вещей. «Шаль-

ной атом», залетевший в голову законодателя, может изменить ход всемирной истории — говорили материалисты XVIII в. Атом сам по себе не обладает этим «свойством», оно возникает от его отношения к другим, бесчисленным частицам, и кто скажет заранее — возникнет это «свойство» или нет. Сами того не желая, механисты приходят к выводу: нельзя знать ничего определенного о конкретных вещах, кроме той абстрактной истины, что они подчинены общим законам механики.

А чистый релятивизм и агностицизм, как мы знаем, есть главная опора субъективизма. Механистический материализм благодаря своей метафизической ограниченности ведет прямо к субъективному идеализму. И путь этот совсем не так далек. Переход к идеалистическим позициям намечают сами механисты своим учением о субъективности «вторичных свойств». В самом деле, утверждая, что качественные различия вещей, качественно различные свойства существуют только в нашем сознании, механисты создают разрыв между объективной действительностью и нашим представлением о ней.

Нам нужно отвлечься от иллюзорной видимости ощущений, при помощи отвлеченного рассуждения отодвинуть ее, как мы отодвигаем занавес, желая узнать, что скрывает он за собой,— и только тогда мы столкнемся с действительным объективным миром чистой механики, миром беззвучного и невидимого перемещения бескачественных частиц.

Чувственные представления о предмете — учит механицизм — совсем *не отображают* его, они только *соответствуют* ему. Как иероглиф есть значок, и нисколько не похож на обозначаемый им предмет, так и наше чувственное представление лишь соответствует определенному предмету, является только его иероглифом. Мы видим одного человека румяным, другого — бледным. На самом деле каждый из них является лишь определенной комбинацией бескачественных частиц. Но очевидно перемещение частиц, одного как-то отличается от перемещения частиц другого, и потому каждому из этих людей соответствует иной «иероглиф» в виде нашего чувственного представления. Разделение свойств на первичные и вторичные неизбежно связано с теорией иероглифов, с теорией символического обозначения объективной действительности субъективными обманчивыми представлениями.

Однако можем ли мы остановиться на этом? Почему мы должны признавать, что понятие о так называемых первичных свойствах, о перемещении и пространственных формах тел отображает объективную действительность так, как она существует на самом деле? Ведь и об этих свойствах мы узнаем не иначе, как исходя из ощущений. Если мы считаем чувствен-

ное впечатление иероглифами, мы должны и понятия механики признать не образами, а лишь значками неизвестной объективной действительности.

Плеханов, который, вслед за некоторыми буржуазными естествоиспытателями, защищал иероглифическую теорию, в своих колебаниях доходил иной раз до того, что даже пространство и время объявлял иероглифами неизвестных сторон неизвестного объективного мира.

Как видим, сведение свойств к внешним отношениям ведет к абсолютному релятивизму и субъективизму.

«Что есть истина?» — спрашивают с высокомерным скептицизмом мудрецы и пророки буржуазного индивидуализма, отражая «удовлетворенность» буржуазной души настоящим и ее страх перед всем новым и революционным. Скептической критикой познания, неверием в объективную истину они стремятся защитить свою буржуазную объективную действительность — капитализм — от всякой подлинной революционной критики. В эту эпоху господства капиталистических порядков буржуазная философия хватается за все слабые реакционные черты механицизма, за релятивизм, субъективизм, метафизичность, и раздувает эти черты в целое субъективно-идиалистическое мировоззрение. Все относительно, абсолютны только неизменные частицы материи, движущиеся в пространстве, — говорят механисты.

Субъективный идеализм, отрицая объективное существование материи, ее частиц и пространства, доводит точку зрения относительности, свойственную механицизму, до крайних пределов.

Первичные механические свойства объективны, — вторичные свойства субъективны, они существуют в нашем сознании только как наше ощущение — утверждает механицизм.

Субъективный идеализм, отправляясь от той же субъективности вторичных свойств и сводя к ним первичные, превращается в чистый субъективизм, — существуют только наши ощущения, все вещи и их так называемые первичные свойства, суть скомбинированные сознанием комплексы ощущений.

Сторонники механицизма, сводя все свойства к внешним отношениям, бессильны вскрыть единую цельную основу сложного сплетения взаимодействующих вещей. Субъективные идеалисты, углубляя и развивая дальше метафизику только внешней связанности явлений, превращают порок механицизма в идеалистическую добродетель: они утверждают, что у явлений и нет никакой объективной основы, и потому любому их комплексу можно дать любое объяснение; нет правильных или неправильных теорий, — выбор того или иного объяснения це-

ликом зависит от субъективной точки зрения, от субъективного произвола, от «удобства ума». Любые объяснения хороши для того, кому они нравятся, и нет никакой истины вне произвольных человеческих мнений.

Между механистическим материализмом и субъективным идеализмом различие огромное. Одни признают существование материи, другие ее отвергают. Одни связывают вещи реальными механическими отношениями, другие признают и вещи и связи только как «факты сознания». Но релятивизм и метафизика составляют общие черты обоих философских направлений.

В самом деле: И там и тут свойства не вытекают из внутренней природы вещей, а сводятся к внешним отношениям; одна и та же метафизика оторванных друг от друга элементов и их внешних связей приводит и тех и других к абсолютному релятивизму, к отказу от борьбы за единую, вечно развивающуюся объективную истину. Невозможно отрицать близкое родство между механицизмом и субъективным идеализмом, — между ними существует глубокая взаимная связь.

Претендуя на абсолютную объективную истину и третируя во имя этой истины обманчивость чувственных свойств, механисты сами идут к крайнему субъективизму.

Таким образом относительность свойств механисты превратили в абсолют и в противоположность метафизике средневековья свели свойства к внешним отношениям бескачественных частиц между собою (первичные свойства) и к нашим органам чувств (вторичные свойства). Этим самым была открыта широкая дорога в тупик релятивизма и субъективно-идеалистической поповщины.

Дальнейшее развитие общественной практики уже в рамках капитализма поставило новую познавательную задачу. Необходимо было преодолеть ограниченность механицизма для того, чтобы открыть путь к изучению качественно-своеобразных форм движения в природе и в обществе. Развитие физики, химии, биологии и общественных наук требовало новых методологических установок. Проблемы, которые поставил, но не разрешил механицизм, нужно было решить на новых путях. В тяжелых муках наука начала рождать диалектический метод.

Но только в идеологии пролетариата, только в работах Маркса, Энгельса, Ленина познание вышло на широкую дорогу сознательной и последовательной разработки диалектического материализма. В частности только на этом новом этапе проблема качества и свойства, поставленная, но не решенная метафизическими системами прошлого, получила свое действительное разрешение.

КАЧЕСТВО И САМОДВИЖЕНИЕ МАТЕРИИ

Уже к началу XIX в. было смешно видеть в мастерской ремесленника, в мастерстве ручного труда — образец господства человека над силами природы, как его рассматривал в XVII в. Декарт. Развитие капитализма принесло с собой коренной переворот во всей производственной деятельности общества.

«Менее чем во сто лет своего господства буржуазия создала более могущественные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения, вместе взятые. Подчинение сил природы, машины, применение химии к земледелию и промышленности, пароходы, железные дороги, электрический телеграф, распашка целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, как бы из земли выросшие, поселения... в каком из предшествующих столетий можно было предполагать, что подобные производительные силы дремлют в недрах общественного труда?»[1]

Мечта зарождающейся буржуазии о подчинении природы, об использовании «сил огня, воды, воздуха и т. д.» (Декарт) в значительной степени осуществилась. Однако, как это часто бывает, осуществление оказалось совсем не похожим на замысел. Новый мир, открывшийся человеку в его производственной деятельности, имел весьма мало общего с декартовской бескрасочной картиной механической природы.

Применение двигателей столкнуло человека с процессом превращения форм энергии — тепловой, электрической, механической, химической и т. д. — и доказало на практике, что движение вовсе не так механически однообразно, как представляли себе механисты. Развитие химии и химического производства еще более обнаружило многообразие природы. Активное изменение животных и растений в сельском хозяйстве и выросшая на этой основе теория Дарвина показали без всяких мистических «жизненных сил» средневековья, что живой организм — не машина, что жизнедеятельность вовсе не исчерпывается механическими закономерностями. Движение больших общественных групп, все более дифференцировавшихся по мере развития и утверждения буржуазного способа производства и выступавших все более явственно действительными субъектами общественного процесса, обнаруживали несостоятельность тех метафизических теорий, которые пытались «свести» свойства общества, как целого, к отношениям составляющих его человеческих индивидуумов.

Мир оказался гораздо более живым и гораздо более много-

[1] Маркс и Энгельс. Коммунистический манифест.

образным, чем думали механисты XVII и XVIII вв. и их последователи.

Чем более глубокие изменения мы вызываем в вещах, тем глубже наше познание проникает в их внутреннюю природу. Переделка природы в производстве вовсе не является внешним воздействием человека на пассивную инертную материю. Если в работе ремесленника еще преобладает внешняя механическая обработка материала, то главный успех индустриализации заключается в гораздо большем, чем раньше, приведении в действие собственных сил природы.

«Он (рабочий) пользуется механическими, физическими, химическими свойствами тел для того, чтобы в соответствии со своей целью заставить их, как силы, действовать на другие тела». [1]

Линия развития производства при капитализме состоит именно в том, что капиталист стремится все больше заменить труд рабочего движениями самих материальных вещей, самих мертвых средств производства. «Разум столь же хитер, как и мощен, — писал Гегель. — Хитрость заключается вообще в той посредствующей деятельности, которая заставляет предметы в соответствии с их собственной природой воздействовать друг на друга и подвергаться взаимной обработке, причем она непосредственно не вмешивается в этот процесс, тем не менее достигает таким способом осуществления только своей цели». [2] Что при капитализме выступает как основной способ производства относительной прибавочной стоимости и потому осуществляется стихийно и в конечном счете, то в период пролетарской диктатуры и при социализме является сознательным руководящим принципом всего общества, раскрепощающего себя от роли живого придатка к мертвой машине.

Противопоставляя плотину течению реки, мы заставляем последнюю производить электрический ток. Энергия падающей воды, химическая энергия твердого и жидкого топлива перевозят нас в трамвае и авто, приводят в движение фабричные станки. Автоматизация и механизация производства означает все большее использование человеком сил самой природы.

Все в мире находится в механическом движении — говорил Декарт. При этом он думал, что источник движения заключается в силах, механически толкающих вещь извне. Более развитая практика материального производства и классовой борьбы делает очевидной активность самих вещей, вскрывает

---

[1] Маркс. Капитал, т. I, гл. V.
[2] Гегель. Собр. соч., т. I, § 209.

источник изменения в них самих, обнаруживает их *самодвижение.*

Принцип самодвижения материи, как мы знаем из предыдущей главы, является одним из основных принципов последовательного материализма, одним из основных положений диалектической теории развития. Открытие этого принципа и доказательство его по всей линии науки и практики ставит совершенно по-новому задачу познания и переделки действительности. Изменение вещей вовсе не заключается в комбинировании одного и того же в различных вариантах и пропорциях, как думали средневековые искатели золота и как думают алхимические «лекари современного капитализма», и не в простом изменении внешних отношений вещей, как думали и думают механисты.

При изучении вещи в ее изменениях, как и при изменении ее в нашей практической деятельности, мы должны исходить из нее же самой.

«Сама вещь в ее отношениях, в ее развитии должна быть рассматриваема» — писал Ленин, формулируя первый из трех основных элементов диалектики. Более подробно этот же тезис Ленин развернул в следующих трех пунктах: 1) объективность рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама по себе); 2) вся совокупность многоразличных отношений этой вещи к другим; 3) развитие этой вещи (или явления), ее собственное движение, ее собственная жизнь . . .». [1]

Революционная практика пролетариата в противоположность утопическому социализму является широким применением и развитием этого принципа. Всякий утопизм метафизичен. Утописты, стремясь переделать общество, исходят не из его собственного развития, не из тех движущих сил, которые создаются самим капиталистическим строем, а из «хорошего» плана, который совершенно случайно для общества был придуман в один прекрасный день гениальным человеком. Для осуществления своих планов утописты обращались к представителям дворянского и буржуазного государства и к отдельным членам эксплоататорских классов, рассчитывая вызвать в них те чувства, которые совсем не вытекают из их объективного классового положения.

Метафизичность и идеализм подхода, отрыв от движения объективной действительности сделали утопические попытки бессильными и смешными.

«Объективный мир» «идет своим собственным путем» и практика человека, имея перед собой этот объективный мир,

[1] Ленинский сборник IX, стр. 275.

встречает затруднения в осуществлении цели, даже натыкается на невозможность...»[1]

При этом «воля человека, его практика сама препятствует достижению своей цели... тем, что отделяет себя от познания и не признает внешней действительности за истинно сущее (за объективную истину). Необходимо соединение *познания и практики*».[2]

Для того чтобы наша деятельность не была безрезультатной, она должна включиться в движение самого предмета. Только познавая предмет в его самодвижении, мы можем найти исходную точку для его изменения.

В этом заключается революционная сила теоретических исследований Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Огромный действенный размах, который содержат указания т. Сталина, вовсе не заключается, как думают некоторые «левые» крикуны, во внешнем противопоставлении революционной активности объективным условиям действительности. Тов. Сталин всегда исходит из диалектического изучения условий, из правильного учета новой обстановки, соотношения классовых сил. И именно потому его выступления так беспощадно разоблачают капитулянтов и открывают перед партией и всей трудящейся массой широкий простор для применения революционной творческой энергии.

Герои «левой» фразы проявляют утопический подход к действительности. В 1927 г. ЦК партии, намечая перспективы революционного движения в ближайшие годы и основываясь между прочим на цифровых показателях роста мирового капиталистического производства, отметил ту полосу относительной стабилизации капитализма, которая окончательно исчерпала себя в наши дни. Тов. Зиновьев с большим пренебрежением отозвался об этом подходе. Нужно учитывать *не* количество добываемого угля и железа, *а* настроение рабочих — говорил он.

Закрывая глаза на объективный факт стабилизации капитализма, т. Зиновьев поддерживал германских ультра-«левых», которые звали к непосредственным революционным действиям, хотя для них в то время не было достаточных предпосылок. Между тем призывать массы на баррикады можно только тогда, когда налицо непосредственная революционная ситуация, т. е. крайняя степень экономического и политического кризиса старого строя.

«Революцию нельзя «сделать»... революции *вырастают* из

---

[1] Ленинский сборник IX, стр. 261.

[2] Там же, стр. 265

объективно (независимо от воли партии и классов) назревших кризисов и переломов истории».[1]

Конечно без организованной активности революционного класса революция не сделается, «старое правительство» не упадет, «если его не уронят».[2] Вся история складывается из деятельности людей, но эта деятельность способна к революционному изменению действительности лишь потому, что она выражает самодвижение общественного строя, развитие самой объективной действительности. Во всей практике пролетариата, во всех больших и «малых» делах его, находит применение и подтверждение ленинская мысль: в познании и действии нужна «объективность рассмотрения... не примеры, не отступления, а вещь сама по себе»; в познании и в действии раскрывается «развитие этой вещи... ее собственное движение, ее собственная жизнь».

Раскрытие активности вещей, их самодвижения доказывает, что вещи вовсе не неподвижны и устойчивы, как думают метафизики и как кажется подчас в житейском опыте.

«Мир состоит не из готовых законченных *предметов*, а представляет собой совокупность *процессов*, в которой предметы, кажущиеся неизменными... находятся в беспрерывном изменении: то возникают, то уничтожаются».[3]

В природе нет неизменных вещей, она вся состоит из процессов. На первый взгляд эта мысль кажется странной и вызывает целый ряд сомнений. Как согласовать эту формулу Энгельса с повседневным опытом, в котором мы имеем дело с устойчивыми и в течение известного времени неизменными предметами? Если все так абсолютно изменчиво и текуче, как можем мы находить в мире какие-либо определенные устойчивые различия? Если нет устойчивости, нет и определенности ни в чем. Так и есть, — скажет субъективный идеалист, — всякая определенность условна, она привносится нашим сознанием в поток ощущений. Мы условились различать комплексы ощущений различным образом, но всякие различия и всякая определенность существуют лишь в сознании.

Механист Сарабьянов рассуждает точно так же. Из абсолютной текучести и изменчивости он выводит условность и субъективность всякой определенности: «Наша относительность абсолютна, ибо все течет и изменяется, «нет точки покоя иной», как обусловленной нами, и нас конечно релятивизмом не запугаешь». Храбрый Сарабьянов не боится абсолютного

---

[1] Ленин. Крах II Интернационала.
[2] Там же.
[3] Энгельс. Л. Фейербах, гл. IV.

релятивизма и идет прямехонько к идеалистическим выводам, — всякий покой, всякая устойчивость «обусловлены нами», т. е. субъектом, а следовательно субъективны и всякие различия. И живой человек, и труп, и смерть — суть процессы. В них самих нет никакой устойчивости, различить их можно только условно, только привнося определенность из субъекта. «В практике своей человечество условилось понимать под живым человеком существо с такими-то процессами, а под трупом с этакими».[1] «Сама смерть есть условное понятие» — писал Сарабьянов в другой статье.

Все эти высказывания Сарабьянова непосредственно связаны с его отрицанием объективной истины и представляют собой несомненный субъективный идеализм, но не перегибаем ли мы сами палку, признавая все процессом, не льем ли мы воду на идеалистическую мельницу абсолютного релятивизма? Нисколько. Все эти сарабьяновские субъективистские выводы вытекают из чисто метафизического подхода к пониманию того, в чем заключается устойчивость вещей.

Качественные различия между твердым, жидким и газообразным состояниями вещества вполне определенны, но эта определенность не есть устойчивость мертвого покоя, как думают метафизики, а устойчивость типов движения, определенность различных форм движения молекул.

Молекулы в свою очередь состоят из еще более мелких частиц — атомов, которые также движутся, а атомы состоят из постоянно движущихся электронов. А по новейшей теории сами электроны являются узловыми точками особых волновых процессов, сходных с теми, которые передают нам концерты по радио, и с теми, которые мы называем светом. Оказывается, в основе устойчивых вещей находятся текучие волновые процессы. Совершенно ясно, что наука не остановится на этом, исследование материи «вглубь» будет продолжаться дальше. Но нет сомнения, что открытие каждой новой качественно своеобразной ступени материи, будет, как и до сих пор, открытием новой формы движения.

Что такое движение? Механист, как мы знаем, скажет, что движение есть перемещение тела в пространстве и что объективно существуют только механические перемещения. На основании всего изложенного выше мы никак не можем согласиться с этим взглядом. Борьба за овладение самодвижением сил природы и общественное самодвижение, протекающее на высших ступенях общественного развития в форме ожесточен-

[1] Статья Сарабьянова в журнале «Под знаменем марксизма», 1925 г., № 12, стр. 192.

ной борьбы классов, раскрыли познанию целый ряд качественно своеобразных типов движения, в ряду которых механическое движение является лишь простейшей формой

«Всякое движение заключает в себе механическое движение и перемещение больших или мельчайших частей материи; познать эти механические движения является *первой* задачей науки, однако лишь первой. Само же механическое движение вовсе не исчерпывает движения вообще. Движение вовсе не есть простое перемещение, простое изменение места, в надмеханических областях оно является также и изменением качества». [1]

«Движение в применении к материи — это *изменение вообще*», [2] которое включает в себя бесконечное множество конкретных видов изменения.

Движение молекул в твердом, жидком и газообразном телах вовсе не сводится к простому их перемещению, это движение есть теплота, которая имеет свои качественно особые закономерности. Соединение и разъединение атомов в молекулы есть качественно своеобразный химический процесс. Движение электронов в металлической проволоке дает нам электрический ток. Волновые процессы в эфире — это электромагнитные колебания, и т. д.

Жизнедеятельность организма, развитие общества, мышление человека — все это качественно своеобразные процессы, которые никак нельзя свести к простому перемещению частиц.

Однако не следует думать, что все формы движения существуют независимо одна от другой и только внешне соприкасаются, наоборот они взаимно проникают друг в друга. «Каждая из высших форм движения связана всегда необходимым образом с реальным механическим (внешним или молекулярным) движением, подобно тому как высшие формы движения производят одновременно и другие виды движения; химическое действие невозможно без изменения температуры и электричества, органическая жизнь невозможна без механических, молекулярных, химических, термических, электрических и т. п. изменений. Но наличие этих побочных форм не исчерпывает существа главной формы в каждом случае». [3]

Гарвей открыл перемещение крови, кровеобращение. Это было для своего времени весьма важным открытием. Без перемещения крови, без сокращения мускулов животное не может

---

[1] Энгельс. «Анти-Дюринг». Собр. соч., т. XIV, стр. 349.
[2] Энгельс. Диалектика природы. Собр. соч., т. XIV, стр. 408.
[3] Там же, стр. 408

существовать, дыхание и пищеварение включают в себя целый ряд химических превращений. Но не во всем этом заключается специфическая определенность организма, его качество. Характерным для организма движением является непрестанный обмен веществ — единство сгорания, распадения живого существа и его восстановления, синтезирования питательных веществ в живую ткань. На основе этого процесса происходят все прочие своеобразные для организма процессы — рост, борьба с болезнетворными началами, размножение и т. д. Биологические изменения включают в себя прочие виды движения, эти последние являются «побочными формами» в жизнедеятельности организма.

В сплетении ряда своеобразных процессов всегда есть определенный род движения, который охватывает все прочие движения, подчиняя их себе, является характерным для вещи в целом, составляет ее определенность, ее отличие от других вещей, образует основу ее устойчивости.

Животное умрет, т. е. перестанет быть животным, превратится в кучу гниющих белков, если мы, прервав его дыхание, хоть на короткое время остановим обмен веществ. Организм есть качественно своеобразный *процесс*, без этого процесса — нет организма. Точно также и различные формы общества являются живыми, текучими и качественно своеобразными процессами. Диктатура пролетариата существует только в процессе классовой борьбы, в процессе строительства социализма, в процессе уничтожения классов. Ее устойчивость, ее качественная определенность как раз и заключается в определенной форме борьбы классов. «Диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы в новых формах» — писал Ленин. Эта форма движения — все обостряющаяся в процессе уничтожения классов борьба — составляет неотъемлемую определенность советского строя.

Процесс социалистической индустриализации есть форма борьбы как с внутренними, так и с внешними классовыми врагами. Этого не поняли правые оппортунисты. Испугавшись трудностей реконструктивного периода, они предлагали итти к затуханию классовой борьбы, к смягчению нажима на кулака, к ослаблению руководства средним крестьянством, к замедлению темпов индустриализации. Если бы партия послушалась правых оппортунистов, если бы рабочий класс прекратил свою борьбу против эксплоататорских классов и перестал руководить крестьянством, — диктатура пролетариата перестала бы быть диктатурой пролетариата, в нашей стране восстановился бы капитализм.

Нельзя остановить движение материи. Приостановив или за-

медлив социалистическое наступление, мы неминуемо вызываем к жизни рост и переход в наступление капиталистических элементов. Прервав его в одной форме, мы вызываем другую. Правые оппортунисты не поняли этой диалектики движения и стали рупором кулацкого сопротивления, их линия объективно играла контрреволюционную роль.

Итак, в начале параграфа мы установили, что каждой вещи внутренне присуще определенное движение. В последующем изложении мы сделали еще один весьма существенный вывод: движение вещи, ее самодвижение, определяет ее внутреннюю природу, есть ее специфическая определенность, есть ее *качество*. Прав был Энгельс: мир состоит из процессов, из качественно своеобразных движений материи. *Качество вещи есть определенность составляющего ее основу рода движения.*

Это положение материалистической диалектики имеет огромное значение для теории познания, для всего мировоззрения в целом. Оно не оставляет места для таинственных свойств и сил, изолированных и неизменных, оно опровергает представление о мире, как о мертвом механизме.

Вопреки метафизике свойств, качества материальных вещей лишены всякой таинственности. Мы имеем возможность изучать их как вполне определенные, точно различимые формы движения.

Вопреки механистам, многообразие и жизненность существуют не только в нашем субъективном представлении, материя своим собственным движением создает бесчисленные оттенки качественных различий. И как бы богато и многогранно ни было наше представление о ней, копия действительного мира в нашем сознании всегда будет неизмеримо абстрактнее, беднее, мертвеннее, чем действительная жизнь материальной природы.

Механисты в борьбе с метафизикой свойств правильно указывали на ненаучность представления о мире, как о совокупности независимых друг от друга качеств. Но они сами не поняли, в чем заключается единство материи. Они искали единство мира в тождестве частиц, в том, что материя якобы везде и всегда одинакова. На деле такое «единство» приводит к разрыву природы на внешние, равнодушные друг другу частицы. Действительное единство мира — в материальности всех его качественно различных форм, в их постоянном исчезновении и возникновении. Человек, простейшее животное и неорганическое вещество — это качественно различные ступени одной и той же лестницы материального развития.

Единство мира существует в многообразии. Общая связь осуществляется через качественные различия отдельных ве-

щей. Эта диалектика общего и отдельного, единства и многообразия оказалась недоступной для механистов. А именно в ней — ключ к раскрытию отношений и связей в природе, основа правильного понимания взаимной связи качеств.

СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ КАЧЕСТВ И ВСЕОБЩАЯ СВЯЗЬ ВЕЩЕЙ

Качество есть неотъемлемая и специфическая определенность процесса. Неотъемлемая — т. е. такая, без которой вещь перестает существовать, как данная вещь. Специфическая — т. е. такая, которая отличает эту вещь от всех других.

Возникает вопрос, в чем заключается эта определенность, каким образом мы можем дать определение данного качества?

Мольер не зря смеялся над средневековыми мудрецами. Их определения «усыпительного действия» через «усыпительную силу», а «усыпительной силы» через «усыпительность» действительно крайне бессодержательны и смешны. Но в чем заключается корень ошибки средневековых ученых? В том, что они хотели найти определение изолированного, вырванного из всякой связи качества. Попробуйте определить какое-либо качество, не упоминая ни о каком другом, не подразумевая хотя бы скрыто его соотношения с чем-либо другим, и вы неизбежно почувствуете, что попали в положение осмеянного Мольером «мудреца».

Познать качество вещи можно только отличая ее от других вещей. Таким образом в самой категории качества содержится соотношение с чем-то другим, отличие от этого другого. Нельзя определить вещь без указания ее отличий, нельзя сказать, чем является данное качество, не указав хотя бы скрытым намеком на то, чем оно не является.

Озеро характеризуется некоторым качеством, суша есть другое качество. Но в определение озера мы включим и то, что оно окружено со всех сторон сушей.

Если человек высказывает свои взгляды по какому-нибудь вопросу, он не может выразить того, что он утверждает, не указав на то, с чем он не согласен, что он отрицает.

Во всяком определении качества вещи утверждение и отрицание неразрывно связаны друг с другом. Один из величайших материалистов, Спиноза, выразил эту мысль следующим кратким изречением: «Всякое определение есть отрицание». Ибо всякое познание одного качества неразрывно связано с его ограничением другими качествами, тем, чем данное качество *не* является, — с отрицанием. И Гегель, и Маркс, и Ленин неоднократно подчеркивали правильность этой мысли.

Итак, определение должно включать в себя указание различающего отношения данного качества к другому. Однако это совсем не так легко, как может показаться на первый взгляд. В самом деле, на свете существует бесконечно много вещей, от которых отличается данная вещь. Но ведь не станем мы попросту перечислять все эти различия. Совершенно ясно, что они далеко не равноценны для данной вещи, и их простое перечисление ничего, кроме путаницы, дать не может.

В чем же заключается путь к раскрытию качественной определенности объективных процессов, путь к наиболее полному и цельному их выражению?

Ленин, намечая первые шаги к раскрытию качественной определенности каждой отдельной вещи, предлагал исходить из любого простейшего суждения. «Жучка есть собака», капитализм есть общественная формация, планета есть элемент солнечной системы, пролетариат есть класс капиталистического общества, отдельное есть общее,—вот с чего мы должны начать. Каждое качество своей особенностью, в своем своеобразии, есть часть чего-то общего и содержит его в себе. Вопреки механистическому представлению, каждая вещь, каждый отдельный элемент целого вовсе не тождественен со всем прочим. Каждая вещь качественно своеобразна, но в этом качественном своеобразии она выражает целое, содержит в себе общее.

Жучка в своих индивидуальных особенностях выражает общие черты собаки вообще. Планета в своих особых движениях выражает общую связь солнечной системы. Капитализм именно в своей специфической определенности выражает общие законы развития общества, противоречивое единство производительных сил и производственных отношений.

Таким образом единство общего и отдельного не внешне, обе стороны взаимно проникают друг в друга. Это единство противоположностей мы видим *в самом отдельном*, — «*отдельное* есть общее. Значит противоположности тождественны» «Всякое отдельное есть так или иначе общее».

И в то же время отдельное как часть, как отдельная сторона целого, выражает общее неполно, односторонне. В этом заключается внутреннее противоречие каждой отдельной вещи. Выражая общий закон всякого способа производства в особом качестве, капитализм способствует развитию производительных сил, но в то же время в его качественной особенности заключается его ограниченность: на определенной ступени развития сохранение собственности на средства производства становится тормозом для развития производительных сил. Капитализм сыграл определенную историческую роль в развитии общества. Но для того чтобы понять эту историческую роль,

мы должны соотнести его целому, найти его связь со всей линией общественного развития. Вот почему Маркс, приступая к изложению теории капиталистического способа производства, вслед за главой о превращении денег в капитал дает всеобщую характеристику труда и производства.

Планета в своем движении выражает связь всей солнечной системы, но ее движение только одна сторона, которая вне целого невозможна.

Но общее само существует через отдельное. Каждое из последних неполно и односторонне. При этом неполнота одной стороны восполняется другой неполнотой, другой односторонностью. Будучи противоположны друг другу, они в то же время друг друга предполагают, восполняют друг друга, являются неразрывными полюсами единого целого.

Итак, в силу своей противоречивости, своей внутренней неполноты отдельные качества не могут существовать изолированно, они предполагают другие противоположные качественные определенности и существуют только в единстве с ними. Планета существует как планета только потому, что есть солнце, вокруг которого она вращается. Хищные животные существуют только при наличии травоядных. Животные вообще могут существовать лишь потому, что существуют растения, зеленые листья которых под влиянием солнечных лучей превращают неорганические вещества в органические. В свою очередь животные, выдыхая углекислый газ, необходимый для синтезирования органических веществ, дают растениям пищу.

Капиталист является капиталистом лишь потому, что капитализм воспроизводит не только их, но и пролетариев, людей, которым нечего продавать, кроме своей рабочей силы. И обратно — рабочий класс как класс угнетенных и эксплоатируемых существует лишь потому, что ему противостоят эксплоататоры-капиталисты. Реки текут потому, что происходит испарение воды, которая в виде осадков низвергается, обусловливая непрестанное течение рек.

«Отдельное бытие (предмет, явление и т. д.) есть (лишь) *одна сторона* идеи (истины). Для истины нужны еще другие стороны *действительности*, которые тоже лишь кажутся самостоятельными и отдельными (особо для себя существующими). *Лишь в их совокупности и в их отношении* реализуется истина».[1] Так писал Ленин, материалистически перерабатывая идеалистическую диалектику Гегеля (отсюда, между прочим, упоминание об идее).

Отдельное бытие, вещь, характеризующаяся определенным

[1] Ленинский сборник IX, стр. 227.

качеством, лишь кажется совершенно самостоятельной. На этой кажимости основываются всякие метафизические системы. Диалектика разоблачает эту кажимость, вскрывая глубокую связь отдельных вещей, доказывая относительность и взаимное проникновение различных качеств.

Однако не приходим ли мы к тому же абсолютному релятивизму, который мы обнаружили в метафизике механицизма? Нисколько. «Далектика, — как разъяснял еще Гегель, — *включает в себя* момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но не *сводится* к релятивизму».[1] Механисты *сводят* свойства к отношениям, и притом к отношениям внешним. Для них нет объективной основы отношений, и потому качественная определенность вещей тонет для них во всеобщей относительности, в полной неопределенности и неустойчивости отдельных явлений. Единственным «выходом» для них является путь к идеализму, к внесению в мир определенности из субъекта, из субъективной «точки зрения». Диалектический материализм свободен от этих трудностей. Диалектика исходит из внутренней определенности вещи, как основы ее отношения к другому. Для диалектики отношение качеств друг к другу не внешнее, случайное для них отношение, оно вытекает из их внутренней природы и является выражением объективно существующего целого, которое охватывает и то и другое качество.

Другое, к которому относится качество данной вещи, не есть то, к чему оно по своей внутренней природе «равнодушно», не есть внешнее, независимое от него «другое», а его собственная противоположность, *его* другое.

Для животных, которые все прямо или косвенно питаются растениями, существование последних совсем не безразлично. Планеты предполагают солнце, капиталисты — пролетариат.

Взаимное определение и взаимное исключение качественно различных вещей и явлений имеет место не только при их одновременном существовании, но также и тогда, когда одно существует после другого и наличие одного исключает наличие другого. Социализм создается из внутренне-необходимого крушения капитализма. Обе системы исключают друг друга, и лишь временно, в ожесточенной борьбе, могут сосуществовать. Но в своем развитии они связаны друг с другом, — капитализм подготовляет революционный переход к социализму, возникновение социалистического общества с внутренней необходимостью вытекает из непримиримых противоречий капиталистической системы. Сама непримиримая ненависть капиталистов к Советскому Союзу, как и наша непримиримая ненависть

[1] Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, гл. II, § 5.

к буржуазному обществу, свидетельствуют достаточно ясно. что эти системы не абсолютно внешни, не «равнодушны» друг к другу. Социализм есть противоположность капитализма, и в этом смысле мы можем сказать, что социализм есть «другое» капиталистической системы. Капитализм соотнесен социализму, как своей собственной противоположности, как необходимой, его сменяющей ступени, общественной формации. Социализм соотнесен капитализму, как предшествующей ступени общественного развития. Мы ничего не поймем ни в капитализме, ни в социализме, если не будем иметь в виду их взаимного отношения, отношения непримиримой борьбы в которой выражается их историческая преемственность и связь.

Итак, с различных сторон мы стремились показать, что отношения вещей вытекают из их внутренней природы. Нет изолированных качеств вещей, в своем существовании и развитии каждое качество предполагает ряд других.

Эта мысль, как и всякая относительная истина, превращалась метафизиками в абсолют и тем самым в источник заблуждений. в исходную точку грубейшей, поповщины.

Немецкий философ XVII—XVIII вв. Лейбниц в своих философских исследованиях натолкнулся на проблему взаимной связи качеств. По существу в истории философии он был первым, отчетливо поставившим эту проблему. Лейбниц находился под значительным влиянием механистической точки зрения, и в то же время он стремился преодолеть ее ограниченность на основе широко развернутой системы объективного идеализма.

Механистическую теорию относительности свойств он понял глубже, чем кто-либо другой, и развил ее до крайних пределов. Каждая вещь, каждая единица мира (как он говорил — «монада») во всем своем содержании есть не что иное, как отражение всех остальных вещей. Все вещи , все свойства существуют только в отношениях. Все, чем характеризуется каждая вещь, есть результат ее отношений с другими вещами. Все вещи, все понятия обладают лишь рефлективными соотносительными определениями.

Но если каждая монада есть *только* отражение всех монад, то откуда берется то, что отражается? Точка зрения рефлективных определений, превращенная в абсолют, приводит к утверждению, что все на свете есть отражение без того, что отражается, отношение без того, что относится. Один из историков философии охарактеризовал это мировоззрение следующим сравнением: в комнате нет ничего, кроме множества зеркал, которые сплошь покрывают стены, пол и потолок; все зеркала отражаются друг в друге, но совершено ясно, что никакого

определенного образа не отразится ни в одном из них. Мир, в котором нет ничего, кроме чистых рефлективных отношений, пуст и бессодержателен, как эти зеркала.

Чтобы избежать пустоты абсолютной соотносительности Лейбниц наделил соотносящиеся монады собственной активностью и внутренним качественным своеобразием.

Лейбниц решил далее, что если различные и самостоятельные качества так удивительно согласуются друг с другом, то нет сомнений, — мир есть наилучшим образом устроенная, абсолютно гармоническая система, созданная абсолютно точным механиком. Каждая монада есть как бы отдельные часы, и все они на разные лады отбивают всегда одно и то же время. Согласованность вещей между собой есть заранее установленная согласованность, есть в них «предустановленная гармония». Только поэтому возможно, что каждая отдельная монада сама в себе, в своем качественном своеобразии является отражением мира всех монад в целом. Все согласовано, все предусмотрено наилучшим образом. Все к лучшему в этом лучшем из возможных миров.

Лейбниц жил в ту «счастливую» пору, когда торговый капитал вступил в блок с помещичьим государством, в «счастливый» век абсолютной монархии. В эту эпоху капиталист и помещик сделали то великое открытие, что феодальный грабеж и торговое надувательство отлично согласуются друг с другом в системе первоначального капиталистического накопления, и что вся материальная и умственная культура дворянства может находиться в единстве с еще не развернувшейся культурой капитализма. Лейбниц был идеологом этого «счастливого» века, и ему сквозь розовые очки «стабилизированной» абсолютной монархии весь мир казался устроенным специально для того, чтобы общество сиятельных принцесс, богатеющих буржуа и королевских академий благополучно процветало.

Но нетрудно убедиться, что в действительной связи качеств нет никакой «предустановленной гармонии».

Вопреки лейбницианской метафизике, не существует вечных качеств, качественно своеобразные вещи являются лишь преходящими формами единой развивающейся материи. А если это так, если качества возникают и уничтожаются в едином процессе развития материального мира, то что же удивительного в том, что они внутренне связаны между собой? И не нужно никакой «предустановленной гармонии» для того, чтобы понять их внутреннюю связь в единстве солнечной системы. Они «лишь кажутся самостоятельными и отдельными, особо для себя существующими» (Ленин), а в действительности они

существуют как результат «раздвоения единого», каждая как противоположность другой.

Точно также после Дарвина мы не удивляемся внутренне-необходимым соотношениям органического мира. Как указывал Дарвин, специализация организмов в различных направлениях, возникновение качественных различий между ними было одним из необходимых условий их выживания. «Раздвоение единого» в процессе развития привело и здесь к возникновению самостоятельных существ, которые внутренне связаны друг с другом и каждое в отношении другого есть *его* другое.

Дифференциация неразвитого целого, возникновение различий между качествами в процессе раздвоения единого происходит и в общественном развитии. Возникновение классов, поляризация в превращении простого товарного хозяйства в капиталистическое (например дифференциация крестьянства), противоположность отдельных общественных укладов — во всех этих примерах мы видим все то же «имманентное *происхождение* различий — внутреннюю объективную логику эволюции и борьбы различий полярности». [1]

Итак, в соотносительности качеств нет ничего предустановленного, нет никакой готовой, заранее данной согласованности, соотносительность качеств есть продукт никогда не прекращающегося материального развития.

Однако связь вещей чужда не только «предустановленности», но весьма далека и от «гармонии». Соотносительность качеств не есть продукт спокойного примирения крайностей, она возникает в ожесточенной борьбе противоречий, она существует лишь в вечном возникновении и уничтожении. Она возникает из несоответствия, из борьбы и, возникнув, превращается в свою собственную противоположность, в источник новых противоречий и нового разрыва. «Разум становится безумием, благодеяние превращается в несчастье» (Гёте).

Соответствие никогда не осуществляется полностью, оно всегда бывает лишь одной из противоречивых тенденций.

О мирной гармонии могут мечтать только «„человеки в футлярах“, забывающие, что „соответствия“ не будет никогда, что его не может быть в развитии общества, как и в развитии природы, что только путем ряда попыток, из которых каждая, отдельно взятая, будет односторонняя, будет страдать известным несоответствием, — создается победоносный социализм из революционного сотрудничества пролетариев *всех* стран». [2]

---

[1] Ленинский сборник IX, стр. 49.

[2] Ленин. О продовольственном налоге, Собр. соч., т. XXVI, стр. 329.

Абсолютного соответствия «не может быть в развитии общества, как и в развитии природы». Диалектически мыслящие биологи отлично знают, как важно учитывать не только соответствие организма и среды, но и их несоответствие. Во взаимном противоречивом проникновении соответствия и несоответствия совершается развитие органического мира.

Итак, различные качества внутренне связаны друг с другом, однако их соотносительность вечно изменчива и глубоко противоречива. В действительном развитии, которое отрицают сторонники «предустановленной гармонии», соответствие и несоответствие переплетаются между собой, и нет никакой устойчивой гармонии в отношении отдельных вещей.

«Мир состоит не из готовых законченных предметов» (Энгельс), материя находится в непрестанном развитии. При этом изменчивы и преходящи не только отдельные предметы,— с их изменениями неразрывно связана смена их общих взаимных отношений. Не только отдельные животные, но и целые виды животных возникают и уничтожаются. Весь мир животных и растений возник в определенное время и нашел границу своего дальнейшего стихийного биологического развития в образовании человеческого общества. В обществе изменение общественных формаций происходит через изменение людей и их отношений.

Внутренние противоречия развития пронизывают как общее, так и отдельное. Переделка отдельных вещей в процессе завязывания новых связей, в процессе становления нового «общего» есть в то же время процесс ломки старых связей, процесс уничтожения старого «общего». Колхозник *еще* крестьянин, но в то же время он *уже* является членом предприятия социалистического типа. Связи старого еще не все разорваны, и уже завязаны решающие отношения нового типа. Через развертывание новых социалистических отношений в деревне происходит ломка старых частнособственнических связей и тем самым переделка крестьянина в труженика социалистического общества. Соотносительные друг другу качества мелкого буржуа сменяются новыми качествами социалистических работников. И пока этот процесс не завершился, крестьянин-колхозник переживает глубокие внутренние противоречия. В свою очередь завершение построения социализма выдвинет новые задачи, дали, поставит на очередь завязывание новых отношений, и через их развертывание люди вновь будут переделывать самих себя.

Единство общего и отдельного относительно, их противоречие абсолютно, как абсолютно движение и развитие. Вот почему всегда и во всем «всякое общее лишь приблизительно

охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее». Всегда и во всем вечное развитие материи, вечная смена ее общих ступеней развития идет через глубокие противоречия каждой отдельной вещи.

«Всякая конкретная вещь, всякое конкретное нечто стоит в различных и часто противоречивых отношениях ко всему остальному, ergo (следовательно) бывает самим собой и другим».[1]

Буржуазному мышлению понимание этих противоречий в большинстве случаев недоступно и чтобы справиться с ними, буржуазные ученые пользуются двумя формальными метафизическими способами. Они или признают только застывшее, само себе равное общее — и под него стремятся подогнать все отдельные вещи, или объявляют, что все абсолютно изменчиво и относительно, и общие связи являются фикциями, условными допущениями нашего ума. Против теории Маркса они особенно часто выдвигают второй субъективно-идеалистический довод. Общий закон стоимости никогда не проявляется в чистом виде в соотношении отдельных товаров на рынке. На этом основании буржуазные экономисты и социал-фашистские теоретики объявляют закон стоимости субъективной фикцией. В одном из писем к оппортунисту-кантианцу Конраду Шмидту Энгельс разъяснял действительную диалектику общего закона и его частных проявлений.

Энгельс спрашивал Конрада Шмидта: «Разве феодализм отвечал когда-нибудь своей идее?... Неужели же феодальный строй был фикцией оттого, что полного совершенства он достиг только в Палестине на короткое время и то (по большей части) на бумаге. Или господствующие в естественных науках идеи тоже фикции оттого, что они далеко не всегда совпадают с действительностью? С того момента, когда мы приняли эволюционную теорию, все наши идеи об органической жизни только приблизительно соответствуют действительности. Иначе не было бы развития. В тот день, когда идея и действительность в органическом мире совпадут друг с другом вполне, в тот день — конец развитию. Идея «рыбы» включает жизнь в воде и дыхание жабрами. Как вы перейдете от рыбы к земноводному, не сломав этой идеи? И она была сломана, и мы знаем ряд рыб, у которых воздушный пузырь развился далее в легкие и которые могут вдыхать воздух. Как мы можем перейти от кладущего яйца пресмыкающегося к млекопитающему, родящему живых детенышей, не приведя одной из обеих идей столкновения с действительностью? И на самом деле, в однопроходных у нас имеется подкласс кладущих яйца млекопитающих.

[1] Ленинский сборник IX, стр. 123.

Я в 1843 г. видел в Манчестере яйца утконоса и в своей высокомерной ограниченности издевался над глупостью, что будто млекопитающее может класть яйца, а теперь это доказано».[1]

В своем развитии мир бесконечно многообразен. Старые связи переплетаются с новыми не только в процессе возникновения нового. Даже и после того, когда новый тип отношений более или менее установился, старое продолжает очень часто существовать *рядом* с новым, как другого рода общее.

Возникновение животных и растений вовсе не уничтожило неорганической природы, из которой возникла жизнь организмов. Больше того, само существование животных и растений предполагает определенную неорганическую среду — горы и равнины, реки и моря, определенный род почвы, атмосферу и т. д. Точно также и человеческое общество нуждается в определенной географической среде.

Всякое общее представляет собой также только часть более широких связей и находится с другими общими во внутренне-необходимом соотношении. Таким образом все отношения вещей представляют собою чрезвычайно сложную и пеструю сеть. Ленин в отрывке «К вопросу о диалектике» как раз и подчеркивает эту сложность: «Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого *рода* отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.».

Ленин таким образом отмечает два типа отношений между вещами: отношение внутри данного общего и отношение к вещам другого рода.

Капиталист эксплоатирует рабочих, это отношение вытекает из внутренней природы капиталиста, как общественного явления, и есть отношение внутри общественного целого. И тот же капиталист может заболеть заразной болезнью. Его отношение к той бактерии, которая вызвала заболевание, также не является чисто внешним отношением, — биологические черты человека, хотя и изменяются в общественной жизни, все же создают внутреннюю основу для заразного заболевания. Но если мы сравним эти два отношения, мы увидим, что одно из них является относительно внешним по сравнению с другим. Связь мистера Моргана и его рабочих — связь органическая и непосредственная, связь мистера Моргана и туберкулезной палочки, которая вызвала у него волчанку (при всей зловредности их обоих для человечества), есть весьма и весьма отдаленная.

Нет абсолютно внешних друг другу вещей, но существуют вещи и события, «внутренняя взаимная связь которых на-

[1] Энгельс. Письма изд. 1923 г., стр. 349—350.

столько отдаленна или настолько трудно определима, что мы можем забыть о ней, считать, что ее не существует».[1]

Итак, в борьбе с механистическим сведением всех связей к внешним отношениям мы подчеркивали, что отношения вещей вытекают из их внутренней природы. И в то же время, вопреки сторонникам «предустановленной гармонии», мы не должны забывать того, что взаимная соотносительность качеств бесконечно многообразна, глубоко противоречива и совсем не абсолютна.

Единое развитие материи совершается через отдельные вещи. Их относительная самостоятельность и устойчивость в развитии, противоречия и борьба, которые присущи им внутренне и проявляются в их взаимных отношениях. — все это разрушает идеалистическую легенду об абсолютно стройной гармонии природы. Так Энгельс отмечал, что при всем единстве развития всегда остается «хаотическое соединение предметов природы в какой-нибудь определенной области или даже на всей земле...»[2]

Нет абсолютно внешних вещей, но нет и абсолютного их соответствия. В живом развитии относительно-внешнее и относительно-внутреннее переплетаются между собой, переходят друг в друга, обусловливают друг друга и создают живую связь всего со всем в едином потоке развития материи. Формулируя один из элементов диалектики, Ленин писал: «Отношения каждой вещи (явление и т. д.) не только многоразличны, но и всеобщи, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс и т. д.) связаны с *каждой*».[3] В развитии осуществляется «связь (всех частей) бесконечного прогресса»,[4] «необходимая связь всего мира... взаимоопределяющая связь всего».[5]

В последующих главах — о сущности и явлении, о случайности и необходимости — мы рассмотрим более подробно диалектику этой всеобщей связи, а пока, чтобы подвести некоторые итоги, напомним одно весьма существенное ленинское указание.

Чтобы вскрыть качество пищи, выразить ее внутреннюю определенность, мы должны рассматривать ее во всесторонней связи. Но различные отношения вещи к другим мы должны соединять в познании и действии не произвольно, не внешне, не случайно, а на основе ее собственного развития, ее само-

---

[1] Энгельс. Письмо к Блоху
[2] Он же. Диалектика природы, Собр. соч., т. XIV, стр. 504
[3] Ленинский сборник IX, стр. 277
[4] Там же, стр. 75.
[5] Там же, стр. 63.

движения. В самодвижении предмета «меняется ... *связь* его с окружающим миром». Вскрывая линию этого изменения, мы обнаруживаем действительное качество пищи, находим присущую ей форму движения.

Ленин в дискуссии о профсоюзах в 1921 г. прежде всего указывал на многосторонность определенности профсоюзов на бесчисленные отношения, которые связывают профсоюзы с другими элементами диктатуры пролетариата.

Но в противоположность Бухарину и Троцкому Ленин рассматривал особые функции профсоюзов «в той связи, которая ведет к общему», т. е. ко всей системе диктатуры пролетариата в целом, вскрывая соотносительность всех элементов этой системы.

Надо «правильно решить политический вопрос о «тенденциях в области профдвижения», о соотношении классов, о соотношении политики и экономики, *о специфических ролях государства, партии и профсоюзов*, — «школы» и «аппарата» и т. п.».[1]

Профсоюзы существуют не изолированно, а лишь в соотношении с другими организациями рабочего класса — партией, государством, местными государственными и хозяйственными организациями, широкой рабочей массой и т. д. В этих соотношениях и проявляется многогранность роли профсоюзов: и защита трудящихся от бюрократических извращений, и производственная роль в смысле производственной пропаганды, и втягивание масс в управление производством, и поднятие политической сознательности рабочих и т. д.

Но вся эта многосторонность и соотносительность роли профсоюзов вовсе не означают, что можно по-разному понимать их роль в зависимости от различных субъективных «точек зрения». При всей многосторонности предмета «решение может быть одно и только одно».[2] Во всех различных функциях профсоюзов, в изменении этих функций на различных этапах мы видим проявление одной линии развития — движение к коммунизму, линию на «сращивание» *в конечном счете* со всеми другими организациями рабочего класса, линию на подтягивание отсталых масс до уровня «непосредственно правящего авангарда», линию на все большее втягивание рабочих в управление. В этой линии развития и вскрывается единая качественно своеобразная определенность профсоюзов — быть школой коммунизма.

Итак, как указывал Ленин, диалектическая логика требует

---

[1] Ленинский сборник IX, стр. 139. (Подчеркнуто нами. *Авторы*).
[2] Там же, стр. 139.

рассмотрения всех связей предмета в единстве развития. Нет изменений изолированных вещей. Оторванная от связи, категория самодвижения недостаточна для определения вещи, точно так же как и абстрактное положение о всеобщей связи оторванное от материального развития, ведет лишь к метафизике и абсолютному релятивизму.

«... Всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом единства мира, природы, движения, материи и т. д.».[1]

Этого единства самодвижения и всеобщей связи не поняли ни механисты, ни меньшевиствующие идеалисты. Для первых всякие изменения сводятся к изменению внешних отношений, и потому по существу они отрицают развитие.

Меньшевиствующие идеалисты сводят все развитие к внутреннему самодвижению вещей, обходя всеобщую связь процессов. Перекрещивание с внешним для них — случайная помеха развитию. Эта тенденция проявилась например в их понимании биологического развития, — все развитие вида было сведено к внутренним изменениям организма, независимым от окружающей среды. Таким образом и механисты и меньшевиствующие идеалисты сходятся в одном — и те и другие не поняли, что не существует абсолютно внешних связей, что развитие с внутренней необходимостью идет через отношение к другому, что отношения к другому вытекают из внутренней природы каждой вещи.

Только это единство самодвижения и всеобщей связи дает нам ключ к единству качества и свойства.

ДИАЛЕКТИКА КАЧЕСТВА И СВОЙСТВА

Для метафизики свойств качество и свойство попросту тождественны друг другу. Свойство есть самостоятельное качество. самостоятельная сила, способность и т. д. И вещь есть внешнее соединение этих самостоятельных свойств.

Для механицизма свойство есть отношение одной вещи к другой, притом отношение внешнее, не вытекающее из ее внутренней природы.

В действительности нет самостоятельных изолированных качеств, качество существует в отношении, и эти отношения с внутренней необходимостью вытекают из своеобразной природы каждой вещи. В результате своих противоречий вещь *должна* существовать в связи с другими, и ее свойства

[1] Ленинский сборник XII, стр. 187.

суть не что иное, как проявления ее качества в отношении к другим вещам.

«Качество есть свойство прежде всего и преимущественно в том смысле, поскольку оно обнаруживает себя во внешнем отношении как имманентное определение». [1]

Обладающие хлорофиллом растения не могут существовать без солнечного света, и их внутренняя качественная определенность проявляется в свойстве поглощать энергию солнечных лучей. Река не существует вне берегов и обладает свойством изменять их очертания, подмывая берега в одних условиях, образуя отмели в других. Каждый химический элемент предполагает существование других элементов, и его химические свойства обнаруживаются в его различных отношениях к различным элементам, — к одним он нейтрален, с другими соединяется в бурной реакции. Человек есть существо общественное, и его качество, его классовое «нутро» и характер обнаруживаются в его действиях, в его отношениях к другим людям и вещам.

Нет материи без движения, а формы движения не существуют изолированно, всякое качество обнаруживает себя в своем действии, в своей активности, которая проявляется в его связи с другим. Определяя предмет естественных наук, Энгельс писал: «*Диалектика естествознания:* предмет — движущееся вещество. Различные формы и виды самого вещества можно опять-таки познавать через движения; только в движении обнаруживаются свойства тела; о теле, которое не находится в движении, нечего сказать. Следовательно из форм движения вытекают свойства движущихся тел». [2]

Как видим, Энгельс различает качество и свойство лишь как две стороны одной и той же определенности процесса. Качество и свойство связаны неразрывно. Между тем и теория первичных и вторичных свойств, и иероглифическая теория, и кантовский агностицизм в своей основе содержат разрыв этих двух категорий. В познании — говорят агностики — мы имеем дело не с самой вещью, не «с вещью в себе», а только с ее отношением к нашему восприятию. По теории иероглифов «вещь в себе» познается только в условных знаках наших ощущений. По мнению Канта «вещь в себе» абсолютно непознаваема, мы знаем лишь «вещь для нас», лишь явление, которое ничего общего с вещью само по себе не имеет. Как указывал еще Гегель, кантовская «вещь в себе» есть пустая абстракция, о которой ничего нельзя сказать только потому, что, отрывая

[1] Гегель. Наука логики, т. I, стр. 54.
[2] Энгельс. Диалектика природы, Собр. соч., т. XIV, стр. 393

ее от отношений, от ее «бытия для другого», мы сами разрушаем мост к ее познанию. В своем Конспекте гегелевской логики Ленин писал по этому поводу следующие: «Кажется мудростью изречение, что мы не знаем, что такое вещи в себе. Вещь в себе есть абстракция от всякого определения (от всякого отношения к другому), т. е. ничто... Это очень глубоко: вещь в себе и ее превращение вещь для других... Вещь в себе *вообще* есть пустая безжизненная абстракция. В жизни, в движении все и вся *бывает* как в себе, так и для других, в отношении к *другому*, превращаясь из одного состояния в другое».[1]

Однако, — скажет нам на это все тот же неугомонный агностик, — откуда вы знаете о внутренней определенности вещи? В опыте нам даны только ее внешние проявления, только ее свойства, и все познание сводится к описанию отдельных субъективных преломленных свойств. Мы видим свет и различаем цвета, потому что обладаем органом зрения; мы слышим звуки, потому что обладаем органом слуха; мы ощущаем запахи, потому что у нас есть орган обоняния; мы различаем шероховатую или гладкую поверхность, потому что у нас есть чувство осязания. Качественные различия между ощущениями создаются не различиями в вещах в себе, а различиями наших органов чувств.

Отвечая агностику, мы согласимся, что каждое отдельное ощущение весьма односторонне и ограниченно, но мы напомним ему, что познание вовсе не довольствуется отдельными ощущениями, а постоянно связывает их, вскрывая тем самым единство свойств объективно существующей вещи. При этом легко заметить, что различные органы чувств дают нам совсем не абсолютно различные показания. Органы чувств связаны, координированы друг с другом, между ними есть известное единство, и они до некоторой степени дополняют друг друга, так как они сами являются историческим продуктом общественной практики, в которой общество имело дело с цельным, многосторонним предметом. Например: «.... осязание и зрение так дополняют друг друга, что мы часто можем предсказать на основании вида какой-нибудь вещи ее тактильные свойства. Наконец всегда одно и то же «я» воспринимает в себе и перерабатывает все эти различные чувственные впечатления, собирая их в единство; точно так же эти различные впечатления доставляются одной и той же вещью, «являясь» *общими* свойствами ее и давая таким образом возможность познать ее. Следовательно задача объяснить эти различные, доступные лишь

[1] Ленинский сборник IX, стр. 67.

различным органам чувств свойства, установить между ними связь является задачей науки...»[1]

Но агностик недоволен и этим. Во-первых — скажет он — мы не знаем, принадлежат ли все эти свойства одной вещи, как вы утверждаете, или различным вещам, а во-вторых — вы все же не идете дальше внешних свойств, внешних отношений вещи к сознанию.

Агностик исходит из той предпосылки, что вещи в себе по своей внутренней природе абсолютно чужды сознанию, и потому, по его мнению, от свойств, от отношений вещи к ее внутренней структуре никакого моста нет.

В этой предпосылке как раз и заключается основной порок всех агностических сомнений. В самом деле, если бы вещи были абсолютно нам чужды, между нами и объективным миром вообще не могло бы установиться *никакой* связи, *никакого* контакта. Как мы выяснили выше, отношения между вещами возможны вообще только потому, что они хоть в каком-либо отношении обладают внутренним родством. Если бы вещи, согласно мнению агностика, были абсолютно внешни человеку, мы не могли бы получать от них абсолютно никаких ощущений.

В действительности мы ощущаем потому, что и познаваемые нами вещи и мы сами принадлежим не двум совершенно различным «субстанциям», а являемся частями одного и того же мира, продуктами и ступенями одного и того же процесса материального развития. В многовековой истории животного мира и развития человеческого общества формировались и совершенствовались наши органы чувств, развивалась наша способность познания объективного мира. И это непосредственное единство природы и человека осуществляется каждый день и каждый час в нашей практической деятельности.

«Мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что мы сами его вызываем, порождаем его из его условий и заставляем служить нашим целям. Таким образом кантовской «вещи самой в себе» приходит конец».[2]

Совершенно ясно, что вызывать явления природы мы можем лишь постольку, поскольку мы сами включены в ее общую связь и поскольку наша деятельность является лишь особой формой материального движения.

«Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью обусловливает и контролирует обмен

---

[1] Энгельс. «Анти-Дюрингу», Собр. соч., т. XIV, стр. 353.
[2] Энгельс. Людвиг Л. Фейербах, Собр. соч., XIV, стр. 645.

веществ между собой и природой. *Веществу природы он сам противостоит как сила природы».*[1] В этом воздействии на природу человек изменяется и сам, развивая полученные им от природы способности и силы, и направляет их для осуществления сознательно поставленных целей.

Своим трудом мы создаем новые вещи с новыми свойствами. «Труд соединился с предметом труда. Он овеществился, а предмет подвергся обработке» (Маркс). Когда мы пассивно воспринимаем внешний мир, движение вещи дает нам знать о себе через свойства, которые, как ощущения, отражаются в нашем сознании, но объективной основы которых мы не знаем. Но в процессе производства наша деятельность выступает как форма движения, производящая новую вещь с новыми свойствами. «То, что для рабочего представлялось в форме движения, теперь со стороны продукта является установившимся свойством в форме бытия. Рабочий прял, и продукт есть пряжа».[2]

Так в процессе материального производства и классовой борьбы, направленных на изменение «природных» вещей и общественных отношений, раскрывается объективная диалектика качества и свойства.

В теоретическом познании, в научной догадке мы идем от свойств к лежащей в их основе форме движения, но это возможно только потому, что в практике — в промышленности, в эксперименте, в классовой борьбе — мы идем обратным путем: создавая нашей деятельностью определенные формы движения, мы приходим к новым свойствам. Коренная переделка вещей позволяет нам взглянуть на мир изнутри, раскрывает перед нами лежащее в основе вещей противоречивое движение и тем самым создает основу и критерий познания. В нашей практике мы сами осуществляем развитие материи, сами творим объективную действительность.

«Деятельность цели направлена... на то, чтобы посредством уничтожения определенных (сторон, черт, явлений) *внешнего* мира *дать себе реальность в форме внешней действительности».*[3] Таким образом в практической деятельности «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его».[4]

В этом творчестве мы имеем такое тесное взаимное проникновение человека и вне его существующей объективной дей-

---

[1] Маркс. Капитал, т. I, гл. V. (Подчеркнуто нами. *Авторы*).
[2] Маркс. Капитал, т. I, гл. V
[3] Ленинский сборник IX, стр. 261.
[4] Там же, стр. 257

ствительности, такое непосредственное их единство, которое в самом корне опровергает агностицизм и растущую из него поповщину. Вскрывая и развивая связь человека с объективным миром, практика открывает путь к более глубокому познанию природы вещей, ко все более полному раскрытию внутренней определенности вещи в ее свойствах, ко все более многостороннему превращению «вещи в себе», в «вещь для нас». Непроходимая и таинственная пропасть между «вещью в себе» и нашим сознанием существует лишь в воображении кантианцев, сторонников теории иероглифов, механистов и т. д.

И первоначальные поверхностные чувственные впечатления, и самые точные научные понятия являются отображениями действительных вещей, их копиями, хотя копиями различной степени точности и глубины.

Вещь имеет бесконечное множество свойств. В каждом свойстве выражается какая-то одна сторона предмета. Всех сторон мы не исчерпаем никогда, но уже в простейших зрительных, слуховых и т. д. восприятиях даны не иероглифы вещи, даны не субъективные вторичные свойства, а отражение ее с какой-то определенной стороны. На основе практики мы познаем все больше и больше свойств, все больше и больше сторон и, вскрывая их внутреннее единство, познаем все глубже качественную определенность процессов.

Итак, мы познаем качество вещи через ее свойства. Многообразие свойств, многообразие сторон, в которых вещь связана прямо или косвенно со всеми другими вещами, неисчерпаема, бесконечна. Будучи в связи со всем, каждая отдельная вещь по существу так же бесконечна в своей многосторонности, как и весь мир в целом. Хорошую формулировку этой мысли дал немецкий философ рабочий Дицген, и Ленин с одобрением цитировал ее: «Мы можем лишь относительно (релятивно) познавать природу и части ее; ибо всякая часть, хотя она является лишь относительной частью природы, имеет все же природу абсолютного, природу природного целого — самого по себе, неисчерпываемого познанием...»[1]

В чем заключается различие свойств по их существенности? Для субъективистов такой объективной разницы нет. По их мнению, из множества отдельных свойств мы произвольно выбираем те, которые нам более интересны и важны, а другие оставляем без внимания. Совершенно ясно, что такая постановка вопроса возможна только при полном отрыве от действительной материальной практики. Для пустого «созерцателя» природы, для поверхностного потребительского подхода

[1] Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, гл. II, § 5.

к вещам объективная существенность свойств действительно не играет никакой роли. Буржуазный дачник восхищается голубым цветом васильков, и ему нет дела до их более существенных вредительских свойств. Но для глубокого практического изменения вещи самые «интересные» свойства суть те, которые объективно наиболее существенны. «Введение практики в определение предмета», о котором говорил Ленин, ведет не к произвольному отбору свойств, а как раз наоборот — требует объективных критериев их существенности и несущественности.

Для того чтобы перерабатывать дерево в бумагу, строить из него дома, тесать шпалы, получать продукты его перегонки и т. д., нам недостаточно знать цвет его коры и слышать поэтический шелест его листьев, — надо знать объективно наиболее существенные свойства древесины. И т. д. и т. п.

В чем же заключается объективный критерий существенности свойств? Как мы уже знаем, вещи в своих качественных определенностях в большей или меньшей мере связаны между собой. Отношение качества к другим, обнаружение свойств вещи вытекает из внутренних противоречий ее качества. Отдельные вещи не самостоятельны, они нуждаются для своего существования в других вещах. Связь вещей существует в их различии, их единство осуществляется через противоположность и борьбу. Чем теснее их связь, и в то же время чем острее их противоположность, тем более существенны и характерны их взаимные отношения, тем более существенные их свойства обнаруживаются в этих отношениях.

Эксплоататорская природа капиталистов выражается во всем — и в их хищническом отношении к природным богатствам, и в ограниченности их интересов к искусству, и даже в их подчеркнутом стремлении отличить себя модным костюмом. Но наиболее существенно их отношение к рабочим.

Во всех повадках хищного животного вскрывается его качественная определенность, но наиболее существенные свойства кошки проявляются в ловле мышей

Кислота имеет много свойств, но наиболее существенным является ее способность соединяться со щелочью или металлом, образуя соль. Одним словом, наиболее существенные свойства — те, которые вещь проявляет в отношении к «своему другому», к своей противоположности. Вещи, имеющие мало общего между собой, по большей части «равнодушны» друг к другу. Никто не станет испытывать механика, играя с ним в шахматы. Точно так же мало даст его испытание на работающей без перебоев машине. Свои существенные свойства механик может показать на отношении «к своему другу» — к ма-

ницс, и притом, если налаживание ее поставит перед ним значительные трудности. Наиболее характерные свойства химического элемента обнаруживаются в отношении к другому химическому элементу, к вещи того же рода — металла к металлоиду и обратно.

Химия начала нового времени отказалась от алхимических изолированных свойств и перешла к исследованию химических свойств в их разнообразных отношениях. При этом она пережила период ятрохимии, когда химики испытывали свойства веществ на отношении их к живому организму. Этим методом было достигнуто очень много, но более существенные свойства химических веществ были открыты лишь после того, как химия перешла к сравнению самих химических элементов между собою, к изучению их взаимного «сродства».

Итак, мы выяснили, что более существенные свойства вещи проявляются в ее отношении к противоположной вещи того же рода, к противоположному элементу того же общего, к противоположной стороне того же более широкого целого.

А это положение наталкивает нас на еще один весьма немаловажный вывод. В самом деле, в чем проявляются существенные черты самого общего? Мы знаем, что общее существует лишь в отдельном и через отдельное, целое существует лишь в единстве своих противоположных сторон. А если это так, то совершенно ясно, что в отношении противоположных сторон и частей проявляется специфическая определенность целого. Его существенные свойства выражаются в единстве существенных свойств его противоположных сторон. Мы начинаем познание с относительно внешних, менее существенных свойств и от них идем к раскрытию внутренних отношений вещи, в которых выражаются ее более существенные свойства.

Каждое качество расчленено, каждое содержит в себе целый ряд подчиненных качественных различий. Следовательно каждое качество содержит в себе ряд внутренних отношений. Именно в них наиболее полно и отчетливо выступают внутренние противоречия качества и следовательно в них выражаются его наиболее существенные свойства.

Пока исследование общества шло по линии его относительно внешних связей, познание общественных явлений было весьма шатким и поверхностным. Надо было определить специфическую сферу общественных явлений, научиться сравнивать различные процессы в пределах одного и того же целого. Но для решения этой задачи необходимо было найти противоположные стороны общества, выразить его специфику в единстве противоположных полюсов. Без этого буржуазные ученые должны были довольствоваться описанием самых поверхностных

свойств общественной жизни. Одни из них считали существенным свойством общественного человека стремление к подражанию, другие — половые отношения, третьи — стремление к накоплению и т. д. Пишутся целые социологические трактаты о всяких бытовых мелочах, возведенных на степень существенных социальных явлений. Действительную дорогу к пониманию общественных свойств открывает подход к обществу, как к целому, путем различения его противоположных сторон, его противоположных качеств. И чем глубже становилось понимание этого единства противоположностей, тем более существенные свойства могла открывать наука. Маркс вскрыл внутренние противоречия в развитии способа производства, показал внутреннюю связь противоположных классов и на этой основе развернул изучение свойств общества и общественных явлений, как никто до него.

Итак, вопреки механистам, свойства нельзя сводить к внешним отношениям вещей. Свойства выражают специфическую определенность, и наиболее существенные, наиболее характерные свойства эти — те, которые проявляются во внутренних отношениях связного целого. Империализм есть единая система. Ее наиболее существенные свойства проявляются в противоречивой связи монополии и конкуренции. Таким образом в бесчисленных отношениях вещи к другим вещам и в отношении ее собственных сторон проявляется все многообразие ее свойств и в них находит полное выражение ее качество.

Качество необходимо проявляется в свойствах, только через развертывание свойств оно может развиваться. «Бытие в себе» необходимо переходит «в бытие для другого». При этом совокупность свойств данной вещи вовсе не является чем-то застывшим и неизменным. В развертывании вещи как единого целого отдельные стороны неизбежно меняются, без того чтобы вещь изменила свою основную качественную определенность. «Хотя вещь существует лишь постольку, поскольку обладает свойствами, однако ее существование не связано с существованием тех или других определенных свойств, и она может потерять некоторые из них, не переставая быть тем, что она есть».[1] Не всякое изменение черты характера изменяет качество человека в целом. Но развертывание этого целого не может совершаться иначе, чем через изменение отдельных свойств.

Единство качества и свойств, как мы видели выше на многих примерах, есть противоречивое и текучее единство. Оно осуществляется не в неизменном покоящемся соотношении, а в непрестанном противоречивом развитии. И для того чтобы

[1] Гегель. Собр. соч., т. I, § 125.

понять это единство, нужно брать вещь не в ее отдельных состояниях, а во всей линии ее изменений. В чем же заключается эта линия развития, к чему ведет превращение «бытия в себе» в «бытие для другого»? Для механистов развертывание связей вещи с другими вещами есть выражение ее зависимости от всяких внешних обстоятельств. Чем больше развернуты отношения вещей, тем менее устойчивости и определенности в изменении каждой из них. Французские материалисты запутывались в сложной сети отношений, и каждая вещь казалась им игрушкой бесчисленных внешних причин. Причины изменения они искали во всем на свете, кроме самой изменяющейся вещи. Поражение английской революции некоторые из них пытались объяснять не собственным ее развертыванием, а песчинкой, которая попала в мочевой пузырь Кромвеля и вызвала его болезнь и смерть. Но эта ссылка на песчинку совершенно произвольна, — нельзя учесть всех «песчинок», нельзя сосчитать все «шальные атомы». И если каждое событие находится в абсолютной зависимости от внешних причин, то о ходе этого события нельзя знать ровно ничего.

Мы вовсе не сводим движение к внешним толчкам и свойства к внешним отношениям. Мы исходим из самодвижения вещи, и потому наше понимание бытия для другого прямо противоположно пониманию механиста. Вещь вовсе не является пассивной игрушкой внешних толчков. В своем самодвижении вещь обладает собственной активностью и через свойства проявляет ее.

«Например под свойствами трав разумеют определение... через которое они своеобразно *сохраняют себя* в отношении к другому, не допускают в себя положенных в нем влияний, но сами *заявляют* свои собственные определения к другому».[1] Вспомним примеры, которые мы приводили в начале параграфа,—они как раз и говорят об этой активной роли свойств.

Даже если мы сами воздействуем на вещь, и она при этом выступает по видимости пассивным объектом нашей деятельности, — даже при этом те свойства, которые она проявляет, суть выражение ее собственной активности, ее собственного качественного своеобразия. Обтачивая отлитую деталь машины, мы наталкиваемся на твердость металла; обрабатывая химически тот или иной материал, мы вызываем тем самым проявление его собственных химических свойств. Агроном, который пренебрежет активностью свойств возделываемых им растений или разводимых животных, никогда не добьется желаемых результатов. Трудности производства и отдельные не-

[1] Гегель. Наука логики, т. I, стр. 54.

удачи нашего воздействия на вещи доказывают лучше всяких рассуждений, что в развитии свойств, в своем «бытии для другого», вещи активно выражают свое качество. По сути дела в предмете можно вызвать только такое изменение, которое вытекает из его собственной природы. И если мы не внешне, не механически подойдем к воздействию на него, мы заставим его «в бытии для нас» выразить те свойства, которые нам нужны. Таким образом в решении проблемы свойств, как и во всем другом, мы должны исходить из самодвижения материи. А всякое самодвижение происходит на основе противоречий, — «бытие для другого» является одним из его проявлений. Через связь с другим вещь утверждает свою самостоятельность; воздействуя на другое, развертывает свою собственную определенность; в отношении к другому вещь в то же время относится к себе самой, изменяет самое себя.

Вскрывая диалектику развития общественного человека, Маркс писал: «Действуя на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти».[1] Нетрудно заметить, что в приведенном положении Маркс дает конкретную картину противоречивого развертывания качества через его отношения к другому. Способности, дремлющие в человеке, т. е. находящиеся в состоянии *бытия в себе*, развертываются через воздействие на природу — через *бытие для другого* — и становятся собственной активной силой человека. Развернутая качественная определенность человека, отраженная в его собственном сознании, превращается таким образом в его «бытие для себя».

Путь развертывания качества лежит через его многосторонние связи. Вот та линия развития, в которой качество и свойство выступают в своем неразрывном единстве.

Пролетариат, пока он не развернул своей борьбы против буржуазии, является классом в себе. Он существует в виде разрозненной массы рабочих, его качественная определенность как единого целостного класса со своеобразными свойствами и задачами еще не развита, еще не развернута. На этой ступени развития пролетариата рабочие идут на поводу у буржуазии, в борьбе этой последней с феодализмом. Путь консолидации, сплочения пролетариата, формирования его как особого класса проходит через организацию борьбы против эксплоататорских классов.

В этом отношении к своему «иному», и прежде всего к своему антагонисту, пролетариат развертывает свои свой-

[1] Маркс. Капитал, т. I, § 5.

ства. При этом он вначале обнаруживает поверхностные несущественные свойства, выражая свой протест стихийно и неорганизованно, выступая с отдельными малозначительными экономическими требованиями. Но чем больше он развертывает свое «бытие для другого», чем больше обостряется его противоположность капиталистам, тем глубже и шире проявляет он свои существенные свойства, свойства передового революционного класса. И когда он выделяет ведущий авангард, свою революционную партию, которая воспитывает в нем сознание его исторических задач и ведет борьбу против капиталистической системы в целом, — тогда пролетариат выступает как самостоятельная сила исторического развития, осознающая эту свою самостоятельность, становится классом «для себя».

Повторяем, через активное «бытие для другого» пролегает путь противоречивого развития всякого качества, полное развертывание данного качества есть крайнее обострение его внутренних противоречий.

Как мы выяснили, всякая отдельная качественно специфическая вещь обладает внутренним противоречием. С одной стороны она имеет природу целого, заключает в себе общее, с другой стороны она ограничена в своей специфичности. В силу этого противоречия она связана с другими вещами, соотносится с ними. Однако ее «бытие для другого», ее связь с ними отнюдь не разрешает ее внутренних противоречий. Наоборот, через отношение к другому качество развертывается и тем самым полнее обнаруживает свою ограниченность, свою конечность. Чем больше развит капиталистический способ производства, тем острее сказывается его ограниченность; чем более полно развит организм, тем ближе граница его жизни — смерть. С точки зрения механиста граница ставится качеству вещи извне, внешней силой, в действительности же граница внутренне присуща всякому качеству. Без границы нет качества, нет определенности, нет отличия одной вещи от другой. Но всякий конец есть начало чего-то нового, границей одного качества является другое качество.

Пролетариат в своей борьбе против капитализма превращается в класс для себя, но он тем самым стремится выйти за пределы капитализма, идет к уничтожению классов и следовательно намечает путь к уничтожению самого себя как особого класса. В полном развертывании качественной определенности пролетариата заключается его самоотрицание. И такова диалектика всякого качества, всего конечного. Конспектируя гегелевскую логику, Ленин в следующих выражениях определял диалектику конечного: «*Конечное* есть..., нечто

взятое с точки зрения его имманентной границы, — с точки зрения его противоречия с самим собой, каковое противоречие толкает его (это нечто) и выводит его дальше своих пределов...»[1]

Таким образом для себя бытие вещи есть ее переход в другое. Всякое качество, развив все свои возможности, находит свою границу, дав начало чему-то новому.

«Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. Во всем и на всем она видит печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед нею, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему».[2]

ПЕРЕХОД КОЛИЧЕСТВА В КАЧЕСТВО

Вещи и их связи весьма многосторонни, и познание определенных процессов не ограничивается раскрытием их качества. Прежде всего мы замечаем, что всякая вещь помимо качественной имеет *количественную определенность*. Вещь бывает большой или малой, движение быстрым или медленным, одна совокупность вещей может отличаться от другой числом своих элементов, их взаимным расположением, температура может быть высокой или низкой и т. д.

На первый взгляд количество и качество вещи совершенно не зависят друг от друга. Вещь может увеличиться или уменьшиться, оставаясь качественно той же. Вещи, различные по величине, могут иметь одну и ту же качественную определенность, и обратно — одна и та же количественная определенность может быть присуща качественно различным вещам. Громадный «Путиловец», как и самый мелкий наш завод являются социалистическими предприятиями, в то время как и мелкий завод и крупповский гигант в Германии являются предприятиями капиталистическими. Как видим, социалистическое или капиталистическое качество предприятия не зависит от его величины. Качество повидимому не зависит от количества.

При этом качество и количество коренным образом отличаются друг от друга. Если вещь изменяет свое основное качество, она перестает быть тем, чем была, превращается в нечто иное. Между тем от изменения количества вещь не перестает быть самой собой. Как говорил Гегель, количество, в противоположность качеству, является «равнодушной» определен-

[1] Ленинский сборник IX, стр. 69.
[2] Энгельс. Л. Фейербах, гл. I.

ностью предмета. Вот почему на первых шагах развития науки познание количества и качества вещей шло в значительной степени независимо друг от друга.

Уже на самой первобытной ступени развития общественный человек столкнулся с количественными различиями вещей, самая примитивная практика уже заставляла его считать и измерять. Учась на камешках и пальцах, первобытный дикарь подготовлял первые зачатки арифметики. И чем дальше шло развитие общества, тем все более было необходимо совершенствовать познание количества. Огромную роль в этом отношении сыграло возникновение частной собственности и развитие обмена. Расчетливость купца подготовляла возникновение арифметики, стерегущий свои межи владелец земли создавал исходную точку для развития геометрии. В древнем Египте и в Греции мы видим уже первые шаги математики как науки.

Однако и у греков и у развивавших математику дальше арабов изучение математических отношений было весьма мало связано с изучением отдельных вещей и их специфических свойств. Применение математики ограничивалось сравнительно узкой областью торговых расчетов, землемерия и астрономии. В свою очередь исследовавшим свойство вещей алхимикам качественная определенность казалась весьма несущественной стороной дела.

Они интересовались тем, *из каких* веществ и сил состоит данная вещь, и не ставили вопроса о том, *какие количества* веществ соединяются друг с другом. И нужно отметить, что они были по-своему правы, — применение точной количественной мерки к неопределенным и расплывчатым способностям и силам было совершенно невозможно. Для изучения количественной стороны вещей был нужен определенный уровень раскрытия их качеств.

Чем более точно и четко мы схватываем качественные различия, тем более имеем мы возможность открывать определенные количественные соотношения. Чем глубже мы раскрываем ту определенность, в которой заключается относительная устойчивость и самостоятельность вещи, тем более точно мы можем ее измерять.

Только тогда, когда химия перешла от неопределенных сил и способностей к выделению действительных химических элементов — кислорода, водорода и т. д. — и когда химические превращения были поняты как необходимые взаимодействия относительно устойчивых веществ, только тогда можно было поставить вопрос о том, какое количество каждого вещества входит в состав того и другого тела.

Открытие количественных различий оказалось весьма пло-

плодотворным для науки. Познание химических соединений было обогащено новой чрезвычайно существенной стороной. Наши знания стали более многообразны и точны, более многосторонний подход к предмету позволил разрешить целый ряд прежде не разрешимых вопросов. Например при одном только качественном исследовании химических превращений не во всех случаях было ясно, имеем ли мы дело с разложением или с соединением, с более простым или с более сложным веществом. Так химики долгое время считали окись железа простым элементом, а железо — результатом соединения окиси железа с флогистоном. Действительное отношение окиси железа и железа было найдено при помощи весов, путем применения количественной мерки к изучаемым процессам. Окись железа оказалась тяжелее, чем то железо, из которого оно образовалось, — окись железа оказалась соединением железа с кислородом. И таким же образом в связи качественного и количественного анализа за очень короткое время было открыто огромное большинство простых химических веществ.

То же соотношение количественного и качественного исследования мы видим в истории всякой науки. Только на определенной ступени познания качества становится возможным количественное изучение конкретных вещей.

Только после того как были установлены качества капитализма, мелкотоварного производства и т. д., оказалось возможным определить степень развития капитализма в той или другой стране, в зависимости от количества товаров, производимых на его предприятиях, от величины концентрации и централизации капитала, от удельного веса мелкой собственности, еще не уничтоженной в этой стране капиталистическим развитием. По мере выделения относительно устойчивых качеств из пестрой сети общественных взаимодействий применение статистики, исчисление различных общественных явлений делалось все более широким и плодотворным.

Вся история общественной практики показывает, что только на известной ступени развития познание количественной определенности начинает играть существенную роль в переделке вещей человеком. Поверхностное воздействие на отдельные стороны вещи не дает еще основы для точного количественного учета производимых изменений. Как мы знаем, отдельные свойства сами по себе неустойчивы и относительны. Используя их, мы можем в каждом данном случае ждать лишь приблизительного, лишь более или менее вероятного результата. И только в коренной всесторонней переделке вещей мы овладеваем ключом к их устойчивости и к их изменениям и можем точно определять границы вызываемых нами процессов. Овла-

дение качеством предмета в целом дает основу для учета количественной связи наших действий и получаемых результатов.

В обиходе мелкого производства и при узком круге общественных связей учет количественной определенности не играет большой роли. Крестьянин и мелкий ремесленник работают «на-глаз», без точных измерений. Развитие машинного производства требует более глубокого определения качества и делает необходимым точное измерение и применение математики в науке и в производстве. Современный инженер никак не может обойтись без весьма сложных математических вычислений. Для того чтобы дать конструкцию машины, недостаточно овладеть ее общей качественной характеристикой, надо уметь произвести точный количественный расчет всех ее деталей.

Крестьянин, знакомясь со свойствами почвы, довольствуется тем, что рассматривает ее и пробует на-ощупь, в то время как агроном, подвергнув ее химическому анализу, интересуется не только тем, из чего состоит эта почва, но и тем, какие количества того или другого вещества входят в ее состав. Химия различила в составе почвы ряд более или менее устойчивых элементов, поэтому оказывается возможным в каждом отдельном случае установить их количественное соотношение. В ограниченной практике крестьянина качественное изучение невозможно довести до такой высоты, а потому невозможно переходить к точному количественному измерению. Для этого нужны масштабы крупного научно организованного производства.

В плановом социалистическом хозяйстве точный количественный учет играет несравненно бо́льшую роль, чем при капитализме. Количественные индексы капиталистического производства и торговых оборотов обнаруживают голые факты, перед совокупностью которых капиталисты совершенно бессильны. Между тем для нас сухие цифры становятся живым руководством к действию, в них воплощаются боевые лозунги, из-за них происходит ожесточенная классовая борьба. Процент выполнения пятилетнего плана, количество засеянных гектаров, показатели производительности труда и т. д. — в этих цифрах мы измеряем наши успехи и намечаем объем стоящих перед нами задач. Чем шире и глубже социалистическая плановость охватывает производство, чем больше мы овладеваем своеобразным достижением каждой отрасли нашего хозяйства, тем бо́льшую роль приобретают точные количественные показатели.

Итак, на определенном этапе развития науки и практики преодолевается разрыв количественного и качественного иссле-

дования, намечается их более тесная связь, они начинают взаимно дополнять друг друга. Однако переход к этому новому этапу совершается не автоматически, не сам собой, — для перехода к изучению количественной определенности вещей познание должно проделать большую подготовительную работу.

«Для счета необходимы не только объекты счета, но также и способность при рассмотрении этих объектов отвлекаться от всех их свойств, кроме их числа, а эта способность — продукт долгого исторического эмпирического развития».[1]

Мы говорим: на данном заводе столько-то рабочих. Каждый рабочий имеет свои особые черты — нет двух людей абсолютно тождественных между собой. Но, выражая их общее число, мы отвлекаемся от их различий. Окись железа, само железо и кислород качественно отличаются друг от друга. Но мы, говоря об их относительных количествах, отвлекаемся от всех их различий, берем только их общую сторону, которая выражается в их весе.

Таким образом для количественного познания вещей мы должны во-первых знать их качественную определенность, так как без этого само сравнение было бы бессмысленным, во-вторых, мы должны найти то общее в их качественной определенности, что позволяет нам отвлечься от их различий.

Метафизика свойств именно потому и не давала почвы для количественного исследования, что в оторванных друг от друга способностях и силах нельзя было вскрыть их общих черт.

Как говорил Гегель, количество есть *безразличная определенность*. Для количественной характеристики вещей необходимо найти сторону их относительного «безразличия», их тождества, найти то общее между ними, которое не было бы для них чем-то случайным и несущественным и тем самым давало бы почву для определения количественных отношений, их качеств.

Стороной «безразличия», основой количественного сравнения химических элементов является их вес. Великий французский химик Лавуазье, который первый стал сознательно применять количественный подход к химическим явлениям, должен был прежде всего доказать правомерность сравнения элементов и их соединений по весу, и он сделал это открытием закона сохранения вещества: при всех химических превращениях вес участвующих элементов остается тождественным, «безразличным». Открытие Лавуазье опиралось на большую подготовительную работу механистического естествознания. Лавуазье жил в эпоху Великой французской революции, а два века пе-

[1] Энгельс. Анти-Дюринг. Собр. соч., т. XIV, стр. 39.

ред этим механицизм начала нового времени выдвинул против средневековой метафизики свойств задачу выделения общего, тождественного и, следовательно, измеримого во всех процессах природы.

Положительная историческая задача механицизма заключалась в том, чтобы сделать первые шаги к раскрытию простейших количественных отношений в самих вещах, создать мост между отвлеченной математикой и изучением конкретных процессов. Естествоиспытатели XVII в. выделили скорость, массу, объем, как те наиболее простые и общие всем физическим явлениям стороны, к которым можно применять количественный подход. Превращение этих сторон в единственные существенные свойства природы привело их к полному отрицанию качественных различий в природе, к чисто количественному взгляду на мир. Создание механики как науки было их огромной заслугой и в то же время источником механистической ограниченности. Открывая механические соотношения в природе, они утверждали, что никаких иных в ней нет.

«*Механика... знает только количество* — она оперирует скоростями и массами и, в лучшем случае, объемом. Там, где на пути у нее стоит качество, — как например в гидростатике и в аэростатике, — она не может перейти к удовлетворительным результатам, не вдаваясь в рассмотрение молекулярных состояний и молекулярного движения, — *она сама — только вспомогательная наука, предпосылка физики*».[1]

На основе этой предпосылки познание перешло к изучению качественно своеобразных физико-химических процессов в их количественной определенности. И тут обнаружилось, что «равнодушие», «безразличие» количества к качеству совсем не абсолютно — оно имеет свой предел. Изучение различных физических состояний вещества, своеобразных форм энергии — теплоты, электричества и т. д., образование качественно различных физических соединений,—все это обнаруживало внутреннюю связь количественных и качественных изменений. К началу XIX в. естествознание вплотную подошло к раскрытию этой связи. Гегель, хотя и в извращенной идеалистической форме, дал ей общее выражение, как одного из законов развития. Наконец в материалистической диалектике марксизма этот закон был вскрыт со всей отчетливостью, как один из основных законов объективного мира, познания и революционной практики.

Итак, количественные изменения на определенной ступени

---

[1] Энгельс. 2-е примечание к «Анти-Дюрингу», Собр. соч., т. XIV, стр. 349. (Подчеркнуто нами. *Авторы.*)

неизбежно ведут к изменению качества вещи. Твердое железо может быть нагрето больше или меньше и все же останется куском железа. Однако, достигнув определенной точки, нагревание приведет к тому, что кусок железа расплавится, перейдет в качественно новое состояние. Капиталистические предприятия, хотя и могут быть крупными и мелкими, все же имеют нижнюю и верхнюю границы своей величины. Для капитализма неосуществимо создание единой высоковольтной сети электропередач в масштабе целой страны, между как для социализма такая единая система распределения энергии является важнейшей технической основой. С другой стороны капиталистическое предприятие вовсе не может быть как угодно малым. «Не всякая произвольная сумма денег или стоимости может быть превращена в капитал... напротив, предпосылкой этого превращения является определенный минимум денег или меновых стоимостей в руках отдельного владельца денег или товаров».[1] В этом отношении — прибавляет дальше Маркс — каждый период развития и каждая отрасль промышленности имеют свою минимальную границу.

Почти всякий мелкий буржуа мечтает о том, чтобы превратиться в капиталиста. Но для того чтобы претерпеть такое *качественное* изменение, ему в большинстве случаев не хватает *количества* денег. Накопление денег, достигшее определенной границы, превращает мелкого буржуа в капиталиста, эксплоататора наемного труда, — количественное изменение приводит к изменению качества.

То же мы можем обнаружить на изменении любой вещи, любого явления. Всякая вещь, возникнув как качественно своеобразная, изменяется количественно. До известных пределов количественного изменения она остается качественно той же, но на определенной ступени изменение количества приводит к изменению качества, или, как говорил Гегель, «количество переходит в качество»: вместо прежнего качества появляется новое.

Переход количества в качество является одним из основных законов диалектики. Это — закон возникновения нового, закон развития, который показывает, как в ходе постепенных изменений подготовляется скачок от одного качества к другому. Для всякой теории, объясняющей возникновение того или иного нового, этот закон является одним из существеннейших методологических оснований.

Отрицая диалектику, буржуазные ученые, сами того не сознавая, под давлением фактического материала сплошь да рядом вынуждены основывать свои исследования на диалектиче-

[1] Маркс. Капитал, т. I, гл. IX.

ских принципах. Как отмечали Маркс и Энгельс, такое стихийное применение закона перехода количества в качество составило целую эпоху в истории химии. Как только эта наука перешла к систематическому изучению количественных соотношений элементов, перед ней тотчас же возник вопрос о связи количественных и качественных изменений в превращении вещества.

Знаменитый французский химик Лавуазье отметил, что каждое химическое соединение обладает определенным количественным соотношением своих элементов. Вокруг этого вопроса загорелась ожесточенная борьба. Многие химики доказывали, что «химические соединения существуют во всех возможных постоянно растущих отношениях» и что скачков, разрыва постепенности в химических процессах нет. Противники скачков ссылались на растворы и сплавы. Они не поняли различия между смесью, в которой никакого нового вещества не возникает, и действительным химическим соединением, в котором образуется качественно новое вещество. Простая смесь кислорода и водорода возможна в любых количественных соотношениях, но в образовании качественно нового тела — воды — эти два элемента участвуют только в определенной количественной пропорции. При этом между водой и другим соединением кислорода и водорода — перекисью водорода — вовсе нет промежуточных соединений, с постепенным изменением количественного соотношения. В образовании перекиси водорода участвует ровно вдвое большее относительное количество кислорода, чем в образовании воды. Не любое, а только это определенное количественное различие обусловливает различие качеств, скачок от одного химического соединения к другому.

В ожесточенной борьбе с точкой зрения чистой количественной постепенности учение о переходе количественных изменений в качественные развернулось в стройную химическую теорию. Раскрытие диалектической связи количества и качества позволило связать множество соединений в закономерные ряды. Разбирая один из таких рядов, Энгельс писал: «Здесь мы видим таким образом целый ряд качественно различных тел, образованных простым количественным прибавлением элементов, притом всегда в одном и том же отношении».[1] Маркс, применяя закон перехода количества в качество, в «Капитале» ссылался на эти успехи химии, подчеркивая тем самым всеобщее значение диалектических законов.

Совершенно ясно, однако, что в сознательной разработке и

[1] Энгельс. Анти-Дюринг, Собр. соч., т. XIV, стр. 127.

в применении диалектики марксистами содержание и значение разбираемого закона выступают с несравненно большей отчетливостью и полнотой, чем в самых передовых, но лишь стихийно диалектических достижениях буржуазного естествознания.

Наивысшей ступени разработка закона перехода количества в качество (как и всей диалектики в целом) достигла в ленинизме. Ленин с большей глубиной, чем кто-либо до него, показал конкретное жизненное проявление этого закона в ходе общественного развития и вскрыл его связь с другими законами диалектики.

Как неоднократно указывал Ленин, диалектика требует рассмотрения каждого исторического момента во всем его качественном своеобразии и в то же время в неразрывной исторической связи с предшествующей эпохой. Методологической основой для понимания этой исторической связи нового качества со старым является закон перехода количества в качество. Блестящий пример применения этого закона к изучению конкретного развития мы находим в ленинской теории империализма. На основе диалектического метода Ленин вскрыл своеобразие империалистической эпохи как продолжения, как качественно нового этапа развития капитализма.

Империализм как монополистический капитализм есть необходимый результат развития капитализма домонополистического. Из этой исторической связи, из предпосылок развития империализма и исходит Ленин в своем исследовании.

«Громадный рост промышленности и замечательно быстрый процесс сосредоточения производства во все более крупных предприятиях являются одной из наиболее характерных особенностей капитализма». [1]

Рост промышленности, *укрупнение* предприятий, все это — количественные изменения, присущие капитализму. Они и являются предпосылкой перехода капитализма на качественно новую стадию. «Концентрация на известной ступени ее развития сама собой подводит, можно сказать, вплотную к монополии». [2] Возникновение нового подготовляется постепенными изменениями старого. Однако это не означает, что и самый переход от старого к новому совершается постепенно. Между домонополистическим капитализмом и империализмом не просто количественная разница, — в империализме мы имеем качественно новую ступень капитализма, в известной степени противоположную старой. В империализме «некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противопо-

[1] Ленин. Империализм как высшая стадия капитализма, гл. I.
[2] Там же.

ложность».[1] «Свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной ступени своего развития ведет к монополии».[2] Свободная конкуренция, эта основная черта капитализма, и в новую эпоху продолжает существовать вместе с монополиями, но возникновение этих последних создает качественно новую ступень в развитии капиталистических противоречий. Противоречивое единство монополии и конкуренции лежит в основе качественного своеобразия империализма.

Переход к новому качеству происходит через борьбу, в которой на определенной ступени возникает перелом, решающий поворот, скачок. В основе всего процесса лежит борьба противоречивых тенденций, именно потому возникновение нового, переход старого качества в свою противоположность, происходит не как действие внешней посторонней силы, а в результате роста, количественного нарастания его же самого. Сама свободная конкуренция через противоречивый рост капитализма приводит к своей противоположности.

Враги диалектики, как и неумные, ложные ее «друзья», изображают диалектический метод как предвзятую схему, как отмычку, при помощи которой можно прямо «из головы» решить любую проблему, получить ответ на любой вопрос. Ленинское применение диалектических законов является блестящим опровержением этой грубой карикатуры на диалектический метод. Для Ленина законы диалектики — не предвзятая схема, а путь познания конкретных фактов, исходная точка для внимательного изучения объективной действительности в ее целостной исторической связи. «Чтобы дать читателю возможно более обоснованное представление об империализме», Ленин ссылался на огромное количество фактов. Количественные изменения капитализма для него не обстрактная философская фраза, а предмет подробного статистического изучения. Им «приводились подробнейшие статистические данные, позволяющие видеть, до какой именно степени вырос банковый капитал и т. д., в чем именно выразился переход количества в качество, переход развитого капитализма в империализм».[3]

И именно в силу этого конкретного углубленного подхода скачок для Ленина — не мгновенное автоматическое превращение, произошедшее в такой-то день и час, а целый период ожесточенной борьбы. Для Ленина важно определить не день и час «окончательного» превращения одного качества в другое, а содержание перелома (какое качество сменяется каким) и

[1] Ленин. Империализм как высшая стадия капитализма, гл. VII.
[2] Там же, гл. I.
[3] Там же, гл. VII.

конкретные этапы борьбы в переходе к новому качеству. «Нечего говорить конечно, — писал он далее, — что все грани в природе и обществе условны и подвижны, что было бы нелепо спорить, к какому году или десятилетию относится «окончательное установление империализма».[1] На основе огромной массы фактов ленинский анализ вскрывает основную линию развития капитализма — от свободной конкуренции к монополистическому загниванию, — и дает конкретную картину скачка. Достигнув предельной ступени своего развития, свободная конкуренция подводит к монополии. В ожесточенной борьбе через ряд частных переломных моментов совершается общий перелом в общественной жизни, скачок от домонополистического капитализма к империализму.

«Итак, вот основные итоги истории монополий: 1) 1800-е и 1870-е годы — высшая предельная ступень развития свободной конкуренции. Монополий лишь едва заметные зародыши; 2) после кризиса, после 1873 г. — широкая полоса развития картелей, но они еще не прочны. Они еще — переходящее явление; 3) подъем конца XIX в. и кризис 1900—1903 гг. — картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превратился в империализм».[2]

ПРОТИВОРЕЧИЯ ЭВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА КАК ПОДГОТОВКА СКАЧКА

Учение о скачках является одним из тех принципов диалектики, которые подвергались наибольшим нападкам и ревизионистов и откровенно буржуазных ученых. И вполне понятно почему: с вопросом о скачках неразрывно связан вопрос о социальной революции. Если все в природе и в обществе развивается путем решительных качественных изменений, путем скачков, то нужно признать, что и капитализм неизбежно и закономерно сменится другим общественным строем, путем скачка, который в условиях капитализма может быть только социалистической революцией. Эта перспектива очень мало улыбается капиталистам и их социал-фашистским защитникам. Стремясь доказать, что революционные изменения вперед вести не могут, что революция — это *болезнь* общества, вредная *ненормальность*, буржуазные ученые и политики защищают теорию чисто эволюционного развития. «Природа не делает скачков» — вот основная формула этой теории. Все развивается путем медленных непрерывных изменений; путем

---

[1] Ленин. Империализм как высшая стадия капитализма, гл. VII.
[2] Там же, гл. I.

увеличения, количественного роста одних сторон действительности и уменьшения других. В предыдущей главе мы уже знакомились с ленинской характеристикой этой «теории развития». Мы видели, что эта теория по сути дела отрицает всякое развитие «как возникновение нового», и не выходит за пределы метафизического мировоззрения.

В самом деле, если нет скачков, то нет и коренных качественных изменений, и все развитие сводится к количественным изменениям того, что существовало всегда. То, что раньше было незаметно-малым, теперь делается большим, а то, что было большим — уменьшается, но ничто новое, ни в каком виде не бывшее раньше, не может появиться.

Попытки провести этот взгляд встречаются во всех областях буржуазной науки. Мы приводили выше теорию Бертолле о чистой непрерывности, об абсолютной постепенности в образовании химических соединений. С этой точки зрения появление химически нового тела невозможно, — все сводится к механическому смешиванию отдельных элементов. Под давлением фактов большинство химиков оказалось от этих теорий, но до сих пор (книга Бертолле появилась в 1803 г.) отдельные буржуазные естествоиспытатели не прекращают попыток то в той, то в другой форме провести точку зрения чистой непрерывности химических соединений. В биологии самое последовательное применение эволюционной теории развития привело к так называемой «теории преформизма», предобразования. Как организм может возникнуть из зародыша? Только путем постепенных количественных изменений. Следовательно зародыш представляет собой тот же организм, только в свернутом, маленьком виде. Зародыш слона — маленький слон. Этот вывод совершенно не соответствует действительности, но наиболее последовательные преформисты не останавливались и на этом, они ставили новый вопрос: откуда возник самый зародыш? Рассуждая последовательно-эволюционистски, необходимо признать, что он существовал всегда, т. е. и тогда, когда его мать и предки вообще сами были зародышами. Так возникла так называемая «шкатулочная» теория, теория вложения зародышей: в зародыше любого животного содержатся в готовом виде, вложенными друг в друга, все бесчисленные поколения его потомков.

Эта «теория» была опровергнута больше ста лет тому назад. И тем не менее в настоящее время, когда борьба с революционной диалектикой становится особо необходимой для буржуазии, буржуазные ученые вновь возвращаются к этой теории. По методу средневековых алхимиков они разбивают организм на абсолютно независимые друг от друга свойства и

объявляют эти свойства извечно существующими. Все развитие животных и растений сводится таким образом к комбинированию и увеличению и уменьшению этих свойств. Все свойства высших животных уже содержатся в готовом, но в свернутом виде в простейших организмах. С некоторым усложнением это та же «шкатулочная» теория, та же метафизика чистой эволюции, отрицание возможностей нового и «опровержение скачков». По сути дела такая «теория развития» есть неприкрытое отрицание действительного развития.

Поскольку буржуазия заинтересована в развитии техники, ей приходится считаться с фактами, и под давлением этих фактов целый ряд буржуазных ученых в своих специальных работах стихийно приходят к диалектическим построениям. Но в своем общем мировоззрении они остаются противниками диалектического материализма. И чем больше углубляется загнивание капитализма, тем больше реакционные поповские взгляды захлестывают положительную работу во всех областях науки. Метафизика и ее частная разновидность — эволюционизм с различной степенью последовательности выступают как методологическая основа буржуазной реакции в науке и в практике.

Почетное место в этой реакционной метафизической линии занимают социал-фашисты. Они также утверждают, что действительная дорога общественного развития лежит по пути медленных постепенных улучшений того, что есть, по пути реформы, а не революции. Капитализм болен, мы должны его лечить — заявляют они по поводу современного кризиса капитализма. Совершенно ясно, что эта давнишняя политика штопанья дыр капиталистической системы является не дорогой к социализму, а средством защиты капитализма от революционного возмущения рабочих. Вот почему непримиримая борьба за диалектическое понимание развития, беспощадное разоблачение лицемерия эволюционизма (признания развития на словах, отрицания его по существу на деле), — является актуальной политической задачей нашего философского фронта.

Однако мы были бы весьма не правы, если бы, борясь с эволюционизмом, примиренчески отнеслись к тем «теоретикам», которые стремятся все развитие свести к одним скачкам. Мы против эволюционизма, но мы вовсе не отрицаем того, что эволюционные постепенные изменения играют большую роль в развитии. Как мы видели выше, скачок невозможен без предварительного количественного изменения в пределах старого качества.

Ультра-«левые» представители крайнего «революционаризма» хотят сразу, без предварительной подготовки, без про-

должительной борьбы, перескочить из капитализма в коммунизм. Эти политики, выражающие психологию «взбесившегося от ужасов капитализма мелкого буржуа», понимают революцию как внезапный взрыв, уничтожающий единым ударом старое общество.

Так же как и эволюционисты, они не могут найти в самом предмете движущую силу его развития и ищут ее вне его. Они видят в скачке абсолютный разрыв нового со старым, механически противопоставляют постепенную подготовку нового и скачка. Поэтому они либо пассивно дожидаются революции, не умея активным участием в общественной борьбе подготовить революцию, либо ищут источник революции в субъекте, в личном порыве, в опьяняющем вдохновении блистательного — «агитатора горлана-главаря» (Маяковский).

Такое понимание скачков есть чисто идеалистическое понимание, и как всякий идеализим, оно ведет к прямой поповщине. Объявляя излишней, а то и вредной длительную работу по организации масс для действительного революционного действия, отвлекая массы от задач подготовки скачка, эта теория мелкобуржуазных крикунов по существу столь же реакционна, как и теория эволюционизма. Недаром передовой отряд современной контрреволюционной буржуазии — троцкизм — для прикрытия своей контрреволюционной сущности пользуется подобной «ультра-левой» фразой. «Перманентная революция» по одному рецепту для всех без изъятия стран, социалистический переворот одним ударом в «планетарном масштабе» и т. д. и т. п., — что это, как не то же ультра-«левое» фразерство о скачке, прикрывающее контрреволюционную борьбу против пролетарской диктатуры.

Как указывал Ленин, правильное понимание закона перехода количества в качество является одной из важнейших методологических основ политической борьбы на два фронта. Еще в 1910 г. он писал: «Ревизионисты считают фразами все рассуждения о «скачках» и о принципиальной противоположности рабочего движения всему старому обществу. Они принимают реформу за частичное осуществление социализма. Анархо-синдикалист отвергает «мелкую работу», особенно использование парламентской трибуны. На деле эта последняя тактика сводится к поджиданию «великих дней» при неумении собирать силы, создающие великие события».[1]

И правые и «левые» хватаются только за одну сторону развития и, превращая ее в целое, создают реакционные метафизические теории.

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 7.

«А действительная жизнь, действительная история *включает* в себя эти различные тенденции, подобно тому как жизнь и развитие в природе включают в себя и медленную эволюцию, и быстрые скачки, перерывы постепенности».[1]

Таким образом эволюцию и революцию нельзя отрывать друг от друга, они необходимо связаны между собой и действительное развитие является их единством. Однако мы должны себя предостеречь от упрощенного формального понимания этого единства. Если следовать методу деборинской школы, это единство нужно истолковать так: правые стоят на точке зрения эволюционизма, «левые» — революционаризма,— диалектика примиряет, дает синтез того и другого, — все хорошо и все могут быть довольны.

С этим эклектическим пониманием единства противоположностей со стороны меньшевиствующих идеалистов мы встречались уже в предыдущей главе. Как мы видели, меньшевиствующие идеалисты, вместо противоречия, разрешаемого в борьбе, выдвигали принцип примирения «крайностей», становясь на позицию умеренной и аккуратной «золотой середины». Полная несостоятельность этого эклектического метода совершенно очевидна и в применении к данному вопросу. «Синтезировав» эволюционизм и «революционаризм» мы вовсе не получим действительного диалектического единства эволюции и скачков. Эволюция, именно потому, что она внутренне необходимо связана со скачками, совсем не похожа на мирную постепеновщину эволюционистов. Точно так же как и революция вовсе не такова, как ее изображают герои «левой», «революционной» фразы. И те и другие, а вместе с ними и меньшевиствующие идеалисты, не понимают главного в этом вопросе — непримиримой противоречивости развития всех его сторон и фаз.

Такая «диалектика» весьма похожа на ту карикатуру на нее, которую рисуют ее буржуазные противники. Основоположники марксизма-ленинизма никогда не превращали диалектический метод в простую схему, а основывались на нем для конкретного изучения самой действительности, и в частности — соотношения количества и качества.

Энгельс писал: «Не существует просто качеств, существуют только вещи, обладающие качествами, и притом бесконечно многими качествами».[2]

Как целое, вещь характеризуется некоторым основным еди-

---

[1] Ленин. Собр. соч., стр. 7.

[2] Энгельс. Примечание к «Анти-Дюрингу», Собр. соч., т. XIV, стр. 352.

ным качеством. Но эта целостность, это единство вещи всегда расчленено на множество отдельных сторон, частей, моментов — и это множество в конечном счете бесконечно.

«Если не существует производства вообще, — писал Маркс, разоблачая пустые абстракции буржуазных экономистов, — то не существует также общего производства. Производство всегда представляет *особую* отрасль производства, например земледелие, скотоводство, мануфактуру и т. д. или некоторую совокупность их как целое».[1]

В свою очередь каждая отрасль производства заключает в себе множество подразделений и частностей, технических и экономических особенностей и деталей.

Итак, каждое качество заключает в себе необозримое множество частных качественных различий, в каждом из которых выражается основное качество вещи, ее всеобщая определенность. Вот почему эволюционную подготовку к скачку мы понимаем совсем не «эволюционистски». Постепенность эволюционного процесса нельзя представлять себе как сплошную и равномерную, она вся сплошь состоит из частичных поворотов, изломов, скачков, в которых изменяются отдельные частичные качества, включенные в общее качество вещи и его выражающие. Переход от домонополистического капитализма к империализму является настоящим скачком в общем ходе развертывания капитализма, ибо в нем непосредственно скачкообразно меняется не капитализм в целом, а господствовавшая ранее форма организации капиталистических предприятий и капиталистического распределения. Но и сами эти стадии капиталистического развития и самый переход между ними в свою очередь включают в себя бесконечное множество скачкообразных изменений мнений, еще более частных, еще более производных сторон качеств капитализма в целом. Каждая фаза кризиса и подъема, войны и мира, захвата нового рынка той или иной страной и, если говорить о все более мелком, образование каждого нового треста, каждый новый заказ, каждая сделка и т. д. до бесконечности, — характеризуются определенным качественным своеобразием и через скачок связаны с другими соответственно более или менее крупными частями целого. В природе нет возникновения новых качеств, которое не содержало бы в себе бесчисленного множества качественных изменений, скачков подчиненных сторон.

Нет чисто непрерывного развития всего процесса в целом, изменение основного качества вещи бесконечно расчленено на прерывные изменения его сторон. В этой сплошной прерыв-

[1] Маркс. К критике политической экономии. Введение.

ности бесчисленного множества качественно-определенных сторон вещи происходит относительно непрерывное развертывание ее всеобщего, основного качества, подготовляющее и его скачок.

«Эти средние звенья показывают только, что в природе нет никаких скачков *именно потому,* что она состоит только из скачков».[1] Процесс социалистической реконструкции непрерывен именно потому, что в бесчисленном множестве отдельных преобразований, переломов, вплоть до овладевания производством определенной детали на заводе, происходит развертывание и укрепление единого социалистического качества новых общественных отношений.

При поверхностном, неправильном понимании единство количества и качества представляется в таком виде: сначала количественные изменения, — *потом* изменение качества, сначала непрерывные изменения — *потом* скачок, — вот вам и единство противоположностей, единство эволюции и скачка, прерывности и непрерывности. Подход Энгельса гораздо конкретнее и глубже. Энгельс показывает взаимопроникновение этих противоположностей — прерывность в эволюции и относительную непрерывность в связи отдельных звеньев скачка.

Однако не приближается ли этот взгляд окольным путем к тому же эволюционизму? В самом деле, — скажет социал-реформист, — переход от капитализма к социализму и происходит путем отдельных мелких изменений, путем частичных преобразований, реформ отдельных сторон капиталистической системы. К чему же пролетарская революция и диктатура пролетариата? «Медленным шагом, робким зигзагом» должно происходить постепенное врастание капитализма в социализм. Кусочки социализма путем частичных изменений должны вкрапливаться в капиталистическую систему, пока она вся не превратится в социалистическую. Капитализм врастает в социализм потому, что социализм врастает в капитализм.

Социал-фашисты замазывают главное — непримиримую противоположность капитализма и социализма. Капитализм как целое, как система, противоположен социализму, и потому в пределах этой капиталистической системы никакие действительные социалистические преобразования невозможны. И в то же время капитализм сам, изменением своих сторон, подготовляет свое крушение и переход к социализму. Как качественно своеобразное целое, капитализм обладает относительной устойчивостью, частичные изменения его свойств не изменяют его основного качества, и в то же время этими ча-

[1] Энгельс. Анти-Дюринг, Собр. соч., т. XIV, стр. 347.

стичными изменениями подготовляется его общий крах. Через частичные качественные изменения происходит обострение общих противоречий капитализма, нарастание этих противоречий. Качественные изменения сторон и свойств капитализма являются таким образом выражением количественного изменения капитализма в целом, его основного качества, того количественного изменения, которое подготовляет общий скачок.

Таково глубокое внутреннее противоречие капиталистической эволюции, как и всякой эволюции вообще. Энгельс писал по этому поводу следующее: «... Если вещи (или понятию) присуща противоположность, то в ней, а также в ее выражении в мысли обнаруживается *противоречие* с самой собой. Например в том, что вещь остается той же самой и в то же время непрерывно изменяется, что она имеет в себе противоположность между «устойчивостью» и «изменением», заключается *противоречие*».[1]

Учение о противоречивости количественных и качественных изменений играет огромную теоретическую и практическую роль не только в вопросе о развитии капитализма. Во всяком процессе внутренее-необходимое отрицание качества подготовляется его развертыванием и укреплением. Чем полнее и больше развернуто данное качество, чем бо́льшей степени количественного развития оно достигло, тем явственнее обрисовываются его границы, тем быстрее наступает его отрицание, его переход к новому качеству. Диалектика переходного периода показывает это противоречие на каждом шагу. В социалистическом строительстве мы идем через ряд качественно своеобразных ступеней. Для того чтобы правильно намечать политическую линию переходов с одной на другую, мы должны учитывать своеобразие противоречия качественных и количественных изменений каждой из них. Через нынешнюю артельную форму колхозов мы идем к более высокой последовательно-социалистической форме организации земледелия. Чем полнее развернута артель, тем скорее осуществится этот переход. Через укрепление существующей ступени социалистического строительства к ее отрицанию на более высокой ступени — вот противоречивая формула нашего движения вперед. Разрабатывая ленинские указания, т. Сталин впервые развернул и обосновал эту формулу как одно из выражений диалектики переходного периода.

Наше государство ведет борьбу за уничтожение классов. Привлекая при этом все более широкие массы трудящихся

[1] Энгельс. «Анти-Дюринг», Собр. соч., т. XIV, стр. 360.

к управлению, оно идет к стиранию граней между обществом и государством, все более приближается к той эпохе, когда, по выражению Энгельса, «общество отправит всю государственную машину туда, где ей будет настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и бронзовым топором».[1]

Но значит ли это, что в наших условиях происходит непрерывное и постепенное отмирание государства, что успехи социалистического строительства должны приводить к постепенному ослаблению аппарата пролетарской диктатуры? Нашлись «умники», которые поняли дело именно так и вместе с развертыванием сплошной коллективизации предлагали приступить к ликвидации сельских советов. Эти «умники», так же как и реформисты в условиях капитализма, не поняли противоречивости количественных и качественных изменений.

Советское государство есть государство особого типа. Поскольку власть в нем принадлежит трудящемуся большинству, поскольку оно создано для подавления эксплоататоров, для уничтожения классов, оно уже не есть государство в собственном смысле слова, оно есть полугосударство, как называл его Ленин. Но до тех пор, пока еще не уничтожены классы, пока сохраняются остатки классовых различий между людьми, оно не теряет своего основного качества, ни в какой мере не перестает быть пролетарским государством, орудием диктатуры пролетариата. Пока острота классовых противоречий продолжает расти, оно должно сохраняться и укрепляться как государство, как «дубинка в руках господствующего класса» (Ленин). Оживление советов, привлечение трудящихся к управлению и т. д. способствуют укреплению пролетарского государства. И только через это укрепление можно итти к его окончательному отмиранию.

«Мы за отмирание государства. И мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую власть из всех существующих до сих пор государственных властей. Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти — вот марксистская формула. Это «противоречиво»? Да, «противоречиво». Но противоречие это жизненное, и оно целиком отражает марксову диалектику... Кто не понял этого своеобразия и «противоречивости» нашего переходного времени, кто не понял этой диалектики исторических процессов, тот погиб для марксизма».[2]

---

[1] Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 176.

[2] Сталин. Доклад на XVI съезде.

В борьбе за уничтожение классов советское государство и укрепляет себя как государство и подготовляет свое отмирание. И пока не пройдена решающая грань (полное уничтожение классов и остатков классовых различий), оно сохраняется как государство.

«Чем полнее демократия, тем ближе *момент*, когда она становится ненужной. Чем «демократичнее» государство, состоящее из вооруженных рабочих и являющееся «уже не государством в собственном смысле слова», тем быстрее *начинает* отмирать всякое государство».[1]

Этот «момент», когда «начинает отмирать всякое государство», есть момент решающего поворота, начало нового качества — общества без государства, начало высшей фазы коммунизма. Этот скачок коренным образом отличается от скачка между капитализмом и социализмом. Там скачок совершается как революция, как беспощадная борьба классов. Здесь — общество социалистических работников, освободившееся в основном от «родимых пятен» прошлого, переходит к новой, высшей ступени своего развития. Там — в антагонистической борьбе разрешаются антагонистические противоречия капитализма. Здесь — путем развертывания в борьбе новых форм жизни разрешается неантагонистическое противоречие уже подчиненного плану социалистического общества. Но и там и здесь мы видим границу определенного качества, решающий поворот к новой линии развития, и там и здесь мы видим разрешение противоречий. Одним словом, при всем различии типов, форм и длительности скачков, все на свете, и в природе и в обществе, разрешает свои внутренние противоречия путем изменения качества, путем скачка.

Достижение границы есть момент наибольшего углубления противоречия и в то же время начало его разрешения.

Итак, как видим, единство эволюции и скачка является противоречивым единством, по-разному выступающим на разных этапах развития качества.

Однако у эволюциониста есть в запасе еще одно возражение. Ведь новая ступень развития возникает из старой — скажет он. Ничто не возникает из ничего, следовательно, в эволюционном изменении старого уже создаются основные элементы нового, и потому переход от одной ступени к другой есть непрерывный процесс, процесс постепенного врастания одного качества в другое. Безумцы-большевики ломают капитализм и хотят строить социалистическое общество, не создав элемен-

---

[1] Ленин. Государство и революция, гл. V, § 4. (Подчеркнуто нами. *Авторы.*)

тов социализма в пределах капиталистической системы, — говорят социал-фашисты. Но из ничего ничто не возникает, и большевистский «эксперимент» обречен на неудачу. Правда, этой неудачи «почему-то» не видно, и эволюционисты из лагеря социал-интервентов, как плохие фокусники, у которых обещанный публике фокус не удается, хотят на глазах у той же «публики» при помощи вредительства и интервенции сами создать «неудачу» большевиков.

Из ничего действительно ничто не возникает. Ряд свойств, которые станут элементами нового качества, действительно создаются в старом. Но пока не порвана основная связь старого качества, эти свойства целиком принадлежат старому, и ни в какой мере не обозначают постепенного врастания одного качества в другое. Эти свойства противоречивы, — в пределах старого, они заключают в себе лишь предпосылки возникновения нового, являются лишь условием скачка, и только через коренную ломку, через скачок становятся элементами нового.

Повышение температуры воды сопровождается тем, что ее частицы приходят во все более быстрое движение. Тем самым подготовляется свободное движение частиц пара. Но пока не достигнута температура кипения, пока вода не начала кипеть, движение частиц остается в пределах старой связи.

Создавая крупное производство, придавая ему все более ярко выраженный общественный характер, капитализм подготовляет предпосылки социализма и, вопреки лицемерным утверждениям социал-фашистов, давно уже подготовил их. Но пока не пройдена решающая грань, пока не уничтожена частная собственность на средства производства, это крупное производство остается капиталистическим. В этом процессе обобществления производства формируется и сплачивается эксплоатируемый капитализмом рабочий класс. Он является носителем прогрессивной тенденции, тенденции к обобществлению, которая приводит капитализм к отрицанию, к революционному скачку. Именно потому Ленин говорил о «принципиальной противоположности рабочего движения всему старому обществу».

Процесс развития капиталистического производства «развивает, организует, дисциплинирует рабочих». Но в то же время капитализм их «давит, угнетает, ведет к вырождению и нищете», развращает подкупом, разобщает господством капиталистической конкуренции и национальной борьбы. Развивать свои социалистические качества в рамках капитализма рабочий класс может не путем создания «цветочков» готовой социалистической культуры, как то предлагают социал-

фашисты, а раньше — русский ревизионист Богданов, а организуясь для решительного боя против капиталистической системы в целом. Только в этой борьбе он может очиститься от пороков и противоречий капитализма и только в эпоху его господства социалистические черты рабочих становятся действительными элементами социалистической культуры.

«Капитализм сам создает своего могильщика, сам творит элементы нового строя и в то же время без «скачка» эти отдельные элементы ничего не изменяют в общем положении вещей, не затрагивают господства капитала. [1]

Изменения отдельных сторон в пределах капитализма не изменяют капитализм как систему и в то же время создают условия для возникновения нового общественного строя.

Значит ли это, что все частные изменения несущественны, что рабочий класс должен отказаться от борьбы за них? Конечно, нет. Отрицая всякое значение частичных изменений, мы, с другого конца, отрицали бы противоречивость развития и тем самым заняли бы позицию героев «левой фразы».

Проводя борьбу на два фронта, Ленин подчеркивал двойственный противоречивый характер реформ и всяких частичных изменений в пределах капитализма.

Цепляясь за различные кусочки якобы социалистических отношений, возникающих при капитализме, например демократию, кооперативы и т. д., реформисты создают целый ряд теорий врастания — «конструктивного», «кооперативного» и всяких прочих «социализмов».

На первый взгляд они как будто правы. В самом деле, разве кооперация не является для нас элементом социализма, разве мы не говорим о том, что рост кооперации тождественен росту социализма? Однако, как показывает Ленин, кооперация в системе капитализма и в системе диктатуры пролетариата — это два совсем различных качества.

«Кооператив есть лавочка, и какие угодно изменения, усовершенствования, реформы не изменят того, что это лавочка. К такому взгляду приучила социалистов капиталистическая эпоха. И нет сомнения, что эти взгляды были правильным выражением сущности кооперативов, пока они оставались небольшим привеском к механизму буржуазного строя. Но в том-то и дело, что положение кооперативов в корне, принципиально меняется со времени завоевания государственной власти пролетариатом, с момента приступа пролетарской государственной власти к систематическому созданию социалистических по-

[1] Ленин. Разногласия в европейском рабочем движении, Собр. соч., т. XV, стр. 142.

рядков. Тут количество переходит в качество. Кооператив, как маленький островок в капиталистическом обществе, есть лавочка. Кооператив, если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, есть социализм». [1]

Как видим, без революционного скачка в способе производства кооперативные организации нисколько не затрагивают господства капитала. И в то же время рабочие кооперативы и в условиях капитализма являются школой солидарности и организованности рабочих. В условиях же диктатуры пролетариата кооперация выступает как «элемент» нового строя. Как же разрешается это противоречие?

Правильное разрешение вопроса заключается только в борьбе, в том, чтобы включить рабочую кооперацию в общую цепь борьбы с капитализмом, использовать ее как одну из организаций для подготовки революции. Мы должны смотреть на нее не как на «росток социализма», а как на школу солидарности рабочих в борьбе, как на средство экономической поддержки пролетариата во время стачек.

Таким образом еще и еще раз мы убеждаемся в правильности ленинской мысли о том, что только теория непримиримой борьбы взаимно исключающих противоположностей, только диалектический закон противоречия «дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности» к «превращению» в противоположность, к уничтожению старого и возникновению нового». [2]

Пример с кооперацией позволяет нам сделать еще один вывод. Как мы отметили, рабочий кооператив при капитализме может на время улучшить положение отдельной группы рабочих. Тем самым он разрешает некоторое частное противоречие в жизни части пролетариата. Однако, является ли эта частичная победа хоть в какой-нибудь мере разрешением общего противоречия капитализма — противоречия между пролетариатом и буржуазией? Ни в каком случае. Наоборот, этот частичный успех еще более обостряет это общее противоречие. В самом деле, он неизбежно усилит нажим со стороны капиталистов и своей ограниченностью и непрочностью обнаружит перед рабочими основной корень их растущего обнищания и угнетения в существовании капиталистического способа производства.

Соглашатели всяких толков на основании частных временных успехов рабочих создают иллюзию, будто эти успехи ве-

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XXII, стр. 423.
[2] Ленин. К вопросу о диалектике.

дут к примирению классовых противоречий. Но рано или поздно, под руководством революционной партии рабочие осознают действительный объективный результат частичных завоеваний, результат, который неумолимо разоблачает соглашательский обман.

На деле разрешение частичных противоречий в рамках капитализма и борьба за их разрешение есть путь обострения и углубления общего противоречия капиталистической системы.

И чем скорее удастся коммунистам связать борьбу за частичные цели в единую линию подготовки масс к решающему скачку, — тем скорее наступит этот скачок.

Ленин писал: «Отношение реформ к революции определено правильно только марксизмом... Реформы есть побочный продукт революционной классовой борьбы пролетариата. Для всего капиталистического мира это отношение является фундаментом революционной тактики пролетариата, — азбукой, которую извращают и затемняют продажные вожди II Интернационала». [1]

ДИАЛЕКТИКА СКАЧКА

Гегель в изложении своей идеалистической диалектики как теории развития абсолютного духа в следующих выражениях характеризовал переход количества в качество: «Дух... не бывает в покое, а находится в непрерывно прогрессирующем движении. Но подобно тому как у ребенка после продолжительного спокойного питания первое вдыхание нарушает постепенность только количественного роста, вместе с чем совершается качественный прыжок и дитя рождается, так и формирующийся дух медленно и спокойно зреет, отбрасывая одну частицу здания своего прежнего мира за другой... Эта постепенная работа, которая не изменяет физиономии целого, нарушается началом, которое, как молния, сразу устанавливает образ нового мира». [2]

При всей глубокой идеалистичности гегелевской мысли в ней правильно отмечена одна из весьма существенных сторон скачка, а именно: момент коренного поворота в ходе развития, перелома, который выявляет целостность нового качества.

В рождении ребенка таким моментом является первое дыхание, когда для всего организма в целом начинается новая ступень жизнедеятельности. Переломным моментом в бурном

---

[1] Ленин. О значении золота.

[2] Гегель. Феноменология духа, стр. 5.

превращении данной массы воды в пар является точка кипения, когда как угодно малое прибавление тепла создает сразу начало качественно нового процесса. «Вода через охлаждение не становится постепенно твердою так, чтобы она делалась сначала студенистою и постепенно затвердевала до консистенции льда, но становится сразу твердой; достигнув уже температуры замерзания, она, если остается в покое, может еще сохранять жидкое состояние, но малейшее сотрясение приводит ее в состояние твердости».[1]

В социалистической революции таким моментом является захват власти пролетариатом и приступ к организации социалистического хозяйства. В «годы великого перелома» таким моментом выступает начало ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации и т. д. и т. д.

Однако, исчерпывается ли этим моментом переход одного качества к другому, можно ли свести скачок только к этому моменту перелома? Меньшевиствующие идеалисты отвечают утвердительно на этот вопрос. Доводя мысль Гегеля до крайности, они рассматривают скачок как моментальный, по существу вневременный, акт рождения нового качества одним ударом. В этом понимании скачка они целиком сошлись с ура-революционерами «левой» фразы, анархистами и всякими прочими «левыми» крикунами, которые также изображают скачок как моментальное и лишенное всякой сложности возникновение нового. Кажущаяся «левизна» и революционность этого взгляда скрывают в себе однако весьма оппортунистическое отрицание противоречивости развития. В самом деле, как мы выяснили выше, переход от одного качества к другому, скачок, представляет собой процесс разрешения противоречий, процесс разрушения и ломки старой системы и возникновения новой. Совершенно ясно, что этот процесс невозможен без более или менее длительной борьбы, без сложной работы разрушения и созидания.

«Левые» коммунисты эпохи Бреста, предлагая вести революционную войну против империалистической Германии, исходили из следующей установки: если наступило время скачка от капитализма к социализму, то немедленная победа революции во всем мире обеспечена, если нет — все равно неизбежна гибель советской власти. Вот к какому капитулянтскому результату приводит «левацкое» понимание скачка, как автоматического мгновенного акта. Или — в блеске «поэтической» революционной молнии победить во всем мире одним ударом, или — все пропало. Разрешение действительных про-

[1] Ленинский сборник IX, стр. 96, цитата из «Науки логики» Гегеля.

тиворечий совершается совсем не так легко и далеко не так эффектно.

В первые месяцы революции Ленин писал по поводу этого взгляда: «Вся оригинальность переживаемого положения с точки зрения многих, желающих считаться социалистами, состоит в том, что люди привыкли абстрактно противопоставлять капитализм социализму и между ними глубокомысленно ставили слово «скачок» (некоторые, вспоминая обрывки читаемого у Энгельса, добавляли еще более глубокомысленно: «Скачок из царства необходимости в царство свободы»). О том, что «скачком» учители социализма называли перелом под углом зрения поворотов всемирной истории и что скачки такого рода обнимают периоды лет по десять, а то и больше, об этом не умеют подумать большинство так называемых социалистов, которые про социализм «читали в книжке», но никогда серьезно в дело не вникали». [1]

Первое дыхание ребенка является первым проявлением его самостоятельной жизнедеятельности, но акт родов вовсе не сводится к первому дыханию. «Рождение человека связано с таким актом, которое превращает женщину в измученный, истерзанный, обезумевший от боли, окровавленный, полумертвый кусок мяса». [2] Как указывал там же Ленин, «революцию следует сравнивать с актом родов»: «Роды бывают легкие, бывают тяжелые. Маркс и Энгельс, основатели научного социализма, говорили всегда о *долгих муках родов*, неизбежно связанных с переходом от капитализма к социализму».

Скачок есть глубоко противоречивый процесс. Разрешая противоречия старого качества, скачок означает продолжение той же борьбы в новой, во много раз обостренной форме. В скачке мы находим непосредственное единство, непосредственное совпадение разрушения старого и созидания нового, отрицания и утверждения. Борьба противоречий старой системы приводит ее к кризису, в кризисе рождается новое. Рождение происходит из разрушения, самый акт рождения и процесс развертывания нового представляют собою разрушительную работу огромной силы. Без непримиримого, беспощадного отрицания ничто новое возникнуть не может, в этом заключается диалектика всякого революционного изменения. Характеризуя отношение Ленина к действительности, Горький писал: «Жизнь устроена так дьявольски искусно, что, не умея ненавидеть, невозможно искренно любить».

---

[1] Ленин. Очередные задачи советской власти, Собр. соч., т. XXII, стр. 466.

[2] Он же. Пророческие слова.

Этот дух непоколебимого отрицания, свойственный всем революционерам и созидателям нового, возбуждает глубокое негодование современных «лекарей капитализма» — социал-фашистов. Революция ведет к разрушению, революция есть варварство — говорят они.

То, что революция связана с разрушением, с временным упадком в развитии производительных сил, это не станет отрицать ни один подлинный революционер. Но кто не имеет мужества производить эту разрушительную работу, тот неизбежно обречен стать защитником мертвого, разлагающегося старья.

Революция есть не пустое, бессмысленное разрушение. Наоборот, только потому, что революционеры выражают объективную линию развития общества, идут по пути возникновения нового качества, только потому их деятельность обладает разрушительной силой для старой системы. Действительная угроза для капиталистов — не выдуманные бомбы и чекисты, о которых кричат буржуазные газеты, а успехи социалистического строительства в СССР.

Итак, рождение нового совершается в противоречивом взаимопроникновении разрушения и выхода из этого разрушения на пути возникновения нового качества. Само по себе рождение нового еще далеко не исчерпывает перехода одного качества в другое. Вылет первых молекул в окружающий воздух вовсе не означает еще превращения воды в газообразное состояние. Решающий поворот произошел, наметилась новая связь частиц, но эта новая связь в момент рождения существует только в зародыше. В октябре 1917 г. произошел решительный поворот к овладению новой социалистической закономерностью всей общественной жизнью, но к полному и действительному охвату всех сторон общества этой новой качественной определенностью ведет путь ожесточенной борьбы нового качества с разрушающимся старым.

«Переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся социализмом, или, иными словами, между побежденным, но не уничтоженным капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым коммунизмом». [1]

При этом, «когда новое только что родилось, старое всегда остается в течение некоторого времени сильнее его. Это всегда бывает так и в природе и в общественной жизни». [2]

В момент своего рождения новое слабее старого, оно ниже его *по степени* своей развернутости. «И понятно, что поиски

---

[1] Ленин. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата.
[2] Он же. Великий почин.

нового не могут дать сразу тех определенных, установившихся, почти застывших и окоченевших форм, которые раньше складывались веками и веками держались». В момент рождения элементы нового «находятся еще в периоде брожения и полной неустановленности». [1]

Это слабое новое вступает в борьбу с более сильной старой системой. Но возможно ли, чтобы сильное было побеждено слабым? — спросит формалист-метафизик, для которого всякое противоречие есть нелепость. Между тем это противоречие и эта победа есть факт живого диалектического развития, и его нельзя опровергнуть никакими формальными доводами.

Суть дела заключается в том, что социализм в начале своего развития слабее только *по степени* развернутости, но с первого дня своего существования он сильнее *по типу*, сильнее как новое, более прогрессивное качество, свободное от тех противоречий, перед которыми оказалась бессильной капиталистическая система.

Вот почему новый строй оказывается в конце концов победителем, вот почему победить он может только максимально быстрым развертыванием своих премуществ, вот почему каждый шаг его продвижения вперед делает судьбу капитализма все более безнадежной, несмотря на все более острое сопротивление капиталистов.

Основной для борьбы двух систем лозунг «в кратчайшие исторические сроки догнать и перегнать передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении» и означает не что иное, как задачу сделать социализм сильнее мирового капитализма не только по типу, но и по уровню развития, по степени развернутости заложенных в нем возможностей.

Более слабый вначале социализм не может победить одним ударом по всей линии. Он побеждает тем, что в каждый отдельный момент обнаруживает свои качественные преимущества на решающем в этот момент участке борьбы. Отсюда некоторая неравномерность в его продвижении вперед, отсюда ряд качественно своеобразных этапов его борьбы со старой системой. «Настоящий интерес эпохи больших скачков состоит в том, что обилие обломков старого, накопляемых иногда быстрее, чем количество зародышей (не всегда сразу видных) нового, требует умения выделить самое существенное в линии или цепи развития. Бывают исторические моменты, когда для успеха революции всего важнее накопить побольше обломков,

---

[1] Ленин. Набросок статьи «Очередные задачи советской власти», Собр. соч., т. XXII, стр. 418.

т. е. взорвать побольше старых учреждений, бывают моменты, когда взорвано достаточно, и на очередь становится «прозаическая» (для мелкого буржуазного революционера «скучная») работа расчистки почвы от обломков; бывают моменты, когда заботливый уход за зародышами нового, растущего из-под обломков на плохо еще вычищенной от щебня почве, всего важнее».[1] Так характеризовал Ленин в 1918 г. отдельные этапы перехода к социализму.

Переходный период как «большой скачок» сам содержит в себе ряд переходных периодов, ряд переломов скачков от этапа к этапу. Переход от военного коммунизма к нэпу, переход от восстановительного нэпа к реконструктивному, «великий перелом» деревни в сторону коллективизации в 1929 г., вступление в период социализма являются яркими примерами тех скачков, которыми так богата наша эпоха «большого скачка».

При этом последний этап переходного периода является в то же время первым этапом победившего социалистического общества. Обеспечив в нашей стране победу социализма по всей линии, «мы уже вышли из переходного периода в старом его смысле, вступив в период прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту. Мы вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства...»[2]

Социализм перестал быть зародышем, он стал в значительной степени развернутым, расчлененным качеством, господствующим в общественной жизни нашей страны. И, как указала XVII партконференция, в течение второй пятилетки мы, уничтожив классы, построим полное социалистическое общество.

Как видим, конкретная картина скачка совсем не похожа на мелкобуржуазную идеалистическую утопию левацкого революционаризма. В скачке мы различаем отдельные этапы борьбы, мы находим в нем самом своеобразное взаимопроникновение прерывности и непрерывности развития. Разрешение противоречий старой системы в борьбе нового качества со старым составляет основное содержание скачка.

ПЕРЕХОД КАЧЕСТВА В КОЛИЧЕСТВО

Чтобы достигнуть конкретного познания, мы не должны сводить все на свете к качеству или к количеству, а должны выяснять взаимную связь и взаимные переходы качественных и

[1] Ленин. Собр. соч., т. XXII, стр. 466.
[2] Сталин. Заключительное слово по докладу на XVI съезде.

количественных определенностей во всяком процессе. Как указывал Ленин, диалектический закон, связывающий количество и качество, является лишь примером, частным случаем более общего принципа, который он формулировал следующим образом: «Не только единство противоположностей, но *переходы* каждого определения, качества, черты, стороны, свойства *в каждое* другое (свою противоположность)». В этой формулировке нетрудно узнать конкретизацию и развитие того же единства и взаимопроникновения противоположностей. Отношение количества и качества взаимно: «каждая сторона переходит в каждую другую».

В действительности нет количества вообще. Существует лишь количество определенного качества. Какое-либо определенное число само по себе ничего не скажет нам о вещи, пока мы не знаем, какая эта вещь и с какой стороны и как она измерена. Две тонны чугуна и два автомобиля вовсе не равны друг другу, хотя для математических операций, отвлеченных от конкретных вещей, два безусловно равны двум. Чтобы не попасть в глупое положение человека, складывающего «сено с сапогами», мы должны знать качество тех явлений, которые собираются считать и измерять. Но то, что ясно всякому на любом житейском примере, вовсе не так очевидно для ученых, сторонников чистого математизма в их сложных теоретических построениях.

Совсем не случайно только на определенной ступени познания качеств каждая наука может поставить вопрос о количественной стороне изучаемых ею процессов. Мы видели выше, что химия могла открыть плодотворность количественного подхода к элементам только тогда, когда сами эти элементы были до известной степени познаны и отличены друг от друга. Но как только способы измерений химических процессов были открыты, химики, прежде равнодушные к количеству, теперь превратили количественный подход в абсолют. В большинстве работ по истории химии с величайшим пренебрежением излагается все то, что было сделано до этого поворота, — попросту до Лавуазье люди «не догадывались» о значении количественной определенности, а если бы «догадались» на два-три столетия раньше, история химии была бы иной. Однако совершенно ясно, что, превратившись в поклонников чистого количества, химики обрубали тот ствол, по которому карабкались вверх. Пренебрежение к качеству сделалось тормозом для дальнейшего развития познания, лишало количественный метод необходимого качественного основания. Изучение количественной стороны вещей находится в прямой зависимости от глубины и четкости познания их качеств. Фи-

вика новейшего времени могла необычайно расширить применение математики только на основе четкого различения качественного своеобразия элементов материи и энергии — атомов, электронов, квант и т. д. И в то же время благодаря метафизичности мышления буржуазных ученых этот «крупный успех естествознания, приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, порождает забвение материи математиками».[1]

Не забывая материи, нельзя превращать применение математики в основной метод исследования. Математические вычисления и формулы в действительном изучении предмета играют подчиненную роль, вытекая из познанного качества вещи. Превращение математики в основу познания ведет к пустой игре ничего не значащими цифрами, ведет к софистике, при помощи которой можно доказать любую нелепость. Это подчиненное значение математики особенно подчеркивается различием той роли, которую ее применения играют в отдельных науках. Чем проще качества, изучаемые той или иной наукой, чем более внешний характер носят отношения между элементами изучаемых ею процессов, чем в большей степени эти элементы могут быть отделены друг от друга, тем более широкое поле для применения математики дает эта наука.

Математика изучает количество, т. е. внешнюю определенность. Математические операции предполагают известную устойчивость и независимость тех вещей, которые нужно считать и измерять. И чем меньше эта устойчивость и независимость, тем более сложны те математические операции, которых требует изучение их количественной определенности.

Весьма нетрудно и совершенно необходимо применять математические вычисления к машинам, которые работают по определенному, точно установленному шаблону, детали которой сделаны порознь и при сборке машины внешне соединены. А попробуйте подвергнуть такому же сложному вычислению жизнедеятельность организма, и вы увидите, что текучесть и неразрывная взаимная связанность жизненных процессов превратят ваши вычисления в пустую игру математическими знаками.

В астрономии и в физике применение математики с давних пор занимает весьма значительное место. Химия со времени Лавуазье изучала количественные отношения, но применение математики ограничивалось простыми арифметическими действиями. Только в самое последнее время на основе изучения

[1] Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, гл. V, § 8.

более глубокой сущности химических процессов поле математических вычислений в химии расширилось. Но так или иначе, применение математики в этой науке занимает принципиально иное место, чем в физике, играя в значительно большей мере подчиненную роль. Химические процессы сложнее и целостная связь их различных сторон значительно ярче выражена.

Соответственно все более подчиненной и узкой становится роль математики в биологических и затем в общественных науках.

Маркс пользовался математическими формулами, но никогда он не подменял ими исследование качества экономических процессов. Наоборот, формулы служили ему лишь вспомогательным средством для иллюстрации и для более четкого выражения основной экономической мысли.

Количественная определенность в общественном развитии так же существенна, как и во всем другом, но в социальных явлениях связь количества и качества значительно сложнее и теснее, а потому отвлеченные и сложные формулы современной математики, разработанной для решения физико-механических и технических проблем, мало приложимы для выражения количественной стороны общественных процессов. Вот почему философия чистого математизма особенно искусственна в области общественных наук.

В буржуазной политической экономии и социологии математизм выступает сплошь да рядом как орудие прямого политического шарлатанства.

Одним из излюбленных приемов буржуазных ученых и социал-фашистских лакеев буржуазии является вычисление так называемой средней величины целого ряда различных явлений. Например, желая узнать, поднимается ли благосостояние крестьянства или нет, они складывают доходы всех крестьянских хозяйств и делят на число последних. Таким образом они находят среднюю величину дохода крестьянского двора. Сравнивая такие величины за различные годы, они доказывают, что капитализм в мелкотоварном сельском хозяйстве не развивается. Нетрудно заметить, что корень этого ложного вывода заключается в неправильном подходе к нахождению средней величины. «Понятно, что соединение в одно целое рабочих и хозяев и вывод «среднего» бюджета дает картину «умеренного довольства» и «умеренного» чистого дохода... Но подобная средняя совершенно фиктивна. Она только прикрывает полную нищету массы низшего крестьянства».[1]

[1] Ленин. Собр. соч., т. III, стр. 109.

Полученные таким образом цифры только затемняют и запутывают картину действительного положения деревни. «Вместо изучения типов крестьянского хозяйства (поденщик, средний крестьянин, предприниматель) они изучают, как любители, бесконечные столбцы цифр, точно задавшись целью удивить мир своим арифметическим усердием». [1]

Эта пустая «игра в цифирьки», это «арифметическое усердие» выражает определенную классовую установку тех, кому выгодно замазывать развитие кулачества в деревне. Недаром таким приемом широко пользовались вредители из группы Кондратьева, выражавшие откровенно кулацкие интересы. Статистический учет играет огромную роль в науке и в практике, но для того чтобы правильно использовать цифровые данные, мы должны исходить из качественных различий исчисляемых явлений.

Как мы видели на всем разобранном материале, — таков путь познания вообще. На основе изучения качества мы переходим к количеству, с тем чтобы снова вернуться к еще более углубленному качественному исследованию. Диалектический путь познания является отражением закона объективного развития. В развитии материальной действительности качество и количество неразрывны, они предполагают и проникают друг в друга и их единство выражается в постоянных взаимных переходах. Не только количество переходит в качество, но и обратно — качество переходит в количество, качество процесса определяет линию, характер и темп его количественных изменений.

Обратимся к конкретным фактам. При переходе от мелкого ремесленного производства к капиталистической мануфактуре на первых порах происходило простое объединение многих ремесленников в одной мастерской. «Мастерская цехового мастера лишь расширяет свои размеры... Сначала разница лишь количественная». [2]

Однако на определенной ступени количество переходит в качество, — совместная деятельность многих рабочих в капиталистическом предприятии качественно отличается от мелкого ремесла. И это новое качество создает новое количество. «Кооперация многих лиц, слияние многих отдельных сил в одну общую силу создает, говоря словами Маркса, «новую силу», которая существенно отличается от суммы составляющих ее отдельных сил». [3] Откуда появилась новая сила, в чем заклю-

---

[1] Там же, стр. 104.
[2] Маркс. Капитал, т. I, гл. II.
[3] Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 115.

чается источник увеличения производительности труда? Совершенно очевидно — в том новом качестве, которым обладает кооперирующее человеческий труд крупное производство. Новое качество создало новое количество, качество перешло в количество.

Тот же диалектический переход мы видим на примере наших колхозов. «Простое сложение крестьянских орудий в недрах колхозов дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики. В чем выразился этот эффект? В том, что переход на рельсы колхозов дал расширение посевной площади на 30—40 и 50%. Чем объяснить этот «головокружительный» эффект? Тем, что крестьяне, будучи бессильными в условиях индивидуального труда, превратились в величайшую силу, сложив свои орудия и объединившись в колхозы».[1]

Метафизики разрывают количество и качество, в живом развитии эти категории постоянно переходят друг в друга. Оппортунисты в вопросе о переходе качества в количество, как и во всем, становятся на метафизическую точку зрения. И контрреволюционер Троцкий и правые оппортунисты объединились в защите теории затухающей кривой нашего хозяйственного роста. Они утверждали, что с переходом от восстановительного к реконструктивному периоду темп развертывания промышленности будет непрерывно снижаться и наконец дойдет до «нормального» процента, т. е. примерно такого, каким развиваются капиталистические страны. На наших глазах жизнь безжалостно опровергла эту теорию. Наши темпы определяются качественными преимуществами планового социалистического хозяйства, ход количественных изменений социалистического производства не может не быть принципиально иным, чем рост капитализма. Методологический корень теории потухающей кривой заключается в отрицании диалектического перехода качества в количество.

Правильное понимание этого перехода играет огромную роль во всей практической работе, в том числе и в практике строительства социализма. В своих речах на совещаниях хозяйственников т. Сталин указал на ряд случаев невыполнения планов развертывания промышленности вследствие неумения понять новые качественные сдвиги социалистического строительства. В лозунге овладения техникой, в шести условиях он показал действительный путь к выполнению количественных показателей наших планов, путь к овладению большевистскими темпами социалистического строительства. Наши успехи создали качественно новую обстановку, новая обста-

[1] Сталин. К вопросам аграрной политики в СССР.

новка требует нового качества работы, нового качества руководства, качественно нового подхода к организации труда на производстве, к подготовке специалистов, к старым спецам, к источникам накопления в промышленности и т. д. Ключ к повышению темпов — в овладении этим новым качеством работы.

Между тем некоторые метафизически и упрощенно мыслящие хозяйственники думают, что все дело заключается в крике о темпах, в простом механическом административном нажиме, в кампании, удачно проведенной к концу месяца или квартала, и т. д. Ничего кроме подмены деловой работы пустой и дешевой аллилуйщиной не получится при подобном подходе. Не обоснованная конкретным изучением качества данного производства, не обоснованная вдумчивой и серьезной организацией дела, — забота о высоких темпах абстрактна, пуста и бессильна, как числовые заклинания мистиков, как «арифметическое усердие игры в цифирьки» буржуазных экономистов.

Повторяем, ключ к действительно большевистским темпам заключается в изменении качества работы, путем выполнения шести условий т. Сталина, путем изучения качественно своеобразных условий и возможностей каждой отрасли производства, путем проявления творческой инициативы в организации каждого качественно своеобразного дела. «Пишите сколько угодно резолюций, клянитесь какими угодно словами, но если вы не овладеете техникой, экономикой, финансами завода, шахты, фабрики, — толку не будет».[1]

Тов. Сталин своей мастерской и глубокой разработкой вопроса о темпах строительства социализма еще и еще раз показал огромное значение метода диалектического материализма для дела пролетарской революции. Хозяйственники должны учиться диалектике у Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, — без диалектики нельзя руководить по-большевистски. Итак, на обратном переходе, на переходе качества в количество, мы с новой стороны подошли к единству количества и качества, как к конкретизации единства противоположностей. Задача познания не ограничивается раскрытием качества вещи, как не исчерпывается и установлением ее количественной характеристики, — суть дела в переходе качества и количества друг в друга. Только вскрывая особенности этого перехода в каждом явлении, мы познаем предмет в его самодвижении, в его живом и конкретном развитии.

Разрешение противоречий между качеством и его степенью в эволюционном процессе является в то же время развитием и обострением того противоречия, которое обнаруживает границу

[1] Сталин. Речь об овладении техникой.

качества и ведет к новому скачку. Чем выше степень развития данного качества, тем яснее обнаруживается его ограниченность, тем ярче выступают в нем предпосылки и тенденции нового, которые в его пределах развиваться не могут и подготовляют скачок к новому качеству. Преодоление остатков старого в новом, развертывание качества как целостной единой системы есть в то же время процесс «раздвоения единого на взаимоисключающие противоположности» и обострение борьбы между ними. Чем более развит капитализм, тем сильнее обнаруживаются противоречия между обобществлением труда и частной собственностью, между пролетариатом и буржуазией, между «изменчивостью» капитализма и его «устойчивостью». Та высшая степень развития качества, к которой оно идет в своей эволюции, есть в то же время высшая степень обострения его противоречий, его граница, его конец. Высшая стадия развития капитализма, империализм, есть в то же время его последняя стадия, канун скачка к социализму.

Начав рассматривать качество с того скачка, в котором оно возникло, рассматривая процесс его эволюционных изменений как переход качества в количество, мы обнаружили, что это количественное изменение есть в то же время подготовка нового скачка, подготовка перехода к новому качеству. Мы вернулись к переходу количества в качество. И этот круг выражает непрерывный ход развития. Развитие никогда не может остановиться, в зарождении качества уже заключается зародыш его гибели, гибель одного есть неизбежное начало нового и т. д. бесконечно.

Мы идем к коммунизму, но достижение нашей цели вовсе не исключает дальнейшего развития. «Бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле *только* с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни».[1] Как писал Маркс, переход к коммунизму закончит предисторию человеческого общества и начнет его действительную историю. Мы не знаем еще, через какие качественно своеобразные ступени пойдет этот будущий исторический процесс, но мы не сомневаемся, что коммунизм ни в какой мере не будет системой спячки и застоя.

Двойной взаимный противоречивый переход качества и количества выражает вечный кругооборот развития, в котором

---

[1] Ленин. Государство и революция, гл. V, § 4.

материя, через непрестанное возникновение и уничтожение форм своего движения, постоянно воспроизводит себя все в новом движении, все в новых качествах.

«Материя движется в вечном круговороте... в котором каждая отдельная форма существования материи — безразлично, солнце или туманность, отдельное животное или животный вид, химическое соединение или разложение, — одинаково преходяща и в котором ничто не вечно кроме вечно изменяющейся, вечно движущейся материи и законов ее движения и изменения». [1]

Нельзя сколько-нибудь полно познать действительность, нельзя понять предмет в его самодвижении, пока не вскроешь в нем кругооборота, связи его начала и конца.

Закон перехода количества в качество и обратно указывает нам путь к познанию этой связи, к изучению кругооборота возникновения и уничтожения во всех явлениях природы и общества.

ПРОБЛЕМА „СВОДИМОСТИ"

В борьбе различных течений в науке, которых мы касались в предшествующем изложении, вопрос о связи количества и качества играет весьма значительную роль. Ожесточенные споры по этому вопросу ведутся отнюдь не только между философами. Эти споры проникают в самые разнообразные специальные области науки и являются сплошь да рядом методологической основой непосредственно политической борьбы.

Дискуссии об отношении количества и качества в объективной действительности и в познании в значительной мере концентрируются вокруг так называемой проблемы «сводимости». В каком направлении должно итти познание каждого явления природы и общества: по линии изучения его как целого, обладающего специфическим качеством, определяющим все его черты и свойства и в них выражающимся, или по линии разложения его на составные части и свойства, сведения целого к отношениям его простых частей и свойств?

Одним из основных лозунгов механицизма является второй из этих ответов. По мнению механистов, явление объяснено, если нам удалось свести его к простым элементам и их внешним механическим отношениям. В образовании целого не возникает ничего принципиально нового по сравнению с тем, что было в его отдельных частях. Всякая вещь лишь кажется

---

[1] Энгельс. Диалектика природы. Собр. соч., т. XV, стр. 491—492.

чем-то нераздельным, чем-то единым, кажется — при поверхностном субъективном подходе к ней. Целостность вещи существует лишь как его вторичное свойство. Задача науки заключается в том, чтобы уйти от этой поверхностной видимости вглубь, разлагая вещь на ее простые элементы. В этом, и только в этом заключается для механистов задача познания.

Общество состоит из людей. Чтобы познать его, надо изучить природу отдельного человека, его характер, его стремления, а зная это, нам нетрудно будет понять, как из отдельных людей складывается общество. Но отдельный человек, вырванный из общественной связи, есть животный организм, и только. Следовательно, для того чтобы понять общество, надо изучить человека как биологическое существо. Надо изучить его физиологию, в частности деятельность его мозга, его инстинкты, физиологический механизм образования условных рефлексов и т. д. При этом поведение человека мы должны сводить к тем более простым явлениям, которые мы наблюдаем в поведении ниже человека стоящих животных. Некоторые физиологи из школы академика Павлова глубоко убеждены, что теми рефлексами, которые они изучают на собаках, можно объяснять войны и революции, классовую борьбу и подчинение одних людей другим.

С другой стороны, если общество сводится к простой совокупности животных вида «человек», то почему нельзя объяснять общественные явления на основе теории Дарвина? Каждый человек ведет борьбу за существование, в этой борьбе выживают биологически более сильные и лучшие, — худшие и слабые обречены на вымирание. В этом отборе лучших и заключается общественный прогресс. Если более слабые рабочие обречены на вымирание, особенно во время безработицы, — тем лучше для всего человеческого рода. Если властвуют богатые и знатные, так и должно быть, так как их, сильнейших и лучших, выдвинул наверх естественный отбор. Реакционная роль подобных теорий совершенно очевидна. Сводя общественное к биологическому, они стремятся изобразить классовый строй общества как продукт неотъемлемо присущих человеческому роду биологических свойств. Сведение социологии к биологии является одним из идеологических орудий буржуазии. Недаром для оправдания фашистской диктатуры используется «социальный дарвинизм». И наши механисты, защищая теорию сведения, вольно или невольно, но неизбежно, льют воду на ту же фашистскую мельницу.

Однако сведение общества к биологии отнюдь не конечный пункт сведения, — это только одна из промежуточных станций на пути механистического объяснения природы. Животный

или растительный организм есть также целое, которое мы должны сводить к составляющим его физико-химическим процессам. Животное есть машина, — провозглашают механисты,— правда, машина более сложно скомбинированная, чем какой-нибудь мотор, но никакой качественной разницы между человеком и дизелем нет. Задача биологии заключается в разложении жизненных процессов на его физико-химические части, в разложении и только в разложении. Биология сохраняется как особая наука только потому, что не удалось еще разложить все кажущиеся целостными биологические процессы. В свою очередь химические процессы сводятся к физическим и наконец физические к механическим отношениям «последних», далее не разложимых, простых, тождественных частиц бескачественной «материи как таковой». Несколько десятилетий тому назад механисты объявляли такой «последней» частицей атом. В настоящее время, после разложения атома, они выдвигают электрон. Но и раньше и теперь стремление к «последнему», вечному, неизменному, простому является метафизической сутью механистического метода.

Их мечта — свести все науки к одной, изучающей механические движения простейших частиц. Если Маркс в «Капитале» говорит об экономических явлениях и их особых законах, то только по несовершенству науки его времени. В будущем несомненно придется перелагать категории «Капитала» на язык электронной теории Объяснить Октябрьскую революцию как определенное перемещение электронов — значит дать единственно полное ее объяснение, притти к истине «в последней инстанции».

В природе не существует таким образом качественных различий, все различия между вещами сводятся к числу и к расположению в пространстве бескачественных частиц, т. е. всякие различия суть различия *только количественные*. Различия качеств только субъективная видимость, с которой мы вынуждены мириться впредь до настоящего объяснения. Наши механисты выбросили лозунг: «развязывание качественных узлов», стирание всяких качественных граней. Нетрудно узнать в этом лозунге философию самого пошлого буржуазного эволюционизма, — качественные узлы и, следовательно, скачки есть только «субъективная видимость». Механицизм является таким образом одной из форм теории постепеновщины, той первой из охарактеризованных Лениным теорий развития, которая все изменения сводит к простому увеличению и уменьшению. По сути дела такая теория «развития» является отрицанием всякого действительного развития, отрицанием возможности возникновения нового.

Наши механисты любят подчеркивать строгую материалистичность своих воззрений. Однако метафизичность их взглядов, независимо от их желаний, уводит весьма далеко от последовательного материализма. Все стороны механистической теории той или иной дорогой ведут к идеализму и поповщине. Невозможность разобраться в хаотическом сплетении механических перемещений приводит их к субъективной точке зрения, все больше заставляет их признавать невозможность выхода за пределы «вторичных» «субъективных» свойств, все больше ведет к субъективно-идеалистическому взгляду на познание. Сведение всякой определенности к количеству приводит в конце концов к пифагорейской числовой мистике и выступает как другая сторона того же пути от механицизма к идеализму. В самом деле, что можно сказать о частицах «механизированной» материи? Лишь «сколько их», «как они расположены» и «как велики и как направлены действующие *между* ними силы». Таким образом вся материя сводится к геометрическим и арифметическим определениям. «Сущность мира есть число».

Пытаясь «подстричь» Маркса под механиста и доказывая, что Маркс стремился в «Капитале» сводить все и вся к количественным различиям, хотя и не мог этого сделать до конца, механист Цейтлин писал: «Утверждая, что труд Маркса математичен *по внутреннему содержанию*, мы хотели этим сказать только то, что качественный анализ Маркса является строго материалистическим».[1] Итак, по Цейтлину, материализм тождественен математизму: чем больше сведения к математике, тем больше материализма. «Как уже доказал Гегель, это воззрение, эта «односторонняя математическая точка зрения», согласно которой материя определима только количественным образом, а качественно искони одинакова, является ... возвратом к Пифагору, который уже рассматривал число, количественную определенность как сущность вещей».[2]

Наиболее последовательные из механистов и не скрывают этого. Один из вождей механистов, И. И. Степанов, писал: «Не приходится ли действительно сказать, что электронная теория строения материи возвращает нас к Пифагору, для которого сущность вещей — в числе, в количественной определенности? Если и возвращает, то «на основе всех научных приобретений» громадного последующего за Пифагором периода».[3]

«На основе всех научных приобретений» возвращаются к Пи-

---

[1] Цейтлин. О математическом методе в естествознании и политической экономии. ВКА № 23.

[2] Энгельс. 2-е примечание к «Анти-Дюрингу».

[3] Степанов. Диалектический материализм и деборинская школа, стр. 141.

фагору современные физики-идеалисты, на этот же путь неизбежно должен стать всякий, кто отрицает объективное существование качеств. Итак, как видим, различные стороны механистического мировоззрения, которых мы касались в различных разрезах, в теории сведения обнаруживают свое единство как стороны одной и той же метафизической философии, одного и того же пути к идеализму.

Давно прошло то время, когда механистический материализм своей борьбой со средневековой метафизикой свойств, своими исследованиями простейших механических движений, своим разоблачением самых грубых форм поповщины играл исторически прогрессивную роль. Буржуазный по своему существу, механицизм в наши дни является оружием буржуазной реакции как в науке, так и в непосредственной политической практике. Механистической теорией сведения обосновываются реакционные фразы о мирном постепенном прогрессе путем частичных изменений целого и всякие прочие буржуазные идеи, служащие прикрытием контрреволюционной деятельности современных «лекарей капиталистической системы» — социал-фашистов.

В наших условиях эта форма метафизики со своим абстрактным математизмом, со своим «глубоко философским» обоснованием эволюционизма и самотека стала методологической основой кулацкой идеологии и кулацкого рупора — правого оппортунизма. Оппортунистическое делячество, забывающее о целостной связи всех задач социалистического строительства, за деревьями не видящее леса, в своей основе содержит то же механистическое сведение целого к частям.

Печально знаменитая теория т. Бухарина о мирном врастании всех хозяйственных укладов нашей экономики в социализм подменяет противоречивый процесс классовой борьбы, проходящий ряд качественных своеобразных этапов, равномерным и сплошным количественным ростом. Лозунг «обогащайтесь», установка на развитие производительных сил в нашей стране независимо от классового качества этого развития объективно сомкнула позицию т. Бухарина с наиболее яркими идеолотами буржуазной контрреволюции и вредительства. На основе чисто количественного подхода т. Бухарин поставил на одну доску накопление социалистического сектора и кулацкого хозяйства.

Выступление т. Фрумкина с утверждением, что нам нужно количество хлеба независимо от того, в каком секторе он произведен, во всех этих правооппортунистических теориях мы встречаем все то же сведение качественных различий к абстрактному чистому количеству.

Тов. Бухарин недаром в своей «Теории исторического материализма» призывал перелагать «язык гегелевской диалектики на язык современной механики»[1] — своей правооппортунистической практикой он достаточно последовательно осуществлял на деле свои механистические философские взгляды.

Итак, механицизм, сводя целое к частям, упрощенчески извращает задачи познания и практики, приходит к абсолютному однообразию природы и ведет к субъективному идеализму.

Однако в буржуазной идеологии существует еще одно решение проблемы целого и частей, решение, которое на первый взгляд кажется абсолютной противоположностью механицизма. Это — точка зрения объективного идеализма, который упирает в целостность явлений и превращает ее в некий абсолют. Сторонники этого взгляда подмечают слабые места механистической теории сведения. В значительной мере на этой критике они строят свое собственное понимание задач науки. Они указывают на то, что действительно связное целое всегда больше простой суммы своих частей. Живой организм есть нечто большее, чем совокупность физико-химических процессов; развитие общества совершается принципиально иначе, чем развитие в мире животных и растений; мышление человека есть нечто совсем другое, чем перемещение частиц его мозга. Задача познания заключается не в том, чтобы разлагать целое на части, а в том, чтобы подмечать характерные черты всего явления в целом. Биология, говорят они, должна изучать то, что присуще только организму, *только то, что отличает* живой организм от неорганических процессов — целесообразное для организма соотношение органов, питание, рост, размножение, приспособление к окружающим условиям, процесс восстановления разрушенных тканей и т. д. Такие теории абсолютной целостности выступают против действительного упрощенчества механицизма, однако они сами впадают в упрощенчество другого, еще худшего рода.

В абстрактном выделении целостности процессов заключается отрыв организма от неорганической природы, создание пропасти между живым и неживым, между «духом» и материей. В самом деле, если жизнь есть *только* что-то особое и целостное, то как объяснить возникновение жизни из физико-химических процессов, происходящих на земной поверхности? Теория абсолютной целостности исключает развитие природы.

Между тем переход от неживого к живому происходит в известном смысле на каждом шагу, — организм питается и

[1] Бухарин. Теория исторического материализма, стр. 78.

растет, при этом он непрерывно усваивает неживое вещество, превращает неживую материю в живую. Легко сказать, что организм обладает способностью к росту, но нужно вскрыть, *как* этот рост происходит. Легко сказать, что организм способен восстанавливать разрушенные ткани и бороться с болезнью, но необходимо исследовать, *как* в материи возникли и осуществляются эти специфические свойства живого организма. При этом в действительности они осуществляются далеко не всегда. Целостность живого организма существует в борьбе, восстановлении и разрушении и вовсе не является абсолютно гармоничной. По сути дела теория абсолютной целостности есть разновидность теории «предустановленной гармонии», и так же, как последняя, она закрывает глаза на разрыв, разрушение, борьбу, происходящую в развитии, и так же только ссылкой на бога может объяснить возникновение целого, закостеневшего в своей гармоничности.

Организм есть *целесообразно* устроенное целое. Этой целесообразности нет в отдельных физико-химических процессах, происходящих в организме, следовательно, — делает вывод сторонник абсолютной целостности, — целесообразность жизненных процессов есть проявление особого начала, особой силы, которая существует вне отдельных частей, которая подчиняет их себе и связывает в единое целое. Как целесообразно действующая и оторванная от неорганической природы, она по сути дела является духовной силой. Эта сила есть жизненная сила («вис виталис»), отсюда в биологии эта теория носит название *витализма*. Теория абсолютной целостности является глубоко идеалистическим учением.

Нетрудно узнать в этом учении старые, уже знакомые нам черты средневековой метафизики свойств. В этой последней также признавалась реальность целого, как особого свойства, существующего *наряду* со свойствами отдельных частей, объяснение жизни там также исчерпывалось ссылкой на жизненную силу. Точно так же, как в «новейшем» идеалистическом учении, отдельные качества существуют там рядом друг с другом, как абсолютно самостоятельные силы.

Критикуя метафизику механистов, механистическое сведение целого к частям, сторонники абсолютной целостности приходят к другой, еще более грубой форме метафизики, проповедуя неприкрытую, прямую поповщину. Виталисты критикуют механистов, механисты критикуют виталистов, каждое из этих учений наживает себе капитал на критике другого. И потому оба существуют в неразрывном единстве, каждое имеет в другом «свое другое». В борьбе вскрывается их внутреннее родство.

Философия абсолютной целостности существует не только в биологии. В течение последних десятилетий она получила особенно широкое развитие во всех областях буржуазной идеологии. Нация есть целое, — говорят философы фашизма, — жизнь народа определяется его «национальной идеей», «национальным духом», «духом целостности и стремления к могуществу». Эта «идея» выше интересов отдельных классов, рабочие и крестьяне должны преклоняться перед этой «идеей», во имя нее должны отказываться от своих требований и покорно подчиняться Муссолини и Гитлеру, носителям «жизненной силы» нации. Прямое насилие буржуазной диктатуры над трудящимся большинством буржуазные философы стремятся оправдать идеалистической теорией абсолютной целостности «национального духа». Буржуазное государство они изображают не как дубинку в руках господствующего класса, а как выражение «идеи целого». Воскрешая гегелевский идеализм, гегелевское учение о целостности абсолютного духа, современная буржуазная философия создает идеологическое оружие фашизма. Определенную тенденцию двигаться в том же направлении проявляют и социал-фашистские теоретики.

По сути дела на тот же путь встал меньшевиствующий идеализм деборинской школы некритическим восприятием и пропагандой целого ряда положений идеалистической диалектики Гегеля. В частности в деборинской трактовке проблемы качества мы находим отчетливое проявление идеалистического уклона. Деборинцы борются против идеализма, они отмежевываются от виталистической поповщины. Но, критикуя механистическую теорию сводимости, они исходят из абстрактных понятий, и потому приближаются к пониманию качества как абсолютно изолированной целостности. Отсюда и блок с целым рядом как «отечественных», так и зарубежных полувиталистических, а иногда и прямо виталистических течений.

Тенденция меньшевиствующего идеализма понимать скачок как моментальный акт показывает тот же отрыв ими качеств друг от друга, то же непонимание взаимного проникновения прерывности и непрерывности, внутреннего единства количественных и качественных изменений.

Итак, объективный идеализм вместо непрерывности чисто количественных изменений механистов выдвигает разрыв между качествами, превращение их в изолированные, абсолютно целостные системы, отрывает качественные изменения от количественных. Обе формы метафизики являются двумя дополняющими друг друга методами идеологической борьбы буржуазии за господство. Оба течения, идя с различных концов, отрицают действительное развитие, оба течения искажают

задачи познания, мешают раскрытию противоречий буржуазной действительности, оба течения являются путями к поповщине.

Идеалистическая философия разрыва между качествами как абсолютными целостностями используется очень часто и фашистами — для противопоставления одной нации другим, и социал-фашистскими теоретиками (напр. Кунов)—для обоснования чисто фашистского взгляда на государство, и героями «левой» фразы — для обоснования идеалистического учения о моментальном скачке «из царства необходимости в царство свободы». А в методологии троцкизма, которая отличается крайней эклектичностью и двойственностью, механистическое сведение существует наряду с идеалистическим подчеркиванием абсолютности качественных различий.

Идеалистическая философия абсолютной целостности служит троцкизму для обоснования его «левой» фразеологии о «перманентной революции», совершающейся одним ударом в планетарном масштабе. Троцкий не случайно во многом повторяет гегельянца Лассаля. Теория абсолютной изоляции пролетариата, которому все прочие классы, в том числе и крестьянство, противостоят как «единая реакционная масса», теория революции, которую нужно начинать «сейчас же с ее последнего действия»,[1] — эти теории Лассаля обосновывались идеалистическим учением об абсолютных разрывах между качествами. Нетрудно узнать в перманентной революции Троцкого те же лассальянские черты.

На первом этапе нэпа, когда социалистическая плановость еще не держала в своих руках всех рычагов народного хозяйства, Троцкий выступал с громкими фразами об абсолютно целостном плане. В его абстрактном идеалистическом подходе целое оказывалось оторванным от частей и потому совершенно нереальным. А когда пришлось столкнуться с практическими трудностями, Троцкий выступил с капитулянтской механистической программой «равнения по узким местам». В виду отставания металлургии от работы машиностроительных заводов, Троцкий в докладе на XII съезде партии предлагал закрыть ряд наших промышленных гигантов (в частности «Путиловец»).

Превращение целого в абстрактный абсолют приводит Троцкого к разрыву количественных и качественных изменений. Яркий пример этого разрыва дает его отношение к коллективизации сельского хозяйства. Иронизируя по поводу нашего колхозного строительства, он писал, что из суммы крестьянских хозяйств так же нельзя построить колхоз, как из суммы лодок

[1] Маркс и Энгельс. Письма. Письмо Энгельса к Бебелю.

нельзя сделать пароход. И сравнение и ирония Троцкого попадают мимо цели. Вопреки его социал-фашистской метафизике наше сельское хозяйство развивается диалектически, количественное изменение приводит к изменению качества, а новое качество создает новое количество, новые темпы роста. «Простое сложение крестьянских орудий в недрах колхозов дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики... Крестьяне, будучи бессильны в условиях индивидуального труда, превратились в величайшую силу, сложив свои орудия, объединившись в колхозы» (Сталин).

Представляя себе качество как нечто законченное, абсолютно целостное и оторванное от других качеств, Троцкий закрывает путь к пониманию возникновения нового. В действительности новое никогда не возникает готовым и законченным. Абсолютных разрывов в развитии не бывает. Мы вступили в период социализма, хотя развернутое социалистическое общество еще не создано, и мы еще не вышли из переходного периода. Это противоречие живого развития Троцкому недоступно, и в своих писаниях он всячески стремится дискредитировать наши достижения. Таким образом при помощи своих мнимо-левых фраз троцкизм выполняет свою действительную работу передового отряда контрреволюционной буржуазии.

Итак, и механистическая сводимость, и идеализм абсолютной целостности по своим классовым корням и по метафизичности своего метода весьма недалеки друг от друга и сплошь да рядом, идя с разных концов, приходят к одним и тем же выводам.

В начале параграфа мы привели два ответа на вопрос об изучении целого и частей. Как мы видели, оба являются неправильными, — целое и части нельзя разрывать, они взаимно проникают друг в друга. Но для того чтобы понять их единство не внешне, не метафизически, мы должны рассматривать их в живом противоречивом развитии.

Не существует независимых качеств, все вещи связаны единством развития. Сложное возникает из более простого, — но единство развития не означает механического тождества всех вещей.

Живой организм возник из неорганической материи, в нем нет никакой «жизненной силы», — подвергнув его чисто внешнему расчленению на элементы, мы ничего не найдем, кроме физико-химических процессов. Но все это совсем не означает, что жизнь сводится к простой совокупности этих физико-химических элементов. Отдельные физико-химические процессы связаны в организме *новой формой движения*, — и именно

в ней заключается качество живого. Новое в живом организме, не сводимое к физике и химии, возникает в результате нового *синтеза*, новой *связи* физических и химических движений. Этой роли синтеза старого, как возникновения нового, не поняли ни механисты, ни виталисты.

Задача каждой отдельной науки заключается в том, чтобы изучать своеобразные формы движения определенной ступени развития материи. Общественная наука изучает возникновение и развитие общественной формации, изучает развитие производительных сил и производственных отношений, классовую борьбу и смену общественных форм. Производство средств производства составляет качественное отличие общественного человека от животных и благодаря этому качественному отличию развитие общества совершается не по законам естественного отбора, а по законам, присущим только обществу.

Так же специфичен предмет биологии. Биологические науки исследуют связь различных процессов в жизнедеятельности организма, законы наследственности и изменчивости, приспособление организма к окружающей среде, их развитие на основе естественного отбора и т. д. Все эти процессы качественно своеобразны, и попытки сведения их к более простым закономерностям могут привести только к искажению действительных задач познания.

Как же так, — возразят на это механисты, — ведь сложное состоит из простого, жизнедеятельность целиком разложима на физико-химические процессы. Механисты не понимают того, что, подвергая связное целое внешнему механическому разложению, мы уничтожаем это целое. Разлагая организм, получаем вместо живого неживое, т. е. уничтожаем как раз то, что нам нужно изучить.

Конечно более сложное качество включает в себя элементы более простого. Общественный человек не может существовать без физиологического процесса обмена веществ, так же как и нет жизнедеятельности организма без определенных физико-химических процессов. Но в том-то и дело, что элементы старого, подчиняясь новой связи, включаясь в новый синтез, становятся сами чем-то новым. Происходящие в организме физико-химические процессы претерпевают коренное изменение, по сути перестают быть непосредственно «подведомственными» физике и химии.

Своеобразные условия всякого химического процесса в организме таковы, что этот процесс приводит к результатам, которых в неорганических условиях он дать не может.

«Белок — самое непостоянное из известных нам соединений углерода. Он распадается, лишь только он теряет способность

выполнять свойственные ему функции, которые мы называем жизнью».[1]

Вне организма белок распадается, в организме он обладает известной устойчивостью. Однако эта устойчивость заключается в постоянном движении, в непрерывном обмене веществ. «Жизнь — это форма существования белковых тел, существенным моментом которой является *постоянный обмен веществ с окружающей внешней природой* и которая прекращается *вместе с прекращением этого обмена веществ*, ведя за собой разложение белка».[2] Как видим, белок в условиях организма становится качественно иным.

Однако — может возразить нам на это какой-нибудь механист — обмен веществ присущ вовсе не только организму, — в химических реакциях мы также встречаемся с обменом. Бесспорно, — ответим мы ему, — но обмен веществ в организме качественно отличается от обмена веществ неорганической природы: и там и тут он ведет к прямо-противоположным результатам. «Разница заключается в том, что в случае неорганических тел обмен веществ разрушает их, в случае же органических тел он является *необходимым* условием их существования».[3]

Горение, т. е. соединение углерода с кислородом, разрушает тела вне условий организма, но химически тот же процесс в виде дыхания, происходящего в организме, является необходимым условием его сохранения и развития. Он — тот же процесс и в то же время совсем иной.

Качество, как целостная связь, как своеобразные формы движения, накладывает свою печать на те элементы, из которых возникло оно само. Источник качественной определенности, выражающийся в своеобразии всех сторон и свойств процессов, заключается во внутренне-присущих ему противоречиях, как это будет разъяснено в главе, посвященной сущности.

Как видим, в реальности целого и в его качественной специфичности нет ничего таинственного и непознаваемого, как изображают виталисты и прочие представители идеалистического лагеря. Целостность есть качественно своеобразная форма движения, которая, происходя из предшествующих ступеней развития материи, включает в себя элементы старого, переделывая их в новой связи, в новых противоречиях.

Задача познания заключается не в том, чтобы целое сводить к частям и не в том, чтобы изучать целое как таковое, а в рас-

---

[1] Энгельс. Диалектика природы. Собр. соч., т. XIV, стр. 423.
[2] Там же, стр. 424.
[3] Там же.

крытии своеобразной связи каждого качества в его возникновении и развитии.

Механисты попросту отбросили синтетическую задачу познания, свели познание к внешнему механическому анализу. Виталисты отбросили анализ, превратив синтез в заранее данную целесообразную силу, внешнюю отдельным частям. И те и другие не поняли развития как противоречивого самодвижения материи. Действительный научный анализ имеет очень мало общего с механистическим сведением. Конечно при изучении организма очень важно знать, что белок, из которого состоит живая ткань, есть определенный тип соединений углерода, что в процессе дыхания образуется углекислый газ, что рука действует по принципу рычага и т. д. и т. п. Но главная проблема для физиолога в его аналитической работе заключается вовсе не в том, *какие* физико-химические процессы происходят в организме, а в том, какие стороны, свойства, черты каждого отдельного физико-химического процесса делают возможной его специфическую роль в жизни организма. Как мы показали выше, каждый физико-химический процесс в биологических условиях приобретает особое значение, ведет к иным результатам, чем вне организма. Это специфическое в химических элементах жизнедеятельности и должен искать физиолог, подвергая анализу живое существо. Иначе он будет не физиологом, а химиком, подменит предмет своего исследования и вместо изучения элементов организма будет изучать химические процессы, как таковые. Ошибка некоторых физиологов, строивших физические модели живых клеток, заключается как раз в этом подмене. В движении амебы известную роль играют процессы поверхностного натяжения, но капелька масла со своим поверхностным натяжением будет лишь внешней, отдаленной аналогией амебы. Принимая вырванные из связи физические и химические процессы за элементы жизни, физиологи-механисты наделали не мало грубых ошибок.

Вскрывая связь отдельных наук между собой, Энгельс писал: «Называя физику механикой молекул, химию — физикой атомов и, далее, биологию — химией белков, я желаю этим выразить переход одной из этих наук в другую и значит связь, непрерывность, а также различие, разрыв между обеими областями».[1] Биология не сводится таким образом к химии и в то же время не есть что-то абсолютно оторванное от нее. Анализируя жизнь, мы находим в ней определенные химические процессы. Но эти последние уже не являются химическими в соб-

[1] Энгельс. 2-е примечание к «Анти-Дюрингу». Собр. соч., т. XIV, стр. 349.

ственном смысле слова, для их понимания необходим переход «от обыкновенного химического действия к химизму белков, называемому нами жизнью».[1]

Еще в большей мере необходимо учитывать качественное своеобразие отдельных элементов человеческого общества. Общество состоит из людей. Верно, что люди обладают известными физиологическими потребностями и свойствами, — они нуждаются в пище, стремятся укрыться от холода, размножаются и т. д. Без размножения людей не может быть общественного развития. Но только поп Мальтус и его последователи (в числе которых состоит и Карл Каутский) могут сказать, что безработица при капитализме зависит от неумеренного размножения рабочих, имеет биологическую основу. В действительности же размножение общественного человека уже не есть его биологическое свойство, — оно целиком подчинено специфической связи общественного целого. Размножение людей подчинено социальной закономерности, закон народонаселения, — как указывает Маркс, — историчен, он изменяется вместе с каждой формой общества, специфичен для каждого класса, для каждой конкретной обстановки.

Итак, анализ качественно своеобразного целого вовсе не есть его внешнее механическое расчленение, вовсе не есть сведение его к таким частям, которые имеют иную, более простую, качественную определенность. Отдельные части всегда выражают в себе природу целого, и их отрыв от целого нужен лишь Мальтусу, Каутскому и прочим попам капиталистической системы для произвольных логических построений, а не для действительного познания капитализма. Так в противоречивом единстве качества и его границ, качественных и количественных изменений, прерывности и непрерывности, нового и старого совершается вечное развитие материи.

УЗЛОВАЯ ЛИНИЯ МЕР

Чистое количество существует лишь в абстракции. В объективной действительности всякая количественная определенность есть количественная определенность некоторого качества. Нет трех, четырех, пяти и т. д. вообще, есть три-четыре дерева, камня, тонны железа, метра ткани и т. д.

С другой стороны и качество не существует независимо от количества. Всякое качество принадлежит вещи, имеющей ту или другую величину, всякая качественная определенность

[1] Энгельс. 2-е примечание к «Анти-Дюрингу». Собр. соч., т. XIV, стр. 66.

имеет в каждый данный момент определенную интенсивность, степень своей развернутости, имеет ту или иную количественную характеристику. Не существует куска железа, не имеющего никакой определенной величины, веса, температуры. Не существует дерева без определенного диаметра ствола, количества ветвей, листьев и т. д. Всякий луч света имеет ту или иную интенсивность, электрический ток имеет всегда то или иное напряжение. Определенный способ производства в каждой стране характеризуется той или другой степенью развернутости.

Установление таких количественных определений, специфических для каждой отдельной вещи в каждый данный момент ее развития, имеет большое практическое и теоретическое значение. Однако связь количества и качества в приведенных нами примерах носит более или менее внешний характер, каждая данная величина случайна для общей характеристики качества. То, что этот кусок железа весит три тонны, а тот четыре, весьма случайно для железа как определенного химического элемента. То, что в этой стране имеется три треста, а в другой их десять, само по себе весьма мало говорит о качестве капитализма как своеобразного способа производства.

Таким образом в каждом отдельном случае количественная определенность вещи выступает как ее внешняя определенность, «равнодушная» к ее качеству. Но как только мы начинаем рассматривать вещь во всем ее развитии, мы обнаруживаем глубокую внутреннюю связь ее количественных и качественных определенностей.

Качество развертывается на основе внутренних противоречий вещи. Оно идет к той степени развернутости, которая соответствует ему как определенному типу процесса, как определенной форме движения. Противоречие зародившегося капитализма толкает его неизбежно к развитию машинной техники, захвату рынков, уничтожению мелкой собственности, господству во всех областях производства. Возникший и победивший, но еще не вполне развернутый социализм неизбежно идет к полному развертыванию возможностей планового хозяйства, идет к созданию адекватного социализму, как типу общества, уровня производительных сил.

Развитие качества обнаруживает таким образом, что качественная определенность совсем не внешне связана с количеством, совсем не «равнодушна» к степени своей развернутости. Каждое качество имеет типичную для него определенность, которая выражается в переходе качества в количество, в определенном темпе количественных изменений, в определенной степени развернутости, к которой идет каждый процесс,

каждая форма движения. Процесс развития вскрывает под внешним, случайным характером отдельных величин внутреннюю связь количественных и качественных изменений. Пределы количественного изменения, к которому остается «равнодушным» качество, закон изменения количественной определенности имеют свое основание не в самом количестве, а в его связи, единстве с определенным качеством.

С другой стороны мы знаем, что всякое качество конечно, всякая качественная определенность имеет внутреннюю, ей присущую границу, и что наиболее полное развертывание качества есть в то же время обнаружение его предела. Высшая стадия развития капитализма — империализм — является вместе с тем последней его стадией, «когда по всей линии сложились и обнаружились черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу».[1]

Концентрация могущественных производительных сил в руках немногих капиталистов является высшей ступенью развития частной собственности на средства производства. И в то же время эта концентрация обнаруживает границу частной собственности, делает возможным и необходимым переход к социализму.

Для сколько-нибудь полного познания качества вещи необходимо определить его границу, ту высшую ступень его развития, на которой оно переходит в другое качество, в свою противоположность. Для того чтобы знать качество металла, надо определить ту температуру, при которой он плавится. Для того чтобы знать качество строительного материала, надо исследовать пределы его сопротивления разрыву, давлению, его теплопроводность. Таким образом для познания качества необходимо вскрыть высшую ступень его развития, предельную точку его изменений, количественную границу его существования как данного качества.

Как видим, и количество и качество раскрываются более полно в их единстве. Это единство есть *мера*.

Переход количества в качество и обратно является не чем иным, как обнаружением внутренних противоречий меры. И та узловая точка изменений, в которой противоречия вещи достигают своего наибольшего обострения, в которой происходит переход количества в качество, выражает наиболее полно меру данной вещи.

Количественные и качественные изменения, взятые сами по себе, кажутся чем-то неопределенным, случайным и внешним. В мере мы раскрываем их необходимую связь, обнаруживаем

---

[1] Ленин. Империализм... гл. VII.

их значение в единстве процесса. Мера таким образом является не чем иным, как *законом связи количественных и качественных изменений,* присущим каждой вещи.

«Велика заслуга познать эмпирические числа природы, например взаимные расстояния планет, но еще неизмеримо большая заслуга — заставить исчезнуть эмпирические определенные количества, возвысив их до *общей формы* количественных определений так, чтобы они стали моментами закона или меры».[1] Так определял Гегель значение перехода от внешней количественной определенности к мере, как к закономерному единству вещи в ее развитии, в котором сама ее количественная определенность находит свое необходимое основание.

Познание меры играет огромную роль в науке и практике. Каждый род физической энергии, всякий химический элемент имеют свою меру, которая выражается в целом ряде постоянных величин, так называемых констант. Удельный вес, точка плавления, точка кипения, атомный вес, валентность и т. д. — являются такими специфическими величинами, которые выражают меру химического элемента. Постоянная мирового тяготения, величина кванта энергии, механический эквивалент различных видов энергии, число Авогадро — вот примеры величин, отражающих меру физических процессов. Качество моста мы измеряем той нагрузкой, которую мост может вынести. Каждая машина имеет в данных условиях специфическую для нее производительность. Изучая то или другое животное, зоолог стремится установить его предельный рост, возраст, температуру и кровь и т. д. Различие в квалификации рабочих одной и той же специальности находит свое выражение при прочих равных условиях в различной производительности их труда.

Во многих случаях борьба с уклонами от ленинской линии заключается в борьбе за правильное понимание меры отступления и наступления, за правильное определение узловой точки решающего поворота. Как пример, рассмотрим переход от политики ограничения и вытеснения кулака к ликвидации кулачества как класса. Тов. Сталин в речи на конференции аграрников-марксистов дал весьма глубокое обоснование своевременности этого поворота. Он сопоставил количество хлеба, произведенного в кулацких хозяйствах и в социалистическом секторе в 1927 г. и в 1929 г., рассматривая эти количественные соотношения как показатель качественного различия в соотношении классов на названных этапах нашего развития. В 1927 г. соотношение сил было таково, что решительное наступление на

[1] Ленинский сборник IX, стр. 93.

кулачество было невозможно. Зиновьевско-троцкистская позиция, занимающаяся декламацией против кулака, не поняла неподготовленности наступления. По существу те мероприятия, которые предлагала оппозиция, привели бы «к политике царапания» с кулачеством, а не к его решительной ликвидации. «Наступать на кулачество это значит подготовиться к делу и ударить по кулачеству, да ударить по нем так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги».[1] Эта подготовка выразилась в курсе нашей партии на колхозное и совхозное строительство. И наконец тот момент, когда количество социалистического хлеба превысило количество кулацкого хлеба, был узловой точкой завязывания новой меры, был моментом, когда можно было произвести качественное изменение тактики. Для того чтобы во-время произвести этот поворот, нужно было правильно определить меру соотношения классовых сил. ЦК нашей партии во главе с т. Сталиным правильно вскрыл эту меру и с успехом произвел в 1929 г. поворот к ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Во всех приведенных примерах, говоря о мере, мы говорили в то же время о переходе от одного качества к другому. И это совсем не случайно. Мера, выражая противоречия количества и качества, является законом перехода количественных изменений в изменения качественные и обратно и тем самым законом перехода от одного процесса к качественно иному.

Мера есть количественная граница данного качества, ее можно обнаружить лишь следя за изменением вещи, лишь участвуя в этом изменении практически. Определить меру политики ограничения кулака это значит указать тот момент, в котором она переходит в политику ликвидации кулачества как класса. Мера может быть познана только в процессе изменения, в процессе превращения ее в другую меру.

Каждая мера «существует лишь в той связи, которая ведет к общему» и выражает эту связь, будучи законом перехода от одного процесса к другому. Каждая мера с внутренней необходимостью связана с рядом других. В этой внутренней связи они образуют единую линию развития, ряд узловых точек качественных изменений, образуют *узловую линию мер.*

Ряд определенных и последовательных изменений длины струны дает единый ряд музыкальных тонов. Твердое, жидкое и газообразное состояния вещества представляют собою единую цепь количественных и качественных изменений, единую узловую линию мер агрегатных состояний вещества.

Познание находит в природе множество различных и по ви-

[1] Сталин. Вопросы ленинизма.

димости не связанных друг с другом вещей и явлений. Раскрытие узловой линии мер ведет к обнаружению их внутренней связи, к обнаружению единства многообразия, к конкретному целостному отображению единства той или другой области природы. Касаясь значения закона превращения энергии, Энгельс писал: «В науке удалось избавиться от случайности наличия такого-то и такого-то количества физических сил, ибо была доказана их взаимная связь и переходы друг в друга».[1]

Мера есть закон связи количества и качества. Узловая линия мер является еще более широким и общим законом целого ряда количественных и качественных изменений. Там, где по видимости имеет место простое совместное существование отдельных вещей, более глубокое познание открывает их закономерную связь, как звеньев единой, хотя и бесконечно разветвленной, узловой линии мер природы.

Узловая линия мер выражает внутреннюю связь развития материальных форм. Однако сплошь да рядом обнаружение узловой линии меры предшествует открытию действительного хода развития. Еще до того, как было доказано на опыте превращение химических элементов друг в друга, химики занялись вопросом об их классификации. Гениальный ученый Менделеев открыл так называемую периодическую систему элементов. Он положил в основу классификации известных тогда элементов специфическое количество каждого элемента — его атомный вес. и, расположив элементы в порядке возрастающих атомных весов, обнаружил, что качества элементов образуют целостную закономерную систему, — говоря языком диалектики, образуют узловую линию меры.

Мендеелев шел к своему открытию от связи отдельных элементов со специфическим для них количеством. Мало того, Менделеев сам считал невозможным превращение элементов друг в друга и их родство по происхождению. Но когда общий закон был найден, он оказал огромное влияние на изучение свойств отдельных элементов. Больше того, на основе периодической системы Менделеев предсказал свойства еще неизвестных элементов, места которых пустовали тогда в таблице периодической системы. Последующие исследования блестяще оправдали предсказания Менделеева. «Менделеев, применяя бессознательно гегелевский закон о переходе количества в качество, совершил научный подвиг, который можно смело поставить рядом с открытием Леверье, вычислившего орбиту еще неизвестной планеты — Нептуна».[2] После Менделеева перио-

[1] Энгельс. Диалектика природы, Собр. соч., т. XIV, стр. 530.
[2] Там же, стр. 482.

дическая система претерпела ряд существенных изменений и дополнений, но ее основная мысль получает все большее подтверждение. Периодическая система играет огромную роль в изучении той внутренней формы движения, которая лежит в основе качественно различных элементов.

Одной из величайших заслуг Маркса в создании теории исторического материализма было открытие последовательной связи ряда общественных формаций. «В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства могут быть установлены как прогрессивные эпохи экономической истории общества».[1] Единая история общества в последовательной смене различных общественных формаций, из которых каждая характеризуется определенным уровнем производительных сил и производительности общественного труда, образует единую узловую линию мер.

В политике узловая линия мер играет также огромную роль. Как отмечал Ленин, основная черта оппортунизма — «смена принципов, беспринципность... метание, скачки...» В противоположность оппортунистической беспринципности ленинская политика есть проведение единой линии через все этапы революционной борьбы. Учитывая качественные различия между этапами, Ленин всегда указывал на внутреннюю связь отдельных этапов между собой. Тов. Сталин на основе ленинских указаний блестяще разработал учение о стратегии и тактике большевизма. Большевистская стратегия строится на учете особенностей каждого этапа, определяет меру решающего поворота от этапа к этапу и осуществляет через ряд этапов единую конечную цель пролетариата. Троцкий противопоставляет ленинскому учению об этапах революции свое понимание стратегии классовой борьбы. В «Уроках Октября» он определял стратегию очень обще и абстрактно, как «искусство побеждать, т. е. овладеть властью». Для Троцкого стратегия есть план «вообще», не дифференцированный, не учитывающий своеобразия этапов для всех соотношений классовых сил и при всяких условиях. Диалектическое единство узловой линии мер в ленинском учении о стратегии Троцкий подменяет абстрактной метафизикой одного удара. Совершенно ясно, что это понимание стратегии является для Троцкого одной из основ для «доказательства» «перевооружения большевиков» в 1917 г. Изменение стратегии при переходе от буржуазно-демократической революции к социалистической для Ленина было осуществлением единой, давно им продуманной и изложенной линии последовательного перерастания одного этапа революции в дру-

[1] Маркс. Предисловие к критике политической экономии.

rott. А Троцкий, в целях дискредитации большевизма, объявляет это изменение стратегии сменой принципов, «перевооружением» и противопоставляет большевистской диалектике метафизику своей «перманентной революции».

Глубоко диалектичен и ленинский план новой экономической политики. В докладе на XI съезде партии Ленин показал на пройденных и еще предстоявших тогда этапах единую линию развития нэпа. Переход к развернутому социалистическому наступлению, который партия произвела под руководством т. Сталина, явился не чем иным, как осуществлением одного из узлов ленинской линии.

Итак, узловая линия мер открывает путь к познанию целостной связи развития во всех областях природы и общества. Но каждая узловая линия не существует независимо от других. По существу все на свете есть узловая линия своих собственных внутренних различий и в то же время одна из мер в некоторой более широкой узловой линии. Этапы капитализма образуют узловую линию капиталистического развития, но в свою очередь капитализм является одной из мер в общей цепи истории общества, как и общество является лишь одним звеном в вечном развитии единой материи.

«Вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы понимаем здесь под словом тело все материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом и даже частицей эфира, поскольку признаем реальность последнего». [1]

Всякая частная мера может быть понята только как выражение общей линии развития. Если метафизика изучала отдельные вещи, то диалектическое понимание природы требует нахождения места данного процесса в общей связи развития. Через эту связь возникновения и уничтожения мы лучше и глубже всего можем вскрыть все своеобразие данной вещи.

---

[1] Энгельс. Диалектика природы, Собр. соч., т. XIV, стр. 532.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЗАКОН ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ

Диалектический процесс развития действительности и нашего познания не исчерпывается законом перехода количества в качество и обратно и законом единства противоположностей. Мы имеем у Маркса и у Энгельса обоснование третьего основного закона диалектики — отрицания отрицания.

В чем суть этого закона? Какова связь его с ядром диалектики — законом единства противоположностей? В дальнейшем изложении мы покажем, что закон отрицания отрицания выступает в качестве одной из конкретных форм проявления закона единства противоположностей, вскрывая связь качественно различных стадий в диалектическом развитии процессов, их соотношение, форму смены этих стадий.

В качестве исходного пункта нашего изложения возьмем классический пример закона отрицания отрицания, данный Марксом, и установим в общих чертах те основные проблемы, которые составляют суть этого закона.

В первом томе «Капитала», в разделе «Историческая тенденция капиталистического накопления», Маркс показывает путь развития частной собственности на средства труда от начальных ее моментов вплоть до исторически неизбежного ее уничтожения, до перехода ее в свою противоположность — в общественную собственность.

«Частная собственность, в противоположность общественной, коллективной собственности, существует лишь там, где средства труда и внешние условия труда принадлежат частным лицам. Частная собственность рабочего [1] на средства производства есть основа мелкого производства, а мелкое производ-

[1] Маркс под «рабочим» разумеет здесь не современного «пролетария», а непосредственного производителя вообще.

ство составляет необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности рабочего... Этот способ производства предполагает раздробление земли и остальных средств производства. Он исключает как концентрацию этих последних, так и кооперацию, разделение труда внутри одного и того же производственного процесса... общественное регулирование... свободное развитие общественных производительных сил. Он совместим лишь с узкими традиционными границами производства и общества...

...На известном уровне своего развития он сам создает материальные средства для своего уничтожения... Уничтожение его, превращение индивидуальных и раздробленных средств производства в общественно-концентрированные, следовательно превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, средств существования, орудий труда, эта ужасная и трудная экспроприация народной массы образует пролог истории капитала...

...Частная собственность, добываемая личным трудом, покоящаяся, так сказать, на естественном сращении отдельного независимого рабочего с условиями его труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплоатации чужого, хотя и формально свободного труда». [1]

Показав путь возникновения капиталистической частной собственности, *отрицающей* мелкую частную собственность, Маркс вскрывает тенденции ее собственного развития.

«Когда капиталистический способ производства становится на свои собственные ноги, тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно-эксплоатируемые и следовательно общие средства производства и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретают новую форму. Экспроприации подлежит теперь не самостоятельно хозяйствующий рабочий, а экспроприирующий многих рабочих капиталист.

Эта экспроприация осуществляется действием имманентных законов самого капиталистического производства, централизацией капиталов... Наряду с постоянным уменьшением числа магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса переворота, растет масса нищеты, гнета, порабощения, вырождения и эксплоатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, непрерывно увели-

[1] Маркс. Капитал, т. I, стр. 611—612, изд. 1930 г.

чивающегося, вышколенного, объединенного и организованного самим механизмом капиталистического способа производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вместе с ней и благодаря ей достиг расцвета. Централизация средств производства и обобществления труда достигает уровня, при котором они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Последняя разрывается, Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».[1]

Показав весь исторический путь частной собственности, Маркс подводит следующие итоги, в которых и сформулирован закон отрицания отрицания:

«...Капиталистическая частная собственность, — пишет он, — есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство с неизбежностью процесса природы порождает отрицание самого себя. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность рабочего, но индивидуальную собственность на основе завоеваний капиталистической эры, т. е. на основе кооперации и общего владения землей и другими средствами производства, которые произведены самим же трудом».

Итак, к чему сводятся в основном положения Маркса? Маркс развертывает диалектику противоречивого развития форм частной собственности, в котором каждая последующая стадия, вырастая из предыдущей и являясь ее отрицанием, в свою очередь сама отрицается силой развития своих противоречий. Как превращение мелкой частной собственности в крупную капиталистическую, так и превращение последней в общественную происходит на основе развития существенного противоречия в самом способе производства. Каждая стадия в развитии форм частной собственности в известной степени разрешает определенную форму противоречия, присущую предыдущей ступени развития способа производства, взятого в целом. Так индивидуальная форма частной собственности, предшествовавшая капиталистической, выросла из разложения феодальной собственности. В ней было дано разрешение противоречия между развитием производительных сил и формами феодальной собственности, задерживавшими развитие ремесла и торговли. «Частная собственность рабочего на средства производства» (Маркс) явилась основой мелкого производства, которое в тот период было необходимой ступенью развития общественных производительных сил на новую ступень. Но

[1] Маркс. Капитал, т. I, стр. 613.

в ходе развития этой формы мелкой частной собственности «многих» стихийно возникло и все более развивалось противоречие между владением средствами производства мелкого производителя и дальнейшим развитием производительных сил. Капитализм разрешил эту форму противоречий отчуждением средств производства от мелкого производителя и концентрацией их в руках немногих магнатов капитала. Но капитализм вызвал к жизни другую форму того же противоречия между производительными силами и частной собственностью — антагонистическое противоречие между общественной организацией труда и частными формами присвоения.

Вместе с тем он создает высоким развитием производительных сил материальные предпосылки для разрешения этого противоречия. Социализм, развивая до небывало высокой ступени производительные силы и окончательно уничтожая частную собственность на средства производства, полностью устраняет разрыв между трудом и собственностью на средства производства. Новая «индивидуальная собственность» членов социалистического общества — собственность на средства потребления — только внешними своими чертами походит на индивидуальную собственность, из которой вырос капитализм, и является целиком подчиненным моментом новой социалистической собственности на средства производства.

«...Общественная собственность распространяется на землю и на другие средства производства, а индивидуальная собственность — на продукты, следовательно на предметы потребления».[1]

Итак суть закона отрицания отрицания, подчеркнутая Марксом в данном отрывке, сводится к следующим основным положениям:

1. Между различными стадиями противоречивого развития частной собственности, в которых произошло возникновение и развитие капитализма, существует глубокая внутренняя связь.

2. Каждая стадия, преодолевая специфическую форму противоречия предыдущей, отрицая ее, порождает присущую ей форму противоречия и тем самым подготовляет свое собственное отрицание.

3. Эти стадии, отрицающие друг друга, в конечном счете разрешают общее, присущее им противоречие и следовательно последнее «отрицание отрицания» означает переход к новой закономерности, к новому существенному противоречию.

---

[1] Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 119, изд. 1930 г.

4. Двойное отрицание воссоединяет в себе в известных чертах предыдущие стадии и с внешней стороны представляет возврат к некоторым чертам исходной формы основного противоречия. «Синтез» отрицает и преодолевает как «тезис», так и «антитезис», но внешняя форма «синтеза» воспроизводит некоторые черты внешней формы тезиса.

Исходя из этих основных положений, постараемся разобраться в конкретном содержании закона отрицания отрицания. Центральным моментом во всех указанных положениях является развитие через противоречие, через порождаемое последним отрицание и отрицание отрицания. Разберемся сначала в сути диалектического отрицания. Мы уже знаем из предыдущего изложения, что развитие любого процесса происходит на основе развития его внутренних противоречий. Выступая сторонами противоречия, противоположности взаимно обусловливают и взаимно дополняют друг друга. Но взаимная обусловленность противоположностей покоится в своей основе на том, что каждая из них является отрицанием другой и утверждением себя самой.

Каждая страна выступает следовательно и как полагающая и как отрицающая другую. Вместе с тем они образуют единство противоположностей, в котором их взаимная борьба ведет к отрицанию данного единства. Следовательно движущее противоречие процесса содержит в себе самом отрицание, как свой момент.

«Диалектический материализм, — писал Ленин, — требует указания различия, связи, перехода. Без этого простое положительное утверждение не полно, безжизненно, мертво».[1] Эта связь, различие и дается развитием противоречия, в котором движущим началом и выступает отрицание. Анализ развития любого процесса требует прежде всего вскрытия его существенного противоречия, отыскания его «отрицательности», которая и выступает источником его самодвижения.

Капиталистический способ производства вырос на разорении многомиллионной массы мелких собственников, крестьянства и ремесленников. Этот исторический процесс раздвоения мелкого производителя, который одновременно являлся собственником средств производства, привел к образованию небольшой кучки крупных собственников с одной стороны и лишенных всякой собственности миллионов пролетариев — с другой. Обе противоположности — капитал и наемный труд — взаимно обусловливают друг друга, и уничтожение одной из них есть в то же время уничтожение другой. Капитал есть пре-

[1] Ленинский сборник IX, стр. 287.

же всего общественное отношение, существенным моментом в котором выступает *отношение капитала к наемному труду.* Наемный труд есть общественное отношение и как таковое он невозможен без капитала, являющегося его существенным моментом. Вместе с тем обе стороны составляют единство — капиталистический способ производства, — единство, в котором развертывается классовая борьба пролетариата и буржуазии.

Материалистическая диалектика объясняет возникновение отрицания в силу развития внутренних противоречий процесса. Поэтому отрицание выступает моментом в борьбе противоположностей и вместе с тем служит истинной связью между переходами от одних стадий к другим. Для формальной логики характерно иное понимание отрицания. Отрицание с точки зрения формальной логики приходит извне. Оно является внешней антагонистической силой по отношению к данному процессу. Метафизическая логика не видит развития противоречий внутри процесса, самоотрицания процесса. Отрицательность не выступает движущим моментом внутри развивающегося противоречия, а только внешней силой. Такое внешнее понимание отрицания обосновывают и механисты. Так Каутский в «Материалистическом понимании истории» обрушивается на диалектическое отрицание, опирающееся на самодвижение материи. Никакого, мол, самодвижения материи нет. Самодвижение есть мистика, заимствованная у Гегеля, который говорил о самодвижении духа. Самодвижение ничего не объясняет. Действительным источником движения, по Каутскому, является взаимодействие двух внешних сил. При таком взаимодействии одна из этих сил отрицает другую. Среда отрицает организм — это антитезис (первое отрицание). Организм преодолевает отрицание среды — это синтезис (отрицание отрицания). Здесь и отрицание и отрицание отрицания чисто внешни друг к другу. Каутский обрушивается на диалектическое понимание отрицания, согласно которому в каждом единстве содержится противоречие, согласно которому каждая ступень в развитии процесса — и отрицание и отрицание отрицания — выступают как определенные фазы в развитии единства противоположностей. Каутский не понимает, что именно это единство противоположностей и есть движущий источник развития процесса.

«Движение, — пишет он, — проистекает из противоположности или столкновения противоположных элементов».

Итак для Каутского, как и для всякого механиста, характерны следующие моменты в понимании отрицания:

1. Отрицание как внешний момент по отношению к разви-

тию процесса, который понимается как непрерывно развивающийся процесс, не имеющий внутри себя качественных переходов и стадий, отрицающих друг друга.

2. Отрицание как абсолютное отрицание, как уничтожение. Понимание отрицания как абсолютного отрицания ведет к непониманию того, что отрицание выступает моментом связи в противоречивом развитии процесса, что отрицание выступает одновременно и положительным моментом в развитии процесса, является утверждением новых тенденций в противоречивом единстве.

«Диалектический «момент», — писал Ленин, — требует указания «единства», т. е. связи отрицательного с положительным, нахождения этого положительного в отрицательном. От утверждения к отрицанию — от отрицания к «единству» с утверждением — без этого диалектика станет голым отрицанием, игрой или скепсисом». [1]

Механистическая методология, отрицающая внутреннее самодвижение процесса, не видит этого «единства» отрицания с утверждением, а напротив разрывает их, противопоставляет их друг другу. Глубокое принципиальное отличие диалектического понимания отрицания от механистического Ленин выразил в следующих словах: «Не голое отрицание, не зряшное отрицание, не скептическое отрицание, колебание и сомнение характерно и существенно в диалектике, которая несомненно содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент, — писал Ленин, — нет, а отрицание как момент связи, как момент развития с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики». [2]

Уже из этого следует, что диалектическое отрицание должно быть определенным отрицанием, чтобы выражать связь явлений в развитии процесса. «В диалектике отрицать не значит просто сказать «нет», или объявить вещь несуществующей, или уничтожить ее по произволу... Способ отрицания определяется здесь во-первых общей, а во-вторых особенной природой данного процесса. Следовательно первое отрицание я должен произвести таким образом, чтобы было или стало возможным второе отрицание. Но как этого достигнуть? Это — смотря по особой природе каждого отдельного случая. Если я размолол ячменное зерно или раздавил насекомое, то я хотя и совершил первый акт отрицания, но сделал невозможным второй. Для каждой категории предметов имеется таким образом особый,

---

[1] Ленинский сборник IX, стр. 287.

[2] Там же, стр. 285.

ему свойственный способ такого отрицания, чтобы из него получилось развитие».[1]

Появление растения из зерна, брошенного в землю, не есть голое отрицание зерна, а его дальнейшее развитие. Возникновение капиталистического хозяйства из мелкотоварного есть дальнейшее развитие последнего. Простая гибель зерна, уничтожение насекомого птицей само по себе не выражает внутренней закономерной связи стадий процесса. Напротив, гибель зерна, как такового, при появлении растения есть в то же время и его сохранение в растении, которое на определенной ступени развития воспроизводит другие зерна. Отрицание есть в то же время и утверждение, «гибель» в то же время и сохранение. Диалектическое отрицание, являясь ступенью в развитии процесса, выступает как преодоление старого, с одной стороны, и как сохранение отдельных сторон его в качестве подчиненного момента — с другой. Такое диалектическое отрицание Гегель назвал «снятием». Но у идеалиста Гегеля «снимали» друг друга не реальные вещи, а понятия. Маркс, критикуя идеалистический характер гегелевского «снятия», при котором вся действительность оказывалась «снятой» в абсолютном знании, указывал на его недействительный, мнимый характер. «Это мыслящее снимание, оставляющее в действительности нетронутым свой предмет, полагает, что оно его действительно преодолело»[2] — писал Маркс, подчеркивая необходимость изучения действительного развития. Вместе с тем Маркс указывал на положительные моменты в постановке Гегелем самой проблемы «снятия». Маркс указывал, что снятие есть «предметное движение, вбирающее в себя обратно отрешение», что снятие выступает не только как преодоление, но и как сохранение, подчинение себе отдельных сторон предыдущих этапов в развитии процесса. В ряде своих работ Маркс показал, что в собственности капиталистического способа производства мелкая частная собственность преодолена как самостоятельная закономерность, сохранена как побочная «снятая» форма капиталистической закономерности.

Проблема «снятия» играет значительную роль при анализе тенденций общественного развития. Гениальность Ленина заключалась между прочим в том, что он со всей ясностью и резкостью подчеркнул все значение использования старого в условиях новой действительности. В противовес всяким «левацким» заскокам он подчеркивал необходимость такого воздей-

---

[1] Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 130, изд. 1928 г.

[2] Маркс. Подготовительные работы для «Святого семейства». «Архив Маркса и Энгельса», кн. 3, стр. 270.

ствия на развитие действительности, при котором не происходило бы голого отрицания старой действительности. В противовес правым оппортунистам он подчеркивал необходимость такого отрицания старого, при котором последнее не просто сохранилось бы в новом, вросло бы в новое, а уничтожилось бы как целостная система, как самостоятельная закономерность и выступило бы только как побочная форма новой закономерности, здесь проявилось диалектическое понимание отрицания в гениальной ленинской тактике нэпа. Нэп выступил формой противоречивого развития социализма, в которой происходило своеобразное отрицание капитализма при его частичном допущении, формой соревнования социализма с капитализмом в условиях, обеспечивающих победу первого. Развитие нэпа означало разрешение проблемы «кто кого», победу социализма, уничтожение капитализма в рамках нэпа. Будучи определенной формой развития социализма, в то же время уничтожающей капитализм, нэп, разрешая основное противоречие, подготовлял в дальнейшем свое собственное отрицание окончательным преодолением элементов капитализма.

Троцкисты и новая оппозиция не поняли диалектики нэпа. Самый нэп они отождествляли с капитализмом. «Нэп — это капитализм, который держит на цепи пролетарское государство»— говорила Крупская. Троцкисты объявили формы и методы нэпа капиталистическими формами и методами, не видя, что природа торговли, денег, хозрасчета в условиях социалистического строительства существенно видоизменилась, что использование старых форм и методов не означает их простого перенесения в рамки советского хозяйства, а их критическое усвоение и конечное преодоление. Троцкисты не видели, что в становлении новой закономерности старые формы и методы уже занимают подчиненное положение и не являются простым повторением капиталистических методов. Естественно, не видя путей к диалектическому отрицанию капитализма в нэпе, троцкисты предлагали партии политику, направленную на срыв нэпа, а следовательно и самого социалистического строительства.

Правые тоже не поняли диалектики отрицания в нэпе, ибо стояли за такое использование капитализма с его формами и методами за такое развертывание товарооборота, которое ни к чему иному, как к укреплению капиталистических элементов, не могло привести, т. е. опять-таки грозило срывом социалистического строительства. Если правые стояли за такое «отрицание» кулачества, которое означало врастание кулацких кооперативных гнезд в социализм, то троцкисты предлагали в 1927 г. такое отрицание кулачества, которое означало пере-

прыгивание через необходимую ступень развития, ступень индустриализации страны, строительства совхозов и колхозов, для перехода к развернутому социалистическому наступлению, к ликвидации кулачества как класса. То «отрицание», которое предлагали троцкисты в 1927 г., ни к чему иному не могло привести, как к реставрации капитализма в деревне и в городе.

Итак суть диалектического отрицания сводится к следующим положениям: 1) отрицание является результатом имманентного развития противоречий процесса, 2) выступает моментом в противоречивом единстве противоположностей, 3) является вместе с тем ступенью, отрицающей предшествовавшее развитие, 4) «снимает» в себе предыдущие стадии, 5) является связью противоречивого развития процесса в целом в его различных стадиях.

Только такое понимание отрицания дает возможность раскрыть во всей глубине диалектику отрицания отрицания и дать критику метафизического понимания этого закона. Подобно диалектическому отрицанию и в отрицании отрицания должна быть подчеркнута связь новой стадии с предыдущими, процесс развития. Энгельс дает критику того понимания закона отрицания отрицания, которое сводит его к внешней смене явлений и выражается в «детском занятии попеременно ставить *a*, затем его вычеркивать, или попеременно утверждать о розе, что она есть роза и что она не есть роза». Так писал Энгельс, указывая, «что при таком занятии не выяснится ничего, кроме глупости того, кто предпринимает подобную скучную процедуру.

А между тем метафизики хотят уверить, что раз мы желаем совершить отрицание отрицания, то его надлежит произвести именно таким образом».[1] Развитие в определенном направлении, подчеркивающем внутреннюю связь стадий, — в этом суть и отрицания отрицания.

Между тем критики марксизма сводят закон отрицания отрицания именно к внешней смене явлений, к «триаде», которая в действительности составляет «внешнюю поверхностную сторону» (Ленин) диалектического процесса. Критики, нападая на марксизм, обвиняют его в том, что марксисты изображают развитие по гегелевской триаде. Согласно последней развитие происходит следующим образом. В начале развития какого-либо процесса мы имеем некоторую вещь, которая выступает как тезис, положение. Эта вещь порождает свою собственную противоположность — антитезис. Дальнейшее

[1] Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 130.

развитие как бы объединяет тезис и антитезис, т. е. выступает как синтез, как отрицание отрицания.

Таким образом развитие любого объекта проходит три стадии, образующие триаду, — тезис, антитезис, синтезис.

Этими положениями Гегель хотел подтвердить закон развития через борьбу противоположностей, переход одного явления в другое, ему противоположное, и переход последнего в такую противоположность, в которую заключены обе предшествующих ступени развития. В положениях Гегеля заключалась глубокая мысль, которую критически восприняли и развили Маркс и Энгельс. Энгельс писал, что отрицание отрицания «в сущности очень простая, повсюду ежедневно совершающаяся процедура, которую может понять всякий ребенок, если только сорвать с нее мистическую ветошь, в которую ее закутывала старая идеалистическая философия». Но как раз метафизическая философия и не видела ничего иного в законе отрицания, как мистическую ветошь, как схему, претендующую на объяснение любых явлений. Отрицание отрицания было подменено метафизиками триадой, как схемой. Правда, необходимо сказать, что сам Гегель дал повод, особенно в его «Философии права», истолковать «триадичность» стадий развития как самый закон развития, а не как только общих сторон закона отрицания отрицания. Так он рассматривал преступление как отрицание права, а наказание как отрицание преступления. Триада здесь действительно выступала как внешняя схема, под которую подгонялись явления действительности. С таким же успехом можно было бы сказать, что и борьба за существование в органической природе происходит по триаде: птицы пожирают насекомых (тезис и антитезис), а хищники поедают птиц (синтезис). В желудке хищника происходит как бы объединение мира насекомых и мира птиц.

Конечно, такое схематическое подведение явлений под триаду не могло объяснить развития. Идеализм Гегеля, рассматривавший отрицание отрицания как процесс саморазвития и самоутверждения понятия, приводил его к неизбежной необходимости чисто логического обоснования переходов понятий друг в друга. Получалась весьма часто необоснованная игра переходами, их натянутость, искусственность, пустота, которую неоднократно подмечали Маркс и Ленин. Отрицание отрицания как чисто логическая конструкция ничего иного и не могла выразить, как только внешнюю сторону закона отрицания отрицания — его триадичность.

Маркс и Энгельс в своих изложениях закона отрицания отрицания подчеркивали не его «триадичность», а как раз имманентную связь развивающихся и сменяющих друг друга

явлений. Мы уже приводили анализ Марксом исторических тенденций развития капитализма, где как раз подчеркнута эта сторона закона отрицания отрицания.

Энгельс в «Анти-Дюринге» приводит пример с ячменным зерном. При соответственных условиях зерно, брошенное в землю, дает всходы. «Зерно, как таковое, исчезает, отрицается, на место его появляется выросшее из него растение, отрицание зерна. Но каков нормальный круговорот жизни этого растения? Оно растет, цветет, оплодотворяется и наконец производит вновь ячменные зерна, и как только последние созреют, стебель отмирает, отрицается в свою очередь. Как результат этого отрицания мы здесь имеем снова первоначальное ячменное зерно, но не одно, а сам-десять, сам-двадцать или тридцать».[1]

Народник П. Михайловский истолковывает пример Энгельса с зерном по-своему. Он говорит, что в развитии растения можно насчитать больше отрицаний, например: стебель отрицает зерно, цветок отрицает стебель, плод отрицает цветок. Где же триада? Ведь здесь три отрицания, а не два. Кроме того Михайловский толкует Энгельса так, будто последний видит все различие между зерном и плодом в количестве зерен. Михайловский произвел здесь двойную фальсификацию закона: свел любое чередование явлений к отрицанию; во-первых — подменил проблему качественного развития в смене стадий количественным, во-вторых — Михайловский прежде всего не понял, что как отрицанием, так и отрицанием отрицания выступает не всякое явление в развитии процесса, а ступень, «снимающая» в себе предшествующее развитие процесса в целом.

«Цветок есть орган растения и как таковой так же мало отрицает растение, как голова г. Михайловского отрицает г. Михайловского. Но «плод», т. е., точнее, оплодотворенное яйцо, есть действительно отрицание данного организма в качестве исходной точки развития новой жизни. Энгельс и рассматривает круговорот жизни растения от начала развития его из оплодотворенного яйца до воспроизведения им оплодотворенного яйца».[2]

Так возражает Плеханов Михайловскому по поводу его попыток опровергнуть отрицание отрицания. Михайловский, превратив отрицание отрицания в произвольное чередование явлений, рассматриваемое вне их связи с развитием целого,

---

[1] Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 124.

[2] Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю Собр. соч., т. VII, стр. 133.

сделал вместе с тем упор на количественной стороне процесса развития.

Энгельс как бы предвидел подобные «возражения». В «Анти-Дюринге» он писал: «Так же как и с ячменным зерном, процесс этот совершается у большинства насекомых, например у бабочек. Они появляются из яичка путем отрицания его, проходят через различные фазы превращения до половой зрелости, совокупляются и вновь отрицаются, т. е. умирают, как только совершился процесс продолжения рода и самки положили множество яиц... *Что у других растений и животных процесс разрешается не так просто, что они не единожды, но много раз производят семена, яйца или детенышей, прежде чем умрут, — все это нас здесь не касается, нам только нужно было показать, что отрицание отрицания действительно происходит в обоих царствах органического мира*».[1]

Итак дело не в количестве отрицаний, а в том, что весь кругооборот развития заключает в себе свое собственное отрицание и отрицание отрицания. Мало того, беря весь процесс развития в его результате, например зерно — растение — зерна, Энгельс далее указывает, что и здесь дело не сводится к количественной стороне развития.

«Хлебные злаки, — пишет он, — изменяются крайне медленно, так что современный ячмень почти совершенно подобен ячменю прошлого века. Но возьмем какое-нибудь пластическое декоративное растение, например далию или орхидею; если мы будем искусственно воздействовать на семя и развивающееся из него растение, то как результат этого отрицания отрицания мы получим не только *большее количество* семян, но и *качественно* улучшенное семя, могущее производить более красивые цветы, и каждое повторение этого процесса, каждое новое отрицание отрицания увеличивает это совершенство».[2]

Итак в законе отрицания отрицания Маркс и Энгельс в основном подчеркивают внутреннюю связь и соотношение последовательных ступеней объективного развития, от возникновения противоречия в каком-либо процессе до его относительного разрешения во внешних формах развития. И в примере с зерном Энгельсом взят кругооборот жизни растения от его зародышевого состояния зерна, являющегося результатом иного вегетативного цикла до образования новых плодов, являющихся в то же время начальной стадией нового растения. Отрицание отрицания выступает таким образом как: 1) результат раз-

---

[1] Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 134. (Курсив наш. *Авторы.*)
[2] Там же.

вития внутренних противоречий процесса, 2) как момент в противоречивом единстве противоположностей, 3) как *особая ступень* в развитии процесса, снимающая в *себе* предыдущие стадии, ступень, означающая разрешение основных противоречий, *завершение кругооборота развития и переход к новому существенному единству противоположностей.*

Тезис, антитезис и синтезис в кругообороте развития зерна: зерно — растение — зерна, выражают различные стадии развития. Вместе с тем в процессе развития антитезис дан в тезисе, ибо развитие зерна дано постольку, поскольку оно отрицается как зерно и развивается как растение. То же относится и к синтезису—он тоже включен как момент в развитие растения, поскольку последнее завершает свой цикл в плодоношении. Более того, синтезис как момент включается в новый тезис, поскольку он как завершение одного кругооборота становится исходным пунктом (тезисом) другого кругооборота, или нового процесса развития.

Материалистическая диалектика следовательно рассматривает тезис, антитезис и синтезис как формы и ступени развития и разрешения противоречий в процессах действительности: 1) как одно существенное противоречие, являющееся в то же время исходным пунктом нового противоречия, его отрицающего; 2) как развитие этого нового противоречия; 3) как снятие его и следовательно относительное разрешение как его, так и исходного противоречия в новом процессе, подготовленном всем предшествующим развитием. Материалистическая диалектика вместе с тем подчеркивает соотносительность стадий в развитии процессов: каждая стадия, будь то тезис, антитезис или синтезис, представляя собой особую форму движущего противоречия, сама распадается на тезис и антитезис и завершает свое развитие в синтезисе. *Следовательно вся суть проблемы отрицания отрицания заключается именно в проблеме возникновения новой закономерности через развитие противоречий предшествовавших процессов действительности.*

Теперь мы можем показать, что различие обоих противоположных пониманий закона отрицания отрицания — диалектического и метафизического — состоит в различной трактовке проблемы, возникновения нового.

Гегель своей постановкой вопроса о снятии тезиса и антитезиса в синтезисе вскрыл диалектический путь развития, приводящий к появлению новых закономерностей. Проблема исторического синтезиса и есть проблема возникновения нового. Мы постараемся разъяснить это показав, что в этом-то и раскрывается в наиболее глубокой степени сущность закона отрицания отрицания.

В самом деле, может ли метафизическое отрицание объяснить возникновение нового? Мы уже видели в разделах, посвященных критике механистов, в связи с их непониманием закона единства противоположностей и закона перехода количества в качество и обратно, что проблему развития механисты разрешить не могут. Сводя все качественное своеобразие к количественным отношениям, они все развитие сводят к механическому движению, т. е. перемещению. Новое рассматривается ими как новое сочетание имевшихся уже ранее элементов. Новое может быть навсегда сведено к старому путем разложения на простейшие элементы. Новое, синтез, следовательно, не отличается по своему качеству, по своей закономерности от старого. Абсолютизируя момент непрерывности, не видя скачкообразного перехода при образовании новых качеств, такая методология естественно не может объяснить возникновение нового, проблему развития.

Не умея ни поставить, ни разрешить проблему исторического синтеза, механистическая методология по сути дела не вскрывает и сути закона отрицания отрицания, сводя его к «триаде». Сведение к «триаде» отрицания отрицания характерно для всех, кто находится не в ладах с диалектикой.

Совершенно естественно, что Каутский, механистически противопоставляющий «тезис» «антитезису» и эти последние «синтезису», не может притти к правильной постановке проблемы нового. Новое Каутским сведено к неожиданному, «совершенно новому». Рассечение «тезиса» и «антитезиса» приводит к разрыву связей в развитии действительности.

В развитии растения появление его плодов, зерен выступает его отрицанием, т. е. отрицанием отрицания исходного зерна. Но зерна порождены развитием растения, они составляют момент растения, но такой, который означает конец развития растения. Растение гибнет, зерна остаются. Кругооборот развития закончен.

Каутский недоумевает: какое же это отрицание отрицания, когда одновременно есть и растение (отрицание зерна) и новые зерна (отрицание отрицания). Как механист, он хотел бы разорвать эти две стадии абсолютной гранью во времени, не понимая того, что в действительном развитии уничтожение старого и есть возникновение нового.

Бухарин, со свойственным ему схематизмом, все развитие подгоняет под схему. В «Теории исторического материализма» он пытается показать, как происходит развитие. Сведя борьбу противоположностей к борьбе противоположных сил, Бухарин вместо единства противоположностей, на основе их борьбы, развивает теорию равновесия. Мало того, он заявляет, что и Гегель

всю диалектику сводил к теории равновесия. Бухарин пишет по этому поводу: «Гегель заметил такой характер движения и выразил его в следующей форме: первоначальное состояние равновесия он назвал тезисом, нарушение равновесия — антитезисом, восстановление равновесия на новой основе — синтезом (объединяющим положением, в котором примиряются противоречия). Этот-то характер движения всего сущего, укладывающийся в трехчленную формулу («триаду»), он и назвал диалектическим».[1]

На той же механистической позиции стоит и Сарабьянов, доказывающий существование двух триад у Гегеля. Одна триада выражена следующим образом: 1) положение, 2) отрицание положения, 3) отрицание отрицания положения. С этой триадой Сарабьянов вполне солидаризируется, предварительно механически ее обкарнав. «Ведь ясно, — пишет он, — что от зерна до колоса бесчисленное количество ступеней. Взяты же три ступени (триада), как схема прошлого, сегодняшнего и будущего».[2] Но есть и вторая триада — тезис, антитезис и синтез. Первые две ступени не вызывают у Сарабьянова никаких сомнений. Зато относительно синтеза он ставит вопрос: «есть ли третья ступень «синтез», т. е. сочетание первой и второй, смычка тезы и антитезы?»[3] И далее Сарабьянов разъясняет, что «синтез образуется следовательно так: одни свойства (видоизмененные) — от тезы, другие — от антитезы».[4] Механистически истолковав синтез как сочетание старых (отчасти видоизмененных) свойств, Сарабьянов указывает, что вторая триада не всегда объясняет процессы развития, хотя большей частью и пригодна для их понимания.

Итак все развитие сведено к «триаде», триада — к равновесию, его нарушению и восстановлению, синтез—к примирению противоположностей (Бухарин), сочетанию свойств (Сарабьянов). Понятно, что проблему нового ни Бухарин, ни Сарабьянов не разрешают. Мы знаем уже, к каким политическим выводам привела его теория равновесия и примирения противоположностей. При первых успехах социалистического строительства, которые вызвали бешеное сопротивление классового врага, правые стали кричать о нарушении равновесия и о необходимости его восстановления. «Синтез» должен был произойти на «новой основе». Этой «новой» основой, по мнению правых, являлось возвращение к нэпу 1923 г. В действи-

[1] Бухарин. Теория исторического материализма, стр. 77, изд. 1923 г.
[2] Сарабьянов. Основное в едином научном мировоззрении, стр. 122, изд. 1925 г.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 123.

тельности такой «синтез» являлся реакционным обоснованием необходимости оставаться в рамках старого, подкрашиванием старого.

Как правые, так и «левые» не понимали диалектики противоречивого развития переходного периода и становления в нем социализма. В противоречии между социализмом и мелкотоварным хозяйством, рождающим капитализм, и заключается основное противоречие переходного периода, являясь специфической для него формой противоречия социализма и капитализма. Военный коммунизм, нэп, период социализма — таковы те основные стадии, которые проходит развитие социалистического строительства, разрешение противоречий переходного периода. Военный коммунизм явился той формой лобовой атаки против капитализма, которая была вызвана условиями гражданской войны и интервенцией международного капитализма против страны диктатуры пролетариата. Разрешив противоречие социализма и капитализма в его начальной форме, заложив основы фундамента социалистической экономики — экспроприацию экспроприаторов, — военный коммунизм не мог разрешить основного противоречия переходной экономики в СССР, не мог обеспечить построение фундамента социалистической экономики. Нэп, являясь отрицанием военного коммунизма, как всеобщей экономической политики переходного периода, выступил вместе с тем, опираясь на все его положительные завоевания, той формой социалистического строительства, которая обеспечивала подготовку разрешения противоречий пролетариата и крестьянства и следовательно разрешение проблемы «кто кого». В нэпе развертываются во всей своей глубине противоречия переходного периода, ибо идет ожесточенная классовая борьба за окончательный подрыв корней экономики классового врага, за упрочение и завершение фундамента социалистической экономики, за перевод бедняцко-середняцкого крестьянства на рельсы социалистической экономики. Движущей отрицательностью противоречий нэпа выступает социалистическое строительство, в своем движении отрицающее и данную форму своего развития, т. е. нэп. Вступление в период социализма является вступлением в период окончательного разрешения основных противоречий нэпа. Если «отрицание» военного коммунизма происходило на основе закономерностей нэпа, то «отрицание отрицания» означает переход к новой закономерности социализма, на основе которой происходит движение всей системы общественных отношений в СССР, на основе которой ликвидируются капиталистические классы и возводится здание социалистического общества.

Новое возникает через скачок. Отрицание и отрицание отрицания выражают собою этот перерыв непрерывности, появления новой закономерности, которая снимает старую форму противоречия, но в синтезе старое противоречие снимается вместе с тем противоречием, которое послужило ему предпосылкой и исходным пунктом. Только конкретный анализ может показать, как преодолены в синтезе и насколько «сохранены» противоположности. Конкретный анализ показывает, что разрешение проблемы «кто кого» еще не означает уничтожения нэпа в целом, что мы вступили в период социализма и вместе с тем в последний этап нэпа, что нэп окончательно будет преодолен в развернутом социалистическом обществе. Но вступление в период социализма и означает, что развитие СССР происходит не на основе закономерностей, характерных для первых этапов нэпа, а на основе закономерностей социализма, подчинивших себе закономерности нэпа.

Правые не могли понять, стоя на позициях механистической методологии, диалектики социализма, переплетающегося с последним этапом нэпа. Видя наличие нэпа, они отрицали вступление в период социализма. «Отрицания отрицания» по отношению к военному коммунизму, исторического синтеза они и не заметили. Контрреволюционный троцкизм, равно как и международный социал-фашизм, тоже отрицает вступление СССР в период социализма.

Как правые, так и «левые» не вскрывают диалектики общественного развития на основе смены стадий через ряд диалектических отрицаний. Поэтому по сути дела и те и другие не видят иной дилеммы, кроме: либо нэп, либо социализм, по-разному предлагая ее разрешение.

Вульгарная теория эволюции, основанная на механистической методологии, и такая же вульгарная теория скачков, базирующаяся на том же основании, не могут следовательно объяснить возникновение нового, вскрыть суть проблемы исторического синтезиса, т. е. суть закона отрицания отрицания.

Не только механисты, но меньшевиствующие идеалисты, не заострив проблемы синтеза, как проблему возникновения нового, неизбежно должны были скатиться к эклектическому пониманию синтезиса.

Отрицание отрицания, синтез, новое — возникает не путем простого объединения, соглашения, примирения, внешнего сочетания противоположностей. Это механистическое толкование синтеза является не чем иным, как эклектизмом. Когда Ленин описывает дискуссию о профсоюзах и приводит две основные борющиеся точки зрения, то он ясно подчеркивает эклектизм Бухарина, который выступил с предложением объ-

единить и тезисы, одобренные ЦК, и тезисы Троцкого. Ленин указал, что суть вопроса не в том, чтобы объединить две противоположных точки зрения. Всякий предмет, явление имеет много противоположных сторон и определений. Однако в конкретной обстановке важно найти то новое, что выступает ведущим во взаимодействии этих сторон, вскрыть новое как закон движения целого. Эклектик не умеет вскрыть это новое, ведущее начало.

Группа меньшевиствующего идеализма по вопросу о синтезе скатилась на механистические позиции. Достаточно указать на Деборина, который понимал под синтезисом слияние противоположных сторон. В «Введении в философию диалектического материализма» Деборин изображает философию Маркса как синтез эмпиризма и рационализма, французского материализма и гегелевской идеалистической диалектики. Достаточно указать на это, чтобы понять, что новое, суть в марксизме-ленинизме при такой постановке вопроса не вскрывается. Анализируя теорию познания диалектического материализма, мы убеждаемся, что она вовсе не является синтезом эмпиризма и рационализма.

Диалектический материализм преодолевает односторонность эмпиризма и рационализма, разрывавших чувственный и логический моменты единого процесса познания. Диалектический материализм не отрицает эмпирического и рационального момента в познании, но отнюдь не сохраняет эмпиризма и рационализма как направления.

В законе отрицания отрицания конкретизируется закон единства и борьбы противоположностей как закон разрешения старых и возникновения новых противоречий. В этом видит суть закона отрицания отрицания Энгельс. Он пишет: «Истинное, естественное, историческое и диалектическое отрицание есть (формально) движущее начало всякого развития — разделение на противоположности, их борьба и разрешение, причем (в истории отчасти, в мышлении вполне), на основе проделанного опыта, вновь достигается исходный пункт, но на более высокой ступени».[1]

Энгельс в приведенном отрывке указывает и еще одну сторону закона отрицания отрицания — возвращение к началу. Эта проблема тоже по-разному трактуется двумя противоположными концепциями развития.

В конспекте «Науки логики» Гегеля Ленин, перечисляя элементы диалектики и характеризуя их, пишет по поводу развития, что в высшей стадии имеется «повторение... известных

[1] Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 352.

черт, свойств ее низшей» и «возврат якобы к старому» (отрицание отрицания).[1]

Здесь подчеркнута внутренняя связь различных стадий развития, проблема «снятия» низшей стадии развития в высшей. Об этом мы говорили выше, вскрывая диалектический характер отрицания. Но одновременно Ленин ставит здесь проблему возвращения «якобы к старому», к началу процесса, проблему того, что синтезис и тезис по ряду старой своей формы сходны между собой.

В диалектике природы Энгельс набрасывает общую картину развития нашего познания, перечисляя его основные стадии. Вначале — стихийная диалектика греческих философов, затем период ее отрицания — длительное господство метафизики, и наконец отрицание отрицания — диалектический метод как преодоление метафизики, вызванное ростом ее внутренних противоречий, ее бессилием, неумением логически обработать накопившийся материал естествознания и общественных наук. Это противоречие требует «возврата в той или иной форме от метафизического мышления к диалектическому».[2]

«И вот мы снова вернулись, — пишет Энгельс, — к концепциям великих основателей греческой философии о том, что вся природа, начиная от мельчайших частиц до ее величайших тел, начиная песчинкой и кончая солнцем... находится в вечном возникновении и уничтожении, в непрерывном течении, в неустанном движении и изменении».

Но есть ли разница во взгляде на развитие у греческих диалектиков и в современной диалектике? Разница существенная. «То, что было у греков гениальной догадкой, является у нас результатом строго научного, опытного исследования и поэтому имеет гораздо более определенную и ясную форму». У греков диалектика не развита и не обоснована развитием всех наук. Возврат к диалектике происходит на новой основе, на основе богатейшего развития опытного знания, естествознания и общественных наук.

Каково же соотношение синтезиса к своим предыдущим стадиям? По поводу соотношения тезиса и антитезиса греческой философии и метафизики Энгельс пишет: «Если метафизика права по отношению к грекам в подробностях, то греки правы по отношению к метафизике в целом». Синтезис и состоит в возврате к целому, обогащенному и дифференцированному развитием всей науки.

---

[1] Ленинский сборник IX, стр. 277.

[2] Энгельс. Диалектика природы. «Архив Маркса и Энгельса», кн. 2. стр. 129.

[3] Там же.

Как же возможно возвращение к началу? Оно возможно только в силу того, что конечный пункт является завершением процессов внутри данной закономерности и становится исходным пунктом новой закономерности, либо нового кругооборота. Так происходит развитие растения (зерно, растение, зерна). Так происходит развитие форм собственности (общинная, частная, общественная). Так происходит развитие познания действительности (стихийная диалектика, метафизика, диалектический материализм). Каждая отдельная стадия в указанных процессах сама распадается, в силу развития внутренних противоречий, на более частные тезис и антитезис и находит новое завершение в синтезисе, подымающем все развитие на высшую ступень. Так противоречия частной собственности находили свое последовательное частичное разрешение в рабовладельческой, феодальной, капиталистической форме собственности. Уже в силу того, что каждое явление ходом своего развития порождает свою собственную противоположность, а последняя в свою очередь превращается в таковую же, — в силу этого и происходит возврат к ряду черт внешней формы начальной стадии, обогащенной всем последовавшим развитием.

«Процессы, — писал Энгельс в «Анти-Дюринге», — которые антагонистичны по своей природе, содержат в себе противоречие, превращение известной крайности в свою противоположность и наконец как основу всего — отрицание отрицания».[1]

Иначе говоря, в любом процессе, в силу его раздвоения на взаимоисключающие противоположности и дальнейшего разрешения этого противоречия, происходит двойное отрицание. Все противоречивые процессы в природе и в обществе, являясь выражением отрицания, отрицаются дальнейшим развитием своих противоречий. Двойное отрицание действительно является общей формой движения всей действительности. Оно означает разрешение противоречия, завершение процесса развития данного существенного единства противоположностей, возвращение по своей внешней форме к исходной точке развития. Отрицание отрицания по своей внешней форме означает снятие отрицания, а следовательно возвращение к первоначальному положению; по своему содержанию отрицание отрицания включает в себя весь положительный материал предшествующего развития.

Итак синтезис снимает в себе предыдущие стадии, возвращается как бы к тезису, но тезису, обогащенному развитием антитезиса. В таком понимании возвращения к началу и состоит различие между диалектическим учением о развитии и

[1] Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 128.

метафизической теорией кругооборотов. Механистическая теория кругооборотов в XVIII в. утверждала, что в природе и обществе постоянно происходит возврат к исходной точке, простое повторение начала. Так все общества, подымаясь от первобытной дикости к современной культуре, достигают наивысшего пункта своего развития и идут снова к упадку. Следующий кругооборот начинает опять с низшей стадии, с дикости. Так происходит якобы развитие и в животном мире. Животные виды размножаются, развиваются и погибают. Следующие поколения повторяют тот же кругооборот. Механистическая теория кругооборотов не замечает, что развитие не есть простое повторение, что кругооборот является внешней формой выражения развития. Кругообороты не исключают поднятия на высшую ступень. Кругооборот жизни живых организмов не исключал развития мира животных. На основе гибели и упадка многих древних культур общество перешло к его высшим стадиям, к более прогрессивным формам. Это конечно не исключает возможности и движения назад в отдельные исторические периоды отдельных народов или общества в целом. Механистическая теория кругооборотов как раз и не понимает того, что синтезис, как бы возвращающий нас к исходному пункту развития, выступает продуктом обогащенного развития.

Еще Гегель, говоря о синтезисе понятий, писал, что в нем «воздвигается вся масса его предшествующего содержания и через свой диалектический ход вперед не только ничего не теряет и не оставляет позади себя, но несет с собой все приобретенное и обогащает и сгущает себя в себе». [1] То, что Гегелю представлялось саморазвитием понятия, то является в действительности лишь выражением обогащения нашего познания на каждой новой ступени развития общественной политики, отражением новой стороны действительности. Диалектическая теория кругооборотов показывает, как процессы в их развитии поднимаются со ступеньки на ступеньку. Вместо механистической теории кругооборота диалектика обосновывает теорию развития «по спирали». Развитие совершается по кругам, но конечная точка круга не совпадает с началом, а стоит над исходной точкой процесса кругооборота. Синтезис выступает как исходный пункт дальнейшего развития, следовательно как тезис в новом процессе кругооборота.

Развитие идет по спирали. Возвращение к исходному пункту является возвратом по внешней форме, но различается по своему обогащенному содержанию, по своей внутренней структуре.

---

[1] Гегель. Наука логики, ч. 2, стр. 211.

Ленин в «Шаг вперед, два шага назад» ярко вскрывает диалектический характер партийной борьбы на II съезде партии между революционным и оппортунистическим крылом партии. Ленин анализирует основные группы на съезде: *искровцы большинства, искровцы меньшинства, центр и антиискровцы,* — и показывает, как по мере обострения и роста принципиальных разногласий изменялся и состав большинства и меньшинства на съезде. Первоначальное большинство на съезде объединило всех искровцев, значительную часть центра против антиискровцев при голосовании по вопросам непринципиальным. По организационным вопросам все искровцы голосовали против центра и антиискровцев. Далее, по ряду вопросов начинается переход части искровцев, и большинства и меньшинства, на сторону антиискровцев и центра (по вопросу о равноправии языков) — большинство становится меньшинством. Голосование по первому параграфу устава резче подчеркивает деление на революционное и оппортунистическое крыло. Против революционного крыла голосуют антиискровцы, значительная часть центра, почти все искровцы меньшинства и колеблющиеся искровцы большинства. *Большинство стало меньшинством, а меньшинство большинством.* Наконец с уходом антиискровцев со съезда голосование по вопросу о выборах в ЦО, ЦК и совет партии, давшее победу искровцам большинства против всех искровцев меньшинства и центра, означает окончательное деление съезда на большинство и меньшинство.

Подводя итоги съезду, Ленин пишет: «Развитие действительно идет диалектическим путем, путем противоречий, меньшинство становится большинством, большинство меньшинством; каждая сторона переходит от обороны к нападению и от нападения к обороне; исходный пункт идейной борьбы (§ 1) «отрицается», уступая место все заполняющей дрязге, но затем начинается «отрицание отрицания»... и мы возвращаемся к исходному пункту чисто идейной борьбы, но уже этот «тезис» обогащен всеми результатами «антитезиса» и превратился в высший синтезис, когда изолированная, случайная ошибка по § 1 выросла в систему оппортунистических взглядов по организационному вопросу, когда связь этого явления с основным делением нашей партии на революционное и оппортунистическое крыло выступает перед всеми все более и более наглядно. Одним словом, не только овес растет по Гегелю, но и русские социал-демократы воюют между собою тоже по Гегелю».[1]

---

[1] Ленин. Шаг вперед, два шага назад, Собр. соч., т. VI, стр. 321.

Закон отрицания выступает дальнейшей конкретизацией закона единства противоположностей. Он является всеобщим законом развития процессов в природе, обществе и в нашем мышлении. Наряду с другими основными законами диалектики он вскрывает пути и формы развития противоречивых процессов действительности и является одним из методологических орудий нашего познания, помогающим нам предвидеть перспективы развития конкретных процессов и сознательно воздействовать на переход их из одной стадии в другую, с одной ступени противоречия к его высшим формам.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ [1]

К главе I: „Материализм и идеализм“

Маркс. О французском материализме XVIII в. (Отрывок из «Святого семейства».) Собр. соч., т. III, стр. 153—163.

» Тезисы о Фейербахе. (Приложено к «Л. Фейербах» Ф. Энгельса).

» К критике гегелевской философии права. Собр. соч., т. I, стр. 399—412.

Энгельс. Л. Фейербах, гл. II и III.

» Анти-Дюринг. Введение.

» Развитие социализма от утопии к науке.

» Революция и контрреволюция в Германии, гл. I—VI.

Ленин. Три источника и три составных части марксизма. Собр. соч., т. XVI, стр. 349—354.

» Карл Маркс, разд. 1, «Философский материализм». Собр. соч., т. XVIII, стр. 8—13

» О значении воинствующего материализма.

» К двадцатилетию смерти Иосифа Дицгена. Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 104—107, изд. 1-е.

» К вопросу о диалектике. Собр. соч., т. XIII, стр. 297—307, особенно 306—307.

» Материализм и эмпириокритицизм. Вместо введения; гл. I, гл. II, § 1—4; гл. IV, § 1—5; гл. V. Собр. соч., т. XIII.

» Десять вопросов реферанту. Собр. соч., т. XIII, стр. 5—6.

» Исторические судьбы марксизма. Собр. соч., т. XVI, стр. 331—333.

» Ленинский сборник XII, стр. 337—339.

Плеханов. Основные вопросы марксизма, гл. I—V. Собр. соч., т. XVIII.

» Предисловие к книге Деборина «Введение в философию диалектического материализма». Собр. соч., т. XVIII, стр. 296—320.

» Трусливый идеализм. Собр. соч., т. XVII, стр. 100—135.

[1] Составлен редакцией совместно с П. Кучеровым.

Плеханов. Материализм или кантианизм. Собр. соч., т. XVIII, стр. 114—133.

Аксельрод. Против идеализма. Опыт критики критицизма

» Философские очерки, стр. 183—220.

Дополнительная литература

Декарт. Рассуждения о методе.

Спиноза. Этика, стр. 1—25, пер. Модестова, 1894 г.

» Переписка. Письма 2, 4, 6, 9, 21.

Трактат об очищении человеческого интеллекта, стр. 60—82, СПБ, 1905 г.

Юм. Исследование человеческого разумения, стр. 1—43, изд. 1902 г.

Гоббс. Избранные сочинения, стр. 3—12, 143—162 Гиз, 1926 г.

Толанд. Избранные сочинения, Письма к Серене.

Лейбниц. Избранные сочинения, стр. 339—364.

Гольбах. Система природы, ч. 1, гл. I—VI; часть 2 гл. I—III.

Дидро. Сон д'Аламбера.

Кант. Пролегомены 17—40, изд. 1889 г.

» Критика чистого разума, стр. 3—36, изд. 1915 г.

Гегель. Наука логики. Предисловие и введение.

» Собр. соч., т. I. «Предварительное понятие».

» Философия духа, первые 2 параграфа.

Фейербах. Собр. соч., т. I, стр. 43—76, 282—318, 1923 г.

Мах. Познание и заблуждение, стр. 114—149.

Богданов. Философия живого опыта, гл. III, IV, V, VI, § B, E.

Наторп. Кант и марбургская школа. «Новые идеи в философии», сб. № 5.

Быховский. Макс Адлер за работой. «Под знаменем марксизма», 1931 г., № 7—8.

Горнштейн. Ленин и Плеханов в борьбе с махизмом. «Проблемы марксизма» 1932 г., № 6.

Максимов. Ленин и кризис естествознания эпохи империализма. «Под знаменем марксизма», 1931 г., № 1.

К главе II: „Диалектика как теория познания"

Маркс.	К критике политической экономии. Введение.
»	Капитал. Предисловие ко 2-му изданию.
»	Подготовительные работы для «Святого семейства». Собр. соч., т. III, стр. 619—670.
»	Нищета философии. «Метод».
»	Тезисы о Фейербахе.
Маркс и Энгельс.	О Фейербахе. «Архив Маркса и Энгельса», кн. 1.
Энгельс.	Анти-Дюринг, гл. III и IX.
»	Из подготовительных работ к «Анти-Дюринг». Собр соч., т. XIV, стр. 359—387.
»	Роль труда в процессе очеловечения обезьяны. Собр. соч., т. XIV, стр. 757.
»	Рецензия на книгу Маркса «К критике политической экономии».
»	Диалектика природы. Заметки. Собр. соч., т. XIV, стр. 493—524.
Ленин.	К вопросу о диалектике.
»	Ленинский сборник IX, отд. «Идея».
»	Ленинский сборник XII, стр. 239—245.
»	Материализм и эмпириокритицизм, гл. II, § 6; гл. III; гл. IV, § 5—8.
»	Замечание на проект программы. Ленинский сборник II.
»	Экономическое содержание народничества. Собр. соч., т. I, стр. 275—276, 303—305, изд. 2-е.
»	Что делать, гл. II. Собр. соч., т. IV.
»	Крах II Интернационала.
Сталин.	Об основах ленинизма, § 1, 2, 3.
»	Речь на конференции аграрников-марксистов.
»	О некоторых вопросах истории большевизма.
Плеханов.	Основные вопросы марксизма. Собр. соч., т. XVIII, гл. I—V.
»	2-е письмо к Богданову. Собр. соч., т. XVII.
»	Примечания к «Людвиг Фейербах» Ф. Энгельса.
Деборин.	Введение в философию, гл. XII.

Дополнительная литература

Гегель.	Собр. соч., т. I, отд. «Идея».
Мах.	Познание и заблуждение, стр. 114—149.
Нельсон.	Невозможность теории познания «Новые идеи в философии», сб. № 5.

Деборин. Ленин как мыслитель, гл. I, § 1, 2, 3, 5, 7.
Плеханов. Еще раз материализм. Собр. соч., т. XI.
Сарабьянов. В защиту диалектического материализма
Аксельрод. Философские очерки, гл. «Двойственная истина в немецкой философии».
Кучеров. Практика как единство субъекта и объекта. «Под знаменем марксизма», 1929 г., № 5.
Васильева. О роли практики в теории познания. «Под знаменем марксизма», 1931 г., № 3.

К главе III: „Закон единства и борьбы противоположностей“

Маркс. Критика философии права Гегеля. «Архив Маркса и Энгельса», кн. 3, стр. 211—217.
» Нищета философии. «Метод».
» К критике политической экономии. Введение.
» Письмо к Анненкову от 28 декабря 1846 г.
Энгельс. Анти-Дюринг. Введение. Первый отдел до X главы и третий отдел, гл. II.
» Диалектика природы. «Диалектика и естествознание».
» Старое предисловие к «Анти-Дюринг». Заметки. «Общий характер диалектики как науки».
Ленин. Развитие капитализма в России. Собр. соч., т. III, гл. I и VIII.
» К вопросу о диалектике.
» Ленинский сборник IX, отд. «Сущность»; отд. «Идея», стр. 275—277.
» Ленинский сборник XI, заметки на книгу Бухарина «Экономика переходного периода».
» О брошюре Юниуса.
Сталин. Речь на конференции аграрников-марксистов.
» Заключительное слово на XVI съезде ВКП(б).
» К вопросу о рабоче-крестьянском правительстве.
Каганович. За большевистское изучение истории партии.
Плеханов. Ответ Богданову. (Письмо второе.) Собр. соч., т. XVII.
» Статьи против Струве (I и III). Собр. соч., т. XI.

Дополнительная литература

Деборин. Книга для чтения по истории философии. Гераклит.
Семковский. Марксистская хрестоматия. Отрывки из Гераклита.
Гегель. Энциклопедия, т. I, § 81, 82, 115—121.
Бухарин. Теория исторического материализма, § 44—51.
Сарабьянов. В защиту философии марксизма, стр. 102—119.
Аксельрод (Ортодокс). В защиту диалектического материализма, стр. 213—217.
Троцкий. Письмо в редакцию журнала «Под знаменем марксизма», 1922 г., № 1.
Деборин. Ленин как мыслитель, гл. II, § 2.
Луппол. Ленин и философия, гл. IV.

К главе IV: „Закон перехода количества в качество и обратно"

Маркс. Письмо Кугельману от 6/III 1868 г.
» Капитал, т. I, гл. I, § 3; гл. XIII, § 8, e; гл. XXII, § 1.
» Коммунистический манифест.
Энгельс. Анти-Дюринг, отд. 1, гл. III—VIII, XII.
» Примечания к «Анти-Дюринг».
» Диалектика природы. Собр. соч., т. XIV, стр. 391—394, 397—398, 400, 401—405, 411, 415—418, 426—428, 438—440, 448—449, 475—492, 506, 509, 512—515, 525—530, 548—561.
Ленин. Карл Маркс, разд. «Диалектика». Собр. соч., т. XVIII.
» Империализм как последний этап капитализма, гл. VII, IX, X. Собр. соч., т. XIX.
» Очередные задачи советской власти. Собр. соч., т. XII.
» Ленинский сборник IX, конспект 1-й книги «Наука логики» Гегеля.
» Развитие капитализма в России. Предисловие. Собр. соч., т. III.
Сталин. О правом уклоне.
» О задачах хозяйственников.
» К вопросам аграрной политики в СССР.
» Год великого перелома.
» Политический отчет ЦК XVI съезду ВКП(б), разд. 2.
» Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства.
Степанов. Диалектический материализм и деборинская школа, гл. II и III.
Сарабьянов. В защиту философии марксизма, гл. «Качество».
Деборин. Диалектика и естествознание, статья «Наши разногласия».

Дополнительная литература

Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, гл. «Современный материализм».
Гегель. Энциклопедия, т. I. Учение о бытии.
Столяров. Субъективизм механистов и проблема качества.
Сборник «На борьбу за материалистическую диалектику в математике».

К главе V: „Закон отрицания отрицания“

Маркс. Капитал, гл. XXIV, разд. 7.
Энгельс. Анти-Дюринг, гл. XIII, отд. 1. Собр. соч., т. XIV.
» Диалектика природы. Заметки. Собр. соч., т. XIV.
Ленин. К вопросу о диалектике. Ленинский сборник XII.
» Ленинский сборник IX, стр. 273.
» Шаг вперед, два шага назад. Собр. соч., т. VI.
Сталин. Заключительное слово по политотчету ЦК XVI съезду ВКП(б).
» Год великого перелома.
» К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса.
Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, гл. V. Собр. соч., т. VII.

Дополнительная литература

Гегель. Собр. соч., т. I, § 95 и 111.
Сарабьянов. Основное в едином научном мировоззрении. (Отрицание отрицания.)
Тальгеймер. Введение в диалектический материализм, 2-я лекция.
Варьяш. Логика и диалектика. (Отрицание отрицания.)

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции . . . . . 3—4

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Материализм и идеализм . . . . . 5—98

Сущность материализма и идеализма (5). Материализм XVII и XVIII вв. (28). Современный механистический материализм (46). Субъективный идеализм (52). Кант и неокантианская ревизия марксизма (68). Неокантианство (75). Диалектический идеализм Гегеля (82). Людвиг Фейербах и его критика Гегеля (89). Неогегельянство (92).

ГЛАВА ВТОРАЯ. Диалектика как теория познания . . . . 99—179

Практика как основа познания (98). Практика как критерий познания (109). Буржуазная практика и познание (121). Практика пролетариата как основа и критерий материалистической диалектики (134). Моменты познания действительности (146). Учение об истине (164).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Закон единства и борьбы противоположностей. 180—236

Две концепции развития (180). Раздвоение единого, вскрытие существенных противоположностей (189). Возникновение противоположностей (201). Анализ движения противоречия процесса от его начала до конца (212). Относительность единства и абсолютность борьбы противоположностей (217). Теория равновесия (226).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Закон перехода количества в качество и обратно . . . . . 237—344

От наивной диалектики к метафизике свойств (237). От метафизики свойств к метафизике отношений (245). Качество самодвижения материи (255). Соотносительность качеств и всеобщая связь вещей (264). Диалектика качества и свойства (276). Переход количества в качество (288). Противоречия эволюционного процесса как подготовка скачка (298). Диалектика скачка (311). Переход качества в количество (316). Проблема «сводимости» (324). Узловая линия мер (337).

ГЛАВА ПЯТАЯ. Закон отрицания отрицания . . . . . 345—368

Литература . . . . . 369—375

Оцифровано: КРД "Рабочий путь"
Сайт: https://work-way.com

Цена 2 р. 50 к.
Переплет 60 коп.